

І. Ф. ГЕРБАРТЪ.

# ПСИХОЛОГІЯ.

---

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ И АЛФАВИТНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ

АЛЕКСАНДРА НЕЧАЕВА.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Профессора С.-Петербургскаго Университета

*А. И. Введенскаю.*

---

---

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ“

---

---



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія желѣзнодорожныхъ изданій А. Ф. Штольценбурга, Моховая, 37.  
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Декабря 1894 г.

## ПРЕДИСЛОВІЕ

### къ русскому переводу.

---

Нѣтъ нужды много говорить о значеніи психологическихъ сочиненій Гербарта для всѣхъ, кто интересуется психологіей или педагогикой. Школа Гербарта, умершаго въ 1841 г., еще не исчезла, и, по всѣму замѣтно, не скоро исчезнетъ. Къ ней принадлежатъ многіе выдающіеся современные психологи, историки философіи и педагоги, — напри- мѣръ: Лапарусъ и Штейнталь (издатели „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft“), Фолькманъ (авторъ двухтомнаго трактата „Lehrbuch der Psychologie, IV. Aufl. 1894,“ развивающаго психологическіе принципы Гербарта), Штрюмпель (историкъ философіи и педагогъ, авторъ „Psychologische Pädagogik“, 1880 и „Pädagogische Pathologie, II. Aufl. 1892), Наловскій („Das Gefühlsleben“, II. Aufl. 1884) и друг. Поэтому сочиненія Гербарта имѣютъ не только историческое значеніе, но они важны и для пониманія настоящаго. Если справедливо, что каждый психологъ или педагогъ долженъ принимать во вниманіе тѣ психологическія и педагогическія воззрѣнія, которыя сильно распространены въ Германіи, то каждый психологъ и каждый педагогъ долженъ быть знакомъ съ психологіей Гербарта; а наилучшимъ пособіемъ для этого служатъ его собственныя сочиненія.

Гербартомъ хотя уже и занимались въ Россіи, но еще мало: его только излагали и описывали, преимущественно

какъ педагога, но еще не переводили его на русскій языкъ \*). А между тѣмъ даже для многихъ лицъ, отлично знающихъ иностранные языки, далеко не одинаково — читать ли философскія сочиненія по русски или на чужомъ языкѣ: философскія мысли могутъ быть поняты и прочно усвоены только въ томъ случаѣ, если онѣ облечены (или же самъ читатель способенъ облечь ихъ) въ удачно подобранныя выраженія родного языка; а это не для всѣхъ доступно. Поэтому г. Нечаевъ изданіемъ своего тщательно составленнаго перевода нѣкоторыхъ сочиненій Гербарта оказываетъ несомнѣнную услугу для русской философской и педагогической литературы.

Эти переводы, взятые въ ихъ цѣломъ, составляютъ полный курсъ психологіи Гербарта. Въ основу этого курса положенъ „Учебникъ психологіи“ (Lehrbuch zur Psychologie) Гербарта, второе изданіе (1834 г.) котораго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, является даже болѣе полнымъ, чѣмъ его большая „Психологія“ (1824 г.). Но „Учебникъ психологіи“ слишкомъ сжато говоритъ о психологическомъ методѣ и почти совсѣмъ не показываетъ того способа, при помощи котораго получаютъ основныя понятія гербартовской психологіи. Поэтому, въ дополненіе къ „Учебнику“, прибавлено подробное извлеченіе изъ первой части сочиненія: „Психологія, какъ наука, вновь обоснованная на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ“ 1824 г. (Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik). Переводить же все это сочиненіе нѣтъ никакой нужды, такъ какъ оно переполнено запутанными вычисленіями хода душевной жизни, уже давно утратившими свое значеніе. Кромѣ того, въ виду своего особеннаго историческаго интереса, переведена статья: „О возможности и необходимости примѣнять въ

---

\*) Вотъ все, что касается Гербарта въ русской литературѣ: Очеркъ лекцій по педагогикѣ Гербарта (въ сокращенномъ изложеніи Н. Г. Дебольскаго), „Пед. Сбор.“, 1875, №№ 1, 2, 4, 6 и 7; И. Никольскій: I. Ф. Гербартъ, какъ педагогъ, „Ж. М. Н. Пр.“, 1876 г., ч. 187; С. Гогоцкій: Философскій лексиконъ, II, стр. 270—318; С. Любомудровъ: Мысли Гербарта о значеніи и преподаваніи древнихъ языковъ, „Филолог. Обозр.“, 1891, т. I, кн. 1; Свящ. В. М. Жилинъ: Дидактическое значеніе и мѣсто Библейской исторіи по взглядамъ гербартіанцевъ, „Педагогич. Сбор.“, 1894 г., августъ—декабрь. А. Нечаевъ: Психологія Гербарта, популярный очеркъ, „Образованіе“, 1895 г., №№ 1 и слѣд.

психологіи математикѣ“ 1822 г. (Ueber Möglichkeit und Nothwendigkeit, Mathematik auf Psychologie anzuwenden), которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаясь сравнительно очень простымъ изложеніемъ и заключаая въ себѣ краткую характеристику психологіи Гербарта, какъ нельзя лучше можетъ служить общимъ введеніемъ ко всѣмъ предлагаемымъ переводамъ.—Упомянутое Гербартомъ различныхъ метафизическихъ терминовъ и ссылки его на свои другія философскія сочиненія побудили г. Нечаева составить нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній, которыя, впрочемъ, имѣютъ въ виду не критику гербартианскаго ученія, а единственно лишь установку точнаго смысла даннаго мѣста.—Къ переводамъ прилагается алфавитный указатель понятій и собственныхъ именъ, отсутствіе котораго въ нѣмецкихъ изданіяхъ сильно даетъ себя чувствовать.

Для изученія предлагаемыхъ сочиненій Гербарта, конечно, всего лучше читать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они напечатаны. Впрочемъ, для читателей, мало привыкшихъ къ чтенію философскихъ книгъ, можно порекомендовать, познакомившись сначала со статьей „О возможности и необходимости математики“ и съ введеніемъ въ „Учебникъ“ (§§ 1—9), прямо перейти ко второй его части („эмпирическая психологія“, §§ 53—141), и затѣмъ приступить къ чтенію „Психологіи, какъ науки“. Послѣ этого станутъ болѣе понятными первая и третья часть „Учебника“.

С.-Петербургъ, Январь 1895 г.

Александръ Введенскій.

# **О ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ**

**ПРИМѢНЯТЬ ВЪ ПСИХОЛОГІИ МАТЕМАТИКУ.**

**1822 г.**

## **О возможности и необходимости примѣнять въ психологіи математику.**

Читано въ Королевскомъ Нѣмецкомъ Обществѣ 18 Апрѣля 1822 года.

Милостивые Государи!

Такъ какъ Королевское Нѣмецкое Общество представляетъ удобный и приличный пунктъ объединенія для того, чтобы намъ взаимно знакомиться съ направлениемъ нашихъ научныхъ изслѣдованій, — то въ сегодняшнемъ засѣданіи, въ которомъ вы доставляете мнѣ честь своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, я хотѣлъ бы, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, осмѣлиться изложить передъ вами предметъ, который, конечно, можетъ показаться отвлеченнымъ, но тѣмъ не менѣе безспорно имѣетъ общій интересъ. Сократъ восхваляется всѣми вѣками за то, что призвалъ философію съ неба на землю и къ людямъ. Но, если бы онъ, возставъ изъ мертвыхъ и узнавъ состояніе нашихъ наукъ, опять взглянулъ на небо, чтобы взять оттуда людямъ что нибудь цѣлебное, то тамъ, вверху, онъ гораздо меньше занялся бы нынѣшней философіей, чѣмъ математикой, — и его усилія увѣнчались бы самымъ счастливымъ и блестящимъ успѣхомъ. Тогда ему могло бы придти на умъ спросить: „Скажите мнѣ, превосходные, что лучше — душа или тѣлесное? Что для васъ важнѣе — нутація земной оси или колебаніе вашихъ мнѣній и наклонностей. Что для васъ нужнѣе — устойчивость солнечной системы или укрѣпленіе вашихъ основныхъ законовъ и нравовъ? Отъ чего вы больше страдаете — отъ пертурбацій ли планетъ или отъ возмущеній въ вашихъ государствахъ? — И если математика является столь превосходнымъ орудіемъ вашихъ изслѣдованій, то почему же вы не попытаетесь примѣнить ее къ тому, что

является для васъ самымъ важнымъ и самымъ нужнымъ? Или, если математика находится у васъ въ такомъ уваженіи, что вы склонны предпочитать ее всѣмъ остальнымъ наукамъ,—то почему же вы осудили ее на обработку предметовъ, которые или такъ далеко отстоятъ отъ васъ, что едва возбуждаютъ любопытство немногихъ ученыхъ, или же настолько близко касаются вашихъ чувственныхъ потребностей и желаній, что занятіе ими чуть ли не сводится на степень ремесла?“ Если бы Сократъ задалъ такой вопросъ, то захотѣлось ли бы намъ ему отвѣтить, что вѣдь математика работаетъ даже въ нашихъ арсеналахъ и передъ насыпями осажденныхъ городовъ, что она научаетъ насъ не только оживлять промышленность, но и разрушать ее? Однако мы не могли бы рѣшиться отдать себя въ жертву насмѣшкѣ человѣка, столь извѣстнаго своею ироніей. А какою сѣтью вопросовъ запуталъ бы онъ насъ, и какъ искусно сталъ бы онъ выводить насъ изъ нашего обычнаго способа представленія,—кто, милостивые государи, могъ бы рѣшиться изобразить это? По крайней мѣрѣ, я не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что меня ближе интересуется нѣчто другое, чѣмъ то, какъ Сократъ сталъ бы удивляться нашему ограниченному примѣненію математики. Именно, мнѣ не безъизвѣстно, что моя попытка примѣнить математику въ психологіи вызвала удивленіе, и что это удивленіе недавно снова было возбуждено изданнымъ мною сочиненіемъ *De attentionis mensura causisque primariis*. Чѣмъ меньше число читателей произведенія, занимающагося запутаннымъ дифференціальнымъ уравненіемъ, тѣмъ болѣе долженъ я быть готовымъ къ тому, что при этомъ будутъ удивляться, не заботясь ближе о дѣлѣ. Поэтому я рѣшился хоть разъ представить на другомъ языкѣ, чѣмъ алгебраическіе знаки, краткій докладъ о своемъ предпріятіи, начало котораго относится еще къ послѣднимъ мѣсяцамъ восемнадцатаго столѣтія, а зародышъ котораго, я, собственно говоря, нашелъ еще раньше въ фихтевской школѣ \*). Съ тѣхъ поръ я занимался имъ, хотя съ частыми

---

\*) Эти слова не должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, будто у самого Фихте была мысль разсматривать психологію какъ часть прикладной математики. Конечно, онъ, какъ столь рѣшительный защитникъ трансцендентальной свободы,



и длинными перерывами, однако не теряя нити; теперь же я снова занялся имъ съ твердымъ намѣреніемъ не оставлять дѣла до тѣхъ поръ, пока я смогу предоставить продолженіе своей предварительной работы опытнымъ математикамъ. Въ докладѣ объ этомъ моемъ предиріятіи я представлю тѣ мнимыя основанія, на которыхъ опирается вышеупомянутое удивленіе. Отвѣтивъ же на запросы этого удивленія, я надѣюсь, воспользовавшись вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ, показать, что примѣненіе математики къ психологіи *возможно* и

---

былъ очень далекъ отъ этого. Но Фихте научилъ меня главнымъ образомъ своими заблужденіями, и онъ былъ способенъ къ этому потому, что въ особенной степени обладалъ стремленіемъ къ *точности* изслѣдованія. Обладая этимъ стремленіемъ, и благодаря ему, каждый учитель философіи становится полезнымъ для своихъ учениковъ; преподаваніе же, лишенное точности, порождаетъ въ философіи только фантазеровъ и дураковъ.

Извѣстно, что Фихте основой своего изслѣдованія сдѣлалъ *я*, или, говоря другими словами, онъ отыскивалъ условія самосознанія. Вслѣдствіе этого, онъ обогатилъ философію одною, до тѣхъ поръ неизвѣстною, проблемой, потому что на это раньше очень мало обращали вниманія; и Кантъ, который считалъ представленіе *я* совсѣмъ бѣднымъ и пустымъ по содержанию, вслѣдствіе этого ложнаго утвержденія, совсѣмъ не обращалъ на него вниманія. Отъ Фихте, который постоянно возвращался къ занятіямъ этимъ предметомъ и всетаки никогда не кончалъ ихъ, я научился видѣть, что здѣсь долженъ быть скрытъ богатый и глубокий источникъ, открыть который, однако, можно только съ помощью величайшихъ усилій.

Первымъ, что мнѣ открылось, было то, что *я* (Ichheit), должно быть не чѣмъ нибудь первичнымъ и самостоятельнымъ, но самымъ зависимымъ и обусловленнымъ изъ всего того, что только можно себѣ представить. А, вмѣстѣ съ этимъ, стало ясно, что мнѣнія Фихте являются полнѣйшимъ извращеніемъ истины и поучительнымъ примѣромъ для тѣхъ, которые думаютъ имъ воспользоваться. Вторымъ, что я нашелъ, было то, что первоначальныя представленія интеллигентной сущности, если только они должны *образоваться* до самосознанія (потому что они, какъ только что сказано, могутъ заключать въ себѣ *я* не какъ *ничто чуждое*), должны быть или всѣ, или частью другъ другу *противоположны*, и, вслѣдствіе этой противоположности, они должны *задерживаться*, однако такъ, что задержанныя представленія не пропадаютъ, но продолжаютъ какъ стремленія, которыя сами собой возвращаются въ состояніе дѣйствительнаго представлѣнія, коль скоро по какимъ нибудь основаніямъ, или цѣликомъ, или отчасти, исчезаетъ задержка. Эта задержка могла и должна была стать предметомъ вычисленія и вмѣстѣ съ этимъ стало ясно, что психологія на столько же нуждается въ математическомъ фундаментѣ, насколько и въ метафизическомъ.

*Примѣч. Гербарта.*

необходимо. Въ заключеніе же я сдѣлаю краткое замѣчаніе о томъ, что настоящее мое изслѣдованіе не ограничивается на дѣлѣ одною только психологіей, но имѣетъ отдаленныя отношенія къ фізіологіи и всему естествознанію.

Первое изъ выставляемыхъ противъ меня мнимыхъ основаній, по своей истинной природѣ, есть ничто иное, какъ *старая привычка*, а по своимъ словамъ—оно примыкаетъ къ совершенно невѣрному утвержденію. Неслыханное дѣло, чтобы математика примѣнялась иначе, чѣмъ къ предметамъ, которые или сами пространственны, или хотя бы могли быть пространственно представляемы, какъ напр. силы, которыя возрастаютъ и уменьшаются вмѣстѣ съ извѣстнымъ разстояніемъ и дѣйствія которыхъ можно измѣрять или точно наблюдать. Но не видно, какою мѣркой могъ бы всякій воспользоваться для того, чтобы сравнить и опредѣлить величину происходящаго въ нашемъ духѣ, смѣняющагося въ нашихъ представленіяхъ, чувствахъ и желаніяхъ. Наши мысли быстрѣе молніи: какимъ образомъ должны мы наблюдать и описывать ихъ путь? Человѣческія причуды летучи, какъ вѣтеръ, расположеніе духа непостоянно, какъ погода. Кто можетъ найти данныя здѣсь величины, которыя допускаютъ подведеніе подъ законъ математической правильности? *А идти нельзя измѣрять, тамъ нельзя и вычислять*; слѣдовательно, невозможно въ психологическихъ изслѣдованіяхъ пользоваться математикой.

Такъ гласитъ силлогизмъ, составленный изъ привязанности къ привычному и очевидной неистины. Именно (начнемъ съ послѣдняго), совершенно ложно, будто мы можемъ вычислять только тамъ, гдѣ напередъ измѣрили. Какъ разъ наоборотъ! Каждый *интетически принимаемый*, даже признанный неправильнымъ законъ связи величинъ *можетъ быть вычисляемъ*; и при глубоко скрытыхъ, но важныхъ предметахъ *должно* до тѣхъ поръ испытывать гипотезы и со всею точностью изслѣдовать, при помощи вычисленія, вытекающія изъ нихъ слѣдствія, пока не будетъ найдено, какая изъ различныхъ гипотезъ сходится съ опытомъ. Такъ древніе астрономы *испытывали* эксцентричныя круги, и Кеплеръ *испытывалъ* эллипсисъ, чтобы свести къ этому движенію планетъ, именно послѣдній сравнивалъ квадратъ времени

обращенія съ кубами среднихъ разстояній, прежде чѣмъ найти соотвѣтствіе. Равнымъ образомъ, Ньютонъ *испытывалъ* обратно пропорціональна ли тяжесть квадрату разстояній, чтобы получить движеніе луны кругомъ земли. Если же это предположеніе оказалось бы недостаточнымъ, то онъ положилъ бы въ основаніе другую степень разстоянія — или третью, или четвертую, или пятую, и вывелъ бы отсюда слѣдствія, чтобы сравнить ихъ съ опытомъ. Въ этомъ то именно и заключается величайшее благодѣяніе математики, что гораздо прежде, чѣмъ мы овладѣемъ достаточно опредѣленнымъ опытомъ, можно обозрѣть возможности, въ области которыхъ гдѣ нибудь должна лежать дѣйствительность. Поэтому то можно пользоваться даже весьма неполными указаніями опыта, чтобы освободиться, по крайней мѣрѣ, отъ грубѣйшихъ ошибокъ. Гораздо прежде, чѣмъ прохожденіе Венеры передъ солнцемъ послужило основаніемъ для опредѣленія солнечныхъ параллаксовъ, пытались уловить мигъ, когда луна наполовину освѣщена солнцемъ, чтобы, исходя изъ измѣреннаго разстоянія обоихъ небесныхъ тѣлъ, найти отдаленность солнца. Это было невозможно, потому что всѣ наши измѣренія времени, по психологическимъ основаніямъ, слишкомъ грубы для того, чтобы съ достаточной точностью опредѣлить требуемое мгновеніе. Однако, вслѣдствіе этого, выяснился взглядъ, что солнце должно быть удалено, по крайней мѣрѣ, на двѣ тысячи разъ дальше луны. Вотъ ясный примѣръ того, что даже въ высшей степени неполная оцѣнка величинъ (тамъ, гдѣ невозможно никакое строгое наблюденіе) можетъ стать весьма поучительною, если только умѣютъ ею воспользоваться. И было ли необходимымъ обладать мѣркою для нашей солнечной системы, чтобы въ общихъ чертахъ узнать ея порядокъ? Развѣ невозможно было (возьму примѣръ изъ другой области) изслѣдовать законы движенія, прежде чѣмъ въ точности узнали высоту паденія въ секунду на опредѣленномъ мѣстѣ земли? Ничуть. Такія изысканія *основныхъ мѣръ* сами по себѣ очень затруднительны, но, къ счастью, они образуютъ особаго рода изслѣдованія, — и познаніе важнѣйшихъ *основныхъ законовъ* совсѣмъ не имѣетъ нужды дожидаться ихъ. — Конечно, измѣреніе увлекаетъ въ вычисленіе, и всякая легко подмѣчаемая правильность извѣстныхъ вели-

чинъ побуждаетъ къ математическому изслѣдованію. Обратное: чѣмъ меньше въ явленіяхъ симметріи, тѣмъ больше запаздываетъ научное теченіе. Если бы небесныя тѣла двигались въ замѣтно сопротивляющейся средѣ, или если бы ихъ массы не были такъ малы сравнительно съ разстояніями, то, быть можетъ, астрономія ушла бы не дальше современной психологіи, и тогда, подобно ей, она не могла бы даже надѣяться, взамѣнъ недостающей *тонкости* наблюденій, удовлетвориться множествомъ ихъ.

Второе возраженіе должно основываться на томъ, что математика обрабатываетъ только *количества*, а психологія имѣетъ своимъ предметомъ состоянія и дѣятельности весьма различныхъ *качествъ*. Если бы я захотѣлъ вполне серьезно опровергнуть это мнимое основаніе, то я сталъ бы исходить изъ того метафизическаго положенія, что истинныя, собственные, первоначальныя качества вещей отъ насъ совершенно скрыты и совсѣмъ не являются никакимъ предметомъ какого бы то ни было изслѣдованія; что, напротивъ, тамъ, гдѣ въ общемъ опытѣ мы думаемъ воспринимать качества, основаніе часто бываетъ только количественнымъ; такъ напр., мы слышимъ совершенно различные тоны, изъ которыхъ могутъ составляться еще гораздо болѣе различные консонансы и диссонансы, въ то время какъ только быстрѣе или медленнѣе колеблются болѣе или менѣе длинныя струны. Но теперь я не хочу пускаться въ такую глубину, потому что здѣсь мнѣ не мѣсто доказывать то положеніе, что въ человѣческой душѣ совсѣмъ не существуетъ никакого многообразія первоначальныхъ способностей. Предразсудокъ внутренней качественной множественности въ единой сущности можетъ оставаться здѣсь совершенно нетронутымъ, хотя освобожденіе отъ него и относится къ первымъ условіямъ истиннаго познанія.

Теперь достаточно сказать, что, сколько бы воображаемыхъ качественностей ни различалъ каждый въ душѣ, все-таки онъ не могъ бы отрицать, что, кромѣ этого, существуетъ еще безконечное множество количественныхъ опредѣленій духовнаго. Наши представленія бываютъ напряженнѣе, слабѣе, яснѣе, темнѣе; ихъ приливъ и отливъ бываетъ быстрѣе или медленнѣе, ихъ количество въ каждое мгновеніе — больше или меньше, наша воспримчивость ощущеній,

наша способность къ чувствамъ и аффектамъ безпрестанно колеблется между „больше“ и „меньше.“ Эти и бесчисленные другія опредѣленія величинъ, которыя, очевидно, имѣютъ мѣсто при духовныхъ состояніяхъ, несправедливо считали косвеннымъ опредѣленіями существеннаго; и вотъ истинное основаніе, почему не могли вскрыть строгой закономерности того, что происходитъ въ насъ. Что мнимыя косвенныя опредѣленія прямо являются главною вещью,—это я могу коротко выяснить здѣсь на одномъ поразительномъ примѣрѣ. Всякій знаетъ сонъ; всякій знаетъ, что онъ состоитъ въ придавленности нашихъ представленій, которая въ глубокомъ снѣ бываетъ полной, а въ сновидѣніи — неполной. Но весьма немногіе помнятъ о томъ, что даже во время самаго яснаго бодрствованія, въ каждое единичное мгновеніе у насъ бываютъ на лицо лишь крайне немногія изъ нашихъ представленій; напротивъ, всѣ остальные занимаютъ насъ также мало, какъ во снѣ; или, выражаясь опредѣленнѣе, — большая часть нашихъ представленій бываетъ *скрыта*, и всякій разъ только немногія изъ нихъ *свободны*. Здѣсь я прошу бросить взглядъ на физику, чтобы вспомнить о скрытой и свободной теплотѣ. Чѣмъ была физика до тѣхъ поръ, пока надлежащимъ образомъ не различили и не приняли во вниманіе этого? Тѣмъ же самымъ, чѣмъ и до сихъ поръ еще остается психологія. Всѣ душевныя состоянія и продукты всегда зависятъ отъ того основнаго условія, что въ насъ бодрствуютъ тѣ или другія представленія, потому что сонъ, будетъ ли онъ полнымъ или неполнымъ, задерживаетъ все, на что онъ простирается; или, другими словами, тѣ представленія, которыя, по законамъ своего равновѣсія, существуютъ въ насъ какъ скрытыя, совсѣмъ не дѣйствуютъ въ сознаніи. Иначе обстоитъ дѣло съ тѣми скрытыми представленіями, которыя только, по законамъ своего движенія, находятся въ этомъ придавленномъ состояніи; они очень напряженно дѣйствуютъ на состояніе духа, аффекты и чувства. Впрочемъ, здѣсь нельзя подробно объяснить различія между статикой и механикой духа.

Еще другія возраженія основываются на ходячихъ мнѣніяхъ о такъ называемыхъ высшихъ способностяхъ духа; и я по опыту знаю, что здѣсь я сталкиваюсь съ самыми силь-

ными предразсудками, которые непреодолимы потому, что *не хотят* ихъ бросить, и усиленно сопротивляются даже простому обсужденію того, что имъ противорѣчить. Здѣсь главными пунктами служатъ *геній* и *свобода*. Что такое геній? Позвольте для краткости отвѣтить сравненіемъ: *геній*—это планета. Онъ не идетъ прямой дорогой, его путь — кривая линія; иногда онъ останавливается на ней, чтобы путешествовать назадъ,—сначала медленно, потомъ скоро, потомъ опять медленно; затѣмъ онъ идетъ впередъ, погружается въ лучахъ солнца и вмѣстѣ съ нимъ проходитъ небо, хотя только короткое время; вслѣдъ за этимъ онъ снова предпочитаетъ свѣтитъ среди темной ночи, и тѣмъ больше обнаруживается, чѣмъ полнѣе та оппозиція, въ которую онъ попадаетъ по отношенію къ дневнымъ свѣтиламъ. Признаюсь, эти слова лучше подходятъ къ планетамъ, чѣмъ къ генію; однако сходство всетаки довольно ясно. Слово „планета“ обозначаетъ странствующаго, а если угодно припомнить бредни астрологій, то — странствующаго рыцаря, который чисто по романтически выходитъ на страшныя и пріятныя приключенія и, какъ это всегда случается, то угрожаетъ истребленіемъ и смертью, то приноситъ счастье и благодать. Кто смогъ бы установить прочныя правила для его беспорядочныхъ приключеній? И однако что же произошло? Странствующіе рыцари исчезли, какъ привидѣнія, послѣ того, какъ невѣжество было вытѣснено наукой. Теперь планеты сообразуются съ календаремъ, и это совершенно естественно, потому что календари научились соображаться съ планетами. Точно также и въ томъ же самомъ смыслѣ геній сообразовался бы съ психологіей, еслибы только теперь въ основѣ нашей психологій лежала столь же истинная наука, что и въ основѣ календаря. Правда, геній не знаетъ того правила, по которому онъ поступаетъ, но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ отрицать, что оно у него есть, потому что незнаніе не служитъ доказательствомъ небытія. А что же я долженъ сказать о свободѣ? Прежде всего то, что я усталъ говорить объ этомъ, потому что я давно и во всевозможныхъ формахъ изложенія указалъ основанія смѣшеній и ошибокъ въ этомъ пунктѣ. Я обособилъ и въ отдѣльности опредѣлилъ тѣ первоначальныя сужденія, изъ которыхъ возникаетъ нравствен-

ная заповѣдь; далѣе я показалъ, что эти сужденія, устанавливая различіе между похвальнымъ и постыднымъ, добромъ и зломъ, по необходимости должны быть свободными отъ воли и даже совершенной противоположностью всякаго хотѣнія, потому что при всякомъ смѣшиваніи съ нимъ они сейчасъ же теряютъ свою правдивость и порождаютъ нечистое нравственное расположеніе. Съ той минуты, какъ мнѣ выяснилось это основоположеніе, мнимая непонятность свободы воли для меня разсѣялась, какъ облако; потому что то цѣнное и высокое, котораго ищутъ въ свободѣ воли, имѣетъ совсѣмъ другое мѣсто, а то низкое и дурное, что еще остается отъ свободы, какъ источника возможности зла, всего вѣрнѣе можетъ быть дисциплинировано лишь послѣ того, какъ съ него сорвутъ ослѣпляющую маску свободы и познаютъ его какъ дурную организацію, которая, по законамъ психологической необходимости, могла бы не только увеличиваться, но и уменьшаться, а, при данныхъ обстоятельствахъ, задерживаться или предупреждаться. То, что я говорю здѣсь, въ извѣстныхъ пунктахъ соотвѣтствуетъ благочестивымъ чувствамъ, которыя побуждаютъ людей искать источника, или даже законовъ, добра и зла въ самихъ себѣ (т. е. въ своей волѣ),—и это совершается вмѣстѣ съ вмѣненіемъ, которое сначала сводитъ дѣйствіе къ волѣ, затѣмъ волю—къ постоянному характеру лица, совсѣмъ не разрѣшая при этомъ вопроса о болѣе глубокихъ основахъ какого бы то ни было характера и даже не принимая его во вниманіе.

Однако всѣ трудности ученія о свободѣ скоро исчезли бы, если бы не образовалось весьма странныхъ представленій о волѣ, которая остается, если откинуть извѣстное ученіе о свободѣ. Вѣдь, кто говоритъ: *я не могу себя представить никакой воли, которая, какъ таковая, не была бы уже свободной*,—тому должно отвѣтить: *удержи свободу, потому что въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты принимаешь это слово, она дѣйствительно существуетъ*.

Человѣческая душа—не кукольный театръ; наши желанія и рѣшенія—не маріонетки; за ними не стоитъ никакого фигляра, но наша истинная собственная жизнь заключается въ нашемъ хотѣніи, и эта жизнь имѣетъ свои правила не

внѣ себя, а въ себѣ; она имѣеть свои собственныя, чисто духовныя, ничуть не заимствованныя изъ міра тѣлъ, правила; но эти правила въ ней извѣстны и прочны и, въ силу этой прочной ихъ опредѣленности, она всегда имѣеть гораздо больше сходства съ совершенно, впрочемъ, разнородными законами толчка и давленія, чѣмъ съ чудесами мнимо непонятной свободы.

Чтобы показать возможность примѣненія въ психологїи математики, я прежде всего долженъ различить *материальную* возможность отъ *формальной*. Первая основывается на самихъ величинахъ, представляющихся психологамъ; вторая— на методѣ изслѣдованій. Мнѣ кажется цѣлесообразнымъ, оставивъ на время самыя величины, прежде всего ближе обозначить форму метода. Именно, я боюсь, чтобы или, по старому, не сдѣлали промаха или, по новому, не задумали совсѣмъ легкомысленной попытки то подражать въ философіи математикѣ, то пускаться въ бесполезную и глупую игру математическими знаками и выраженіями. И то, и другое совершенно отличается отъ того употребленія математики, которое предпринимаю я. Говоря коротко, виною указанной путаницы является незнакомство съ истинной природой метафизическихъ проблемъ, разрѣшать которыя математика настолько неспособна, что она всегда скорѣе ловко избѣгала ихъ, чтобы только не быть поставленной ими въ затрудненіе. Кто чувствуетъ себя сильнымъ въ метафизическихъ изслѣдованіяхъ, тотъ во многихъ пунктахъ сумѣетъ отыскать то, что математика намѣренно пропускаетъ или никогда не доводитъ до конца (какъ напр. при параллеляхъ, при безконечныхъ величинахъ, при ирраціоналахъ и при всемъ томъ, что связано съ понятіемъ протяженности). Будучи далекимъ отъ того, чтобы подражать математикѣ въ собственно метафизическихъ изслѣдованіяхъ, должно здѣсь съ другими вспомогательными средствами и силами связать также другія усилія, и для новыхъ способовъ изслѣдованія доставить себѣ другія упражненія. Дѣйствительно, математика ни на что ни способна внѣ области величинъ; но замѣчательно то искусство, съ которымъ она овладѣваетъ ими, гдѣ бы она ни встрѣчала ихъ. Представимъ только себѣ ту сѣть, которою она опутала небо и землю,—ту систему линій, которая отно-



сится къ азимуту и высотѣ, склоненію и подъему, длинѣ и ширинѣ, тѣ кривыя и прямыя, касательныя и нормальныя, эллипсисы и эволюты, тѣ тригонометрическія и логорифмическія функціи, которыя всѣ уже напередъ лежатъ готовыми и только ожидаютъ того, чтобы ими воспользовались. Если мы рассмотримъ этотъ аппаратъ, то, конечно, увидимъ, что математики—совсѣмъ не волшебники, но что у нихъ все происходитъ естественно. Лучше сказать, мы получимъ впечатлѣніе множества искусно сдѣланныхъ машинъ, безчисленныхъ свидѣтелей разнообразной и въ высшей степени живой дѣятельности, всецѣло направленной на пріобрѣтеніе истиннаго и прочнаго богатства. Но что же такое этотъ аппаратъ? Состоитъ ли онъ изъ дѣйствительныхъ вещей? Возьмемъ отдѣльные примѣры. Что такое небесный сводъ? Дѣйствительный ли это сводъ, пустой шаръ, на которомъ можно было бы отмѣтить сферическіе треугольники? Нѣтъ! Это полезная фикція, вспомогательное средство мышленія, удобная форма совмѣстнаго схватыванія всѣхъ видимыхъ линій, которыя достигаютъ звѣздъ и при которыхъ принимается во вниманіе только ихъ положеніе, а не длина. Что такое центръ тяжести? Дѣйствительная ли это точка въ какомъ нибудь тѣлѣ? Что такое центръ vibraціи, вмѣстѣ съ моментами косности для произвольно принимаемыхъ осей вращенія. Зачѣмъ статика говоритъ о математическомъ рычагѣ, котораго никогда не бываетъ въ природѣ? Зачѣмъ механика говоритъ о движеніяхъ точки, о простомъ маятникѣ, о паденіи брошеннаго тѣла въ безвоздушномъ пространствѣ? Зачѣмъ же не о тѣлесномъ рычагѣ, движимой матеріи, линіяхъ паденія въ атмосферѣ? Однимъ словомъ, зачѣмъ она пользуется столь многими вымысленными вспомогательными величинами? почему она не производитъ вычисленія непосредственно надъ тѣмъ, что находится и происходитъ въ дѣйствительномъ мірѣ?—Отвѣтъ заключается уже въ самомъ вопросѣ: вышеупомянутыя фикціи въ дѣйствительности являются именно пособіями. Только что указанныя предполагаемыя величины суть такія, на которыя должны быть сведены, или между которыми должны заключаться величины дѣйствительныя, если только хотятъ сдѣлать эти послѣднія точно или приблизительно доступными. Правда, здѣсь нѣтъ ничего,

въ чемъ психологія могла бы подражать математикѣ, но тѣмъ вѣрнѣе математика вноситъ свойственный ей методъ всюду, куда приходитъ сама. Поэтому, поскольку душевныя состоянія и дѣятельности дѣйствительно зависятъ отъ количествъ, постольку же можно навѣрное предвидѣть, что вычисленіе этихъ дѣйствительныхъ количествъ будетъ происходить также только при помощи сведенія ихъ къ болѣе простымъ и болѣе удобнымъ вспомогательнымъ величинамъ, между которыми они, такъ сказать, заключаются, или отъ которыхъ они зависятъ. Поэтому надо стараться научнымъ образомъ указать только общій и весьма упрощенный типъ желанія, и столь же общіе типы извѣстныхъ главныхъ классовъ чувствъ, воображенія и т. п., тогда какъ индивидуальная дѣйствительность навсегда обезпечена отъ математическаго опредѣленія и ограниченія. Не было бы ничего смѣшнѣе, какъ если бы кто нибудь сталъ бояться, что мантика чиселъ и буквъ похититъ его тайны или вывѣдаетъ и подслушаетъ скрытыя движенія его сердца. Въ этомъ отношеніи обыденная мірская мудрость всегда будетъ гораздо хитрѣе и страшнѣе, чѣмъ вся математика и психологія вмѣстѣ.

Теперь слѣдуетъ точнѣе указать самыя величины, которыя представляются вычисленію. Должно исходить изъ простѣйшаго, и въ самомъ началѣ оставить въ сторонѣ всякую связь представленій другъ съ другомъ. Тогда остаются только двѣ величины: *напряженность каждаго единичнаго представленія* и *степень задержки между какими нибудь двумя*. Здѣсь уже достаточно матеріала для вычисленія, чтобы вскрыть первое главное основаніе двухъ самыхъ общихъ психологическихъ феноменовъ, а именно, во первыхъ—только что упомянутаго обстоятельства, что самая большая часть нашихъ представленій въ каждый опредѣленный моментъ бываетъ скрыта, и, во вторыхъ, настолько же замѣчательнаго факта, что, пока фізіологическія причины не порождаютъ состоянія сна, всѣ представленія никогда не становятся заразъ скрытыми, и никогда не становятся скрытыми *всѣ они до одного*, но постоянно (во время тѣлеснаго бодрствованія) что нибудь да представляется, и при томъ не что нибудь совершенно простое, а всегда нѣчто въ извѣстной степени сложное. Этому давнымъ давно стали бы удивляться и спрашивать объ

его причинѣ, еслибы только обычное и повседневное въ глазахъ людей постоянно не казалось само собою понятнымъ.

Вычисленія, которыя могутъ быть вызваны напряженностью каждаго единичнаго представленія и степенью задержки между какими нибудь двумя, еще очень просты. Но они станутъ уже гораздо запутаннѣе, если принять во вниманіе еще третью величину—*степень связи* между представленіями. Тогда измѣняются ранѣе полученные результаты и являются новые. Кромѣ того, теперь представляется еще четвертая величина, которая также можетъ войти въ вычисленіе. Это—*количество связанныхъ представлений*. Но особенно замѣчательны *болѣе или менѣе длинные ряды представлений*, которые при *полной связи* возникаютъ въ томъ случаѣ, когда одно представленіе соединено въ извѣстной степени съ другимъ, другое—съ третьимъ, третье—съ четвертымъ и т. д., при чемъ первое съ третьимъ, второе—съ четвертымъ и т. д. или совсѣмъ не слиты, или же слиты гораздо слабѣе. Такіе ряды представлений являются какъ бы волокнами или фибрами, изъ которыхъ составляются большіе духовные органы, и при этомъ они заключаютъ въ себѣ совершенно опредѣленные законы своей раздражаемости, къ точному познанію которыхъ сводится въ психологіи, собственно говоря, все. Отдаленныя, но въ высшей степени недостаточныя указанія на это заключаются въ томъ, что давно извѣстно подъ именемъ ассоціаціи идей. Однако всякое болѣе опредѣленное знаніе должно исходить изъ вычисленія. И оно даетъ въ высшей степени важныя результаты не только для теоріи памяти, фантазіи, разсудка, но и для ученія о чувствахъ, желаніяхъ и аффектахъ. Ничто не препятствуетъ мнѣ открыто сказать, что здѣсь математика обнаруживаетъ безграничное незнаніе, въ которомъ до сихъ поръ находилась психологія. Даже пространственное и временное представиваніе имѣетъ свое мѣстопробываніе и начало здѣсь, а не въ мнимыхъ основныхъ формахъ чувственности.

Далѣе, относительно уже образованныхъ рядовъ представлений возникаютъ новыя количественныя опредѣленія, смотря по тому, раздражаются ли они въ какомъ нибудь одномъ пунктѣ или въ нѣсколькихъ заразъ, а также—находятся ли

они въ состояніи большей или меньшей эволюціи или инволюціи, далѣе—большія или меньшія сплетенія образуются изъ тѣхъ рядовъ, которые выше я назвалъ волокнами и фибрами, и какимъ образомъ эти сплетенія построены. Хотя, въ силу общаго чувственнаго міра, въ которомъ мы живемъ и подъ вліяніемъ котораго наши представленія связываются точно также, какъ и порождаются, это большею частью у разныхъ людей должно быть однороднымъ, однако здѣсь замѣчаются значительныя видоизмѣненія, которыя зависятъ отъ духовнаго ритма каждаго индивидуума, происходящаго вслѣдствіе строенія его нервной системы и всей его тѣлесной конституціи, и другія видоизмѣненія, которыя опредѣляются кругомъ опыта и привычками индивидуума и которыя можно попытаться цѣлесообразно направить съ помощью воспитанія и обученія. Этотъ послѣдній пунктъ надо особенно замѣтить. Извѣстно, что гуманность, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не бываетъ прирождена человѣку, но образовывается въ немъ. Совершенно дикій человѣкъ—ничто иное, какъ животное, хотя и такое животное, въ которомъ, съ помощью общежитія, могла бы быть развита человѣчность. Поэтому часто принимали гипотезу, что Высшее Существо должно было дать воспринять Себя первымъ людямъ и духовно облагородить ихъ. Это мнѣніе, по крайней мѣрѣ не такъ сильно погрѣшаетъ противъ опыта, какъ мнѣніе о постепенномъ опусканіи чело-вѣчества изъ высшаго первоначальнаго состоянія въ состояніе болѣе и болѣе низкое, между тѣмъ какъ все землевѣденіе и народовѣденіе показываютъ намъ, что необщежител-ный человѣкъ грубъ и похожъ на животнаго, и что, слѣдовательно, человѣчность, въ собственномъ смыслѣ этого слова, зависитъ отъ общежитія. На это очень мало обращали вниманія тѣ психологи, которые считали разумъ и внутреннее чувство, обдумываніе и самосозерцаніе за первоначальныя способности человѣческой души. Но они могутъ быть оправданы тѣмъ, что, не зная математики и зависящей отъ нея механики духа, они не могли обнаружить путей, по которымъ идетъ постепенное облагораживаніе человѣческаго духа. Однако очень легко можно замѣтить, что не всѣ представленія въ духѣ равномерно связаны и что они обладаютъ весьма различною степенью подвижности; что они, подобно

высшимъ и низшимъ слоямъ облаковъ въ атмосферѣ, проносятся то медленно, то быстрѣе и порывистѣй; что именно вслѣдствіе этого между различными массами представленій, при ихъ многообразныхъ встрѣчахъ, должны повторяться большею частью тѣ же самыя отношенія, которыя порождаются между новыми интуиціями и прежними, воспроизводимыми ими, представленіями; что, слѣдовательно, должны существовать не только внѣшняя апперцепція, но и внутреннее воспріятіе, или разумъ, у котораго то, что обыкновенно называютъ обдумываніемъ и умозаключеніемъ, только въ увеличенной мѣрѣ повторяетъ тотъ же самый процессъ, который выполнятся уже при усвоеніи чувственного ощущенія при помощи интуиціи и сужденія. Каковъ же этотъ процессъ? Я вѣрю, что знаю его, но здѣсь я не могу его раскрыть. Я могу сказать только слѣдующее. Нельзя изслѣдовать истинныхъ основаній и законовъ высшихъ дѣятельностей духа, пока еще неизвѣстны тѣ низшія, которымъ онѣ подобны и отъ которыхъ онѣ зависятъ.

Хотя математическое исчисленіе съ трудомъ примѣняется къ высшимъ областямъ разумаго мышленія и хотѣнія, однако оно неизбежно должно являться основаніемъ для познанія и этихъ высочайшихъ предметовъ, чтобы мы (если, быть можетъ, истина въ своихъ ближайшихъ опредѣленіяхъ и остается для насъ сокрытой), по крайней мѣрѣ, не заполняли (какъ это до сихъ поръ бываетъ) пробѣловъ своего знанія грубыми заблужденіями, и чтобы бесполезнымъ споромъ партій, которыя всѣ одинаково неправы, подъ конецъ не отбивался интересъ къ самой философіи.

Перейду теперь къ послѣдней части своего разсужденія. Примѣненіе математики къ психологіи не только возможно, но необходимо. Основаніе этой необходимости заключается, однимъ словомъ, въ томъ, что иначе попросту нельзя достигъ того, чего въ концѣ концовъ доискивается всякое умозрѣніе, т. е. *убѣжденія*. Необходимость же найти наконецъ путь къ прочному убѣжденію является тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ болѣе съ каждымъ днемъ возрастаетъ опасность, что философія скоро придетъ въ Германіи въ то состояніе, въ которомъ она давно находится во Франціи и Англии.

Надо считать страшнымъ ослѣпленіемъ большей части современныхъ нѣмецкихъ психологовъ то, что они не видятъ этой опасности. Еслибы они понимали математику (подъ которой здѣсь разумѣется нѣчто большее, чѣмъ знаніе геометрическихъ элементовъ и квадратныхъ уравненій или даже умѣніе играть знаками дифференціаловъ и интеграловъ), если бы они, говорю я, понимали математику, то они бы знали, что неопредѣленная рѣчь, при которой каждый мыслить свое, и которая порождаетъ ежедневно возрастающее несогласіе мнѣній, не смотря на всѣ прекрасныя слова и даже не смотря на величіе предметовъ, всетаки, попросту говоря, далеко не можетъ помѣриться съ наукой, которая каждымъ высказаннымъ ею словомъ дѣйствительно научаетъ и возвышаетъ, приобрѣтая себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не ослабѣвающее удивленіе,—и не вслѣдствіе громадности измѣряемыхъ ею пространствъ, но вслѣдствіе превосходящаго всякое описаніе зрѣлища громаднаго человѣческаго остроумія. Математика—господствующая наука нашего времени. Ея завоеванія возрастаютъ ежедневно, хотя и безъ шума. Кто не имѣетъ ее за себя, тотъ нѣкогда будетъ имѣть ее *противъ* себя.

Теперь я долженъ опредѣленнѣе указать, въ чемъ заключается основаніе того, что математика не только въ себѣ самой носить убѣжденіе, но даже переноситъ его на предметы, къ которымъ примѣняется. Говоря вообще, это основаніе заключается въ совершенной точности, съ которою опредѣляются элементарныя математическія понятія,—и въ этомъ отношеніи каждая наука должна заpastись своимъ собственнымъ добромъ; ни одна не можетъ позаимствовать его или получить въ подарокъ отъ другой; психологія настолько же мало можетъ взять его отъ математики, какъ и та—отъ психологіи. Но это—не все. Коль скоро человѣческому мышленію приходится имѣть дѣло съ длиннымъ слѣдованіемъ умозаключеній или вообще съ трудными предметами, внутреннее многообразіе которыхъ взаимно затемняется, то наступаетъ не только опасность, но и подозрѣніе ошибки, потому что нельзя обзрѣть всего единичнаго съ одновременной ясностью, и поэтому, въ концѣ концовъ, приходится довольствоваться только *второю* въ то, что съ самаго начала не было промаха

Всякій знаетъ, какъ часто это случается при счетѣ, т. е. при самомъ элементарномъ примѣненіи математики. Никто не воображаетъ, чтобы это было лучше въ высшихъ частяхъ математики. Напротивъ, чѣмъ запутаннѣе вычисленіе, тѣмъ выше поднимается (въ очень быстрой прогрессіи) сомнительность и подозрѣніе скрытой ошибки. Что же дѣлаетъ математика для устраненія этого, въ высшей степени свойственнаго ей самой, неудобства? Изоцряетъ ли она свси доказательства? Или она даетъ совершенно новыя правила, какимъ образомъ слѣдуетъ примѣнять правила предшествующія? Ничуть! Каждое единичное вычисленіе, рассматриваемое само по себѣ, остается въ состояніи очень большой сомнительности. Но, вѣдь, есть *проверки вычисленія*! На почвѣ математики есть тысяча разныхъ путей къ каждому пункту, и если на всѣхъ путяхъ мы находимъ какъ разъ тоже самое, то у насъ получается убѣжденіе, что мы нашли вѣрный пунктъ. Вычисленіе безъ контроля—все равно что ничто. Точно также обстоитъ дѣло со всякимъ одиноко стоящимъ доказательствомъ въ любой умозрительной наукѣ: оно можетъ быть очень остроумнымъ, даже—совершенно вѣрнымъ и истиннымъ, и всетаки оно не служитъ порукой никакого прочнаго убѣжденія. Поэтому, кто въ метафизикѣ или въ зависящей отъ нея психологіи, захотѣлъ бы надѣяться, что его величайшая забота о самомъ тонкомъ опредѣленіи понятій и послѣдовательномъ мышленіи будетъ вознаграждена убѣжденіемъ, и даже такимъ убѣжденіемъ, которое можетъ быть сообщено всѣмъ, то онъ былъ бы сильно обманутъ. Не только умозаключенія должны взаимно подтверждаться (и при томъ свободно, безъ малѣйшаго подозрѣнія въ натяжкѣ), но при всемъ, что исходитъ изъ опыта или судить объ опытѣ, долженъ (хотя бы и въ безчисленныхъ частныхъ случаяхъ) подтвердить результатъ умозрѣнія самъ опытъ, и при томъ подтвердить его точно, а не кое-какъ. И теперь я близокъ къ цѣли, потому что мнѣ нужно еще только обратить вниманіе на одно условіе, безъ выполненія котораго совсѣмъ нельзя на сколько нибудь прочно согласить опытъ съ теоріей. Всякій опытъ количественно опредѣлененъ, и онъ подвергается величайшимъ измѣненіямъ, если измѣняются тѣ величины, отъ которыхъ онъ зависитъ. Долженъ ли я еще приводить

для этого примѣры? Долженъ ли я еще вспоминать о знамени- томъ вопросѣ врача: что такое ядъ? — понятіе, которое, оче- видно, потому вызываетъ трудность, что цѣлебное въ излишкѣ становится вреднымъ для нашего здоровья, а самое вредное, взятое въ должномъ количествѣ, приноситъ исцѣленіе. Од- нако, зачѣмъ останавливаться на такихъ легкихъ предметахъ? То, что я хотѣлъ указать, и безъ того ясно, а именно, что *всякая теорія, которая желаетъ быть согласованной съ опы- томъ, прежде всего должна быть продолжена до тѣхъ поръ, пока не приметъ количественныхъ опредѣленій, которыя яв- ляются въ опытѣ или лежатъ въ его основаніи.* Не достиг- нувъ этого пункта, она виситъ въ воздухѣ, подвергаясь вся- кому вѣтру сомнѣнія и будучи неспособной вступить въ связь съ другими, уже окрѣпшими, убѣжденіями. Всѣ же количе- ственныя опредѣленія находятся въ рукахъ математики, и изъ этого сейчасъ же можно видѣть, что всякое умозрѣніе, которое не оказываетъ уваженія математикѣ, не вступаетъ съ нею въ общеніе и не различаетъ съ ея помощью много- образныхъ модификацій, могущихъ возникнуть вслѣдствіе измѣненія опредѣленій величинъ, есть или пустая игра мы- сли, или въ лучшемъ случаѣ — усиліе, не могущее достичь своей цѣли. На почвѣ умозрѣнія много вырастаетъ такого, что исходитъ не изъ математики и не заботится о ней. Я очень далекъ отъ того, чтобы считать все, возросшее такимъ образомъ, за сорную траву: можетъ выростать много и бла- городныхъ растений, но ни одно изъ нихъ не можетъ до- стичь полной зрѣлости безъ математики. Однако даже для этого пункта существуетъ эмпирической видъ убѣжденія, ко- торый можно приобрѣсти не иначе, какъ при помощи соб- ственнаго упражненія въ примѣненіи математики. Надо, такъ сказать, глазами посмотрѣть, какимъ образомъ вычис- леніе выводитъ изъ данныхъ посылокъ неожиданныя слѣд- ствія, выдвигаетъ обстоятельства, о важности которыхъ ни- кто и не думалъ, и задерживаетъ неправильные взгляды, отъ которыхъ, однако, не могли уберечься при всей осто- рожности.

Вы, милостивые государи, конечно, обратите вниманіе на то, что мое послѣднее утвержденіе совсѣмъ не ограничи- вается психологіей, но касается всякаго умозрѣнія вообще,



потому что вездѣ нуженъ разнообразный контроль и вездѣ необходимо точное согласованіе съ опытомъ. Однако, меня, пожалуй, можно было бы упрекнуть за это нарушеніе моего предмета, какъ за нѣчто, не относящееся къ дѣлу, еслибы только самый предметъ не заключалъ въ себѣ стремленія къ распространенію на естествознаніе. Чтобы сдѣлать это яснымъ, я прошу вспомнить о тѣхъ величинахъ, которыя психологія предлагаетъ вычисленію. Этими величинами были; напряженность представленій, степень задержки, тѣснота связи, количество связей, длина рядовъ представленій, ихъ раздражаемость въ различныхъ пунктахъ, степень инволюціи, или эволюціи, сплетенія или изолированія, и (что само собою понятно при всякомъ душевномъ движеніи) скорость или медленность въ измѣненіи слѣдующихъ одно за другимъ состояній. При всѣхъ этихъ величинахъ (которыя здѣсь перечисляются не сполна), *то, что* собственно представляется, принимается во вниманіе не болѣе, какъ лишь настолько, насколько отъ него зависитъ задержка и связь между представленіями. Поэтому мы совсѣмъ не можемъ сказать, что этого рода вычисленія относятся прямо къ представленіямъ, какъ таковымъ. Напротивъ, если есть другія внутреннія состоянія какой нибудь сущности \*), которыя отчасти взаимно противоположны, отчасти же способны къ связи (а послѣднее непосредственно слѣдуетъ изъ предположенія, что они находятся въ единой сущности), то къ инымъ подойдутъ всѣ указанная вычисленія, и все дѣло зависитъ лишь отъ вопроса, имѣемъ ли мы причины допускать внутреннія состоянія описаннаго рода не только въ насъ самихъ, но и въ другихъ сущно-

---

\*) По ученію Гербарта, истинная дѣйствительность есть ничто иное, какъ множество сверхчувственныхъ, внѣпространственныхъ и внѣвременныхъ (хотя и мыслимыхъ въ „умоностигаемомъ пространствѣ“) реальностей, представляющихъ изъ себя *качественно* различныя монады, или сущности. Эти реальныя сущности, вступая между собою въ сочетаніе, неизбѣжно стали бы, вслѣдствіе своей качественной противоположности, *нарушать* (stören) другъ друга, если бы только каждая изъ нихъ не *охраняла* отъ нарушенія другими сущностями того простаго качества, изъ котораго она состоитъ. Въ этомъ „самосохраненіи“ и заключается вся дѣятельность простыхъ реальностей, или внутреннее состояніе сущностей.

стяхъ. Здѣсь я долженъ былъ бы опредѣленнѣе указать не высказанныя мною метафизическія предположенія своего реферата, но, не смѣя злоупотреблять вашимъ, милостивые государи, вниманіемъ, я скажу только слѣдующее: всякая органическая раздражаемость, далеко не позволяя объяснять себя изъ однихъ только пространственныхъ отношеній, указываетъ на внутреннія состоянія, даже на степень внутренняго образованія; и если не второе, то, по крайней мѣрѣ, первое (т. е. внутреннее состояніе), должно быть предполагаемо при всѣхъ химическихъ, электрическихъ и магнетическихъ отношеніяхъ, т. е. при всякой конструкціи и конституціи матеріи; такимъ образомъ, психологія всюду должна предшествовать естественнымъ наукамъ, поскольку нашъ вѣкъ серьезно желаетъ дать послѣднимъ философскую постановку и форму.

---

# **ПСИХОЛОГІЯ, КАКЪ НАУКА,**

**ВНОВЬ обоснованная на опытъ, метафизикѣ и  
математикѣ.**

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, синтетическая.**

**1824 г.**

## ВВЕДЕНИЕ.

Цѣль этого сочинченія заключается въ томъ, чтобы представить изслѣдованіе о душѣ, которое равнялось бы изслѣдованію о природѣ, поскольку это послѣднее повсюду предполагаетъ *вполнѣ закономерную связь явленій* и отыскиваетъ ее при помощи разбора фактовъ, осторожныхъ заключеній, смѣлыхъ, испытанныхъ и исправленныхъ гипотезъ, наконецъ, гдѣ это возможно, при помощи разсмотрѣнія величинъ и вычисленія.

Конечно, я долженъ буду далеко уклониться отъ мнѣній тѣхъ, которые основываютъ ученіе о природѣ на внутреннихъ, интеллектуальныхъ интуиціяхъ. Ихъ ученіе о природѣ — не подходящее сравненіе для психологіи; ихъ интуиціи — самообманъ, болѣе чѣмъ подозрительный, потому что они, очевидно, являются неправильными понятіями, возникшими изъ спекулятивныхъ затрудненій.

Не болѣе соглашусь я и съ тѣми, которые, принимая догматъ такъ называемой *трансцендентальной* свободы воли, или прямо исключаютъ большую часть психологическихъ фактовъ изъ общей закономерности, или же объясняютъ эту закономерность какъ простое явленіе. Они умножаютъ неправильные взгляды практической философіи на психологическіе предразсудки, смѣшивая самостоятельность нравственнаго сужденія съ самостоятельностью воли, и проч.

Наконецъ, я долженъ уклониться отъ всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ объяснить внутренніе факты, классифицируя ихъ и принимая для cadaго класса особую, соотвѣтственную ему возможность, а затѣмъ перенося эти возможности на равное имъ *число способностей*, при чемъ логическія подраздѣленія, употребляемыя для *предварительнаго обзора* феноменовъ, вопреки всякому праву, выдаются за познанія реальной множественности и реального же различія.

Послѣ представленныхъ объясненій, многіе навсегда отложатъ эту книгу въ сторону. О еслибы хотя немногіе, которые всетаки не испугались, могли прежде всего припомнить давно признанную величайшую *важность точной науки* о насъ самихъ, о нашемъ духѣ и настроеніи, — той науки, которую мы всегда молчаливо предполагаемъ (какъ будто бы мы уже владѣемъ ею) въ основаніи вездѣ, гдѣ чего нибудь *отъ себя* требуемъ, или *для себя* желаемъ, гдѣ мы что нибудь предпринимаемъ съ помощью своихъ силъ, или, сомнѣваясь въ нихъ, отъ чего нибудь отказываемся, гдѣ мы, познавая, дѣйствуя или наслаждаясь, стремимся впередъ или отступаемъ назадъ.

*Принципомъ познанія* называется начальный пунктъ знанія.

*Реальнымъ принципомъ* называется начальный пунктъ бытія и быванія.

Я прямо отрицаю все мнимое тожество идеальныхъ и реальныхъ принциповъ, и всякое утвержденіе подобнаго рода считаю шлагбаумомъ, съ самаго начала загораживающимъ дорогу къ истинѣ. *Все непосредственно данное есть явленіе; все познаніе реального основывается на взлядѣ,* что данное не могло бы являться, если бы не было реального. А эти заключенія отъ явленія къ реальному основываются не на воображаемыхъ формахъ интуиціи и мышленія.

*Принципы и методы взаимно другъ друга опредѣляютъ.* Именно, принципъ долженъ обладать двоякимъ свойствомъ: во первыхъ, съ самаго начала имѣть собственную *достоверность* и во вторыхъ, *производитъ* другую достоверность. Тотъ видъ и способъ, по которымъ происходитъ послѣднее, есть методъ. Мыслитель, который, занимаясь какимъ нибудь (не произвольнымъ, но даннымъ) понятіемъ, замѣчаетъ, что это понятіе вынуждаетъ его *связать съ нимъ новыя, существенно принадлежащія ему, понятія,* — такой мыслитель находитъ, и находитъ именно при помощи этого, тотъ методъ, который приличествуетъ данному понятію, какъ принципу.

Кто желаетъ дѣлать въ философіи хорошіе успѣхи, тотъ прежде всего долженъ остерегаться, чтобы не быть одностороннимъ въ формѣ своего мышленія и не отдавать себя въ руки какаго бы то ни было ограниченнаго обыкновенія.

Почти каждый классъ проблемъ имѣетъ свою особенность и требуетъ новыхъ упражненій и усилій.

*Принципы психологiи* суть такіе факты сознанія, изъ которыхъ могутъ быть познаны законы того, что въ насъ происходитъ. Факты сознанія, безъ сомнѣнія, служатъ начальными пунктами всякаго психологическаго размышленія; помимо ихъ, что моглибы мы сказать или спросить о душѣ?

Всѣ факты суть нѣчто индивидуальное; это—не роды и не виды.

## I. О различныхъ способахъ, какими приобрѣтается общее знаніе о фактахъ сознанія.

### § 1.

Факты сознанія (между которыми должны находиться психологическіе принципы) или невольно подмѣчаются, или намѣренно выискиваются. Можно было бы прибавить: при помощи наблюденія или насъ самихъ или другихъ; но извѣстно, что обнаруженія другихъ могутъ объясняться только съ помощью самонаблюденія; поэтому будетъ полезнымъ прежде всего остановиться на самонаблюденіи.

### § 2.

Въ любой моментъ можно попытаться заглянуть въ свою внутреннюю жизнь. (Всегда мы о чемъ нибудь думаемъ, и всегда бываетъ на лицо какое нибудь тѣлесное чувство, хотя бы связанное съ сидѣніемъ, лежаніемъ, стояніемъ, вообще—съ необходимымъ поддерживаніемъ тѣла).

### § 3.

Каждый бываетъ произвольнымъ наблюдателемъ надъ самимъ собой въ теченіи всей своей жизни, и благодаря именно этому онъ получаетъ исторію своей собственной жизни.

Нить жизненной исторіи очень часто есть нить внѣшнихъ событій, которыя разсматриваются въ ихъ связи съ интересомъ, и къ которымъ только *сзади присоединяется мысль*

что все это пережито. Хотя внѣшнія событія и должны внутренно подмѣчаться, и хотя всѣ внутреннія подмѣчиванія должно относить къ фактамъ сознанія: однако нельзя утверждать, что это подмѣчиваніе само опять внутренно воспринимается, — точно также, какъ нельзя утверждать и того, будто это воспріятіе подмѣчиванія, въ свою очередь, становится предметомъ какого то высшаго воспріятія, — что повело бы насъ въ безконечность. Поэтому предметомъ внутренняго воспріятія совсѣмъ не всегда бываемъ мы сами; лучше сказать, внутреннее воспріятіе часто прерывается внѣшнимъ или даже другими движеніями духа.

#### § 4.

Что происходитъ въ насъ въ то время, когда мы ни произвольно, ни непроизвольно не обращаемъ на себя вниманія, объ этомъ мы очень часто узнаемъ изъ устъ другихъ, или заключаемъ изъ продуктовъ нашей собственной дѣятельности; и это является третьимъ способомъ, по которому мы получаемъ знаніе о фактахъ своего сознанія. Напр., мы прошли какое нибудь пространство, всецѣло погрузившись въ свои думы, но мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, показываетъ намъ, какъ далеко умчали насъ наши шаги. Или мы читали кому нибудь, безъ всякаго интереса и вниманія, газету; такимъ образомъ, мы, быть можетъ, не знаемъ ничего изъ многихъ строкъ, которыя, однако, отлично восприняты слушателемъ. Или въ то время, когда мы фантазируемъ на какомъ нибудь инструментѣ, наши мысли удаляются отъ музыки, и, такъ какъ насъ живо занимаютъ совсѣмъ другіе предметы, то присутствующій затрудняетъ насъ замѣчаніями о томъ, что мы сейчасъ играли. Такимъ образомъ, мы уже послѣ узнаемъ о томъ, что прошло черезъ нашу голову. Здѣсь умѣстно вспомнить о той двусмысленности, на которую уже могъ натолкнуться читатель.

Фактами сознанія въ строгомъ смыслѣ должны были бы быть только внутренно наблюдаемые. Этимъ опредѣленіемъ понятія исключались бы не только тѣ представленія, которыя, вслѣдствіе своей темноты, остаются незамѣченными, но и активное наблюдение, поскольку оно, въ свою очередь, не становится предметомъ наблюденія въ высшей рефлексіи.

Но активное познаваніе, конечно, относится къ сознанію, хотя само и не познается. И темныя представленія постепенно такъ затемняются, что внутренне наблюдаемое не можетъ быть строго отдѣлено отъ того, что не относится къ наблюденію. Кромѣ того, никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что наблюдаемое стоитъ съ ненаблюдаемымъ въ неразрывной связи продолжающейся душевной дѣятельности. Поэтому мы причисляемъ къ фактамъ сознанія все дѣйствительное представлваніе; и, слѣдовательно, къ видамъ изслѣдованія ихъ мы причисляемъ наблюденіе продуктовъ нашей внутренней дѣятельности, хотя бы внутреннее воспріятіе нашего дѣйствованія и должно было отсутствовать.

Тѣ факты, которые не воспринимаются непосредственно, но о которыхъ только заключаютъ изъ продуктовъ нашей дѣятельности, именно вслѣдствіе этого удаляются отъ *принциповъ*; они скорѣе *проблемы*, которыя должны разрѣшаться наукою при помощи теоремъ.

### § 5.

Желая понять другихъ, мы призываемъ на помощь свои внутреннія воспріятія. Поэтому каждый судитъ о другихъ по себѣ, и рѣдкія состоянія страсти или вдохновенія, нѣжныя движенія чувствительныхъ душъ, для громаднаго большинства остаются совершенно непонятными.

### § 6.

Положимъ себѣ, что запасъ психологическихъ фактовъ собранъ. Какой видъ *правильности* можно въ общемъ признать или предположить въ нихъ? Вотъ первый вопросъ *умозрительной* психологій.

## II. Объ общемъ свойствѣ всего того, что внутренне воспринимается.

### § 7.

Обращаясь къ своей внутренней жизни, мы видимъ, что тамъ все оказывается приходящимъ и уходящимъ, шатаю-



щимся и колеблющимся, словомъ—чѣмъ то такимъ, что становится то *напряженнѣе*, то *слабѣе*.

Въ употребленныхъ сейчасъ выраженіяхъ заключается *понятіе величины*. Слѣдовательно, въ фактахъ сознанія или совсѣмъ нѣтъ никакой строгой правильности, или же она сплошь *математическаго* вида, и можно попытаться математически ее расчленить.

Почему же этого такъ долго не предпринимали? На это древніе вѣка могли бы, въ свое оправданіе, отвѣтить: до открытія вычисленія безконечнаго, математика была еще слишкомъ несовершенна.

### § 8.

Противъ математической психологіи выставляется два главныхъ возраженія:

1) Психологическія величины даны не такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было *измѣрять*; онѣ допускаютъ только несовершенную оцѣнку.—Но можно вычислять *измѣняемость* извѣстныхъ величинъ, и ихъ самихъ, поскольку онѣ *измѣняемы*, не опредѣляя ихъ вполнѣ; на этомъ основывается весь анализъ безконечнаго. Далѣе, можно гипотетически принять законы *измѣненія* величинъ и, вычисливъ слѣдствія, вытекающія изъ этихъ гипотезъ, сравнить ихъ съ опытомъ.

### § 9.

2) Именно та *шаткость* и *текучесть* психологическихъ фактовъ, которая въ общемъ позволяетъ догадываться объ ихъ математической правильности, весьма затрудняетъ начало изслѣдованія, потому что въ этомъ случаѣ первымъ условіемъ являются прочные, строго опредѣленные и *ограниченные* принципы.

Это мы должны разсмотрѣть прежде, чѣмъ говорить о принципахъ психологіи и ихъ научной обработкѣ.

---

### III. Почему мы бываемъ склонны прибѣгать въ психологіи къ абстракціи?

#### § 10.

Въ другихъ наукахъ абстракція есть намѣренный методъ. Въ психологіи, напротивъ, наши показанія о внутренно воспринимаемомъ невольно являются уже абстракціями прежде, нежели мы узнаемъ это, и они становятся ими все болѣе, чѣмъ опредѣленнѣе желаемъ мы выяснитъ ихъ.

Они являются абстракціями прежде, нежели мы узнаемъ это. Потому что точнаго опредѣленія текучаго содержанія нашихъ состояній не хватаетъ уже въ то время, когда мы дѣлаемъ ихъ объектомъ своего представиванія. Это точное опредѣленіе теряется все болѣе, чѣмъ долѣе желаемъ мы сохранить воспоминаніе о внутренно воспріятомъ. Оно извращается все больше, чѣмъ больше стараемся мы удержатъ его во всей его прочности: именно вслѣдствіе этого то оно и смѣшивается съ остальнымъ запасомъ нашихъ среднихъ представленій.

Они становятся ими все болѣе, чѣмъ опредѣленнѣе желаемъ мы выяснитъ ихъ. Это происходитъ по двумъ основаніямъ.

Во первыхъ, чѣмъ болѣе мы стараемся вполнѣ вѣрно передать только то, что мы испытали, тѣмъ охотнѣе мы откидываемъ все то, что нами подмѣчено не точно, за что мы не могли бы вполнѣ поручиться; поэтому мы беремъ отсюда только самое извѣстное. Оттого, припоминая внутреннее воспріятіе, мы намѣренно упускаемъ то, что нами чувствуется какъ шаткое и на что мы не надѣемся опредѣленно указать. То, что удерживается нами, есть абстрактъ. (Примѣры изъ психологіи: опредѣленность ученія о памяти вообще и недостатковъ въ частныхъ опредѣленіяхъ).

Во вторыхъ—если существуютъ душевныя способности, то онѣ должны примѣняться и къ объясненію того, что въ насъ происходитъ. Но чѣмъ менѣе въ понятіяхъ этихъ способностей содержится ближайшихъ опредѣленій фактовъ, тѣмъ неудачнѣе объясненіе. Для связи не хватаетъ среднихъ

членовъ. Возникаютъ остающіеся безъ отвѣта вопросы о *причинномъ отношеніи душевныхъ способностей другъ къ другу*, вслѣдствіе котораго онѣ задѣваютъ другъ друга при совмѣстномъ дѣйствованіи и взаимно вызываются, побуждаются или вынуждается къ дѣйствованію. Каждый такой вопросъ, оканчиваясь признаніемъ незнанія, вызываетъ видимость, будто лежитъ темная, непроходимая пропасть между душевными способностями, которыя, подобно островамъ, выдаются изъ бездоннаго, непроходимаго моря. Что же удивительнаго, если подъ конецъ устаютъ заботиться о совмѣстномъ дѣйствованіи душевныхъ способностей, и если больше находятъ удовольствія въ томъ, чтобы отчетливо описывать далекое раздѣленіе ихъ при помощи величайшаго различія одной способности отъ другой? Душевные способности, повидимому, находятся въ настоящемъ *bellum omnium contra omnes*.

Однако наши философы почитаютъ *неизвѣстное единство* этихъ способностей.

Уже даны признаки, что старые боги не долго будутъ существовать, и что ихъ оракулы скоро замолкнутъ. Вѣдь, дѣйствительно, если посмотрѣть хорошенько, то мы увидимъ, что на пути лучшей психологіи стоитъ не столько дурная воля и непреклонные предразсудки, сколько неловкость и недостатокъ въ знаніи возможности лучшаго *пониманія фактовъ*. Наши философы не математики. Поэтому они не знаютъ той гибкости, съ которою математическія понятія приспособляются къ текущему.

#### IV. Общее указаніе метода, чтобы пользоваться фактами сознанія, какъ принципами.

##### § 11.

Та операція мышленія, которою улучшается недостаточность, называется *дополненіемъ*. И гдѣ недостаточность эмпирическаго наблюденія неизбежна, тамъ должно быть принято дополненіе *умозрительнымъ путемъ*. А это возможно только при помощи указанія *отношеній*, т. е. такихъ реляцій, въ силу которыхъ одно *необходимо предполагаетъ* дру-

гое, и, что является признакомъ этого, одно *безъ* другаго *немыслимо*. — Отысканіе этихъ отношеній производится по тому методу, который въ „Главныхъ положеніяхъ метафизики“ я назвалъ методомъ отношеній \*).

\*) Въ „Главныхъ положеніяхъ метафизики“ мы читаемъ слѣдующее: Методъ отношеній употребляется для отысканія необходимыхъ дополнительныхъ понятій, если они скрыты. Этого метода нельзя приравнивать къ математической формулѣ, которой можно безопасно ввѣряться при вычисленіи. Онъ только описываетъ въ общемъ (до извѣстнаго пункта), какое направленіе неизбѣжно приметъ мыслитель, занявшись даннымъ противорѣчіемъ. Но безъ ближайшаго знакомства съ проблемой его совсѣмъ нельзя примѣнять. — Прежде всего, при помощи аналитическаго разсмотрѣнія, проблема должна быть доведена до такой совершенной отчетливости, чтобы можно было ясно *мыслить* какъ противорѣчіе то, что только *чувствовалось* какъ трудность. Если пунктъ противорѣчія въ точности найденъ, то является необходимымъ его противорѣчивое отрицаніе. Обозначивъ главное понятіе черезъ *A*, различимъ въ немъ два члена — *M* и *N*, которые оно допускаетъ какъ тождественные и которые всетаки (по какому нибудь признаку, хотя бы одному) относятся другъ къ другу, какъ *да* и *нѣтъ*. Противорѣчіе не заключается ни въ одномъ изъ членовъ, взятомъ самимъ по себѣ: оно заключается въ ихъ воображаемомъ тождествѣ. Это тождество и должно быть отрицаемо. Поэтому каждый изъ членовъ допускаютъ отдѣльно. Но каждый членъ данъ только съ другимъ. Если мыслить *M* отдѣльно, то оно — пустое понятіе, снова требующее соединенія съ *N*. Мысля его вмѣстѣ съ *N* въ *A*, мы вынуждаемся опять его отдѣлить. Отдѣленное имѣетъ значеніе только для соединенія; соединенное мыслимо только въ отдѣленіи. Такимъ образомъ, противорѣчіе изъ главнаго понятія перешло въ единичный членъ, который долженъ мыслиться тождественнымъ и въ то же время нетождественнымъ съ другимъ членомъ. Это вторичное противорѣчіе опять требуетъ противорѣчиваго отрицанія, т. е. отдѣленія члена, являющагося въ немъ какъ нѣчто съ нимъ связанное. Это, само съ собой несогласное, *M* не можетъ быть однимъ и тѣмъ же. Оно должно распадаться на одно и другое: одно *M*, тождественное съ *N*, и другое *M*, нетождественное съ *N*. Но здѣсь возобновляются предшествующія разсужденія. *M*, тождественное съ противорѣчающимъ ему *N*, немыслимо. Если, однако, при этомъ должно мыслить нѣчто, то оно прежде всего мыслится какъ *M*, т. е. какъ нетождественное съ *N*. *M*, нетождественное съ *N*, есть пустое понятіе, не имѣющее значенія. Значеніе можно приписать только такому *M*, какъ оно выходитъ изъ главнаго понятія *A*. Слѣдовательно, въ *каждомъ* изъ нѣсколькихъ *M*, коль скоро его слѣдуетъ мыслить въ должной полнотѣ, очевидно оказывается вторичное противорѣчіе, — и, если захотятъ всетаки и здѣсь избѣгнуть его раздѣленіемъ членовъ, то оно снова окажется въ *каждомъ* изъ отдѣльныхъ членовъ. Итакъ, оно не можетъ быть уничтожено ни въ одномъ единичномъ членѣ, какъ единичномъ. Слѣдовательно, остается только принять, что разрѣшеніе этого противорѣчія заключается въ множественности *M*, какъ множественности. Многое,

Вся психологія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ дополненія внутренно воспринимаемыхъ фактовъ.

*Данное въ опытѣ не можетъ быть мыслимо безъ предположенія скрытаго.* А такъ какъ наукѣ не дано ничего другаго, кромѣ опыта, то въ немъ она должна встрѣтить и познать слѣды всего того, что движется и дѣйствуетъ за завѣсю.

Слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ она должна *переступить* опытъ.

*Принциповъ психологіи столько и находятся они тамъ,* гдѣ и въ сколькихъ пунктахъ всей массы внутреннихъ воспріятій можно вскрыть отношенія, указывающія на предположенія, дополненія, необходимую связь съ тѣмъ, что должно происходить или въ сознаніи, или позади его.

### § 13.

Если существуютъ методы, при помощи которыхъ можно обнаружить скрытыя отношенія, то именно то обстоятельство, которое прежде, повидимому, было истиннымъ источникомъ

---

взятое вмѣстѣ, должно быть тождественно съ *N*. Слѣдовательно, его сочетаніе должно равняться *N*, между тѣмъ какъ, ни сочетанія, каждое *M*, взятое въ отдѣльности, не равняется *N*. Вотъ въ чемъ состоитъ методъ. Онъ не можетъ опредѣлить соединенія *M*, потому что не знаетъ самого *M*. Слѣдовательно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ придется доискиваться изъ свойствъ *M*, какое значеніе можетъ имѣть для него *сочетаніе*? Какъ мыслить для этого *каждое* изъ *M*? Какія при этомъ требованія предлагаются самимъ *A*?—Предположенія соединеній, въ каждомъ изъ *M*, отдѣльно взятомъ, даютъ потомъ дополнительныя понятія, которыя соединяются съ *A* посредствомъ синтеза *a priori*, или, иначе говоря,—къ которымъ оно относится. Легкимъ примѣромъ является логическій силлогизмъ. Чтобы посылки (двойное *M*, которое должно быть тождественнымъ съ *N*, слѣдствіемъ, потому что слѣдствіе *заключается* въ основаніи), какъ мысли, могли вступить въ сочетаніе,—что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о выведеніи слѣдствія, должно обозначать нѣчто большее, чѣмъ простую ассоціацію,—предполагается, что въ каждой изъ нихъ есть нѣчто такое, что само собою совпадаетъ въ мышленіи (будетъ ли это тождественное понятіе, или понятія, которыя уже связаны при помощи промежуточнаго ряда заключеній или при помощи необходимаго отношенія). Это нѣчто не принадлежитъ сочетанію, потому что предшествуетъ ему, какъ его условіе. Но только одно лишь сочетаніе есть заключеніе. Это послѣднее тождественно со своимъ основаніемъ, т. е. съ каждою изъ посылокъ, поскольку она соединена съ другою. (Hauptpunkte der Metaphysik, I, B.).

*Примѣч. переводчика.*

психологическихъ затрудненій, и которое дѣйствительно дѣлаетъ невозможной *эмпирическую естественную исторію* духа, является для умозрительной психологіи скорѣе выгоднымъ, чѣмъ невыгоднымъ. Именно, здѣсь имѣетъ свою выгоду то обстоятельство, что всякое психологическое воспріятіе, чтобы стать закрѣпленнымъ, невольно должно потеряться въ абстракціи, оставляя отъ дѣйствительныхъ фактовъ только обломки.

Выгодная сторона этого обстоятельства заключается въ томъ, что абстрактное понятіе снова можетъ быть дополнено при помощи своихъ отношеній, и чѣмъ оно общѣе, тѣмъ скорѣе оно, въ связи съ дополненіемъ, дастъ именно то, что прежде всего отыскивается во всѣхъ наукахъ, т. е. общую теорію, съ помощью которой съ самаго начала можно обозрѣть громадное разнообразіе фактовъ. Кромѣ того, для умозрительнаго изслѣдованія понятіе всегда бываетъ тѣмъ удобнѣе, чѣмъ оно общѣе, т. е. бѣднѣе по содержанію, пока только абстракція не уничтожаетъ заключающагося въ немъ зерна отношеній. Въ послѣднемъ случаѣ оно, конечно, не годится къ употребленію.

Такъ какъ понятіе *Я* есть общій спутникъ всѣхъ душевныхъ состояній,—то оно какъ нельзя лучше соединяетъ въ себѣ свойства *удобнаго* принципа, т. е. *общности* и *краткости*.

## V. Объ отношеніи психологіи къ общей метафизикѣ. \*)

### § 15.

Самыя общія формы явленій, въ томъ видѣ, какъ ихъ находятъ до начала всякаго философствованія, суть принципы метафизики.

---

\*) „Всѣ наши мысли,—говоритъ Гербартъ,—могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: отчасти какъ дѣятельности нашего духа, отчасти со стороны того, что съ помощью ихъ мыслится. Въ послѣднемъ отношеніи онѣ называются понятіями“ (Lehrb. z. Einl. in die Philosophie, § 34). Первоначальныя понятія слагаются подъ вліяніемъ окружающей обстановки и, поэтому, носятъ довольно случайный характеръ. Когда жизнь наталкиваетъ человѣка на размышленіе, побуждая его отдавать себѣ отчетъ въ собственныхъ мысляхъ, онъ впервые начинаетъ

Между только что названными формами есть одна, именно *Я*, которое настолько же можетъ быть отнесена къ психологіи, насколько и къ общей метафизикѣ. Повидимому, *Я* даже не форма, а прямо собственный предметъ психологіи. Однако то, что изслѣдованіе этого понятія должно вестись въ общей метафизикѣ, — вытекаетъ изъ нераздѣльной связи его съ первыми метафизическими изслѣдованіями.

Психологія въ разнообразныхъ фактахъ сознанія имѣетъ неизмѣримое собственное богатство, которое оставляется нетронутымъ общею метафизикой, такъ что тѣ изъ этихъ фактовъ, которые заключаютъ въ себѣ свойства принципа, принадлежатъ одной только психологіи.

Но научная обработка этихъ чисто психологическихъ принциповъ, разрѣшеніе заключающихся въ нихъ проблемъ, — это всегда должно производиться съ привлеченіемъ обще-метафизическихъ теоремъ.

Всѣ психологическіе принципы, такъ какъ они черпаются изъ внутренняго воспріятія, заключаютъ въ себѣ два

---

замѣчать всю неточность, безсвязность, неполноту и неправильность своихъ понятій. И вотъ, отчасти вслѣдствіе практической необходимости устранить споръ или выяснить дѣло, отчасти же вслѣдствіе чисто-теоретическаго интереса, у него возникаетъ стремленіе исправить, дополнить, связать — вообще упорядочить свои понятія. Говоря иначе, въ немъ возникаетъ стремленіе къ *философствованію*. Такимъ образомъ, философія есть *обработка понятій* (Lehrb. z. Einl. in die Philos., § 4). Приступая къ этой обработкѣ, мыслитель прежде всего долженъ, такъ сказать, разобратся въ своихъ понятіяхъ, привести въ извѣстность данный ему матеріалъ. Для этого онъ прежде всего долженъ сдѣлать свои понятія ясными и отчетливыми. Та часть философіи, которая совершаетъ надъ понятіями эту предварительную операцію, называется *логикой*. Въ результатъ логической обработки понятій получается раздѣленіе понятій на два обширныхъ класса, которые отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что понятія одного изъ нихъ „вносятъ въ наше представлваніе нѣкоторую прибавку, состоящую въ одобрительномъ или неодобрительномъ сужденіи“ (Ibidem, § 8). Такія понятія называются эстетическими, и составляютъ предметъ *эстетики*. Всѣ же остальные становятся достояніемъ *метафизики* въ широкомъ смыслѣ этого слова. Подъ метафизикой же въ тѣсномъ смыслѣ, или общей метафизикой, надо разумѣть ту часть философіи, которая занимается самыми общими понятіями бытія и быванія, безъ которыхъ мы не можемъ себѣ представить ни вишняго, ни внутренняго опыта. Когда же метафизика переходитъ къ разсмотрѣнію болѣе частныхъ понятій, то получаетъ названіе *прикладной* метафизики и образуетъ философію природы, психологію и философію религіи.

*Примѣч. переводчика.*

*обстоятельства* (единому Я принадлежатъ многія качества; въ душевной жизни замѣчается постоянная смѣна состояній), вслѣдствіе которыхъ они незамѣтно переходятъ въ главныя общеметафизическія проблемы (какъ вообще единому можетъ подходить многое? какъ вообще смотрѣть на измѣненіе?)

## § 16.

Кромѣ правильнаго отношенія психологіи къ общей метафизикѣ, должно быть принято во вниманіе и мнимое, — именно то, которое послужило поводомъ къ попыткѣ дать метафизикѣ психологическое основаніе.

Чтобы легче ориентироваться въ этомъ, замѣтимъ, что метафизика искони начинается разсмотрѣніемъ природы, что при этомъ она сейчасъ же должна натолкнуться на ненадежность и немыслимость чувственнаго опыта, но что ей будетъ не такъ легко установить лучшее. Послѣ того, какъ древнѣйшіе философы полагали въ основаніе то абсолютное бываніе, вмѣстѣ съ Гераклитомъ, то полное и пустое и маленькія тѣльца, вмѣстѣ съ Левкиппомъ, то числа, вмѣстѣ съ пифагорейцами, или идеи, вмѣстѣ съ Платономъ: все болѣе и болѣе возбуждалось то подозрѣніе, которое высказали софисты, поддержалъ Сократъ и, продолживъ далѣе, вскормили академики и скептики, — именно, что вышеупомянутые древніе философы хотѣли заглянуть въ такую глубину, куда не достигаешь человѣческой глазъ, и что настоящая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы хорошо понимать границы нашего познанія. Въ этомъ, очевидно, уже заключается наставленіе прежде всего соображать *quid valeant humeri, quid ferre recusent*, т. е. прежде, чѣмъ пускаться въ изслѣдованіе природы вещей, точно оцѣнить способность своего познанія. И что же можетъ быть естественнѣе того, что думаютъ поймать себя въ скачкѣ и въ нерадѣніи къ близі лежачему, когда замѣчаютъ, что изслѣдуютъ звѣзды, не зная своего собственнаго сердца?

Тѣмъ не менѣе наше знаніе небесной механики теперь несравненно совершеннѣе знанія закономерности нашей внутренней жизни. И если Сократъ дѣйствительно думалъ, что γυνῆ: σατόν скорѣе окажется плодотворнымъ, чѣмъ тѣ изы-



сканія, которыя казались ему дерзкими, то онъ попался въ величайшій обманъ.

Онъ забывалъ, что это зависитъ не только отъ удаленности предмета отъ насъ, но и отъ зрѣнія, которое мы для него имѣемъ. Чувственный глазъ видитъ съ точностью, приближающейся къ математической опредѣленности, и онъ обыкновенно самъ не искажаетъ своего предмета; а внутреннее воспріятіе подвержено этому упреку и лишено того преимущества. Правда, чувственные предметы смѣняются, возникая и исчезая; но мы сами со своими душевными состояніями еще гораздо непостояннѣе любой внѣшней смѣны. Надо признаться, что чувственные признаки вещи ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть значенія реальныхъ качествъ; но если вещи одеваются въ признаки лишь посколькѣ онѣ являются намъ, то настолько же вѣрно, что и мы сами познаемъ, хотимъ и чувствуемъ лишь посколькѣ намъ встрѣчаются объекты, какъ цѣли нашей интуиціи и желанія,—объекты, о каждомъ изъ которыхъ, въ отдѣльности взятомъ, мы уже въ обыденной жизни признаемъ, что онъ попался намъ только случайно; потому что мы совсѣмъ не позволяемъ считать условіями нашего существованія тѣ предметы, о которыхъ всетаки нельзя отрицать, что они обусловливаютъ все наше знаніе о самихъ себѣ. И между тѣмъ какъ это знаніе о насъ самихъ точно также производится при помощи отношеній къ внѣшнему, какъ и познаніе внѣшнихъ вещей—при помощи отношеній къ намъ, —первое знаніе очень легко смѣшивается со всякаго рода воображеніями, отъ которыхъ гораздо свободнѣе второе. Измышленіе о самомъ себѣ порождаетъ мечтателя; занятіе тѣмъ, что происходитъ внѣ, можетъ исцѣлить мечтателя.

## VII. Планъ и раздѣленіе предстоящихъ изслѣдованій.

### § 23.

*Синтетическими* обыкновенно называютъ такія изслѣдованія, которыя движутся вмѣстѣ съ ходомъ событій, т. е. отъ реальныхъ принциповъ къ реальнымъ слѣдствіямъ. На-

противъ, другія изслѣдованія, благодаря которымъ еще необъясненные феномены сводятся къ вышеупомянутымъ принципамъ, обыкновенно называются *аналитическими*.

Строго говоря, всякое безъ исключенія изслѣдованіе, конечно, начинается съ анализа, потому что оно прежде всего дѣлаетъ логически яснымъ и отчетливымъ основаніе познанія: и затѣмъ оно переходитъ къ синтезу, указывая принципу его отношенія, феномену—его условія или необходимыя предположенія. Это послѣднее всецѣло составляетъ свойство синтеза а priori, потому что въ самомъ основаніи познанія еще не содержалось указанія необходимыхъ предположеній.

Слѣдуетъ начать изслѣдованіемъ *Я*, какъ такого основанія познанія, которое ближе и опредѣленнѣе всего приводитъ къ психологическимъ реальнымъ принципамъ. Отсюда тотчасъ вытекутъ математически опредѣлимые законы сознанія, которые будутъ настолько развиты, что въ общемъ выяснится возможность пробить здѣсь новую дорогу, а именно—пуститься въ психологію безъ принятыхъ душевныхъ способностей. Эти изслѣдованія, вмѣстѣ взятыя, мы желаемъ (*a priori*) назвать синтетической частью нашего сочиненія. За нею будетъ слѣдовать аналитическая часть, которая сводитъ важнѣйшіе изъ остальныхъ феноменовъ сознанія къ полученному раньше знанію законовъ духа.

Очевидно, что синтетическая часть не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ границъ, до которыхъ она простиралась бы въ наукѣ, а тѣмъ болѣе—здѣсь, въ основной части нашего труда. Аналитическая же часть должна сообразоваться съ синтетической.

# ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

## Исслѣдованіе «Я» въ его ближайшихъ отношеніяхъ \*).

### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

#### О философскомъ опредѣленіи понятія „Я“.

##### § 24.

Кто такой Я? — Этотъ вопросъ не приходитъ въ голову обыкновенному человѣку, такъ какъ онъ увѣренъ въ томъ, что очень хорошо знаетъ самого себя. Кто задаетъ себѣ этотъ вопросъ, тотъ ищетъ въ себѣ чего то неизвѣстнаго.

---

\*) Въ виду особенной важности и сложности этого отдѣла, бесполезно будетъ напередъ указать главный ходъ заключающихся въ немъ мыслей. — Наше Я обыкновенно считается чѣмъ то такимъ, что не только само себя познаетъ, но и возвышается надъ всѣми временными представленіями. Различныя частныя представленія, дающія нашему Я индивидуальную окраску, обыкновенно разсматриваются какъ нѣчто для него совершенно случайное. Но еслибы мы захотѣли выкинуть изъ понятія Я всѣ индивидуальныя опредѣленія, то у насъ получилось бы представленіе чистаго Я, которое мы могли бы опредѣлить какъ тожество субъекта и объекта. Такое опредѣленіе заключало бы въ себѣ много противорѣчій и, поэтому, являлось бы немислимымъ. Съ другой стороны, немислимо считать Я и агрегатомъ тѣхъ представленій, которыми опредѣляется моя индивидуальность. Такимъ образомъ, для правильнаго опредѣленія общаго понятія Я, надо вскрыть его отношенія къ частнымъ представленіямъ, дающимъ ему индивидуальную окраску. А эти отношенія сводятся къ тому, что хотя въ каждый отдѣльный моментъ времени мое Я характеризуется извѣстными индивидуальными признаками, однако ни одинъ изъ этихъ признаковъ, взятый самъ по себѣ, не можетъ считаться чѣмъ нибудь неотъемлемымъ отъ этого Я, такъ какъ въ послѣдующіе моменты онъ можетъ быть замѣненъ какимъ нибудь другимъ, настолько же случайнымъ, признакомъ. Словомъ, понятіе нашего Я, хотя

Положимъ себѣ, что онъ нашелъ это неизвѣстное. *Кому* бы онъ приписалъ его? Безъ сомнѣнія, *самому себѣ*. И такъ, повидимому, онъ уже знаетъ себя, поскольку вообще онъ есть *Я*. Но что же, въ такомъ случаѣ, это *Я*? Можно ли его отдѣлить отъ индивидуальной личности? Или для того, чтобы

---

и не стоитъ въ необходимой связи съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ представленіемъ, однако оно необходимо связано съ отдѣльными представленіями вообще. Но, такъ какъ ни одно изъ отдѣльныхъ представленій, взятое само по себѣ, не даетъ представленія *Я*, то, по мнѣнію Гербарта, „само представляемое, въ своемъ многообразіи, должно обладать свойствомъ сбрасывать оковы, въ которыя былъ бы заключенъ субъектъ, могущій познавать одни только предметы и никогда—себя.“ Иначе говоря: для произведенія понятія *Я*, находящіяся въ нашемъ сознаніи представленія должны вступить между собою въ такія отношенія, чтобы мы были „перенесены изъ представляванія“ того, что дано въ каждомъ представленіи, отдѣльно взятомъ. А для этого отдѣльныя представленія, изъ которыхъ возникаетъ *Я*, должны потерпѣть какое то измѣненіе. Но если и это измѣненіе сводилось къ замѣнѣ одного объективнаго представленія другимъ, то въ результатѣ мы всетаки не перешли бы отъ *не Я* къ *Я*. Съ другой стороны, этого измѣненія нельзя понимать и какъ всецѣлаго перехода того, что представляется нами какъ *не Я*, въ представленіе *Я*, потому что, даже независимо отъ вопроса о возможности такого перехода, понятіе чистаго *Я* полно противорѣчій. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ измѣненіе представленій не можетъ касаться ихъ качества, и, слѣдовательно, оно можетъ относиться только къ количественной сторонѣ представленій. „Однако и здѣсь,—говоритъ Гербертъ,—надо остерегаться недоразумѣнія, будто можетъ быть излишекъ въ числѣ или степени представляванія; вѣдь, не можетъ быть никакого излишка въ томъ, что мы приняли какъ прямое условіе *Я*. Слѣдовательно, и количество представляванія въ извѣстномъ смыслѣ должно оставаться тѣмъ же самымъ. Но, въ другомъ смыслѣ, оно всетаки должно уменьшаться.“ Эти соображенія принуждаютъ Гербарта разсматривать количественную сторону представленій съ двойкой точки зрѣнія: во первыхъ, съ точки зрѣнія *представляемаго* и, во вторыхъ, съ точки зрѣнія *представляванія*. Благодаря такому разграниченію, Гербертъ находитъ возможнымъ утверждать, что, для порожденія *Я*, должно измѣняться количество представляемаго, но не представляванія. Говоря словами Гербарта, „дѣятельность субъекта въ представляваніи должна пребывать неуменшаемой, но его эффектъ, представляемый образъ, долженъ ослабѣвать, или совсемъ уничтожаться, — и въ этомъ должно проявлять свое бытіе то, что является результатомъ дѣйствія нѣсколькихъ взаимно противоположныхъ представленій.“ Это представленіе безъ представляемаго, или эта дѣятельность безъ дѣйствія, называется у Гербарта *стремленіемъ къ представляванію*, отчего, въ концѣ концовъ, получается, что „если противоположныя представленія объединены въ одномъ и томъ же субъектѣ, который долженъ достигъ самосознанія, то представленія превращаются въ стремленіе къ представляванію“.

*Примѣч. переводчика.*

вообще говорить *о себѣ*, представлять *себя*, — я по необходимости долженъ быть опредѣленнымъ индивидуумомъ?

Фихте объясняетъ *Я* какъ *тождество объекта и субъекта*; и съ этимъ онъ согласуетъ грамматическое понятіе *Я*, въ противоположность *ты* и *онъ*, потому что *первое лицо* есть то, которое говоритъ о самомъ себѣ.

Находимъ ли мы въ самосознаніи хоть когданибудь самихъ себя просто и только какъ таковое знаніе о себѣ? Никогда. Всегда вмѣшивается какоенибудь индивидуальное опредѣленіе; мы находимъ себя мыслящими, хотящими, чувствующими, страдающими, дѣйствующими, въ опредѣленномъ отношеніи къ тому, что въ данный моментъ служитъ предметомъ мышленія, хотѣнія, чувствованія и т. д. Не является ли это индивидуальное опредѣленіе чѣмъ то постороннимъ для *Я*, чѣмъ то портящимъ и оскверняющимъ его?

Можно найти основанія для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Прежде всего: въ вышеприведенномъ объясненіи *Я*, какъ тождества объекта и субъекта, нѣтъ совсѣмъ никакого индивидуальнаго опредѣленія. Далѣе: даже въ обыденной жизни мы рассматриваемъ совершаемое или испытываемое нами въ данный моментъ, какъ нѣчто для насъ случайное... Значить: *во временномъ воспріятіи я вообще не могу найти себя, какъ того, кто я собственно есмь*. Это воспріятіе, хотя бы и *внутреннее*, всетаки очевидно связано съ внѣшностью, и оттого то оно не можетъ проникнуть до истиннаго зерна нашей собственной самости.

Однако на это могли бы возразить, что вопросъ касается только того *Я*, которое находится какъ нѣчто *данное*. Нельзя отрицать, что всегда мы смотримъ на себя, какъ на такихъ, которые являются созданіемъ если не момента, то всей прежней жизни; и такимъ способомъ образуется самосознаніе какъ тѣхъ, которые живутъ въ Пекинѣ и у Ориноко, такъ и тѣхъ, которые живутъ съ нами. Если бы захотѣли спросить, *къмъ бы я былъ*, родившись тамъ или здѣсь, — то это было бы бессмысленнымъ, потому что при этомъ предполагалось бы, что то же самое *Я*, которое стало у насъ этимъ опредѣленнымъ человѣкомъ, могло бы стать *совершенно другимъ*, и что *этотъ другой* и я были бы равны. Иначе говоря: если бы условія опредѣленной личности мыслились за-

мѣненными другими, то тожество личности можно было бы считать за ничто. Даже допустивъ мнѣніе, что одна и таже душа при различныхъ обстоятельствахъ достигаетъ различныхъ круговъ мыслей и желаній, мы всетаки не должны будемъ приписать самосознанія одного круга мыслей и самосознанія другаго—одному и тому же субъекту; потому что душа, совсѣмъ не являясь фактомъ сознанія, не служитъ ни субъектомъ, ни объектомъ самосознанія. Итакъ, о душѣ можно сказать, что приписываемое ей *Я* (Ichheit) — случайно, и что почти также случайна для этого *Я* (Ichheit) — душа, несознаваемый субстратъ самосознанія. Поэтому не надо оставлять *внутренняго воспріятія, которое одно только можетъ научить каждаго тому, кто онъ такой*, и которое, съ помощью воспоминанія изъ прежней жизни, научаетъ его этому даже довольно опредѣленно.

### § 25.

Если въ обыденной жизни кого нибудь спрашиваютъ, кто онъ такой, то онъ называетъ свое положеніе, имя, мѣсто жительства и мѣсто рожденія. Тѣ или другія внѣшнія опредѣленія его *Я* управляютъ и его поступками. Онъ исполняетъ *свою* индивидуальную должность, *свои* семейныя обязанности, и проч.

Имѣемъ ли мы, кромѣ этого индивидуальнаго *Я*, еще какое нибудь другое? Не допускаемъ ли мы въ обыденной жизни ошибки, рассматривая какъ нѣчто случайное для нашей личности тѣ обстоятельства жизни, которыя, конечно, могли быть другими? Вѣдь, мы всетаки познаемъ свою собственную личность только при этихъ обстоятельствахъ и въ отношеніи къ нимъ.

Конечно, этотъ способъ представленія одержалъ бы побѣду, если бы только *самъ по себѣ онъ былъ выполнимымъ*. Но, во первыхъ: ни въ одномъ мгновенномъ воспріятіи я не нахожу себя только какъ индивидуума; лучше сказать, здѣсь должно приходиться на помощь воспоминаніе. Въ каждомъ новомъ моментѣ я предполагаю себя какъ нѣчто извѣстное изъ предшествующаго времени. А это предполагаемое извѣстнымъ всегда можетъ быть лишь настолько же не-

*опредѣленнымъ*, какъ сумма на половину потухшихъ воспоминаній изъ различныхъ, и отчасти далекихъ временъ. Изъ этого слѣдовало бы, что я не зналъ бы въ точности, *кого* я собственно разумѣлъ, говоря о себѣ, какъ индивидуумъ.

Во вторыхъ: индивидуальныя опредѣленія меня самою являются агрегатомъ, который постепенно выросъ и теперь еще понимается въ возрастаніи. Если бы *Я* равнялось этому агрегату, то оно непрерывно измѣнялось бы и никогда не выполнялось. Но въ самосознаніи мы усматриваемъ себя какъ нѣчто извѣстное, существующее и уже данное на лицо.

Въ третьихъ: агрегатъ не обладаетъ никакимъ реальнымъ единствомъ; онъ есть многое; о себѣ же я говорю, какъ объ единомъ и реальномъ.

Въ четвертыхъ: вся сумма моихъ представленій, желаній и индивидуальныхъ состояній не образовала бы никакой личности, если бы не было субъекта, для котораго тѣ индивидуальныя опредѣленія служили бы внутреннимъ зрѣлищемъ.

Въ пятыхъ: для этого субъекта, для *знанія* о себѣ самомъ, является случайнымъ то, что могло бы представляться познаваемымъ. Поэтому отвлекаются отъ частныхъ опредѣленій познаваемого и характеризуютъ *Я* какъ одно лишь отношеніе внутренняго знанія къ любому внутреннему теченію объективныхъ явленій.

Въ шестыхъ: только что упомянутое отвлеченіе еще недостаточно. Иначе *Я* находило бы себя рядомъ непостоянныхъ явленій, хотя и безъ ближайшаго опредѣленія этого ряда. Но субъектъ не можетъ считать равнымъ самому себѣ ничего, что не было бы столь же простымъ, какъ и онъ.

Слѣдовательно, изъ *Я* должно выдѣлить не только многообразіе индивидуальныхъ опредѣленій, но и общее понятіе этого многообразія. И вотъ тогда для чистаго *Я* не остается ничего, кромѣ одного лишь тождества объекта и субъекта.

Здѣсь мы снова приходимъ къ вышеупомянутому грамматическому понятію перваго лица, только еще съ тѣмъ отрицательнымъ опредѣленіемъ, что это первое лицо не можетъ мыслить какъ самое себя ничего изъ всего того, что кажется связаннымъ съ нимъ индивидуальнымъ образомъ.

Легко замѣтить, что мы исходили изъ *единства субъекта*, внутренняго знанія, для того, чтобы исключить многообразіе

объективнаго. При этомъ мы приняли, что въ активномъ знаніи о самомъ себѣ никто не находитъ множества, что, лучше сказать, всякій разсматриваетъ себя какъ единого, если ему уже предносится многообразіе того, что онъ о себѣ знаетъ. Мы присвоиваемъ себѣ даже наши грезы; мы такъ смѣемся надъ тѣмъ объектомъ, который бы мы изъ себя представили, если бы въ бодрствующемъ состояніи мы были тѣми же самыми, какими являемся во снѣ. Подобно тому, какъ мы отвлекаемся отъ пригрезившейся индивидуальности, для того чтобы въ бодрствующемъ состояніи образовать понятіе о самихъ себѣ, — точно также и въ умо-зрѣніи мы должны отвлечься отъ *всякой* индивидуальности, потому что съ послѣднимъ, внутреннимъ зерномъ самихъ себя, съ самосозерцаніемъ, мы не можемъ отождествлять ничего пестраго и всячески измѣняемаго, и потому что многообразное объективное въ *Я*, вслѣдствіе равенства съ самого себя наблюдающимъ объектомъ, и этого послѣдняго расщепило бы въ агрегатъ многихъ актовъ знанія; при этомъ совершенно пропало бы единство *Я*, за которое всетаки ручается собственное самосознаніе каждаго.

## § 26.

Подведя итогъ всѣмъ предшествующимъ разсужденіямъ, мы получаемъ слѣдующее.

Философское опредѣленіе *Я*, какъ тождества субъекта и объекта, потому кажется удаленнымъ отъ даннаго, что оставляетъ въ сторонѣ *временное* воспріятіе. Но этимъ оно только доводитъ до конца и прямо высказываетъ то, что мы неопредѣленно начинаемъ въ обычной жизни. Именно, въ каждое мгновеніе мы предполагаемъ себя какъ нѣчто извѣстное, и *новыя* опредѣленія, приносимыя мгновеніемъ, разсматриваемъ какъ нѣчто случайное, такъ что мы остались бы совершенно тѣми же самыми, если бы съ нами произошли совсѣмъ другія событія. Отсюда возникаетъ понятіе насъ самихъ, которое не мирится ни съ какими случайностями — ни съ прошедшими, ни съ будущими.

А такъ какъ временное воспріятіе, или внутреннее чувство, надо отдѣлять отъ самопознанія (*Selbstauffassung*) въ



собственномъ смыслѣ, то, конечно, кажется, будто мы имѣемъ совершенно особую основную способность къ этому самопознавію. И такъ какъ всетаки довольно трудно сказать, что собственно служить предметомъ чистаго самосозерцанія (именно, здѣсь чувствуется затрудненіе, возникающее изъ тѣхъ противорѣчій въ понятіи *Я*, которыя подробно развиваются въ слѣдующей главѣ): то возникаетъ склонность надѣлать чистое *Я* всякими предикатами, что становится источникомъ многихъ ложныхъ заключеній (между прочимъ у Фихте).

Здѣсь умѣстно вспомнить утвержденіе *Канта*, что *Я* есть чисто-интеллектуальное представленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ — самое бѣдное изъ всѣхъ. Первая половина этого утвержденія допускаетъ, что понятіе *Я* нельзя опредѣлить внутреннимъ воспріятіемъ. Вторая половина можетъ служить предупрежденіемъ для тѣхъ, которые думаютъ, что можно безъ труда указать содержаніе представленія чистаго *Я*. Впрочемъ, здѣсь встрѣчается двойная ошибка: съ одной стороны, въ поспѣшномъ признаніи чисто интеллектуальной способности (*Krit. d. ch. V. S. 423*, въ концѣ), а, съ другой, въ забвеніи грамматическаго понятія *Я*, которое, противопоставляя и отождествляя субъектъ и объектъ, даетъ умозрѣнію гораздо больше дѣла, чѣмъ другія безчисленные понятія, болѣе богатая по своему содержанію.

Кто же имѣетъ въ виду отмѣченные выше трудности отдѣлить себя отъ индивидуальныхъ опредѣленій *Я*, и сверхъ того старается въ умозрительныхъ понятіяхъ *Я* провести только что указанное отвлеченіе отъ индивидуальнаго еще дальше, чѣмъ это происходитъ въ обыкновенномъ сознаніи, — тотъ уже можетъ догадываться, что отношенія *Я* къ индивидуальности хотя и скрыты, но тѣмъ не менѣе даны, и что успѣхъ умозрѣнія долженъ сводиться именно къ вскрытію этихъ отношеній въ ихъ необходимости, вмѣстѣ съ чѣмъ исчезаетъ основная способность чистаго самопознанія и внутреннее чувство получаетъ свое надлежащее объясненіе. Такъ бываетъ и на самомъ дѣлѣ. Философское опредѣленіе только доводитъ до крайности общее представленіе *Я*, для того, чтобы натолкнуть его на очевидныя невозможности. Отсюда ясно, что понятіе *Я*, которое было обманчивымъ

порожденіемъ нашего мышленія, нуждается въ нѣкоторомъ улучшеніи, и что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, философія должна прояснить ту темноту общаго сознанія, которая вводитъ въ заблужденіе.

Итакъ, пока мы остаемся при слѣдующемъ объясненіи: *Я* есть тожество объекта и субъекта. Послѣ мы увидимъ, что это объясненіе годится только *для начала изслѣдованія*. Мы разовьемъ заключающіяся здѣсь противорѣчія. Изъ этихъ противорѣчій мы узнаемъ, что въ понятіи *Я* слѣдуетъ измѣнить и что должно примыслить.

## ВТОРАЯ ГЛАВА.

**Изложеніе заключающейся въ понятіи „Я“ проблемы, вмѣстѣ съ первыми шагами къ ея разрѣшенію.**

### § 27.

1) *Я* является какъ нѣчто данное въ сознаніи, и понятіе этого даннаго считается его полнымъ выраженіемъ. Но ему недостаетъ ни объекта, ни субъекта, слѣдовательно всей его матеріи.

2) Предполагаемое тожество субъекта и объекта противорѣчитъ неизбѣжной противоположности между ними; слѣдовательно, понятіе нелѣпо и по формѣ.

Объясненіе перваго пункта опять таки распадется на двое. Должно показать, что недостаетъ и объекта, и субъекта.

Прежде всего: кто или что служитъ объектомъ самосознанія? Отвѣтъ долженъ заключаться въ положеніи: *Я* представляетъ себя. Это „себя“ есть само „Я“. Если подставить понятіе *Я*, то первое положеніе превращается въ слѣдующее: *Я* представляетъ представляющаго себя.. Вмѣсто отвѣта, возникаетъ безконечный рядъ, который никогда не приближается къ требуемому значенію, но всегда только удаляется отъ него. Этотъ рядъ ошибоченъ уже потому, что самосознаніе ничего не знаетъ объ этомъ развитіи на многіе члены или о такой многократной вставкѣ въ самого себя.

Не лучше обстоитъ дѣло и со стороны субъекта. По своему понятію, *Я* должно знать о самомъ себѣ; то, что мыслится въ немъ субъективнымъ, снова должно стать объективнымъ, представляемымъ для новаго знанія (*Wissen*)... Слѣдовательно, если принять, что *Я* дано объективно, то оно дано для самого себя и ни для кого другаго; оно представляется самимъ собою. Но актъ этого представляванія также не можетъ медлить; то, что есть *Я*, то, по своему понятію, должно и знать его; что его не знаетъ, то и не бываетъ имъ. Оно, дѣйствительно, есть представляющее себя; какъ такое представляющее, оно опять должно быть представленнымъ. Но и это новое представленіе, которое здѣсь требовалось, должно снова сдѣлаться объектомъ для еще болѣе высшаго знанія... Этотъ рядъ также, очевидно, тянется до безконечности.

Объектъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть вещью самой по себѣ, онъ долженъ быть самимъ истиннымъ субъектомъ. А такъ какъ субъектъ самъ по себѣ — ничто, и такъ какъ онъ есть только представляваніе самого себя, то именно это представляваніе, какъ порожденіе образа, должно быть и представляемымъ образомъ. Дѣйствіе само должно быть дѣйствуемымъ, условіе — обусловливаемымъ, дѣйствительный актъ представляванія — образомъ самого себя, образомъ, который, какъ образъ, ничтоженъ...

## § 28.

Совершенно безпредметное представляваніе не можетъ служить выраженіемъ *Я*. Слѣдовательно, прежде всего мы должны отнести къ понятію *Я* неизвѣстный и еще только подлежащій опредѣленію объектъ, и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ дальше.

А сейчасъ необходимо признаться, что мы уклонились отъ собственнаго значенія понятія; потому что мы должны были не признавать неизвѣстный объектъ, но удовольствоваться тѣмъ, что субъектъ вмѣстѣ съ тѣмъ заступаетъ мѣсто объекта, что *Я* полагаетъ не что нибудь другое, но себя.

Однако это признаніе ничуть не должно удивлять. Вѣдь, само собою ясно, что противорѣчивое понятіе, коль скоро

его нельзя цѣликомъ отбросить, должно потерпѣть измѣненіе. И сдѣлчанное измѣненіе было необходимо, потому что, какъ мы видѣли выше, въ данномъ понятіи не хватаетъ объекта.

Тѣмъ не менѣе уклоненіе отъ даннаго приводитъ насъ въ затрудненіе. О представиваніи неизвѣстнаго объекта можно было бы сказать очень много безъ того, что бы это стояло хотя бы въ самой незначительной связи съ предложенной проблемой. Мы находимся въ опасности очутиться въ произвольномъ мышленіи, коль скоро не установимъ понятія *Я* во всей его строгости.

Итакъ, не надо упускать этого изъ виду. И поэтому мы можемъ приписать *Я* объекту лишь при томъ предположеніи, что онъ оиять исчезаетъ изъ самопознанія.

Если же онъ исчезаетъ, то снова возникаетъ потребность въ объектѣ, хотя и не прямо *въ томъ же самомъ*, который мы вставили сначала.

Итакъ, вполне возможно допустить въ основаніи „*Я*“ *многіе и различные* объекты. И это оказывается не только вполне возможнымъ, но, при ближайшемъ обсужденіи, и совершенно необходимымъ.

Именно, мы совсѣмъ не двинулись бы въ своемъ мышленіи съ мѣста, и, по крайней мѣрѣ, не ускорили бы рѣшенія проблемы, если бы захотѣли все время вертѣться около тѣхъ двухъ соображеній, что, во первыхъ, „*Я*“ *нуждается въ отличномъ отъ него объектѣ*, и что, во вторыхъ, „*Я*“ *ни на одинъ изъ отличающихся отъ него объектовъ не можетъ смотрѣть, какъ на самое себя*. Эти разсужденія привели бы насъ къ тому, чтобы снова отдѣлить принятый объектъ, и затѣмъ опять привлечь его, для того чтобы еще разъ откинуть: колебаніе безъ конца и безъ пользы. Если бы при этомъ мы захотѣли нарушить послѣдовательность нашего размышленія и спросить о результатѣ, то онъ оказался бы противорѣчіемъ: „*Я*“ *обладаетъ отличнымъ отъ себя объектѣмъ, не обладая имъ*. Этого противорѣчія нельзя разрѣшить никакимъ раздѣленіемъ; потому что, пока мы говоримъ только объ единичномъ, чуждомъ для *Я*, объектѣ, совсѣмъ не надо обращать вниманія на то, откуда должна явиться модифи-

кація, въ силу которой одно и тоже въ одномъ отношеніи могло бы принадлежать Я, а въ другомъ — исключаться изъ него.

Напротивъ, коль скоро мы вспомнимъ, что, снова исключая принятый объектъ, можно вставлять другой и опять другой, — дѣло освѣщается. Именно, сейчасъ же оказывается, что Я (Ichheit) опирается на *многообразное объективное основаніе*, каждая часть котораго для него случайна, поскольку остальные части всегда могутъ служить опорой для Я, въ томъ случаѣ, если бы была откинута та. Я полагаю себя то тѣмъ, то другимъ, но не связанъ ни съ чѣмъ, пока могу перемѣняться. Такъ столъ, имѣющій четыре ножки, хотя собственно опирается на всѣ заразъ, однако могъ бы по очереди обойтись безъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, потому что его всетаки поддерживали бы остальные. Если представляется нѣсколько объектовъ, то нѣчто въ нихъ относится къ представляющему; именно — *ихъ соединеніе въ единомъ представленіи* и то, что изъ этого далѣе слѣдуетъ.

Намъ бы хотѣлось это первое начало умозрѣнія сейчасъ же сравнить съ опытомъ. Я нахожу себя мыслящимъ, хотящимъ, чувствующимъ. Но мышленіе есть переходъ отъ мыслей къ мыслямъ, хотѣніе — продолжающееся стремленіе изъ одного положенія представленій въ другое. Здѣсь переходъ и стремленіе относятся къ многообразію въ объективномъ: мы приписываемъ себѣ не само объективное, а обращеніе (Umwandeln) подъ его многообразіемъ. Что значитъ „находить себя чувствующимъ“, — это довольно трудно объяснить. Однако и здѣсь можно видѣть, что чувствуемое (объективное въ собственномъ качествѣ), — это удовольствіе или та скорбь, — ничуть не передаетъ того, на что мы смотримъ какъ на свое собственное Я.

## § 29.

Нѣсколько объектовъ (само собою понятно, не реальныхъ предметовъ, но лишь представляемыхъ, какъ таковыхъ), которые, вмѣстѣ взятые, должны произвести то, на что они не были бы способны въ одиночку (именно — подготовить почву для беспочвеннаго Я), взятые какъ простая сумма или агрегатъ, очевидно, не болѣе будутъ пригодны къ этому,

чѣмъ и взяты въ одиночку, сами по себѣ. Они должны другъ друга видоизмѣнить. Но *какъ* должны они измѣниться, — этого нельзя еще опредѣленнѣе указать, исходя изъ тѣхъ же самыхъ основаній.

Такъ какъ мы, представляя самихъ себя, конечно, понимаемся не въ представлеваніи посторонняго для насъ объективнаго, и такъ какъ мы всетаки должны придти къ самимъ себѣ, исходя изъ этого же самаго представлеванія посторонняго для насъ объективнаго, и при помощи его самого: то только въ этомъ объективномъ можетъ лежать основаніе, почему мы удаляемся изъ его представлеванія. Само представляемое въ своемъ многообразіи должно обладать свойствомъ сбрасывать оковы, въ которыя былъ бы заключенъ субъектъ, могущій познавать одни только предметы и никогда — себя.

Требованіе, что наше представляемое должно удалить насъ изъ самого себя, для того чтобы мы пришли къ себѣ, есть частное требованіе, содержащееся въ болѣе общемъ, которое гласитъ: наше представляемое должно извѣстнымъ образомъ перемѣстить насъ изъ представлеванія самого себя.

Такъ какъ никакое представлеваніе, взятое въ отдѣльности, какъ представлеваніе какого нибудь опредѣленнаго *A* или *B* или *C* и т. д., не можетъ перенести насъ изъ самого себя, — то остается только, чтобы различное представлеваніе, поскольку оно опредѣляется различнымъ представляемымъ какъ такое или другое, взаимно ослаблялось, чтобы одно перемѣщало насъ изъ другаго.

*Слѣдовательно, многообразныя представленія должны другъ подъ другомъ уничтожаться, если должно быть возможнымъ „Я“.*

Внутреннее воспріятіе учитъ, что наши простѣйшія чувственные ощущенія образуютъ различные ряды, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ безчисленное множество представленій, стоящихъ другъ къ другу во всевозможныхъ степеняхъ противоположностей. Различныя краски вытѣсняють другъ друга изъ сознанія; фигуры — также; не менѣе подлежатъ этому звуки, запахи, вкусовые и осязательныя ощущенія. Мы не можемъ вполнѣ установить представленія голубаго, если сюда является представленіе краснаго.

---

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

## Подготовка математико - психологическихъ изслѣдованій.

## § 36.

Въ § 29 находилось положеніе, что многообразныя представленія субъекта, которому надо достичь до *Я*, должны быть противоположны другъ другу, въ томъ смыслѣ, что одно представиваніе уменьшаетъ или совсѣмъ уничтожаетъ другое. Сейчасъ надо ближе обсудить, что это значить.

Прежде всего представимъ себѣ представляющее, однако еще безъ самосознанія, и (чтобы ничего не принимать произвольно и не дѣлать поспѣшныхъ предположеній) еще безъ всякихъ формальныхъ опредѣленій понятіями, или пространствомъ и временемъ: просто преданнаго матеріи ощущенія, какъ напр. звукамъ, или ощущеніямъ вкуса, обонянія, осязанія (чувство зрѣнія было бы здѣсь совсѣмъ неподходящимъ примѣромъ, или, по крайней мѣрѣ, оно вызвало бы недоразумѣніе, потому что при цвѣтахъ всегда сейчасъ же примышляется какая нибудь фигура и величина). Теперь требуется, чтобы это наше представляющее перешло къ представиванію самого себя, но не при помощи абсолютнаго акта, а единственно опредѣляясь лишь качествомъ тѣхъ представленій, которыя мы уже предположили у него.

Слѣдовательно, такъ какъ представленіе *Я* должно *не придти со стороны*, а *стать* изъ того, что тутъ уже есть, то это данное не можетъ оставаться такимъ, какимъ оно есть теперь, но во всякомъ случаѣ должно стать *другимъ*.

Однако здѣсь намъ ничуть бы не помогло, если бы одно объективное опредѣленіе переходило въ другое. Если допустить, что представленіе краснаго переходитъ въ представленіе голубаго, или высокій звукъ—въ низкій. то это голубое и этотъ низкій звукъ настолько же чужды представиванію *Я* (которое должно возникнуть), какъ представленія краснаго и высокаго звука. Слѣдовательно, такимъ измѣненіемъ ничего бы не достигалось.

Или если бы мы захотѣли сказать, что объективныя представленія должны совершенно оставить свой видъ, чтобы, вмѣсто *не Я* представить скорѣе *Я*, — то это, даже независимо отъ вопроса о возможности, было бы совсѣмъ несообразнымъ съ проблемою. Вѣдь, мы видѣли, что чистое *Я* есть противорѣчіе, и поэтому упомянутое требованіе означаетъ ничто другое, какъ то, что представленія изъ вида представляемаго (*Vorstellbaren*) должны перейти въ видъ непредставимаго и нелѣпаго.

Такъ какъ *Я* необходимо относится къ многообразію такихъ объектовъ, которые суть *не Я*, то эти объективныя представленія должны оставаться въ своемъ собственномъ видѣ, потому что иначе для *Я* снова пропалъ бы пунктъ отношенія.

Если же мы оставимъ имъ ихъ качество, то ихъ измѣненіе можетъ относиться только къ количеству представляванія.

Однако и здѣсь надо остерегаться недоразумѣнія; именно, — будто можетъ быть излишекъ въ числѣ или степени представляванія; вѣдь, не можетъ быть никакого излишка въ томъ, что мы приняли какъ прямое условіе *Я*. Слѣдовательно, и количество представляванія въ извѣстномъ смыслѣ должно оставаться тѣмъ же самымъ.

Но въ другомъ смыслѣ оно всетаки должно уменьшаться; потому что если субъектъ долженъ придти къ самому себѣ, то онъ, очевидно, не можетъ оставаться такимъ образомъ заключеннымъ въ объективномъ, какъ мы это представляли себѣ до сихъ поръ.

Здѣсь мы приходимъ къ тому, чтобы породить новое понятіе, которое было бы удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ.

Если мы говоримъ, что объективное, какъ оно есть, негодно для того, чтобы входить въ самосознаніе, потому что иначе мы представляли бы самихъ себя чѣмъ то чуждымъ и другимъ: то здѣсь мы направляемъ свое вниманіе на то объективное, на тѣ сказы, которые предносятся представляющему, а не на то представляваніе, которое мы приписываемъ самому субъекту, какъ дѣятельность. Слѣдовательно, съ первымъ пунктомъ совпадаетъ наше требованіе, что измѣне-



ніе должно происходить въ количествѣ *представляемаго*, и если при этомъ мы можемъ установить неизмѣняемость *представленія*, субъективно взятаго, то объясняются различныя отношенія, при чемъ мы не наталкиваемся ни на какое истинное противорѣчіе.

Слѣдовательно, дѣятельность субъекта въ представленіи должна пребывать неуменьшаемой, но его эффектъ, представляемый образъ, долженъ ослабѣвать или совсѣмъ уничтожаться; и въ этомъ должно проявлять свое бытіе (*bestehen*) то, что является результатомъ дѣйствія нѣсколькихъ взаимно противоположныхъ представленій.

Но дѣятельность, продолжающаяся въ то время, какъ ея эффектъ, который она приносила бы въ силу своихъ свойствъ (*Eigenthümlichkeit*), удерживается чѣмъ нибудь чуждымъ, можетъ быть названа только именемъ *стремленія*.

Поэтому, если противоположныя представленія объединены въ одномъ и томъ же субъектѣ, который долженъ достигъ самосознанія, то представленія превращаются (*aus Vorstellungen wird*) въ *стремленіе къ представленію*.

### § 37.

Только что полученные мысли мы можемъ сейчасъ сравнить съ опытомъ. Опытъ учитъ, что наши представленія затемняются, исчезаютъ, возвращаются снова. О томъ состояніи, въ которомъ они могли бы находиться, исчезая изъ сознанія, не можетъ ничего сказать никакой опытъ, потому что мы имѣемъ опытъ лишь постольку, поскольку дѣйствительно представляемъ, и желаніе наблюдать исчезаніе собственныхъ представленій было бы равносильнымъ желанію воспринимать свое собственное засыпаніе. Однако, куда не достигаетъ опытъ, очень часто можно проникнуть путемъ умозрѣнія: и мы сейчасъ только что видѣли, что наши представленія, исчезнувъ изъ сознанія, превращаются въ стремленіе къ представляванію и что, какъ такое стремленіе, они продолжаютъ не уменьшаясь, отчего ихъ представляемое должно снова возвратиться, коль скоро будутъ побѣждены препятствія, которыми они стѣснялись.

Насколько мало это заключеніе могло быть дано непосредственнымъ опытомъ, настолько же плодотворнымъ является оно для объясненія феноменовъ. И здѣсь оно проливаетъ неожиданный свѣтъ на два въ высшей степени важныхъ психологическихъ предмета—память и волю.

### § 38.

Что дѣлаетъ для „Я“ стремленіе къ представиванію? Пока еще только въ самомъ общемъ видѣ надо признать, что постороннія для Я представленія должны оставаться, а ихъ объекты исчезать, если должно выступить Я, которое относится къ нимъ и всетаки имъ противоположно. Однако для того, чтобы понять, что мы ближе подвигаемся къ рѣшенію, заглянемъ въ § 28. Тамъ было выставлено положеніе: „если представляется нѣсколько объектовъ, то нѣчто въ нихъ относится къ представляющему, именно—ихъ соединеніе въ единомъ представиваніи, и то, что изъ этого далѣе слѣдуетъ“. Теперь можно ближе указать на то, что слѣдуетъ изъ соединенія въ единомъ представиваніи, именно—поскольку оно образуетъ основоположеніе Я. Не объекты представленій, но *живость* (Regsamkeit) самого представиванія въ его задержкѣ является тѣмъ, на что можно смотрѣть какъ на образующее то, въ чемъ мы познаемъ самихъ себя.

### § 39.

Что между многими, другъ другу противоположными представленіями задержка должна быть *взаимной*, что, слѣдовательно, *все* объекты должны въ извѣстной степени затемняться, и что, въ такой же точно степени, дѣятельности представиванія должны превращаться въ стремленія,—все это на столько непосредственно ясно, что не нуждается въ доказательствѣ. Къ тому же внутреннее воспріятіе ничего не знаетъ о такихъ представленіяхъ, которыя совсѣмъ не были бы подвержены затемненію; лучше сказать, нельзя отрицать того, что *все* извѣстныя намъ ощущенія, мысли, настроенія, мотивы, однимъ словомъ—все, выступающее въ сознаніи, точно также вытѣсняется другимъ, какъ и само

способно вытѣснять другое. Каждый предметъ, занимающій духъ, *не стоитъ*, но *колеблется* въ сознаніи, колеблется въ постоянной опасности быть забытымъ (хотя бы на мгновеніе) подъ вліяніемъ чего-нибудь новаго.

Однако понятіе взаимной задержки нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ.—Здѣсь мы смотримъ на представленія какъ на *силы*, дѣйствующія другъ противъ друга. Но подобно тому, какъ въ общей метафизикѣ утверждается, что признакъ силы не можетъ быть никакимъ реальнымъ предикатомъ какой бы то ни было сущности, но что сущности лишь случайно *становятся* силами, и что онѣ могутъ стать ими безконечно многообразными способами, помимо всякаго реального многообразія въ нихъ самихъ (ср. „*Hauptgr. d. Metaph.*“, § 5): точно также и настоящее разсмотрѣніе представленій показываетъ, что всякое обнаруженіе силы для нихъ случайно и возникаетъ въ массѣ, когда они задерживаются. Каждое отдѣльное представленіе прежде всего и само по себѣ существуетъ только благодаря своему объекту, благодаря тому, что представляется, но — исключительно благодаря этому и опредѣляясь какъ такое и никакое другое. Такимъ образомъ, дѣйствительно представляя этотъ предметъ, оно, конечно, совсѣмъ не является *стремленіемъ* къ представиванію, потому что свойство стремленія впервые выступаетъ въ задержкѣ привходящимъ противоположнымъ. И въ немъ совсѣмъ нѣтъ никакой дѣятельности, которая была бы направлена на что-нибудь постороннее и, такъ сказать, внѣшнее, потому что, сообразно своему понятію, представленіе состоитъ только въ порожденіи и удерживаніи представляемаго имъ образа; этимъ оно исчерпывается и, кромѣ того, въ немъ ничего нельзя найти. — Встрѣчаясь въ одномъ и томъ же субъектѣ съ другимъ, противоположнымъ себѣ, представленіемъ, оно впервые приходитъ въ дѣятельность, чрезъ которую выступаетъ изъ самого себя. Оно стѣсняетъ другое, потому что стѣсняется другимъ; а оба они стѣсняютъ другъ друга въ силу возникшей между ними противоположности. Эта противоположность опять таки не есть какой-нибудь предикатъ того или другаго изъ нихъ, отдѣльно взятаго, но формальное опредѣленіе, которое имѣетъ смыслъ и значеніе только въ отношеніи къ обоимъ,

вмѣстѣ взятымъ. Кто слышитъ тонъ *c*, тотъ слышитъ его по себѣ и чрезъ себя, а не какъ нѣчто противоположное тону *d*. Равнымъ образомъ, кто слышитъ тонъ *d*, тотъ слышитъ простой звукъ *d*, безъ противоположности его тону *c*. Но кто слышитъ оба тона *c* и *d*, или заразъ имѣетъ въ сознаниіи оба представленія, тотъ воспринимаетъ не только сумму *c* и *d*, но, сверхъ того, и контрастъ между ними, и его представлiваніе подвержено дѣйствию противоположности обоихъ.

Противоположность двухъ представленій можетъ быть различной степени... Задержки, какъ непосредственныя слѣдствія противоположностей, подобно имъ, также должны различаться по степенямъ. Слѣдовательно, то, что представленія становятся силами, имѣетъ свою *мѣру*, хотя и *измѣняемую* мѣру, потому что величины противоположности допускаютъ измѣненіе.

На ряду съ этимъ отдѣленіемъ величины мы сейчасъ узнаемъ еще другое, какъ возможно.—Слѣдствіемъ задержки является затемненіе объекта и превращеніе представлiванія въ стремленіе къ представлiванію. Если извѣстная степень противоположности можетъ произвести полное затемненіе объекта, то меньшая противоположность будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ только частное затемненіе. Слѣдовательно, это частное затемненіе допускаетъ еще нѣкоторую степень представлiванія. Значитъ, представлiваніе объекта также имѣетъ степень, что подтверждается и опытомъ.

Но очевидно, что нѣтъ нужды принимать, будто извѣстное представлiваніе, для того, чтобы быть болѣе слабымъ сравнительно съ другимъ, сначала должно потерпѣть частное затемненіе: и безъ всякой задержки, съ самаго начала, оно можетъ быть слабѣе или напряженнѣе (*stärkeres*) \*). Это опять таки вполне извѣстно въ опытѣ; мы всѣмъ нашимъ ощущеніямъ (*Auffassungen*) съ самаго начала приписываемъ какую нибудь степень.

\*) Однако здѣсь указывается только *логическая* возможность различныхъ степеней напряженности и противоположности. *Реальная* возможность вытекаетъ изъ общихъ метафизическихъ разсужденій о случайныхъ воззрѣніяхъ на сущности и о сочетаніи ихъ, какъ условіяхъ нарушенія и самосохраненія.

Если теперь это опредѣленіе величины мы свяжемъ съ вышеприведеннымъ, т. е. различіе представленій по ихъ *напряженности*—съ величиною ихъ противоположности другъ другу, то изъ этого должно явствовать, какъ будутъ велики въ каждомъ случаѣ затемненіе, задержка, стремленіе и еще оставшееся дѣйствительное представлѣніе. Здѣсь вычисленіе находитъ пригодную для себя матерію.

#### § 40.

Затемненіе представленій, въ особенности если оно послѣдовательно проходитъ чрезъ различныя степени, имѣетъ такъ много сходнаго съ *движеніемъ*, что совсѣмъ нечего удивляться, если теорія законовъ затемненія и противоположнаго ему освѣщенія, или обратнаго выступанія представленій въ сознаніе, въ общемъ построится подобно теоріи законовъ движенія тѣлъ. По крайней мѣрѣ, языкъ долженъ отсюда заимствовать свои выраженія, если только понапрасну не долженъ быть придуманъ новый и, поэтому, непонятный языкъ.

Прежде всего и здѣсь мы найдемъ то различіе между *статикой* и *механикой*, которое господствуетъ въ ученіи о пространственныхъ силахъ; потому что *равновѣсіе*, въ противоположность еще продолжающемуся движенію вслѣдствіе перевѣса однихъ силъ надъ другими, есть то, что прежде всего излагается и легче всего опредѣляется и въ дѣйствующихъ другъ противъ друга представленіяхъ. Вышеупомянутый вопросъ о томъ, на сколько будетъ велико, при данной напряженности и данной противоположности нѣсколькихъ представленій, затемненіе каждаго изъ нихъ,—очевидно, вопросъ статическій; потому что здѣсь отыскивается такая задержка каждаго представленія, при которой происходило бы удовлетвореніе противоположности, и при которой силы не могли бы болѣе направляться другъ противъ друга. Однако, если такое задержанное состояніе каждаго представленія наступаетъ не сразу, но постепенно, то возникаетъ еще совершенно другое изслѣдованіе, именно—съ какою *скоростью* (будетъ ли она равномерной или нѣтъ) происходитъ затемненіе, и въ какое *время* оно заканчивается. Этотъ послѣд-

ній вопросъ, безъ сомнѣнія, сейчасъ же признается за вопросъ механической.

Приведенные примѣры могли бы въ общемъ уяснить сходство механики духа съ механикой тѣлъ. Однако ради сродства нельзя упускать изъ вниманія и различія. Здѣсь мы не имѣемъ никакого пространственнаго сложенія и разложенія силъ; мы не имѣемъ никакого угла, слѣдовательно, никакого синуса и косинуса, и никакого круговаго движенія, мы не имѣемъ никакого безконечнаго пространства, но все движеніе представленій заключается между двумя устойчивыми пунктами — своимъ вполне задержаннымъ и вполне незадержаннымъ состояніемъ; наконецъ, мы не имѣемъ никакого постояннаго поступанія движимаго, а, слѣдовательно, и никакого ускоренія, подобнаго тому, которое встрѣчается въ механикѣ тѣлъ, потому что каждое мгновенное движеніе представленія является непосредственнымъ результатомъ влекущихъ силъ. Напротивъ, мы имѣемъ здѣсь множество совсѣмъ другихъ основныхъ понятій, которыхъ не знаетъ механика тѣлъ, и которыхъ она не знала бы даже тогда, если бы, стремясь къ аналогіи механики духа, захотѣли изслѣдовать взаимныя стѣсненія множества эластичныхъ тѣлъ (потому что ихъ еще скорѣе всего можно было бы сравнить съ представленіями). Въмѣсто тяжести, которая давить тѣла внизъ, здѣсь мы имѣемъ естественное и постоянное стремленіе всѣхъ представленій вверхъ, для того, чтобы возвратиться къ своему незадержанному состоянію; однако, это — скорѣе сходство, чѣмъ различіе, потому что оно указываетъ на то обычное влеченіе по опредѣленному направленію, которое въ каждое мгновеніе дѣйствуетъ настолько, насколько позволяютъ обстоятельства.

---

## ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

### Основныя черты статики духа.

#### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

##### Сумма и пропорція задержки при полной противоположности.

###### § 41.

Противоположность двухъ представлений бываетъ *полной*, или возможно большей, если одно изъ нихъ должно быть задержано цѣликомъ, для того чтобы другое оставалось незадержаннымъ. Правда, этотъ случай никогда не наступаетъ, потому что представленіе задерживается только сопротивляясь, и его сопротивление всегда должно вносить извѣстную задержку въ противоположное представленіе. Но можно принять фикцію, что вся сила противоположности, т. е. все принужденіе къ погруженію, падаетъ только на одно изъ двухъ: тогда самое большее, что можетъ произойдти,—это полное погруженіе послѣдняго, или полное затемненіе представляемаго имъ, при превращеніи всей его дѣятельности въ простое стремленіе противъ противоположнаго. Болѣе, чѣмъ погружаться, оно не можетъ, и было бы бессмысленнымъ стараться представить себѣ количество дѣйствительнаго представляванія опустившимся ниже нуля, т. е. отрицательнымъ.

Но противоположность можно мыслить *меньшей*. Вслѣдствіе этого, одно представленіе могло бы оставаться совершенно незадержаннымъ, если бы отъ другаго задерживалась

только опредѣленная дробь, т. е., собственно говоря, если бы другое задерживалось только въ опредѣленной степени.

Различіе между полной и меньшей противоположностью не зависитъ отъ напряженности представленій. Пусть одно= $a$ , другое= $b$ , гдѣ  $a$  и  $b$  обозначаютъ числа, съ помощью которыхъ сравниваются напряженности обоихъ. — Противоположность же= $m$ , гдѣ  $m$  обозначаетъ дробь, или самое большее, единицу. Тогда, при полной противоположности, (для которой  $m=1$ ) какъ  $a$  должно совсѣмъ погружаться, если  $b$  должно оставаться незадержаннымъ, точно также и  $b$  должно совсѣмъ погружаться, чтобы оставалось незадержаннымъ  $a$ ; потому что задерживающее должно совершенно удалиться, если для противоположнаго должна исчезнуть всякая задержка и возвратиться полная свобода... При меньшей противоположности должно погружаться  $mb$ , если должно оставаться незадержаннымъ  $a$ , или должно погружаться  $ma$ , если должно оставаться незадержаннымъ  $b$ , потому что чѣмъ болѣе дано задерживающаго, тѣмъ болѣе должно его исчезать, если противоположное должно оставаться нетронутымъ. Если бы  $b$  состояло изъ бесконечно многихъ малыхъ частей, то каждой изъ нихъ надо было бы приписать свойство образовывать противоположность относительно  $a$ , хотя и въ степени  $m$ ; но, вмѣстѣ съ числомъ частей, въ  $b$  умножилось бы и это противоположеніе, находя, поэтому, свое выраженіе въ произведеніи  $mb$ .

Предположеніе полной противоположности облегчить послѣдующія изслѣдованія. Поэтому мы и начинаемъ съ него.

## § 42.

Очевидно, что, при полной противоположности и при двухъ представленіяхъ  $a$  и  $b$ , суммой задержки должно быть или  $a$  или  $b$ ... Сумму задержки должно мыслить *возможно меньшей*, потому что естественнымъ состояніемъ представленій является незадержанное, и всѣ они, конечно, насколько можно, приближаются къ этому состоянію. Слѣдовательно, если  $a$  — болѣе напряженное, а  $b$  — болѣе слабое представленіе, то сумма задержки по величинѣ равняется не  $a$ , но  $b$ .



Если же бросить взглядъ на раздѣленіе суммы задержки, то сейчасъ же выяснится, что хотя болѣе напряженное представленіе должно имѣть перевѣсъ, однако невозможно, чтобы оно задерживало бѣольшую величину, чѣмъ та, которой равно представленіе слабѣйшее, и что это послѣднее остается совершенно тѣмъ же самымъ, хотя бы болѣе напряженное постоянно возрастало. Если, напр.,  $a=10$ ,  $b=1$ , то хотя, конечно,  $b$  будетъ задержано почти цѣликомъ, однако болѣе цѣлаго  $b$  не могло бы быть погружено даже и въ томъ случаѣ, если бы  $a$  было равно не 10, но 100. Вѣдь, того, что противоположно  $a$ , дано не болѣе, какъ только  $b$ . Слѣдовательно, *при увеличеніи самаго напряженнаго изъ представленийъ сумма задержки не возрастаетъ*. Напротивъ, если  $a=10$ ,  $b=2$ , то, конечно, противоположнаго станетъ болѣе, потому что, между тѣмъ какъ  $b$  отъ 1 возрастаетъ до 2,  $a$  должно сопротивляться болѣе напряженной силѣ, чѣмъ прежде, и поэтому то оно болѣе превращается въ стремленіе; что же касается  $b$ , то, сравнительно, теперь оно не такъ уже сильно страдаетъ, какъ прежде.

Такъ какъ сумма задержки не можетъ быть больше  $b$ , равно какъ не можетъ быть и меньше  $b$  (потому что при полной противоположности  $b$  совершенно сопротивляется  $a$ ): то она, конечно,  $= b$ .

Подобнаго рода опредѣленіе, при предположеніи полной противоположности, очень легко распространяется съ двухъ представленийъ на любое количество ихъ. Если, кромѣ  $a$ , самаго напряженнаго, даны еще  $b$ ,  $c$ ,  $d... n$ ,—то сумма задержки  $= b + c + d + \dots + n$ , потому что  $b$  и остальные вполне противоположны  $a$ ; слѣдовательно, сумма задержки не можетъ быть менѣе ихъ суммы; но она не можетъ быть и больше, потому что если бы всѣ они были стѣснены, то самое напряженное оставалось бы совершенно незадержаннымъ. Если бы, напротивъ, мы попытались представить себѣ незадержаннымъ  $b$ , то сумма задержаннаго  $= a + c + d + \dots + n$ .

### § 43.

Извѣстно, что каждое представленіе тѣмъ лучше сопротивляется возникающей между нѣсколькими представленіями противоположности, чѣмъ оно напряженнѣе. Слѣдовательно,

ОНО страдаетъ обратно пропорціонально своей напряженности.

## ВТОРАЯ ГЛАВА.

**Вычисленіе задержки при полной противоположности и первое указаніе пороговъ сознанія.**

### § 44.

Пусть даны два представленія  $a$  и  $b$ , какъ дѣйствующія въ сознаніи другъ противъ друга и находящіяся въ полной противоположности. Тогда, какъ указано выше, сумма задержки равняется слабѣйшему, или  $= b$ ; отношеніе задержки  $= b : a$ . Слѣдовательно, можно заключить: какъ сумма чисель отношенія относится къ каждому отдѣльному числу отношенія, точно также и дѣлимое (сумма задержки) относится къ каждой части, или

$$(a + b) \begin{cases} : b \\ \\ : a \end{cases} = b \begin{cases} : \frac{b^2}{a + b} \\ : \frac{ab}{a + b} \\ : \frac{ab}{a + b} \end{cases}$$

$B$  обратно пропорціонально  $a$ ; слѣдовательно

$$\text{остатокъ отъ } a = a - \frac{b^2}{a + b}$$

$$\text{и остатокъ отъ } b = b - \frac{ab}{a + b} = \frac{b^2}{a + b}$$

Эти остатки, конечно,—не отдѣльные куски представленій  $a$  и  $b$ , но *степени* еще оставшейся живости представленій, послѣ того какъ вычисленная выше часть дѣйствительнаго представиванія была уничтожена задержкой и превратилась въ одно лишь стремленіе къ представиванію.

Пусть теперь будутъ даны три представленія, именно  $a$ ,  $b$ ,  $c$ , изъ которыхъ  $a$  самое напряженное, а  $c$  — самое слабое. Тогда сумма задержки  $= b + c$ ; отношеніе задержки  $= \frac{1}{a}, \frac{1}{b}, \frac{1}{c}$ , или  $bc, ac, ab$ ; и пропорціи:

$$(bc + ac + ab) : \begin{cases} bc \\ ac \\ ab \end{cases} = (b + c) : \begin{cases} \frac{bc(b + c)}{bc + ac + ab} \\ \frac{ac(b + c)}{bc + ac + ab} \\ \frac{ab(b + c)}{bc + ac + ab} \end{cases}$$

## Откуда остатки

$$\text{отъ } a = a - \frac{bc(b+c)}{bc+ac+ab}$$

$$\text{отъ } b = b - \frac{ac(b+c)}{bc+ac+ab}$$

$$\text{отъ } c = c - \frac{ab(b+c)}{bc+ac+ab}$$

Легко видѣть, что это можетъ быть продолжено для четырехъ представлений и болѣе.

Теперь нѣсколько вычисленій на числахъ. Прежде всего для двухъ представлений.

Если  $a = 1, b = 1$ , то остатокъ

$$\text{отъ } a = \frac{1}{2}$$

$$\text{отъ } b = \frac{1}{2}$$

Если  $a = 2, b = 1$ , то остатокъ

$$\text{отъ } a = \frac{5}{3}$$

$$\text{отъ } b = \frac{1}{3}$$

Если  $a = 10, b = 1$ , то остатокъ

$$\text{отъ } a = \frac{109}{11}$$

$$\text{отъ } b = \frac{1}{11}$$

Если  $a = 11, b = 10$ , то остатокъ

$$\text{отъ } a = \frac{131}{21}$$

$$\text{отъ } b = \frac{100}{21}$$

Очевидно, что остатки различаются гораздо больше, чѣмъ сами представленія. Однако остатокъ отъ  $b$  никогда не можетъ стать  $= 0$ , потому что даже если  $a = \infty$ , то количество, выражаемое формулою  $\frac{b^2}{a+b}$ , будетъ бесконечно малымъ.

Теперь для трехъ представлений.

$a = 1, b = 1, c = 1$ , остатокъ

$$\text{отъ } a = \frac{1}{3}, \text{ отъ } b = \frac{1}{3}, \text{ отъ } c = \frac{1}{3}$$

$a = 2, b = 1, c = 1$ ; остатокъ

$$\text{отъ } a = \frac{8}{5}, \text{ отъ } b = \frac{1}{5}, \text{ отъ } c = \frac{1}{5}$$

Если бы здѣсь, вмѣсто  $b$  и  $c$ , было бы дано одно представленіе, равное по своей напряженности  $b+c$ , то отъ него получился бы тотъ же остатокъ, что и отъ  $a$ , т. е. остатокъ каждаго былъ бы  $= 1$ .

И при трехъ представленіяхъ остатокъ отъ  $b$  не можетъ стать  $= 0$ ; иначе  $bbs + abb - ass$  должно было бы  $= 0$ , чего не можетъ быть, такъ какъ  $b$  не должно быть меньше  $c$ , т. е. или  $abb > ass$  или  $abb = ass$ , такъ что положительное всегда имѣетъ перевѣсъ.

Напротивъ, остатокъ отъ  $c$ , конечно, можетъ стать  $= 0$ .

### § 45.

При настоящихъ изслѣдованіяхъ, общія формулы могутъ имѣть свою цѣлью ничто иное, какъ обзорѣніе всего поля возможности, или, точнѣе, слѣдствій возможныхъ предположеній.

### § 47.

Такъ какъ принято говорить о вступленіи представленій въ сознаніе, то *порогомъ сознанія* (Schwelle des Bewusstseins) я называю ту границу, которую, повидимому, переступаетъ представленіе, переходя изъ состоянія полной задержки къ нѣкоторой степени представиванія. *Вычисленіе порога* есть сокращенное выраженіе вычисленія тѣхъ условій, при которыхъ представленіе способно произвести еще только безконечно малую степень дѣйствительнаго представиванія, и при которыхъ, слѣдовательно, оно стоитъ прямо на этой границѣ. Такъ какъ мы говоримъ о восхожденіи и погруженіи представленій, то я называю представленіе находящимся *ниже порога*, если у него не хватаетъ силы выполнить вышеупомянутыя условія. Хотя состояніе, въ которомъ оно тогда находится, всегда равняется полной задержкѣ, однако оно можетъ быть *болѣе* или *менѣе ниже* порога, смотря по тому, болѣе или менѣе не хватаетъ ему напряженности и болѣе или менѣе надо къ нему прибавить, чтобы оно достигло порога. Точно также представленіе бываетъ *надъ порогомъ*, поскольку оно достигаетъ извѣстной степени дѣйствительнаго представиванія.

Если рѣчь идетъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ представленіе стоитъ прямо на порогѣ въ состояніи равновѣсія, то этотъ порогъ мы называемъ *статическимъ*. Ниже будутъ указаны и *механическіе* пороги, которые стоятъ въ зависи-

мости отъ законовъ движенія представленій. Подъ статическими порогами находятся нѣкоторые, которые зависятъ отъ соединеній и сліяній нѣсколькихъ представленій: въ отличіе отъ нихъ, тѣ, которые опредѣляются только напряженностью и противоположностью простыхъ представленій, называются *общими* порогами. Первый видъ общихъ пороговъ является при полной противоположности.

### § 48.

Уже въ § 4 было указано, что надо понимать подъ выраженіемъ: „факты сознанія“. Въ § 18 была рѣчь о различіи между тѣмъ, что происходитъ въ сознаніи, и тѣмъ, что сознается. Къ этому различію вынуждаетъ недостатокъ языка, въ основѣ котораго лежитъ недостатокъ психологическихъ возрѣній. Именно, многіе представиваніе и самонаблюденіе этого представиванія считаютъ нераздѣльными, или даже совершенно смѣшиваютъ одно съ другимъ. Поэтому выраженіе „сознаніе“ имѣетъ два смысла, смотря по тому, обозначаетъ ли оно все дѣйствительное представиваніе (т. е. восхожденіе нѣкоторыхъ представленій за порогъ, поднятіе ихъ надъ совершенно задержаннымъ состояніемъ), или же наблюденіе этого представиванія *какъ нашего*, связь его съ *Я*. Здѣсь мы вездѣ употребляемъ слово „сознаніе“ въ его первомъ смыслѣ; для втораго же мы воспользуемся выраженіемъ: „сознавать вещь“.

Правда, этимъ еще не рѣшается вопросъ о такъ называемыхъ безсознательныхъ представленіяхъ, или, какъ мы выразились бы, о тѣхъ представленіяхъ, которыя находятся въ сознаніи, хотя и не сознаются. Но, *во первыхъ*, если принять во вниманіе все предшествующее, то ясно, что мы гораздо ранѣе откроемъ тѣ законы, по которымъ представленія выступаютъ въ сознаніи, чѣмъ тѣ, по которымъ *Я* можетъ быть понято какъ представляющее. Самонаблюденіе, безъ сомнѣнія, есть нѣчто несравненно болѣе запутанное, чѣмъ простое восхожденіе за порогъ; и поэтому, въ изслѣдованіи, первое совсѣмъ должно быть отдѣлено отъ втораго. *Во вторыхъ*, мы нуждаемся въ какомъ нибудь имени для совокупности одновременно происходящаго представиванія; и для этого

едва ли можно найти болѣе подходящее слово, чѣмъ „сознаніе“. Оно такъ важно потому, что для каждаго представленія, содержащагося въ немъ въ опредѣленный моментъ времени, оно образуетъ сферу дѣйствія, между тѣмъ какъ всѣ одновременно дѣйствующія представленія тѣмъ или другимъ способомъ взаимно аффицируются, и, вмѣстѣ взятыя, порождаютъ только что данное состояніе духа. Впрочемъ, если бы показалось, что, говоря о несознаваемыхъ нами представленіяхъ въ сознаніи, мы искажаемъ словоупотребленіе, — то надо вспомнить, что даже въ самой обычной рѣчи выраженіемъ „онъ — безъ сознанія“ обозначается состояніе, весьма отличающееся отъ того, въ которому въ большинствѣ случаевъ приближается поэтъ или мыслитель, когда, забывшись, онъ углубляется въ свой художественный или научный предметъ.

### ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

#### Измѣненіе предшествующаго при меньшей противоположности.

##### § 54.

Если даны два представленія  $a$  и  $b$ , и степень задержки =  $m$  (ср. § 41), то

$$(a + b) : \begin{cases} b \\ a \end{cases} = mb : \begin{cases} \frac{mb^2}{a+b} \\ \frac{mab}{a+b} \end{cases}$$

$$p = a - \frac{mb^2}{a+b} \text{ есть остатокъ отъ } a,$$

$$q = b - \frac{mab}{a+b} \text{ есть остатокъ отъ } b.$$

Оба остатка вмѣстѣ =  $a + (1 - m)b$ , откуда, если одинъ уже вычисленъ въ десятичныхъ дробяхъ, надо только отнять его, чтобы найти другой.

#### Примѣры:

если  $a = 1, b = 1, m = 1/2$ , то  $p = 3/4, q = 3/4 = 0,75$ ;  
 „  $a = 1, b = 1, m = 1/4$ , „  $p = 7/8, q = 7/8 = 0,875$ ;  
 „  $a = 1, b = 1, m = 3/4$ , „  $p = 5/8, q = 5/8 = 0,625$ ;

если  $a = 2$ ,  $b = 1$ ,  $m = 1/2$ , „  $p = 11/6 = 1,833\dots$ ,  $q = 2/3 = 0,666\dots$ ;  
 „  $a = 2$ ,  $b = 1$ ,  $m = 1/4$ , „  $p = 1,916\dots$ ,  $q = 0,833\dots$ ;  
 „  $a = \infty$ , то  $p = a$ ,  $q = (1 - m) b$ .

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

### О полныхъ соединеніяхъ представленій.

#### § 57.

Большимъ принципомъ, который, хотя и не такъ очевидно, руководилъ предшествующими изслѣдованіями, и который долженъ яснѣе опредѣлять слѣдующія, является *единство души*. Такъ какъ всѣ представленія существуютъ вмѣстѣ въ одномъ представляющемъ, какъ его дѣятельности (самосохраненія\*), то они должны образовать одно интенсивное дѣйствіе, поскольку они не противоположны и не задержаны. Поэтому же они должны и задерживаться, поскольку съ ними приносятъ это ихъ противоположность.

Цѣлыми классами представленій образуются различныя непрерывности (*continua*). Всѣ цвѣта даютъ одну непрерывность, фігуры—другую, тоны— третью, гласные— четвертую, даже согласные могутъ быть, по крайней мѣрѣ, сопоставлены; объ ощущеніяхъ обонятельныхъ, вкусовыхъ и осязательныхъ едва ли нужно вспоминать. И опытъ показываетъ, что хотя различныя представленія, взятая изъ одной непрерывности, другъ другу противоположны, однако представленія, взятая изъ разныхъ непрерывностей, не противоположны. Представленіе слышимаго не задерживаетъ цвѣта, скорѣе— слышимое слово, видимый шрифтъ и совершенно отличная отъ того и другаго мысль, составляющаяся изъ многихъ, воспринимаемыхъ различными чувствами, свойствъ какой нибудь вещи,— все это вступаетъ въ связь, которая была бы необъяснимой, если бы громадная различаемость столь разнородныхъ представленій считалась задерживающей противоположностью.

Представленія изъ разныхъ непрерывностей могутъ связываться цѣликомъ, такъ что они образуютъ только одну силу, и какъ таковая, являются въ вычисленія. Подобную

\*) Ср. примѣч. на стр. 23.

связь я называю *полнымъ соединеніемъ* (Complication). Представленія изъ одной непрерывности, вслѣдствіе существующей между ними противоположности, могутъ связываться не вполнѣ (если они не вполнѣ однородны, какъ напр. повторенія одного и того же воспріятія). Тогда изъ ихъ напряженности и противоположности получается законъ, опредѣляющій, насколько тѣснымъ можетъ быть ихъ объединеніе. Подобныя объединенія я называю *сліяніями* (Verschmelzungen). Наконецъ, вслѣдствіе случайнаго препятствія, могутъ быть какъ *неполныя соединенія*, такъ и *неполныя сліянія*.

## ПЯТАЯ ГЛАВА.

### О неполныхъ соединеніяхъ.

#### § 63.

Пусть представленіе =  $a$  какою нибудь силой задержано до остатка =  $r$ ; равнымъ образомъ, представленіе =  $\alpha$ , изъ другой непрерывности, задержано до остатка =  $\rho$  \*). Слѣдовательно, если они сходятся въ сознаніи, то остатки  $r$  и  $\rho$  связываются въ одну цѣлостную силу, которая, однако, неотдѣлима отъ цѣлыхъ, хотя и не цѣликомъ связанныхъ, представленій  $a$  и  $\alpha$ . Если одно изъ нихъ задерживается еще больше, то не только оно само сопротивляется всею своею нераздѣльною силой, но вмѣстѣ съ нимъ и для него дѣйствуетъ еще извѣстная помощь (Hülfe), которую оказываетъ ему другое представленіе. Опредѣленіе этой помощи является нашею первой задачей. Ясно, что помощь была бы полной, если бы  $r$  было =  $a$  и  $\rho$  =  $\alpha$ . Насколько же  $r$  не хватаетъ до  $a$  и  $\rho$  до  $\alpha$ , настолько же должна уменьшиться долженствующая быть оказанной помощь. Отсюда вытекаетъ слѣдующее.

Во первыхъ: если  $a$  получаетъ помощь, то помогающее количество =  $\rho$ .

\*) Буквы, взятая изъ разныхъ алфивитовъ, обозначаютъ представленія, взятая изъ разныхъ непрерывностей.



Во вторыхъ: цѣлая помощь  $= \rho$  уменьшается вслѣдствіе того, что ея можетъ воспользоваться не цѣлое  $a$ , но только его дробь. Эта дробь  $= \frac{r}{a}$ .

То и другое вмѣстѣ даетъ помощь  $= \frac{rp}{a}$ . Равнымъ образомъ та помощь, которую можетъ получить  $\alpha$ ,  $= \frac{rp}{\alpha}$ .

Поэтому, изъ цѣлыхъ представленій и приходящихъ къ нимъ помощей образуются цѣлостныя силы, одна изъ которыхъ  $= a + \frac{rp}{a} = \frac{a^2 + rp}{a}$ , а другая  $= \alpha + \frac{rp}{\alpha} = \frac{\alpha^2 + rp}{\alpha}$ .

## ШЕСТАЯ ГЛАВА.

### О сліяніяхъ.

#### § 67.

Въ сліяніяхъ степень связи зависитъ не только отъ случайныхъ обстоятельствъ (какъ при соединеніяхъ неоднородныхъ представленій, каковы, напр., звукъ и цвѣтъ), но ограничивается степенью задержки самихъ слитыхъ представленій.

Однако нужно различать двоякаго рода сліяніе: *до* и *послѣ* задержки.

Именно, прежде всего ясно, что, вслѣдствіе единства души, все, что взаимно не сопротивляется, должно стать одною интенсивной единицей. Отсюда — сліяніе *послѣ* задержки. Тѣ противоположныя представленія, задержка которыхъ произошла, сливаются именно такъ, какъ будто бы теперь они уже *болѣе* не задерживаются. Остатки образуютъ цѣлостную силу, подобную той, которая получается при неполныхъ соединеніяхъ, — однако съ тѣмъ различіемъ, что соединеніе становится полнѣе, если соединяемыя представленія восходятъ заразъ; напротивъ, если слитыя восходятъ выше своего пункта сліянія, то задержка начинается снова.

Отъ этого отличается сліяніе *до* задержки. Оно зависитъ отъ извѣстной степени однородности представленій. Оно не можетъ имѣть мѣста при вполнѣ противоположныхъ представле-

віяхъ, которыя, однако, подвержены другому сліянію, происходящему послѣ задержки. — Прежде всего, возьмемъ два вполне однородныхъ представленія, какъ, напр., представленія, возникающія при видѣ двухъ одинаково окрашенныхъ пунктовъ, или при слуханіи двухъ одинаково настроенныхъ струнъ. Само собою понятно, что эти однородныя представленія вполне (и мгновенно) сливаются въ одну интенсивность представленія. Но что произойдетъ изъ того, если одновременно находится незадержанною пара *безконечно близкихъ*, т. е. почти однородныхъ, представленій, и если ихъ противоположность *безконечно мала*? Конечно, слѣдствіе можетъ только *безконечно мало* отличаться отъ того, что замѣчено выше. Однако, противоположность задерживаетъ полное объединеніе. И, — что самое главное, — ее нельзя отдѣлить отъ однороднаго. Только въ мысляхъ, сравнивая одно представленіе съ другимъ, можно разложить его на равное и противоположное; въ дѣйствительности же это — не истинныя составныя части простыхъ и равныхъ себѣ представленій. Такъ воспріятіе фіолетоваго или зеленаго цвѣта, равно какъ и любого музыкальнаго тона, конечно, есть простое воспріятіе, хотя бы и было допущено, какъ случайное возрѣніе \*), разложеніе перваго на красный и голубой и т. д. — А такъ какъ однородное сейчасъ же и непременно должно слиться, и такъ какъ оно не можетъ, отдѣлившись отъ противоположнаго, слиться само по себѣ, но, скорѣе, и это противоположное должно, вмѣстѣ съ нимъ, принять участіе въ сліяніи, — то прежде дѣйствительнаго объединенія происходитъ битва, исходъ которой опредѣляетъ, на сколько тѣсно будетъ дѣйствительное объединеніе. Слѣдовательно, однородное представленіе (никогда не надо забывать, что мы говоримъ о простыхъ представленіяхъ, а не о соединеніяхъ) прежде всего обнаруживается какъ *стремленіе къ сліянію*. А это стремленіе, при *безконечно близкихъ* представленіяхъ, встрѣтитъ только *безконечно малое* сопротивленіе.

Теперь, наоборотъ, допустимъ представленія, противоположность которыхъ имѣетъ конечную величину. Тогда, во первыхъ,

---

\*) „Случайнымъ возрѣніемъ“ у Гербарта называется взглядъ, имѣющій одно лишь методологическое значеніе. Прим. перев

сліяніе можетъ совершиться лишь постепенно, именно по мѣрѣ того, какъ постепенно исчезаютъ противоположности стремленію объединенія; во вторыхъ, изъ степени противоположности и однородности должна быть вычислена напряженность стремленія къ объединенію, а, затѣмъ, и то, насколько будетъ сильнымъ это стремленіе въ отношеніи къ противоположностямъ, какъ будетъ велико дѣйствительное объединеніе, и какая, слѣдовательно, получится подъ конецъ цѣлостная сила.

---

# ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

## Основныя черты механики духа.

### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

#### О погруженіи представленій.

##### § 74.

Если равновѣсіе уже дано, то оно можетъ быть нарушено только новою, привходящею силой. Однако, говоря о представленіяхъ, прежде всего надо замѣтить, что не слѣдуетъ предполагать равновѣсія, какъ ихъ начальнаго состоянія. Скорѣе, изначала всѣ они совершенно незадержаны и въ этомъ то своемъ естественномъ состояніи они образуютъ (если только дано вмѣстѣ нѣсколько противоположныхъ представленій) сумму задержки; а эта послѣдняя должна погружаться, вмѣстѣ съ чѣмъ сейчасъ же получается движеніе представленій. Въ порядкѣ изслѣдованій, мы прежде всего должны были опредѣлить равновѣсіе представленій; въ дѣйствительности, движеніе предшествуетъ равновѣсію.

Сумма задержки, погружаясь, въ каждое мгновеніе имѣетъ опредѣленную *скорость*, и въ теченіи *времени*, протекаго до извѣстнаго момента, погружается опредѣленное количество. И то, и другое слѣдуетъ вычислить.

Или, быть можетъ, на погруженіе совсѣмъ не тратится времени? Быть можетъ, незадержанное представлѣніе переходитъ къ надлежащему задержанному съ безконечною скоростью, внезапно? Внутренній опытъ, поскольку здѣсь позволительно къ нему обратиться, отвѣчаетъ, что, конечно, для

каждой смѣны нашихъ душевныхъ состояній требуется время. Но это можно узнать съ большою опредѣленностью и *a priori*. Между незадержаннымъ и надлежащимъ образомъ задержаннымъ состояніемъ заключается непрерывный рядъ посредствующихъ состояній; чрезъ каждое изъ нихъ нужно было бы послѣдовательно пройти даже при безконечно быстромъ переходѣ, если бы таковой имѣлъ мѣсто. Но при каждомъ изъ этихъ посредствующихъ состояній необходимость дальнѣйшаго погруженія бываетъ меньшей, чѣмъ при предшествующей задержкѣ, еще далѣе отстоящей отъ цѣли. Слѣдовательно, представленія, исчезая изъ сознанія, стѣсняются меньше. Поэтому, погруженіе суммы задержки должно происходить съ уменьшающеюся скоростью, а для того, чтобы скорость могла уменьшаться, требуется время. Это же каждый можетъ любымъ образомъ перевести на свой метафизическій языкъ. Идеалистъ, и даже кантіанецъ, всегда можетъ предварительно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ только о феноменахъ, и что погруженію представленій время принадлежитъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ и движеніе тѣлъ требуетъ пространства и времени. Здѣсь не мѣсто различать ложное и истинное въ ученіи о пространствѣ и времени, или ближе выяснять въ высшей степени бѣдную противоположность между феноменами и ноуменами.

Въ каждое любое мгновеніе необходимость погруженія суммы задержки настолько велика, насколько велико еще незадержанное количество послѣдней. То, что дѣйствительно погружается въ это мгновеніе, пропорціонально и этому мгновенію и этой необходимости. Если  $S$  есть сумма задержки,  $\sigma$ —задержанное въ теченіи времени  $t$ , то

$$(S - \sigma) dt = d\sigma.$$

Едва ли нужно напоминать, что не слѣдуетъ соблазняться аналогіей съ механикой тѣлъ и представлять себѣ здѣсь движеніе (*Fortgehen*) съ однажды приобрѣтенною скоростью. Представленія, по своей природѣ, въ сознаніи всегда стремятся вверхъ; и ихъ погруженіе—совсѣмъ не пространственное движеніе, но вынужденное затемненіе представиванія. Погруженіе, взятое въ каждый моментъ, всегда есть непосредственное выраженіе нужды къ погруженію. Слѣдовательно, между тѣмъ какъ въ механикѣ тѣлъ сила опредѣляетъ только

дифференціалъ скорости, здѣсь прямо является сама скорость. Напротивъ, здѣсь мы не имѣемъ совсѣмъ никакой равномерно дѣйствующей силы, но всегда только измѣняемую.

Уравненіе  $dt = \frac{d\sigma}{S-\sigma}$  чрезъ интеграцію даетъ

$$t = \log. \frac{\text{Const.}}{S-\sigma}$$

Если  $t=0$ , и  $\sigma=0$ , то  $\text{Const.} = S$ , т. е.

$$t = \log. \frac{S}{S-\sigma}$$

Задержанное, или  $\sigma = S (1 - e^{-t})$ .

Еще должно быть задержано  $S - \sigma = Se^{-t}$ .

Вслѣдствіе большой важности этихъ формулъ, я подставляю подъ нихъ слѣдующія числа, для тѣхъ, кому показались бы трудными величины вродѣ  $e^{-t}$  и  $1 - e^{-t}$ :

Если $t = 1/4$ ,	то $e^{-t} = 0,7788\dots$ ;	$1 - e^{-t} = 0,2211\dots$
„ $t = 1/2$ ,	„ $e^{-t} = 0,6065\dots$ ;	$1 - e^{-t} = 0,3934\dots$
„ $t = 1$ ,	„ $e^{-t} = 0,3678\dots$ ;	$1 - e^{-t} = 0,6321\dots$
„ $t = 2$ ,	„ $e^{-t} = 0,1353\dots$ ;	$1 - e^{-t} = 0,8646\dots$
„ $t = 3$ ,	„ $e^{-t} = 0,0497\dots$ ;	$1 - e^{-t} = 0,9502\dots$

Прибавимъ къ этому (что очевидно на первый взглядъ), что когда  $t=0$ , или въ началѣ протеканія времени,  $e^{-t} = 1$ , или сумма задержки еще совсѣмъ незадержана; когда  $t = \infty$ , или послѣ безконечно долгаго протеканія времени (что, само собою понятно, можетъ быть только фикціей, которую допускаютъ вмѣсто самой крайней границы),  $e^{-t} = \frac{1}{\infty}$ ,  $Se^{-t} = S \cdot \frac{1}{\infty}$  или сумма задержки задерживается до безконечно малаго остатка, т. е. задержка, попросту говоря, *цѣликомъ* не выполняется *совсѣмъ ни въ какое время*. Такимъ образомъ, теперь выяснилось поступаніе задержки. Сначала она почти удвоится, если удвоится время; но если время  $= 1/4$  увосмерилось, или если  $t=2$ , то задержанное въ то первое время даже и не учетверяется, потому что  $0,86\dots$  еще не вполнѣ выражаетъ собою произведеніе  $4 \times 0,22\dots$  Далѣе, даже при самомъ длинномъ продолженіи времени, задержка подвигается крайне мало, даже совсѣмъ незамѣтно, хотя и безпрестанно, *такъ что настроеніе духа очень скоро почти успокаивается, но никогда не успокаивается совершенно.*

## ВТОРАЯ ГЛАВА.

## О механическихъ порогахъ.

## § 77.

Только вновь пришедшія представленія могутъ взболонуть настроеніе, находящееся въ состояніи почти полнаго покоя.

Привходящее образуетъ сумму задержки, которая должна погружаться. Въ этомъ погруженіи принимаютъ участіе и прежде данныя представленія, и хотя при этомъ они падаютъ ниже своего статическаго пункта, однако скоро они опять поднимаются до него. При этомъ *на время* они могутъ попадать на тотъ порогъ сознанія, который для этого случая мы выше (въ § 47) уже назвали *механическимъ порогомъ*.

Чтобы легче объяснить это, прежде всего допустимъ, что въ находящимся уже въ равновѣсіи и слившимся послѣ задержки представленіямъ *a* и *b* привходитъ настолько слабое *c*, что, на ряду съ ними, оно должно погрузиться на давно уже извѣстный статическій порогъ. Тогда въ статическомъ отношеніи оно не можетъ имѣть никакого вліянія на *a* и *b*. Но прежде, чѣмъ перейти изъ незадержаннаго состоянія въ задержанное, оно должно быть вынуждено къ погруженію представленіями *a* и *b*; при этомъ оно, въ свою очередь, дѣйствуетъ на нихъ, принуждая, слѣдовательно, и ихъ погрузиться ниже своего статическаго пункта, на которомъ они уже были. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ совершенно стѣснена сумма задержки, возникшая благодаря *c*. Но для этого не нужно никакого безконечнаго времени, потому что стремленіе тѣхъ представленій возвратиться на свой статическій пунктъ содѣйствуетъ этому и ускоряетъ всѣ движенія. Между тѣмъ какъ *a* и *b* снова восходятъ, *c* приводится къ порогу. Но замѣтимъ, что *здѣсь движеніе, продолжаясь, можетъ происходить не по одному закону*. Одинъ законъ движенія будетъ имѣть мѣсто, пока *a* и *b* погружаются, и выступитъ другой законъ, когда они снова начнутъ подниматься. Между ними можетъ быть еще

и *третій*, именно—если *b* стѣсняется въ порогъ, то это должно замедлить количество времени, т. е. можетъ произвести только однообразное давленіе на остальные, далѣе погружающіяся представленія.

### ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

#### **О воспроизводимыхъ представленіяхъ, съ простѣйшей точки зрѣнія.**

##### § 81.

Три представленія могутъ находиться въ равновѣсіи другъ съ другомъ. Если два изъ нихъ погружаются ниже своего пункта равновѣсія, то третье снова можетъ подняться *настолько же, насколько теряютъ тѣ, вмѣстѣ взятыя*. Сумма задержки при этомъ только иначе раздѣляется. Что представленіе, которое можетъ восходить, и будетъ восходить, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Однако существуетъ законъ, по которому оно восходитъ постепенно, съ уменьшающеюся скоростью, потому что, чѣмъ выше оно уже поднялось, тѣмъ меньшей становится необходимость въ измѣненіи его состоянія для того, чтобы оно вполнѣ ясно выступило въ сознаніи. Нужные для этого внезапные переходы изъ одного состоянія въ другое настолько же мало имѣютъ мѣсто, какъ и внезапное погруженіе суммы задержки, т. е. какъ и полное наступленіе надлежащаго затемненія представиванія сейчасъ же послѣ того, какъ дано для этого основаніе.

### ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

#### **Объ опосредствованномъ воспроизведеніи.**

##### § 86.

Намъ предстоитъ весьма важное изслѣдованіе, которое не только обвиняетъ собою то, что обыкновенно обозначается



именемъ ассоціаціи, но своими слѣдствіями глубоко проникаетъ въ затемненный ложною метафизикой вопросъ о формахъ опыта.

Если мы допустимъ, что представленіе само собою поднимается отъ механическаго порога, или что ему позволено подняться отъ статическаго порога, вслѣдствіе того, что входящее представленіе даетъ ему свободу, — то оно всегда будетъ стараться тащить вмѣстѣ съ собою то, что связано съ нимъ при помощи какихъ нибудь слияній и соединеній. Слѣдовательно, это слитое или соединенное воспроизводится опосредствованнымъ способомъ; и здѣсь мѣсто изслѣдовать и этотъ феноменъ, потому что онъ обыкновенно сопровождаетъ разсмотрѣнные выше.

Подготовкой должна послужить совѣмъ простая проблема, которая хотя и никогда не можетъ встрѣтиться въ дѣйствительности свободно отъ побочныхъ опредѣленій, однако сейчасъ же освѣтитъ главные положенія.

Отъ двухъ представленій  $p$  и  $\pi$  слиты или соединены остатки  $r$  и  $\rho$ . Предположимъ, что оба представленія какимъ бы то ни было образомъ погрузились до порога. Если бы вдругъ для  $p$  исчезла всякая задержка, то  $p$  направилось бы въ сознаніе по закону, указанному въ § 81. Но  $\pi$  получаетъ отъ  $p$  происходящую отъ слиянія или соединенія помощь  $= \frac{rp}{\pi}$  (§§ 63, 69). Эта помощь, собственно, есть стремленіе представленія  $p$  (или души, поскольку она представляетъ  $p$ ), направленное на то, чтобы снова поднять  $\pi$  на пунктъ слиянія или соединенія, т. е. снова внести въ сознаніе отъ  $\pi$  количество  $\rho$ . Это стремленіе продолжается до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута цѣль. Собственная напряженность этого стремленія  $= r$ , но оно можетъ дѣйствовать на  $\pi$  только въ степени  $\frac{r}{\pi}$ , потому что только въ этой степени оно усваивается этимъ представленіемъ. Сверхъ того, стремленіе уменьшается по мѣрѣ своего удовлетворенія; при чемъ слѣдуетъ повторить разсужденія §§ 74 и 81.

Если бы теперь было возможнымъ, чтобы представленіе  $p$  дѣйствовало только само по себѣ, не задерживаясь другими силами и не получая отъ нихъ помощи, то что произошло бы изъ этой дѣятельности?

Во первыхъ, какъ уже упомянуто,  $p$  само собою поднялось бы въ сознаниі, по тому закону, который, если  $q$  обозначаетъ снова выступившее отъ  $p$  въ концѣ времени  $t$ , выражается въ слѣдующемъ уравненіи:

$$(p - q) dt = dq; \text{ или } t = \log. \frac{p}{p-q}, \text{ } p(1 - e^{-t}) = q.$$

А во вторыхъ: вмѣстѣ съ этимъ помощь  $\frac{r\rho}{\pi}$  такимъ образомъ воздѣйствовала бы на  $\pi$  (которое здѣсь мы разсматриваемъ какъ совершенно инертное и пассивное), что если выступившее отъ  $\pi = \omega$ , т. е. если количество того, что еще должно вступить до пункта сліянія,  $= \rho - \omega$ , то это уравненіе должно было бы значить:

$$\frac{r\rho}{\pi} \cdot \frac{\rho - \omega}{\rho} \cdot dt = d\omega.$$

Дроби  $\frac{\rho}{\pi}$  и  $\frac{\rho - \omega}{\rho}$  здѣсь — простыя числа, на которыя множится сила  $r$ . Выходить, что

$$\omega = \rho \left( 1 - e^{-\frac{rt}{\pi}} \right).$$

Этотъ результатъ ясно показываетъ намъ, какъ  $\omega$  зависитъ отъ  $\rho$ ,  $r$ ,  $t$  и  $\pi$ .

Изъ всего этого вытекаетъ слѣдующее.

Во первыхъ: выступившее отъ  $\pi$  въ концѣ времени  $t$ , именно  $\omega$ , прямо пропорціонально тому количеству отъ  $\pi$ , которое было слито съ  $p$ .

Во вторыхъ: чѣмъ большая часть отъ  $p$  слита съ  $\pi$ , тѣмъ скорѣе выступающее приближается къ своей границѣ  $= \rho$ .

Въ третьихъ: чѣмъ больше само  $\pi$ , тѣмъ медленнѣе поднимается оно вслѣдствіе помощи.

Въ четвертыхъ: дѣйствіе помощи никогда не оканчивается, хотя оно скоро можетъ очень близко подойти къ своей цѣли.

## ПЯТАЯ ГЛАВА.

### О временномъ возникновеніи представленій.

#### § 94.

Предметъ, который мы теперь разсматриваемъ, ближе всего относится къ общей метафизикѣ.

Въ концѣ третьей главы перваго отдѣла было выставлено положеніе, что представленія суть ничто иное, какъ самосохраненія души въ ея собственной сущности, потому что при этомъ разнообразіи представленій происходитъ отъ разнообразія нарушеній, которымъ душа сопротивляется въ каждомъ самосохраненіи \*).

Въ общей метафизикѣ съ понятіемъ нарушенія связывается понятіе сочетанія. Сочетаніе можетъ быть неполнымъ, и тогда оно имѣетъ степень, которая относится къ полному сочетанію, какъ дробь къ единицѣ.

Полному сочетанію соотвѣтствуетъ полное нарушеніе и полное самосохраненіе, — при чемъ послѣднее было бы здѣсь представленіемъ въ самой высшей степени своей напряженности (*in Maximum der Stärke*), чего нельзя указать въ опытѣ. Однако, такъ какъ степень сочетанія указываетъ на степень нарушенія и на степень самосохраненія, то *maximally* напряженности, которую могло бы имѣть представленіе, можно разсматривать какъ идеальную единицу, дробью которой является дѣйствительное представлѣніе.

Какъ душа нарушается, вынуждаясь этимъ къ представленіямъ, — это является не только сложнымъ метафизическимъ, но и въ высшей степени запутаннымъ фізіологическимъ вопросомъ, о которомъ я долженъ совершенно умолчать въ этомъ мѣстѣ.

Здѣсь же замѣтимъ предварительно, что *разъ образованныя представленія остаются въ душѣ* (иначе, въ силу предшествующихъ изслѣдованій, никогда не могло бы выполниться самосознаніе), *что, слѣдовательно, если известное нарушеніе продолжается въ теченіи какого нибудь времени, то тогда накапливается вновь возникающее въ каждый моментъ представлѣніе*, откуда явствуетъ интеграль, дифференціаломъ котораго является представлѣніе, порождаемое въ данный моментъ.

Этотъ дифференціаль былъ бы постоянною величиной (*Constant*), и его интеграль былъ бы прямо пропорціоналенъ времени, если бы оставалось всегда равнымъ увеличеніе представлѣніа

\*) Ср. примѣчаніе переводчика къ статьѣ „О возмож. и необход. прим. въ псих. матем.“ (стр. 23). *Прим. перев.*

въ моментъ. Но тогда все количество увеличивающагося представляванія, подобно времени, шло бы въ безконечность.

Напротивъ, если для каждаго представляванія существуетъ *тахітум* возможной напряженности, то съ перваго взгляда видно, что увеличеніе въ данный моментъ (или вышеупомянутый дифференціалъ) должно быть пропорціональнымъ удаленію отъ *тахітум*'а. Именно, тогда возможность порожденія такого представленія съ самаго начала является конечной величиной; и эта возможность уменьшается какъ разъ настолько, насколько увеличивается количество уже порожденнаго представляванія того же самаго вида. Мы обозначимъ ее (возможность) именемъ *восприимчивости* (*Empfänglichkeit*). Пусть она первоначально =  $\varphi$ , и, слѣдовательно, постоянная величина; въ теченіи времени  $t$  порождается количество представляванія =  $z$ . Тогда, подъ конецъ  $t$ , восприимчивость увеличивается еще на  $\varphi - z$ . Пусть, далѣе, напряженность нарушенія =  $\beta$  (при этомъ будемъ представлять себѣ такую напряженность, съ которою дается чувственное впечатлѣніе, т. е. яркость цвѣта, интенсивность запаха, вкуса, тона), и для краткости пусть  $\beta$  остается неизмѣнной. Тогда мы имѣемъ уравненіе:

$$\beta (\varphi - z) dt = dz,$$

откуда  $z = \varphi (1 - e^{-\beta t})$

Въ безконечное время становится  $z = \varphi$ , или прогрессивно возрастающее представляваніе достигаетъ своего *тахітум*'а

## ШЕСТАЯ ГЛАВА.

### Объ уменьшеніи и возобновленіи восприимчивости.

#### § 98.

Всякая непрерывность (*Continuum*) возможныхъ представленій въ то же время есть и непрерывность возможныхъ самосохраненій души. И такимъ представленіямъ, которыя безконечно близки, принадлежатъ самосохраненія почти равнаго вида, т. е. такія самосохраненія, одно изъ которыхъ

является только самымъ незначительнымъ видоизмѣненіемъ другаго. Немного отдаленнымъ представленіямъ соотвѣтствуютъ менѣе однородныя самосохраненія. Совершенно различныя самосохраненія могутъ имѣть мѣсто только при полной противоположности представленій.

Чтобы хорошенько понять это, припомнимъ, что самосохраненія души и представленія—совершенно одно и то же, только въ различныхъ отношеніяхъ, подобно логарифмамъ и показателямъ степеней.

Словомъ „*представленія*“ мы ближе всего обозначаемъ феномены, поскольку можно ихъ встрѣтить въ сознаніи. Напротивъ, выраженіе „*самосохраненіе души*“ обозначаетъ реальный актъ, который непосредственно производитъ феноменъ. Этотъ реальный актъ не является предметомъ сознанія, потому что онъ есть та самая дѣятельность, которая дѣлаетъ возможнымъ сознаніе. Такимъ образомъ, самосохраненіе души и представленіе относятся другъ къ другу какъ *дѣйствіе* (Thun) и *бываніе* (Geschehen).

Если это предположить, то очевидно, что уменьшеніе воспріимчивости, законъ котораго указанъ въ предшествующей главѣ, должно распространяться не только на совершенно однородныя, но отчасти и на неоднородныя представленія. Самосохраненіе, поскольку оно уже выполнено и прогрессивно происходитъ, не можетъ происходить еще разъ: на этомъ основывается уменьшеніе воспріимчивости. Слѣдовательно, *если одно представленіе или самосохраненіе отчасти однородно другому, то первымъ отчасти исчерпывается и воспріимчивость другаго*. Теперь мы выведемъ изъ этого ближайшія слѣдствія.

Два воспріятія той же самой непрерывности могутъ быть или одновременными или послѣдовательными.

Если одновременныя воспріятія однородны отчасти (какъ, напр., красный и фіолетовый или два тона одной и той же октавы), то исчерпываемая ими воспріимчивость отчасти та же самая. Здѣсь должно снова примѣнить то же самое разложеніе представленій на равное и противоположное (не въ дѣйствительности, но въ мышленіи), которое имѣло уже мѣсто выше въ §§ 67, 71, 72. Поскольку воспріятія однородны, постольку же въ обоихъ происходитъ только одно

(einerlei) самосохраненіе, въ началѣ съ удвоенной интенсивностью, которая уменьшается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ напряженнѣе была она въ самомъ началѣ. Напротивъ, насколько представленія взаимно противоположны, настолько же въ самосохраненіяхъ заключается нѣчто разнородное; въ началѣ оно обладаетъ болѣе незначительной интенсивностью и уменьшеніе воспримчивости въ отношеніи ея не можетъ двигаться такъ быстро. Изъ этого слѣдуетъ, во первыхъ, что количество представиванія, — такъ сказать, его масса, — бываетъ меньше, чѣмъ если бы каждое изъ двухъ представленій могло быть образовано особо и съ неповрежденной воспримчивостью; во вторыхъ, — что у двухъ вмѣстѣ взятыхъ представленій однороднаго, сравнительно съ противоположнымъ, бываетъ меньше, чѣмъ его должно было бы быть въ суммѣ обоихъ, если бы они возникали особо. Въ третьихъ: тѣмъ не менѣе оба представленія суть точь въ точь тѣже самыя, какими они были бы и въ отдѣльности.

### § 99.

*Что* воспримчивость возобновляется, — это должно считать въ высшей степени вѣроятнымъ уже въ силу опыта. Немногіе часы, не говоря уже о днѣ, должны были бы, согласно предшествующимъ разсужденіямъ, если не въ строгомъ смыслѣ совершенно исчерпать первоначальную воспримчивость, то всетаки свести ее на крайне малую, едва допускающую сравненіе съ первоначальной напряженностью, дробь, которая сама все еще уменьшается и скоро, въ свою очередь, сдѣлается почти несравнимой со своей прежней величиной. Если это примѣнить къ теченію человѣческой жизни, то воспримчивость зрѣлаго возраста должна была бы обладать невысказанной малостью.

Но можно понять и ближе опредѣлить и то, *какъ* возобновляется воспримчивость... Каждое самосохраненіе души, слѣдовательно каждое представленіе, имѣетъ крайній предѣлъ, достигая котораго оно выполнялось бы. Еще не достигши этого крайняго предѣла, оно можетъ только возрастать. Воспримчивость уменьшается, поскольку уже произошло то, что должно было произойти въ душѣ, вслѣдствіе

воспріятія. Слѣдовательно, обратно: *воспріимчивость не уменьшается, поскольку теперь еще не происходитъ того, что должно произойдти.*

Отсюда можно было бы заключить, что воспріимчивость возобновляется уже вслѣдствіе того, что *задерживаются* представленія, образованныя въ болѣе раннемъ воспріятіи. Однако, безъ ближайшихъ опредѣленій, это было бы слишкомъ смѣлымъ заключеніемъ; потому что, пока вышеупомянутыя представленія задержаны только отчасти, пока они понимаются еще въ прогрессирующей задержкѣ, до тѣхъ поръ они еще дѣйствуютъ въ сознаніи, направляясь сообразно состоянію остальныхъ представленій. Однако, если представленіе находится на *статическомъ* порогѣ, то оно, какъ мы давно уже знаемъ, не оказываетъ никакого вліянія на все то, что происходитъ въ сознаніи. Даже въ тотъ моментъ, когда оно достигаетъ порога, выступаетъ новый законъ движенія для представленій, еще находящихся въ сознаніи, — законъ являющійся выраженіемъ и слѣдствіемъ этой независимости (§ 75). Правда, теперь душа продолжаетъ испытывать стремленіе къ возстановленію этого вида самосохраненія, или этого представленія; но она совершенно связана въ этомъ стремленіи: вѣдь, это стремленіе есть изолированная модификація души, такъ какъ само по себѣ оно совсѣмъ не способно измѣнить и образовать дѣйствительнаго представленія, состоянія сознанія. Слѣдовательно, здѣсь дѣйствительно является тотъ случай, когда воспріимчивость не можетъ уменьшаться. Болѣе раннее представленіе не подчинено *дѣйствительнымъ* дѣятельностямъ души ни непосредственно — какъ представленіе, ни посредственно — при помощи воздѣйствія на состоянія сознанія.

Итакъ, мы можемъ выставить положеніе: *воспріимчивость для известнаго воспріятія возобновляется, по мѣртъ того, какъ раннее однородное представленіе приводится на статическій порогъ.*

## СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

### § 100.

*Сведеніе и заостреніе воспроизводимыхъ представленій. То, что я обозначаю этими фигуральными выраженіями,*

имѣеть еще большій объемъ, чѣмъ предшествующее, и не можетъ быть такъ легко указано въ опытѣ. Однако припомнимъ столь важную разницу острыхъ или тупыхъ впечатлѣній (*Auffassungen*), отъ которой зависитъ степень определенности въ воспріятіи и мышленіи. Для того, чтобы сдѣлать предметъ совершенно отчетливымъ съ синтетической стороны, обратимся сначала къ самымъ простымъ представленіямъ, хотя бы, напр., къ слышанію одного тона или созерцанію одного цвѣта; тогда будетъ легкимъ примѣненіе нашихъ взглядовъ къ рядамъ представленій.

Если представленіе только что порождено или, какъ обыкновенно говорятъ, если оно дано посредствомъ чувствъ какъ ощущеніе; то оно воспроизводитъ не только вполне однородныя представленія, но его можно сравнить со свѣтомъ, распространяющимся вокругъ себя сіяніе. Потому что, въ то время какъ новое представленіе оттѣсняетъ все противоположное себѣ, что въ данный моментъ находится въ сознаніи, — становится болѣе или менѣе свободнымъ и все то, на что это противоположное дѣйствовало задерживающимъ образомъ. Слѣдовательно, если, напр., мы слышимъ тонъ, то поднимается не только вполне однородное прежнее представленіе того же самаго тона, но почти въ равномъ положеніи съ нимъ находятся близъ лежащія высшій и низшій тоны; поэтому они равнымъ образомъ стремятся въ сознаніе; и это продолжается, въ уменьшающейся степени, и по отношенію къ болѣе отдаленнымъ тонамъ. Такимъ образомъ приходитъ въ движеніе цѣлая масса тоновъ, или, въ другихъ примѣрахъ, цѣлая масса цвѣтовъ; не такъ только замѣтно, дѣйствительно ли воспринимались всѣ эти тоны и цвѣта. — Теперь же все сводится къ тому, продолжается ли дальше ощущеніе дѣйствительно слышимаго звука. Если это происходитъ, то это ощущеніе все болѣе и болѣе оттѣсняетъ назадъ не вполне однородныя представленія, и при этомъ внутреннее напряженіе бываетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ болѣе прежнія представленія слиты между собою и чѣмъ болѣе, поэтому, они бываютъ склонны вмѣстѣ являться въ сознаніи. Если сравнить всю массу возбужденныхъ представленій со сводомъ, то, продолжая сравненіе, можно сказать, что, начиная съ внѣшней окружности, сводъ все болѣе и болѣе



сдавливается къ серединѣ, и наконецъ онъ долженъ такъ заостриться, что будетъ выдаваться только прежнее представленіе, какъ разъ однородное новому воспріятію. Такъ часто мы опредѣленно понимаемъ предметъ какъ *этотъ и никакой другой*. Въ этомъ, очевидно, заключается актъ исключенія того, что выступаетъ въ сознаніи ради большаго или меньшаго сходства.

„Что такое пространство и время?“ Такъ ставитъ вопросъ Кантъ въ своей трансцендентальной эстетикѣ. Слѣдовательно, онъ дѣлаетъ объектами своего мышленія *самое* пространство и *самое* время (*den Raum und die Zeit*). Нѣтъ ничего удивительнаго, что его отвѣты относятся къ тому міровому пространству, которое остается, если мы отмыслимъ тѣла, и къ тому времени, въ которомъ происходятъ міровыя событія, такъ что это пространство и время, повидимому, сами образуютъ необходимыя предпосылки чувственнаго міра. Такимъ образомъ, пустое предпосылается наполненному; ничто становится условіемъ чего-то. Конечно, это—самое странное и нелѣпое изъ всѣхъ заблужденій.

Въ дѣйствительности же пространство есть только возможность того, что существуютъ тѣла, а время—только возможность того, что происходятъ событія. Этихъ возможностей уже нельзя отрицать *послѣ того, какъ дѣйствительное тѣло* однажды *дѣйствительно* понято какъ нѣчто пространственное, протяженное и ограниченное, и *послѣ того какъ* дѣйствительныя событія однажды представлены продолжающимися опредѣленное время и, поэтому, не выступающими раньше и не оканчивающимися позже, чѣмъ они дѣйствительно выступаютъ и оканчиваются. Какъ разъ то же самое слѣдуетъ сказать о всемъ, что мы когда либо находимъ въ дѣйствительности. Попробуемъ отмыслить всѣ дѣйствительныя тоны и звуки. Это возможно. Однако нельзя отрицать возможности, что тоны могутъ быть услышаны. Слѣдовательно, и всѣ правила музыки остаются на столько же неизмѣнными, какъ и геометрія безъ міра тѣлъ... Точно также выше мы отдѣляли *Я* отъ всѣхъ индивидуальных опредѣленій. Но тѣмъ не менѣе *Я* относится къ индивидуальности, пространство — къ пространственному, вре-

мя—къ временному; и *кантовское* изслѣдованіе, которое о пространствѣ говоритъ прежде, чѣмъ о пространственномъ, рассматриваетъ пустую форму какъ вещь, разрываетъ пунктъ отношенія и то, что ставится въ отношеніе, переворачиваетъ дѣло задомъ напередъ и провозглашаетъ ничтожный вздоръ.

На столько же было некритическимъ, вслѣдствіе того, что пространство и время суть формы нашей интуиціи (*Anschauens*), торопливо утверждать, будто они *не* служатъ формами пониманія (*Auffassung*) нечувственныхъ предметовъ, или, другими словами, что они не подходятъ вещамъ въ себѣ. Какъ разъ наоборотъ! Тѣже самыя основанія, ради которыхъ пространственно упорядочивается цвѣтное и осязаемое, съ небольшимъ измѣненіемъ, снова встрѣчаются и тамъ, гдѣ въ сопоставляющемъ мышленіи долженъ быть сдѣланъ обзоръ разнообразія нечувственного реальнаго. Конечно, мы получаемъ интуицію (*Schauen*) только при помощи чувствъ, если интуиція должна быть формальнымъ видоизмѣненіемъ *ощущенія*. Но *форма* интуиціи имѣетъ гораздо болѣе широкія сферы; она есть форма упорядоченнаго сопоставленія вообще, каковъ бы ни былъ его предметъ. Только тамъ, гдѣ нѣтъ никакого сопоставленія, гдѣ желаютъ рассматривать первичное реальное *въ отдѣльности*, не имѣетъ значенія и никакая форма сопоставленія: здѣсь пространство и время должны отрицаться. Пространственное и временное, по своему понятію,—нѣчто *относительное*; всякое реальное, рассматриваемое само по себѣ, есть нѣчто *абсолютное*; поэтому то, и не по чему другому, реальное само по себѣ невременно и непространственно.

---

# **УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГИИ.**

**1834 г.**

## Изъ предисловія Гартенштейна

къ пятому тому его изданія сочиненій *Гербарта*.

„Учебникъ психологіи“ имѣетъ не только историческое значеніе, какъ первое сочиненіе, въ которомъ Гербартъ связно изложилъ результаты своихъ размышленій надъ психологическими проблемами, но онъ является весьма пригоднымъ руководствомъ для тѣхъ, кто хочетъ оріентироваться въ области психологіи.

Къ потребности обученія эта книга въ высшей степени подходитъ тѣмъ, что даетъ понятное и краткое изложеніе, вѣрно выдвигаетъ важное и существенное; равномерно обращаетъ вниманіе на главные классы явленій душевной жизни, скромно рассматриваетъ главную объясняющую мысль не болѣе какъ умозрительное положеніе и не болѣе какъ въ формѣ гипотезы, оправдываемой своей плодотворностью, и дѣлаетъ, если и не систематически полныя, однако всегда поучительныя и побуждающія къ дальнѣйшему размышленію указанія на примѣнимость этой гипотезы. И для тѣхъ, кто хочетъ изучать большое сочиненіе Гербарта по психологіи (*Psychologie als Wissenschaft*), особенно полезно знакомство съ очерками, содержащимися въ этомъ „Учебникѣ“, тѣмъ болѣе, что онъ во многомъ, что заключается въ немъ, не смотря на свой незначительный объемъ, дополняетъ большое сочиненіе Гербарта.

---

# Учебникъ психологіи.

Сочиненіе Іоганна Фридриха Гербарта.

Ce n'est pas sur les idées d'autrui que j'écris; c'est sur les miennes. — Que si je prends quelquefois le ton affirmatif, ce n'est point pour en imposer au lecteur; c'est pour lui parler comme je pense. Pourquoi proposerais-je par forme de doute ce dont, quant à moi, je ne doute point? Je dis exactement ce qui se passe dans mon esprit.

*Rousseau.*

## ПРЕДИСЛОВІЕ

ВЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Хотя во всей философіи психологія не является ни самой глубокой, ни самой высшей частью, однако она — первая между тремя частями прикладной метафизики \*). Она всетаки представляется особенно важною для цѣлаго содержанія науки — отчасти уже потому, что нельзя удержаться отъ психологическаго вопроса о возможности познанія тамъ, гдѣ что нибудь съ рѣшительностію должно быть признано и установлено какъ истина и какъ нѣчто свободное отъ подозрѣнія въ скрытомъ заблужденіи, отчасти же потому, что въ теченіи цѣлыхъ столѣтій именно психологія была пріютомъ тѣхъ предрасудковъ, оспаривать которые рѣдко и мало когда кому приходитъ въ голову, и, напротивъ, предполагать которые и при этомъ пользоваться ими, какъ оружіемъ противъ другихъ ученій, — было (да является и теперь) почти общимъ обычаемъ философовъ. Поэтому улучшение психологическихъ способовъ представленія есть главное условіе исправленія ошибки во всѣхъ частяхъ философіи, и, посредствомъ этого, — во всѣхъ наукахъ, поскольку на нихъ вліяетъ философія.

Но подобно тому, какъ извѣстно, что хорошо еще, если опытная психологія (о раціональной психологіи, вродѣ Воль-

\*) Срав. примѣч. къ стр. 37.

фовской, отвыкли говорить), оставаясь только на обманчивой поверхности явленій, не извращаетъ самыхъ фактовъ всегда неизбежными для нея натяжками,—точно также извѣстно, однако, что, прежде нежели можно будетъ попытаться изслѣдовать истинную природу того, что лежитъ въ основаніи явленій, необходимо внимательно разсмотрѣть и разобрать эти явленія.—Въ старину, при академическихъ чтеніяхъ, можно было съ нѣкоторою увѣренностію предполагать, что слушатели предварительно познакомились въ школахъ съ эмпирической психологіей и логикой; и такъ какъ, при успѣхахъ философскаго мышленія въ новое время, устное изложеніе должно сдѣлаться не легче, но труднѣе, то и университетъ долженъ получать отъ гимназій не худшую, но лучшую помощь. Математика и языки могутъ сдѣлать многое, но не все,—особенно теперь, когда различныя важныя улучшения въ ходѣ преподаванія тормозятся колебаніемъ школьныхъ людей. Всякому учебному занятію, лишенному необходимой своевременной подготовки, грозитъ опасность придти въ упадокъ. Въ наши времена философія должна бороться со многими внутренними замѣшательствами. Развѣ помогутъ ей, отнимая у нея то, что она имѣетъ? Не думаютъ ли, что упадокъ философіи послужитъ на пользу наукамъ?

Тѣ же, которые убиваютъ свободное время (что, къ сожалѣнію, становится теперь обыкновеннымъ), могутъ только наверстать дѣло. Для этого самой лучшей порой являются первые университетскіе годы. Поэтому надо совѣтовать, чтобы каждый, еще во время своего знакомства съ изложеніями логики и введенія въ философію, вступалъ, при помощи своихъ частныхъ занятій, въ преддверіе психологіи. Антропологію *Канта* слѣдуетъ удерживать не ради одного только благоговѣнія передъ великимъ именемъ автора: она допускаетъ легкое и ясное чтеніе. Основанія опытной психологіи *Гофбауера* даютъ краткій обзоръ цѣлаго содержанія науки. Сочиненія *Мааса* о страстяхъ и о чувствѣ написаны въ духѣ донынѣшней психологіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, они могутъ подать поводъ къ превосходному логическому упражненію и, сверхъ того, научить разсматривать съ психологической стороны поэтическія произведенія.

Изложеніе, предлагаемое въ настоящемъ Учебникѣ, назначается для того, чтобы въ сжатой формѣ сообщить такъ много знанія фактовъ, какъ этого, при краткости времени, требуетъ вообще поставленная цѣль, т. е. учебное знакомство съ философіей.

Приемъ, который ожидаетъ эту книгу въ большей части общества, можно нѣкоторымъ образомъ предвидѣть изъ психологическихъ основаній. Хотя душевныя способности изгоняются изъ научной психологіи точно также, какъ изъ химіи долженъ былъ исчезнуть флогистонъ, потому что природа вещей ясно выставляетъ на видъ негодность обѣихъ гипотезъ; однако новый способъ представленія, какъ бы сильно ни приближался онъ къ истинѣ, получаетъ согласіе и благодарность не прежде, чѣмъ ученые поупражняются въ его примѣненіи и достаточно сильно почувствуютъ бесполезность стараго мнѣнія.

---

## ВВЕДЕНІЕ.

---

1. Внутреннее воспріятіе, знакомство съ людьми, стоящими на различныхъ ступеняхъ образованія, наблюденія воспитателей и государственныхъ людей, сочиненія путешественниковъ, историковъ, поэтовъ и моралистовъ, наконецъ наблюденія надъ сумасшедшими, больными и животными — все это доставляетъ матеріаль психологіи. Она должна не только *собрать* этотъ матеріаль, но и *сдѣлать понятнымъ* все содержаніе (*das Ganze*) внутренняго опыта, въ то время какъ сдѣлать тоже самое по отношенію къ внѣшнему опыту, подводя его подъ пространственныя опредѣленія, составляетъ задачу философіи природы. Насколько являются различными и всетаки связанными между собою оба круга опыта, на столько же различны и связаны между собою обѣ науки. Онѣ вмѣстѣ зависятъ отъ основныхъ понятій общей метафизики; однако, собственное отношеніе психологіи къ этимъ понятіямъ состоитъ въ томъ, что она отвѣчаетъ на нѣкоторые вопросы, которые, возбуждаясь по поводу метафизики, должны оставаться тамъ въ сторонѣ. Уже ради этого вполнѣ позволительно излагать психологію прежде метафизики, при чемъ надо стараться избѣгать метафизическаго понятія *души* (духовной субстанціи). Это будетъ большимъ облегченіемъ для ученика, потому что, во первыхъ, онъ можетъ дольше оставаться въ кругѣ опыта, а, во вторыхъ, разнообразныя отношенія психологіи къ морали, педагогикѣ, политикѣ, философіи, исторіи и техникѣ поднимаютъ интересъ къ занятіямъ.

2. Что представленія получаютъ при помощи *чувственности*, сохраняются въ *памяти*, вызываются и образуютъ новыя связи при помощи *воображенія*; что *разсудокъ* обнаруживается въ пониманіи языка или искусства, а *разумъ*—



въ подмѣчиваніи основаній и противныхъ доводовъ: это общераспространенное мнѣніе получило свою дальнѣйшую обработку у психологовъ, которые различеніе прекраснаго и дурнаго приписали *эстетической силѣ сужденія*, страсти—*способности желанія*, аффекты—*способности чувствованія* и т. д. Существуетъ мнѣніе, что всѣ эти способности *постоянно* находятся вмѣстѣ въ *каждомъ* человѣкѣ. Однако, что касается объясненія и дѣленія способностей, то объ этомъ возникали большіе споры, которые давнымъ давно должны были указать на то, что психологія нуждается въ другихъ основаніяхъ, гдѣ съ самаго начала обращалось бы вниманіе на *измѣняющіяся* состоянія. Мы наблюдаемъ въ себѣ *непосредственно ихъ* (а не способности).

3. Полезно будетъ предварительно сравнить психологію съ тремя главными отраслями естествознанія. Естественная исторія прежде всего можетъ указать на единичные экземпляры предметовъ, которые она выставляетъ въ извѣстномъ порядкѣ; она можетъ опредѣленно пересчитать воспринимаемые признаки. Тутъ становится возможнымъ правильное обобщеніе, которое, исходя изъ познаванія индивидуумовъ, твердымъ шагомъ доходитъ до вида и рода, такъ что становится несомнѣнно очевиднымъ, какіе признаки, оставляемые въ сторонѣ при обобщеніи, прибавляются при ограниченіи. Выполняя надлежащимъ образомъ эти логическія операціи отъ низшихъ понятій до высшихъ, и обратно, никто не склоняется къ тому, чтобы считать высшія понятія реальными; лучше сказать, всякій знаетъ, что они суть только вспомогательныя средства мышленія, производимыя имъ самимъ для того, чтобы съ удобствомъ обзрѣвать весьма разнородныя тѣла природы.

Напротивъ, въ основаніи психологіи не лежитъ никакого матеріала, который можно было бы ясно видѣть, опредѣленно указать, подчинить правильному и постепенно восходящему вверхъ обобщенію. Самонаблюденіе, уже при самомъ схватываніи фактовъ сознанія, уродуетъ ихъ; оно вырываетъ эти факты изъ ихъ необходимой связи и предаетъ ихъ беспорядочному обобщенію, которое не останавливается до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до высшихъ родовыхъ понятій—*представленія, чувствованія и желанія*; тутъ, при помощи огра-

ниченія (т. е. путемъ обратнымъ тому, который замѣчается въ эмпирической наукѣ), этимъ понятіямъ, насколько оно подходитъ, подчиняется наблюдаемое разнородное. Если теперь къ ненаучно образованнымъ понятіямъ *того, что въ насъ происходитъ*, прибавляется предположеніе *способностей, которыми мы владѣемъ*, то психологія превращается въ *миѳологию*. Правда, никто не желаетъ признаться въ томъ, что серьезно вѣрить въ это, однако всетаки дѣлаютъ очень важныя изслѣдованія, стоящія отъ него въ такой зависимости, что въ нихъ не останется ничего яснаго, если отбросить упомянутое основоположеніе.

*Примѣчаніе.* Нельзя не замѣтить того, что въ психологіи самыя высшія понятія еще весьма ясны, а низшія дѣлаются все болѣе шаткими. Такимъ образомъ, (правда, съ недавняго времени) довольно (хотя и не совсѣмъ) согласно рассматриваютъ три понятія — *представленія, чувствованія и желанія*, какъ высшіе роды; отдѣленіе же аффектовъ отъ страстей — болѣе поздняго происхожденія, и еще теперь не совсѣмъ вошло въ обычную рѣчь; если и поставленъ вопросъ о видахъ памяти, какъ памяти мѣсть, именъ, вещей и т. д., то никто не беретъ въ совершенствѣ выполнить это дѣленіе; и еще менѣе отдѣляются надлежащимъ образомъ другъ отъ друга поэтическое, математическое и военное воображеніе, хотя и въ этомъ отношеніи очевидна разница между людьми. По этой неопредѣленности низшихъ понятій, сейчасъ же видно, что воспріятіе психологическихъ фактовъ, неопредѣленное съ самаго начала, не допускаетъ никакой чисто *естественной исторіи духа*. Однако, ради введеннаго уже словоупотребленія, мы будемъ иногда, въ своемъ логическомъ обзорѣ эмпирической психологіи, пользоваться обычными именами.

4. Эмпирическая физика, не знающая собственныхъ силъ природы, приходитъ къ извѣстнымъ правиламъ, съ которыми сообразуются явленія. При помощи *приведенія* (*Zurückführung*) къ этимъ правиламъ, она вноситъ связь въ многообразное содержаніе явленій. Великими вспомогательными

средствами при ея открытіяхъ являются эксперименты съ искусственными приборами и вычисленіе.

Психологія не смѣетъ экспериментировать надъ людьми, и не имѣетъ для этого никакихъ искусственныхъ приборовъ. Тѣмъ старательнѣе нужно ей воспользоваться помощью вычисленія. Черезъ него прежде всего достигается научная опредѣленность основныхъ понятій; затѣмъ начинается дѣло приведенія. Допустимъ, напр., понятіе напряженія противоположныхъ представлений; тогда къ различію возможныхъ при этомъ обстоятельстве мы приведемъ различіе душевныхъ состояній. Точно также, если извѣстны правила воспроизведенія, по которымъ, въ ряду представленій, каждое представленіе выступаетъ *между* другими, то къ нимъ приводятся пространственный и временной образъ (*Gestaltung*) чувственной вещи и логическое положеніе (*Stellung*) понятій.

**5.** Физиологія, рассматривая животную жизнь, употребляетъ три главныхъ понятія, именно: живости (*Vegetation*), раздражительности (*Irritabilität*) и чувствительности (*Sensibilität*). Если попытаться сравнить способность чувствованія съ чувствительностью, способность желанія — съ раздражительностью и способность представленія — съ живостью, то окажется, что (насколько, по крайней мѣрѣ, проливаетъ свѣтъ эта аналогія), въ то время когда во снѣ бываетъ незамѣтной чувствительность, продолжается живость, и что раздражительность мускуловъ получаетъ въ покоѣ новыя силы. Продолженіе точно также свойственно и представленіямъ. Однажды достигнувъ степени опредѣленнаго знанія, они также остаются до глубокой старости, между тѣмъ какъ чувства и желанія измѣняются и слабѣютъ. Далѣе, живость есть основаніе тѣлесной жизни; тоже значать и представленія въ жизни душевной. Однако эту аналогію нельзя проводить слишкомъ далеко. Въ растеніяхъ есть только живость, и нѣтъ никакой замѣтной чувствительности и раздражительности, за весьма рѣдкими и неполными исключеніями. Напротивъ, представленіе и хотѣніе находятся въ постоянной связи. Сверхъ того, вся душевная жизнь человѣка несравненно болѣе перемѣнчива, чѣмъ какой бы то ни было предметъ физиологіи.

**6.** Если бросить на человѣка спекулятивный взглядъ, изоощренный элементарными понятіями метафизики, то онъ представится намъ собраніемъ (ein Aggregat) противорѣчій. *Внутренній* опытъ не имѣетъ ни малѣйшаго преимущества, по которому онъ могъ бы имѣть больше значенія, чѣмъ *внѣшній*; съ другой стороны, въ тѣхъ, кто разъ *пожелалъ* повѣрить въ это, нельзя искоренить того, что придумываютъ, и могутъ придумать, мечтатели объ особенной истинности и важности внутреннихъ интуицій. Но противъ этого выступаютъ на видъ изслѣдованія, при помощи которыхъ эмпирической матеріаль можетъ выработаться въ истинное знаніе; конечно, при неопредѣленности и шаткости психологической эмпирии, это является болѣе труднымъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ человѣческаго опыта.

Именно, душевная жизнь, какъ мы наблюдаемъ ее въ себѣ и другихъ, оказывается *временнымъ* бываніемъ, постояннымъ *измѣненіемъ*, *различнымъ содержаніемъ* многообразныхъ *опредѣленій* въ единомъ (Mannigfaltiges ungleichartiger Bestimmungen in Einem), наконецъ—сознаніемъ *Я* и *не-Я*; все это относится къ немислимымъ формамъ опыта. Отсюда не удалены даже и трудности *материальнаго* существованія, потому что человѣческой духъ мы познаемъ только въ связи съ тѣломъ, а имѣетъ ли реальное значеніе различіе ихъ между собою,—этого чистый опытъ рѣшить не можетъ.

**7.** Хотя эта проблема ближайшимъ образомъ развивается въ общей метафизикѣ, однако дальнѣйшая разработка ея въ психологическомъ отношеніи требуетъ, сверхъ того, высшей математики, потому что представленія должны быть разсматриваемы какъ силы, дѣйствіе которыхъ зависитъ отъ ихъ напряженности (Stärke), противоположностей и связей, а все это различается по степенямъ.

**8.** Однако, при такомъ легкомъ, почти популярномъ, способѣ изложенія, какой предполагается здѣсь \*), всетаки нельзя совершенно избѣгнуть старой гипотезы о душевныхъ

\*) Въ случаѣ представившихся трудностей, ближе всего будетъ обратиться къ сочиненію автора: Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie. Болѣе опытному читателю предлагается сочиненіе подъ заглавіемъ: Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik.

способностяхъ; потому что она есть дѣло долгаго времени, и, какъ таковая, обозначаетъ неизбѣжное ближайшее слѣдствіе естественнаго стремленія схватить въ одномъ образѣ душевную жизнь человѣка. Она есть традиція, передающая общее впечатлѣніе всѣхъ психологическихъ наблюдений. Отправляясь отъ нея, мы представимъ очеркъ эмпирической психологіи и отмѣтимъ ея наиболѣе выдающіяся ошибки, чтобы сдѣлать чувствительной потребность въ объясненіи фактовъ.

Все сочиненіе будетъ раздѣлено на слѣдующія главныя части:

*Первая часть:* Основанія психологіи;

*Вторая часть:* Эмпирическая психологія;

*Третья часть:* Раціональная психологія.

9. По исторіи психологіи существуетъ обстоятельный трудъ *Каруса* (Carus), образующій третій томъ оставшихся послѣ него сочиненій.

*Примѣчаніе.* Здѣсь можно только замѣтить, что нами не разъ будетъ показано, что въ новое время психологія идетъ скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ. Локкъ и Лейбницъ, въ отношеніи къ этой наукѣ, оба находились на лучшемъ пути, чѣмъ тотъ, по которому повели насъ далѣе Вольфъ и Кантъ. Именно, послѣдніе являются настоящими обособителями (Absonderer) душевныхъ способностей и, какъ таковые, должны быть сопоставлены, насколько бы далеко не отстояли они другъ отъ друга въ остальномъ. Произвести логическую классификацію душевныхъ явленій, не особенно заботясь объ ея внутренней возможности, — было дѣломъ, совершенно въ духѣ Вольфа; при этомъ онъ въ высшей степени неостороженъ, закрывая громадныя трудности объясненіемъ названій. Кантъ пользуется душевными способностями для того, чтобы придать своимъ изслѣдованіямъ отчетливую форму, сопровождая, такъ сказать, человѣческое познаніе въ его движеніи отъ чувствъ къ разсудочному и разумному образованію.

Мы не будемъ говорить здѣсь о позднѣйшихъ смѣшеніяхъ, когда или въ эмпирической психологіи желаютъ еще разъ пересказать то, что безъ того извѣ-

стно каждому, или думаютъ, при помощи предполагаемаго дара наблюденія, открыть внутри себя что то такое, чего другіе въ себѣ не находятъ, или же окрашиваютъ психологію то въ метафизическую, то въ этическую, то въ религіозную, то въ фізіологическую краску, (причемъ не обращаютъ вниманія ни на взаимныя границы, ни на связи наукъ), но оставляютъ совершенно скрытой сущность психическаго механизма. Скажемъ только, что психологія не должна превращаться въ художественное описаніе. Она должна не удивлять, но объяснять, не показывать рѣдкости, но сдѣлать для всѣхъ понятнымъ человѣка, каковъ онъ есть, не вознося его на небеса и не приковывая совершенно къ персти, и не замечать пути своего изслѣдованія, но открывать его.

---

## ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

# Основанія психологiи.

### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

#### **О состояніяхъ представленій, когда они дѣйствуютъ какъ силы.**

**10.** Представленія становятся силами, сопротивляясь другъ другу. Это происходитъ тогда, когда сходится вмѣстѣ нѣсколько противоположныхъ представленій.

Поймемъ сначала это положеніе въ возможно простой формѣ. А потому будемъ при этомъ имѣть въ виду не сложныя представленія какого бы то ни было рода и не вещь съ нѣсколькими признаками, а также не что нибудь временное и пространственное, но нѣчто совершенно простое, въ родѣ *краснаго, синяго, горькаго, сладкаго*,—и не общія понятія этого, а такія представленія, которыя могутъ возникнуть при мгновенномъ чувственномъ воспріятіи.

Но сюда опять таки совсѣмъ не относится вопросъ о происхожденіи названныхъ представленій и тѣмъ болѣе здѣсь не должно быть разсужденій о чемъ нибудь другомъ, что можетъ существовать и происходить въ душѣ еще прежде этого. Въ положеніи говорится, что противоположныя представленія другъ другу сопротивляются. Они могутъ быть и не противоположными, какъ, напр., цвѣтъ и звукъ. Предполагается, что тогда они не оказываютъ сопротивленія другъ другу.

Сопротивленіе есть обнаруженіе силы; но для сопротивляющагося его дѣйствіе является совершенно случайнымъ; оно направляется на то нарушеніе, которое у представленій

бываетъ взаимнымъ и опредѣляется степенью ихъ противоположности. Слѣдовательно, на эту противоположность можно смотрѣть какъ на то, отъ чего всѣ они страдаютъ. Сами же по себѣ, представленія—не силы.

11. Что же происходитъ отъ даннаго сопротивленія? Совсѣмъ ли уничтожаются представленія, или отчасти? Или, не смотря на сопротивленіе, они остаются неизмѣнными?

Уничтоженные представленія все равно что совсѣмъ не существуютъ. Но еслибы, не смотря на взаимное нарушеніе, представленія оставались совершенно неизмѣняемыми, то ни одно изъ нихъ не могло бы вытѣсниться другимъ, что мы замѣчаемъ въ себѣ каждую минуту.—Наконецъ, если бы *представляемое* въ каждомъ представленіи измѣнялось благодаря своему сопротивленію, то изъ этого вышло бы не болѣе того, что измѣненное представляемое существовало какъ бы съ начала.

Слѣдовательно, *представливаніе* должно понижаться, не уничтожаясь. Это значитъ, что *дѣйствительное представливаніе превращается въ стремленіе къ представливанію* (Streben vorzustellen). Уже самое выраженіе показываетъ, что, какъ только исчезаетъ препятствіе, представленіе снова поднимается, въ силу своего собственнаго стремленія.—Въ этомъ заключается возможность (хотя и не единственное основаніе для всѣхъ случаевъ) *воспроизведенія*.

12. Если представленіе превращается въ стремленіе не совсѣмъ, а только частью, то надо остерегаться считать эту часть отдѣльнымъ кускомъ (Stück) цѣлаго представленія. Хотя она всегда имѣетъ *опредѣленную величину* (знаніе которой очень много значитъ), однако величина эта показываетъ только *степень затемненія цѣлаго* представленія. (Если въ послѣдовательномъ порядкѣ идетъ рѣчь о нѣсколькихъ таковыхъ частяхъ того же самаго представленія, то этихъ частей не считаютъ различными отдѣльными кусками, но меньшія изъ нихъ рассматриваютъ какъ содержащіяся въ большихъ). Тоже самое надо сказать и объ *остаткѣ послѣ задержки*, т. е. о тѣхъ частяхъ представленія, которыя остаются незатемненными, потому что эти части также суть *степени*, именно—степени дѣйствительнаго представливанія.



## ВТОРАЯ ГЛАВА.

## О равновѣсіи и движеніи представленій.

**13.** Представленія находятся въ равновѣсіи, когда между ними происходитъ прямое удовлетвореніе необходимыхъ задержекъ. Къ этому они приходятъ только постепенно; продолжающееся измѣненіе степени ихъ затемненія называютъ движеніемъ ихъ.

Вычисленіемъ равновѣсія и движенія представленій занимаются *статика* и *механика духа*.

**14.** Всѣ изслѣдованія статики духа начинаются двумя различными опредѣленіями величинъ; именно, при этомъ имѣютъ значеніе *сумма задержки* и *отношеніе задержки*. Сумма задержки—это, такъ сказать, распредѣляемая тяжесть, возникающая изъ противоположностей представленій. Умѣя показать ее и зная то отношеніе, въ которомъ понижаются подъ нею различныя представленія, находятъ, при помощи легкаго пропорціональнаго вычисленія, *статическій пунктъ* каждаго представленія, т. е. степень его затемненія въ равновѣсіи.

**15.** Сумма, равно какъ и отношеніе, задержки зависитъ отъ *напряженности каждаго единичнаго представленія*, которое подвергается задержкѣ обратно пропорціонально своей напряженности, и отъ *степени противоположности* между двумя данными представленіями, которой прямо пропорціонально ихъ дѣйствіе другъ на друга.

Главнымъ правиломъ для опредѣленія суммы задержки будетъ слѣдующее: ее должно разсматривать какъ возможно меньшую, потому что всѣ представленія сопротивляются задержкѣ, и, навѣрное, поддаются ей не больше, чѣмъ это необходимо.

**16.** Посредствомъ дѣйствительнаго вычисленія, получаютъ замѣчательный результатъ: хотя при *двухъ* представленіяхъ, одно никогда не затемняетъ совершенно другаго, но при *трехъ* или *нѣсколькихъ* представленіяхъ одно изъ нихъ очень

легко вытѣсняется совсѣмъ, и, не смотря на свое продолжающееся стремленіе, можетъ сдѣлаться настолько бездѣтельнымъ (unwirksam), что какъ будто бы его совсѣмъ не бывало. Это можетъ произойти съ большимъ числомъ представленій, хотя и посредствомъ двухъ, или вообще небольшого числа, болѣе напряженныхъ.

Мы нерѣдко будемъ употреблять выраженіе „порогъ сознанія“, и потому здѣсь нужно объяснить его. Представленіе находится въ сознаніи, поскольку оно не задержано, а существуетъ какъ дѣйствительное представлѣніе. Только что выходя изъ состоянія *полной* задержки, оно вступаетъ въ сознаніе. Слѣдовательно, въ это время оно находится на *порогѣ* сознанія. Очень важно опредѣлить при помощи вычисленія, насколько сильнымъ должно быть представленіе, чтобы, при двухъ или нѣсколькихъ еще болѣе сильныхъ представленіяхъ, стоять прямо на порогѣ сознанія, такъ чтобы, при малѣйшемъ ослабленіи препятствія, сейчасъ же начать переходить въ дѣйствительное представлѣніе.

*Примѣчаніе.* Выраженіе „представленіе находится въ сознаніи“ слѣдуетъ отличать отъ выраженія: „я сознаю свое представленіе“. Къ послѣднему относится внутреннее воспріятіе, а къ первому—нѣтъ. Въ психологіи непрѣменно требуется слово, которымъ обозначалась бы *совокупность* всего одновременно дѣйствующаго представлѣнія. Для этого не находится другаго слова, кромѣ „сознаніе“. Здѣсь надо будетъ принять распространенное словоупотребленіе, тѣмъ болѣе, что внутреннее воспріятіе, котораго въ иномъ случаѣ требуютъ для сознанія, не имѣетъ никакихъ прочныхъ границъ, гдѣ бы оно началось и оканчивалось; да, сверхъ того, и самый актъ воспріятія не можетъ быть воспринимаемъ, такъ что, *не сознавая его*, къ нему должны заключать *отъ сознанія*, хотя онъ и есть активное знаніе, а ничуть не задержанное представленіе.

17. Между весьма разнообразными и большею частью очень запутанными законами движенія представленій самымъ простымъ является слѣдующій.

*Между тѣмъ какъ сумма задержки погружается за порогъ сознанія, погружающееся всегда пропорціонально еще незадержанному количеству представленій.*

Отсюда узнаютъ весь ходъ погруженія до статическаго пункта.

*Примѣчаніе.* Изъ этого получается математически выраженный законъ:  $\sigma = S (1 - e^{-t})$ , гдѣ  $S$  обозначаетъ сумму задержки,  $t$ —прошедшее время,  $\sigma$ —то, что задерживается въ это время отъ всѣхъ представленій. Распредѣляя послѣднее по единичнымъ представленіямъ, находятъ, что тѣ, которыя опускаются ниже статическаго порога (16), очень скоро поднимаются до него, между тѣмъ какъ остальные не достигаютъ съ полной точностью своего статическаго пункта ни въ какое ограниченное время.

Въ силу послѣдняго обстоятельства, у бодрствующаго человѣка, даже при самомъ спокойномъ состояніи духа, представленія всегда находятся всетаки въ небольшомъ колебаніи. Это является и первымъ основаніемъ, почему внутреннее воспріятіе никогда не встрѣчаетъ предмета, который былъ бы совершенно спокойнымъ.

**18.** Если къ нѣсколькимъ представленіямъ, уже приближающимся къ своему равновѣсію, приходитъ новое, то возникаетъ движеніе, при которомъ тѣ представленія въ короткое время погружаются ниже своего статическаго пункта, послѣ чего они быстро и совершенно сами собою снова поднимаются. (Приблизительно въ родѣ того, какъ сначала опускается, а затѣмъ поднимается жидкость, если въ нее что нибудь бросить). Этому предшествуютъ нѣкоторыя замѣчательныя обстоятельства.

**19.** Во первыхъ: въ этомъ случаѣ, одно изъ старыхъ представленій можетъ быть на время совершенно вытѣснено изъ сознанія новымъ представленіемъ, гораздо болѣе слабымъ. Но тогда его стремленіе нельзя разсматривать (подобно случаю, приведенному въ § 16) какъ бездѣятельное: оно со всею силою дѣйствуетъ противъ находящихся въ сознаніи представленій. Слѣдовательно, оно порождаетъ какое то состояніе сознанія, между тѣмъ какъ объектъ его, дѣйствительно, совсѣмъ не представляется. Тотъ видъ и способъ,

какимъ эти представленія вытѣсняются изъ сознанія и все-таки дѣйствуютъ въ немъ, обозначаютъ выраженіемъ: *они находятся на механическомъ порогѣ*; въ отличіе отъ этого, порогъ, указанный выше (16), называется *статическимъ порогомъ*.

*Примѣчаніе.* Если бы представленія дѣйствовали на статическомъ порогѣ точно также, какъ и на механическомъ, то мы непрерывно находились бы въ состояніи невыносимой тоски, или, лучше сказать, человѣческое тѣло очутилось бы въ такомъ напряженіи, которое въ одно мгновеніе должно было бы причинить смерть, подобно тому какъ и теперь бываетъ иногда смертельнымъ *страхъ*. Потому что всѣ представленія, которыя, какъ мы обыкновенно говоримъ, сохраняются въ памяти, и которыя могутъ, какъ мы знаемъ, вызываться при малѣйшемъ поводѣ,—находятся въ непрерывномъ стремленіи вверхъ (*Aufstreben*); однако отъ нихъ совершенно не страдаетъ состояніе сознанія.

**20.** Во вторыхъ: время, въ теченіи котораго одно или нѣсколько представленій остаются на механическомъ порогѣ, можетъ быть продолжено, если послѣдовательно приходитъ рядъ новыхъ, но болѣе слабыхъ, представленій.—Это случается съ нами при каждомъ продолжительномъ и не всѣмъ обычномъ занятіи. Оно оттѣсняетъ болѣе раннія представленія; а эти, будучи болѣе напряженными, пребываютъ въ напряженіи, все больше и больше утомляютъ организмъ и, наконецъ, дѣлаютъ необходимымъ перерывъ занятія: тогда они быстро поднимаются, сопровождаясь чувствомъ облегченія, которое называютъ *отдыхомъ*, и которое зависитъ отчасти отъ организма, хотя *первой* причиной является чисто психологическая.

**21.** Въ третьихъ: если нѣсколько представленій другъ за другомъ попадаютъ на механической порогъ, то быстро возникаетъ, одно за другимъ, нѣсколько *внезапныхъ измѣненій* въ законахъ душевныхъ движеній.—Этимъ способомъ объясняется то, что ходъ нашихъ мыслей такъ часто является порывистымъ, *скачкообразнымъ*, даже, повидимому, совсѣмъ неправильнымъ. Эта видимость вводитъ въ заблужденіе точно также, какъ и круговое движеніе планетъ. Закономѣрность

человѣческаго духа совершенно равняется законамъ брности звѣзднаго неба.

*Примѣчаніе.* Подъ пару представленіямъ, вмѣстѣ погружающимся за порогъ сознанія, надо разсматривать представленія, *вмѣстѣ восходящія* за этотъ порогъ, особенно если они восходятъ *свободно*, т. е. если разомъ исчезаетъ стѣсняющее обстоятельство, или общее давленіе. Тогда, съ ихъ восхожденіемъ (Steigen), возрастаетъ ихъ сумма задержки; поэтому одно изъ трехъ, такъ сказать, возвращается и, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, снова совершенно погружается за порогъ. Пунктъ, до котораго они восходятъ, стоитъ значительно выше, чѣмъ тотъ, вмѣстѣ погружаясь до котораго они бы взаимно стѣснялись; потому что при погруженіи сумма задержки не зависитъ отъ всей ихъ напряженности (Stärke), чего не случается при постепенномъ восхожденіи \*).

## ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

### О соединеніяхъ и сліяніяхъ.

**22.** Очень легко понимаемымъ метафизическимъ основаніемъ, по которому противоположныя представленія сопротивляются другъ другу, служитъ *единство души*, самосохраненіями которой они являются \*\*). Всѣ представленія образовали бы только одинъ актъ единой души, еслибы не задерживались по причинѣ своей противоположности, и *они дѣйствительно образуютъ только одинъ актъ, поскольку не раздробляются на многое какими нибудь задержками*. Представленія, стоящія на порогѣ сознанія, не могутъ вступать въ связь съ другими, потому что они совершенно превращаются въ стрем-

---

\*) Psychologie 1, § 93. Представленное тамъ изслѣдованіе всетаки весьма неполно, и можетъ быть проведено гораздо дальше.

*Примѣчаніе Гербарта.*

\*\*\*) Metaphysik 11, § 234; и Psychologie 1, § 57. Подъ словомъ Psychologie здѣсь, равно какъ и въ слѣдующихъ цитатахъ, надо понимать болѣе подробное сочиненіе автора („Психологія, какъ наука“).

*Примѣчаніе Гербарта.*

леніе противъ опредѣленныхъ другихъ, и, такъ сказать, изолируются этимъ. Но въ сознаніи представленія связываются двоякимъ способомъ: во первыхъ, *соединяются* (complecten sich) представленія противоположныя (какъ звукъ и цвѣтъ), поскольку они сходятся, не задерживаясь; во вторыхъ, *сливаются* (verschmelzen) представленія противоположныя, поскольку они, сходясь, не испытываютъ задержки — ни чужой, случайной, ни взаимной, неизбежной. Соединенія могутъ быть полными; слиянія, по своей природѣ, всегда неполны.

*Примѣчаніе.* Замѣчательными примѣрами такихъ соединеній, которыя, по крайней мѣрѣ отчасти и приблизительно, являются полными, служатъ представленія *вещи съ нѣсколькими признаками и словъ, какъ знаковъ мыслей.*

Послѣднія, мысли и слова, такъ тѣсно связаны въ родномъ языкѣ, что кажется, будто мыслятъ посредствомъ словъ. Оба эти примѣра подробнѣе будутъ разобраны ниже. Между слияніями особенно замѣчательны, съ одной стороны, тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ *эстетическое отношеніе* (которое, психологически понимаемое, порождается вмѣстѣ съ слияніемъ), а, съ другой, тѣ, которыя образуютъ *рядовыя слѣдованія*, откуда берутъ свое начало *рядовыя формы.*

**23.** То, что соединяется или сливается отъ нѣсколькихъ представленій, даетъ цѣлостную силу (Totalkraft), и дѣйствуетъ совершенно по другимъ статическимъ и механическимъ законамъ, чѣмъ тѣ, которыми управляются представленія, взятая въ одиночку. Поэтому измѣняются и пороги сознанія, такъ что, ради связи, и чрезвычайно слабое представленіе можетъ оставаться въ сознаніи и дѣйствовать тамъ.

*Примѣчаніе 1.* Хотя вычисленіе, употребляемое для соединеній и слияній, основывается на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что и вычисленіе, употребляемое для простыхъ представленій, однако оно гораздо запутаннѣе, особенно потому, что при неполныхъ связяхъ какъ соединенныя силы (Gesamtkräfte), такъ и задержки ихъ, только частью скрещены другъ съ другомъ.

*Примѣчаніе 2.* Связи представленій бываютъ не только двух-или трехчленными, но часто содержатъ въ

себѣ очень много членовъ весьма неравной степени соединенія или сліянія; и это разнообразіе не поддается никакому вычисленію. Тѣмъ не менѣе возможно подобрать, для потребностей послѣдняго, простѣйшіе случаи, и по нимъ оцѣнить болѣе запутанные; а въ каждой наукѣ простѣйшіе законы — самые главные.

**24. Задача.** Отъ двухъ представленій  $\rho$  и  $\pi$ , послѣ задержки, слиты (или неполно соединены) остатки  $\gamma$  и  $\rho$ : должно показать, какую *помощь* получило одно изъ этихъ двухъ представленій отъ другаго, если оно стало еще болѣе задержаннымъ.

**Рѣшеніе.** Если  $\rho$  оказываетъ помощь, то оно оказываетъ съ силой  $= \gamma$ , хотя эта сила можетъ быть присвоена  $\pi$  только въ отношеніи  $\rho : \pi$ . Отсюда  $\pi$  получаетъ отъ  $\rho$  помощь  $\frac{\gamma \rho}{\pi}$  и точно также  $\rho$  отъ  $\pi$  получаетъ помощь  $\frac{\gamma \rho}{\rho}$ .

Доказательство заключается непосредственно въ анализѣ понятій. Ясно, что оба остатка  $\gamma$  и  $\rho$ , вмѣстѣ взятые, опредѣляютъ степень связи между обоими представленіями. Одинъ изъ нихъ есть помогающая сила (*die helfende Kraft*) а другой, сравнительно съ представленіемъ, къ которому онъ относится, рассматривается какъ дробь цѣлаго, и въ цѣлой помощи, могущей быть произведенной тѣмъ первымъ остаткомъ, даетъ такую дробь, которая достигаетъ здѣсь дѣйствія.

**25.** Отмѣтимъ еще слѣдующія главныя положенія:

а) на *пунктѣ связи* не дѣйствуетъ никакая помощь. Если представленіе  $\pi$  является въ сознаніи болѣе яснымъ, чѣмъ остатокъ  $\rho$ , то стремленіе представленія  $\rho$ , которое могло придти къ тому на помощь, уже болѣе, чѣмъ удовлетворяется, отчего оно теперь и не обнаруживаетъ больше никакого дѣйствія:

в) Чѣмъ ниже пункта связи находится одно представленіе, тѣмъ дѣятельнѣе помогаетъ другое.

*Примѣчаніе.* Это даетъ слѣдующее дифференціальное уравненіе:

$$\frac{\gamma \rho}{\pi} \cdot \frac{\rho - \omega}{\rho} \cdot dt = d\omega$$

откуда черезъ интеграцію:

$$\omega = \gamma \left( 1 - e^{-\frac{rt}{\pi}} \right)$$

Это уравненіе содержитъ въ себѣ зародышъ весьма разнообразныхъ и глубоко проникающихъ во всю психологію изслѣдованій. Конечно, оно такъ просто, какъ въ дѣйствительности ничто въ человѣческой душѣ никогда не можетъ быть; но всѣ изслѣдованія прикладной математики начинаются такими простыми предположеніями, которыя существуютъ лишь въ абстракціи. (Вспомнимъ о математическомъ рычагѣ, о законахъ паденія тѣлъ въ пустомъ пространствѣ и т. д.). Здѣсь разсматривается только дѣйствіе помощи, которую въ теченіи времени  $t$  вносило бы въ сознаніе количество  $\omega$  отъ  $\pi$ , если только все отъ него откинуть. Если при этомъ захотятъ обратить вниманіе еще только на одно то обстоятельство, что  $\pi$  сопротивляется неизбѣжной задержкѣ другими представленіями, то вычисленіе настолько запутывается, что еще только приблизительно разрѣшается при помощи интеграціи уравненія слѣдующей формы:

$$d^3\omega = ad^2\omega dt + b d\omega dt^2 + c\omega dt^3.$$

Само собою понятно, что оно съ такой же близостью выражаетъ и факты, наблюдаемые въ опытѣ.

**26.** Предшествующее содержитъ въ себѣ основаніе ученія объ *опосредствованныхъ* воспроизведеніяхъ, которыя, по обычному взгляду, производятся *ассоціаціей* представленій. Прежде чѣмъ прослѣживать ихъ дальше, мы должны припомнить *непосредственныя* воспроизведенія, т. е. такія, которыя происходятъ при помощи собственной силы представленій, коль скоро устраняются препятствія. Обычнымъ случаемъ является тотъ, что новое воспріятіе дозволяетъ снова выступать прежнему представленію того же самаго или совершенно сходнаго предмета. Это происходитъ въ то время, какъ новое воспріятіе оттѣсняетъ все, что только ни дано въ сознаніи противостоящаго прежнему однородному представленію. Тогда прежнее представленіе само собою восходитъ. При этомъ надо замѣтить слѣдующія обстоятельства, которыя отыскиваются при помощи вычисленія (о которомъ, однако, здѣсь нельзя дать никакого понятія):

а) Выступаніе представленій, въ своемъ первомъ началѣ, направляется *по квадрату времени*, если новое воспріятіе приходитъ внезапно, и *по кубу времени*, если послѣднее



(какъ обыкновенно) образуется при постепенномъ и медленномъ воспріятіи.

b) Продолженіе выступанія направляется преимущественно сообразно напряженности новаго воспріятія, сравнительно съ тѣмъ противоположнымъ, которое вытѣсняется имъ; но только при особенныхъ обстоятельствахъ имѣетъ на это вліяніе собственная напряженность выступающаго представленія. Оно можетъ, такъ сказать, пользоваться этою напряженностью только въ томъ свободномъ пространствѣ, которое дается ему.

c) Выступающее сливается, какъ таковое, съ однороднымъ ему новымъ воспріятіемъ. Когда же оно выступаетъ не совсѣмъ, тогда и сліяніе становится неполнымъ.

d) Особенно важно то обстоятельство, что опосредствованное воспроизведеніе не ограничивается только прежнимъ *совершенно* однороднымъ представленіемъ, но распространяется на *болѣе* или *менѣе* однородныя, поскольку и на ихъ долю выпадаетъ освобожденіе при помощи новаго воспріятія. Если теперь полное воспроизведеніе обозначить именемъ *сведенія* (Wölbung), то, въ случаѣ дальнѣйшаго продолженія, или частаго повторенія воспріятія, происходитъ еще другой важный процессъ, который назовемъ *заостреніемъ* (Zuspitzung). Онъ состоитъ именно въ томъ, что менѣе однородныя представленія, внося съ собою въ сознаніе то, что въ нихъ есть противоположнаго, опять задерживаются новымъ воспріятіемъ, такъ что подъ конецъ въ благопріятныхъ условіяхъ оказывается только *совершенно* однородное представленіе, и оно, такъ сказать, образуетъ остріе (Spitze) тамъ, гдѣ прежде была самая высшая точка свода (Gewölbe).

**27.** Съ этимъ непосредственнымъ воспроизведеніемъ тамъ, гдѣ допускаютъ это обстоятельство, связывается то опосредствованное (25). Если вышеупомянутое  $\rho$  воспроизводится непосредственно, то данное ему свободное пространство можно разматривать какъ то  $\gamma$ , или какъ силу, которая стремится теперь, вмѣстѣ съ слившимся  $\pi$ , и  $\rho$  поднять до его пункта сліянія.

*Примѣчаніе.* Такъ какъ свободное пространство дано постепенно возрастающимъ (и снова уменьшающимся), то, при настоящемъ разсмотрѣніи, въ формулѣ  $\omega = \rho \left( 1 - e^{-\frac{rt}{\pi}} \right)$  должно мыслить  $\gamma$  какъ измѣняемую

величину, хотя и какъ функцію такихъ величинъ, отъ которыхъ зависятъ опредѣленія, данныя въ § 26.

**28.** Самыя важныя примѣненія изложеннаго до сихъ поръ ученія имѣютъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда съ различными остатками  $г$ ,  $г'$ ,  $г''$  и т. д. одного и того же представленія  $ρ$  связываются нѣсколько  $π$ ,  $π'$ ,  $π''$  и т. д.; при этомъ остатки послѣдняго, именно  $ρ$ ,  $ρ'$ ,  $ρ''$ , и т. д., для краткости, можно признать равными; также могутъ быть равными  $π$ ,  $π'$  и т. д.

*Представленіе дѣйствуетъ на нѣсколько, связанныхъ съ нимъ, въ томъ же самомъ очередномъ порядкѣ по времени, въ какомъ стоятъ по величинѣ ихъ остатки, при помощи которыхъ оно связано съ другими представленіями.*

*Примѣчаніе.* Этотъ въ высшей степени важный законъ очень только несовершенно выраженъ здѣсь словами, во избѣжаніе большихъ подробностей. Въ данной уже формулѣ  $ω = ρ \left( 1 - e^{-\frac{rt}{π}} \right)$  его узнаютъ лучше и яснѣе, если, вмѣсто  $г$ , подставляютъ туда различныя, большія или меньшія,  $г$ ,  $г'$ ,  $г''$  и т. д. Но болѣе точное вычисленіе, о которомъ упоминается въ § 25, показываетъ, что, вмѣстѣ со слитыми  $π$ ,  $π'$ ,  $π''$  и т. д., они не только восходятъ, но и погружаются, давая, такъ сказать, другъ другу мѣсто, хотя и въ порядкѣ  $г$ ,  $г'$ ,  $г''$  и т. д.

**29.** Въ этомъ заключается основаніе вѣрнаго воспроизведенія, или памяти, поскольку она снова воспроизводитъ передъ нами ряды представленій въ томъ-же самомъ порядкѣ, въ какомъ они воспринимались. Для того, чтобы понять это, прежде всего надо поразсудить, какая существуетъ связь между нѣсколькими представленіями, которыя даются въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Если въ воспріятіи дается рядъ  $a$ ,  $b$ ,  $c$ ,  $d$ , то  $a$ , уже съ перваго момента воспріятіи и въ продолженіи его, подвергается задержкѣ другими находящимся въ сознаніи представленіями. Между тѣмъ какъ  $a$ , погружившись отчасти уже въ сознаніи, все болѣе и болѣе задерживается, приходитъ  $b$ . Это, будучи въ началѣ незадержаннымъ, сливается съ погружающимся  $a$ . Слѣдуетъ  $c$ , и, будучи само незадержаннымъ, связывается съ затемняющимся  $b$  и съ еще болѣе затемняю-

щимся *a*. Подобно этому, слѣдуетъ *b*, связываясь въ различной степени съ *a*, *b*, *c*. Отсюда для *каждаго* изъ этихъ представленій получаетъ свое начало законъ, опредѣляющій, какимъ образомъ это представленіе, послѣ того какъ весь рядъ нѣсколько времени былъ вытѣсненъ изъ сознанія, старается вызвать, при своемъ возобновленномъ выступаніи, *всякое другое* представленіе того-же самаго ряда. Если мы примемъ, что прежде всего поднимается *a*, то оно болѣе связано съ *b*, менѣе съ *c*, еще менѣе съ *d* и т. д.; съ другой же стороны, *b*, *c*, *d*, вмѣстѣ взятая, въ незадержанномъ состояніи слиты съ остатками *a*; слѣдовательно, *a* старается снова вызвать всѣхъ ихъ полностью къ незадержанному представиванію; но оно быстрѣе всего и напряженнѣе всего дѣйствуетъ на *b*, медленнѣе—на *c*, еще медленнѣе—на *d*, и т. д. (причемъ дальнѣйшее изслѣдованіе показываетъ, что *b* снова погружается, въ то время какъ *c* восходитъ, точно также *c* погружается, въ то время какъ *d* восходитъ, и т. д.); короче, рядъ протекаетъ такъ, какъ былъ данъ.—Напротивъ, если мы примемъ что первоначально воспроизводится *c*, то оно, правда, дѣйствуетъ на *d* и на слѣдующія прямо точно такъ же, какъ было замѣчено относительно *a*, т. е. рядъ *c*, *d*... протекаетъ постепенно въ своемъ порядкѣ. *Напротивъ*, *b* и *a* испытываютъ совсѣмъ другое вліяніе; съ ихъ различными остатками было слито незадержаннос *c*; слѣдовательно, оно дѣйствуетъ и на нихъ *всей своей напряженностью* и немедленно, но только для того, чтобы, вызвать связанный съ нимъ остатокъ отъ *a* и *b*, т. е. чтобы внести въ сознаніе часть отъ *b* и меньшую часть отъ *a*. Это происходитъ, если мы вспоминаемъ о чемъ нибудь, взятомъ изъ середины извѣстнаго ряда; предшествующее представляется *разомъ*, въ нераздѣльной ясности (in abgestufter Klarheit); напротивъ того, послѣдующее *протекаетъ въ нашихъ мысляхъ*, соблюдая извѣстную очередь. Но рядъ никогда не протекаетъ въ обратномъ порядкѣ, никогда не возникаетъ, безъ умышленнаго старанія, анаграммы изъ хорошо схваченнаго слова \*).

\*) Psychologie § 88—91. Предлагаемое тамъ изслѣдованіе еще недостаточно въ отношеніи *обратнаго погруженія болѣе раннихъ членовъ*. Но здѣсь нельзя еще показать новыхъ улучшеній.

**30.** Нѣсколько рядовъ могутъ скрещиваться, напримѣръ  $a, b, c, d, e$  и  $\alpha, \beta, \gamma, \delta, \epsilon$ , гдѣ  $c$  встрѣчается въ обоихъ рядахъ. Если теперь воспроизводится  $c$ , то оно стремится вызвать какъ  $d$  и  $e$ , такъ и  $\delta$  и  $\epsilon$ . Но если сюда является  $b$ , то рѣшительно выступаетъ первый рядъ въ силу того, что  $d$  и  $e$  вмѣстѣ оказываютъ помощь. При этомъ еще имѣетъ вліяніе противоположность между членами обоихъ рядовъ.

Замѣтимъ, что къ данному здѣсь простому образцу могутъ примѣняться очень запутанные и разнообразныя психологическія факты. Тоже самое  $c$  можетъ заключаться въ многихъ сотняхъ рядовъ, какъ точка пересѣченія; по причинѣ разнообразныхъ противоположностей этихъ рядовъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ замѣтно подняться, но лишь только привходятъ  $b$  и  $a$ , какъ ближайшія опредѣленія  $c$ ,—сейчасъ же исчезаетъ нерѣшительность и дѣйствительно протекаетъ первый изъ вышеупомянутыхъ рядовъ.

**31.** Изложенное до сихъ поръ основывается на предполагаемомъ различіи остатковъ  $g, g', g''$  и т. д. (28). Но для того, чтобы оно могло сдѣлать нѣчто, представленіе, которому принадлежатъ эти остатки, должно выступать въ сознаніи довольно сильно (*weit*). Если допустить, что оно еще на столько задержано, что его активное представлѣніе составляетъ не больше самаго малаго изъ остатковъ  $g, g', g''$  и т. д., то оно равномерно дѣйствуетъ на цѣлый рядъ слитыхъ съ нимъ представленій, такъ что отъ всѣхъ въ сознаніи получается *темное общее впечатлѣніе*. Основаніе для этого заключается въ § 27, взятомъ въ связи съ § 12. Остатки—это не разные отдѣльные куски (*Stücke*) одного и того же представленія; слѣдовательно, если въ сознаніи находится немного послѣдняго, то прежде всего нельзя спрашивать, можетъ ли это немного быть однимъ, и, пожалуй, прямо меньшимъ изъ тѣхъ остатковъ, но слѣдуетъ предположить, что оно существуетъ дѣйствительно, а, вмѣстѣ съ этимъ, является и частью каждаго другаго большаго остатка. Если же теперь дѣйствующее представленіе все выше поднимается въ сознаніи, то остатки, отъ меньшихъ до большихъ, одинъ за другимъ, достигаютъ собственнаго закона дѣйствія. Черезъ это становится раздѣльнымъ вышеупомянутое темное общее впечат-

лѣніе, въ которомъ *заключается* (eingewickelt lag) цѣлый рядъ представленій.

*Примѣчаніе.* Съ этимъ, между прочимъ, должны быть сравнены явленія, которыя происходятъ при *упражненіи* и *навыкѣ*. Впрочемъ, основаніе того, что *не каждый* ходъ мыслей точно повторяетъ разъ образованные ряды, отчасти лежитъ въ величинѣ  $\pi$  и  $\rho$  (25), въ возможномъ различеніи которыхъ мы не можемъ здѣсь идти далѣе. О другихъ привходящихъ обстоятельствахъ можно узнать изъ слѣдующаго.

**32.** Если свободно восходящія представленія (о которыхъ было упомянуто въ заключительномъ примѣчаніи предшествующей главы) слиты нераздѣльно (abgestuft), то для нихъ существуютъ другіе законы воспроизведенія, которые *выводятся* и опредѣляются изъ сліянія и *разныхъ* въ немъ различій. Отсюда при извѣстныхъ обстоятельствахъ происходитъ также образованіе и оформливаніе рядовъ (Reihenbildung und Gestaltung). Оно отличается отъ образованія аналогичныхъ представленій, если они даются и потомъ погружаются. Изъ этого выясняется конфликтъ между вещами, какъ онѣ воспринимаются нами и какъ мыслятся; и, вмѣстѣ съ этимъ, выясняется также наклонность оформливать или, по крайней мѣрѣ, разсматривать ихъ иначе, чѣмъ какъ онѣ представляются сначала, — слѣдовательно, внесеніе самодѣтельности въ то, что предлагаетъ воспріятіе, какъ это особенно, и безъ дальнѣйшей цѣли, замѣчается въ дѣтяхъ.

#### ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

**О представленіяхъ, какъ мѣстопробываніи душевныхъ состояній.**

**33.** Одно изъ возраженій противъ математической психологіи гласитъ: математика опредѣляетъ только количества, а психологія преимущественно обращаетъ вниманіе на качества.

Теперь какъ разъ время встрѣтиться съ этимъ возраженіемъ и собрать тотъ запасъ основаній для объясненія душевныхъ состояній, который предлагаетъ намъ предшествующее.

При этомъ прежде всего мы должны замѣтить, что собственныя *стремленія къ представлванію* (11) никогда не являются въ сознаніи непосредственно, потому что, превращаясь въ стремленіе, представленія тотчасъ же вытѣсняются изъ сознанія. Постепеннаго погруженія ихъ также нельзя воспринять. Отдѣльнымъ случаемъ этого является то, что никто не можетъ наблюдать своего собственного засыпанія.

Душа (Seele) называется *умомъ* (Geist), поскольку она представляетъ, и *духомъ* (Gemüth), поскольку она чувствуетъ и желаетъ. Но *духъ* (Gemüth) обитаетъ въ умъ, или чувствованія и желанія ближе всего суть состоянія представленій, хотя, большею частью, и *непостоянныя* состоянія послѣднихъ. На это указываютъ уже *аффекты*. Но это въ значительной степени подтверждаетъ и опытъ. Человѣкъ оцущаетъ мало радостей и страданій своей юности; напротивъ, то, что онъ правильно заучилъ ребенкомъ, онъ знаетъ еще въ старости. На сколько же можетъ существовать неизмѣнный *видъ духа* (Gemüthsart) и прежде всего — *характеръ*, — это мало по-малу выясняется вмѣстѣ съ объясненіемъ выставленнаго положенія.

**34.** Во первыхъ: бываетъ не только сліяніе представленій *послѣ* задержки, но и, совсѣмъ отличающееся отъ него, сліяніе представленій *передъ* задержкой, если степени задержки (15) достаточно малы для этого. Въ этомъ заключается принципъ *эстетическихъ сужденій*. То, что обыкновенно называется чувствованіями въ *тѣсномъ* смыслѣ этого слова, должно быть разсматриваемо по аналогіи со своими противоположностями (именно какъ нѣчто, возникающее изъ отношеній весьма многихъ представленій, но такихъ, которыя не могутъ быть показаны въ одиночку, и даже, можетъ быть, по физиологическимъ основаніямъ, совсѣмъ не могутъ быть отдѣльно восприняты).

*Примѣчаніе.* При выполненіи этого изслѣдованія, предметомъ опыта является рядъ *звуковыхъ отношеній*, на которыхъ основана музыка. При простыхъ тонахъ, эстетическій характеръ ихъ отношенія рѣшается непосредственно и одною только степенью задержки (звуковой интервалъ). Слѣдовательно, вѣрно, что психологическое объясненіе (весьма отличающееся отъ акустическаго) всей гармоніи думаютъ найти просто въ раз-

личеніи степеней задержки, и что должны найти его тамъ. Необходимыя для этого вычисленія, въ большей части, предлагаются во второмъ выпускѣ Königsberger Archiv für Philosophie и т. д. Изъ немного подробнаго изслѣдованія здѣсь можно привести только главное положеніе, которое рѣшительно подтверждается опытомъ:

*Если силы, на которыя разлагаются представленія, благодаря своему взаимному равенству или противоположности, одинаково напряжены, то возникаетъ дисгармонія. Но если одна изъ этихъ силъ стоитъ къ остальнымъ въ такомъ отношеніи, что приводится ими прямо на статическій порогъ (16), то получается гармоническое отношеніе.*

**35.** Во вторыхъ: принципъ контраста находится въ соединеніяхъ (22), которыя мы здѣсь рассматриваемъ какъ полныя.

Соединенія  $a + \alpha$  и  $b + \beta$  сходны, если  $a : \alpha = b : \beta$ ; если же этого нѣтъ, то они несходны. Пусть степень задержки между  $a$  и  $b = p$ , а между  $\alpha$  и  $\beta = \pi$ . Если теперь, при сходныхъ соединеніяхъ,  $p = \pi$ , то тогда, и только тогда, единичныя представленія задерживаются точно такъ же, какъ еслибъ они не стояли ни въ какой связи; и тогда не возникаетъ никакого чувства контраста, между тѣмъ какъ задержка успѣваетъ настолько, насколько ее приносятъ съ собою противоположности. Однако, при каждомъ уклоненіи отъ только что выставленнаго случая, страдаютъ менѣе противоположныя представленія, благодаря своей связи съ другой парой; но этимъ у послѣдней сберегается часть задержки; поэтому, несмотря на противоположность, въ сознаниіи остается нѣчто такое, что противостоитъ себѣ (sich widerstrebt); и въ этомъ именно заключается чувство контраста. Если  $\pi < p$ , то контрастъ чувствуется между  $a$  и  $b$ , а не между  $\alpha$  и  $\beta$ . Если  $\pi > p$ , то наоборотъ. Когда  $\pi = 0$ , то контрастъ между  $a$  и  $b$  бываетъ наибольшимъ.

**36.** Въ третьихъ: одно соединеніе  $a + \alpha$  воспроизводится посредствомъ новаго воспріятія, однороднаго съ  $a$  (по § 26). Между тѣмъ какъ, вслѣдствіе своей связи съ  $a$ , выступаетъ и  $\alpha$ , — въ сознаниіи является противоположное ему представленіе  $\beta$ . Такимъ образомъ,  $\alpha$  въ одно и тоже время (zugleich)

и стремится вверх и задерживается; въ этомъ стѣсненіи заключается мѣстопробываніе неприятнаго чувства, которое можетъ перейти въ желаніе (именно — объекта, представляемаго черезъ  $\alpha$ ), если задержка, производимая  $\beta$ , слабѣе той силы, съ которой выступаетъ  $\alpha$ .

Обыкновенно случается, что желанія возбуждаются воспоминаніемъ ихъ предмета. Приступы желанія возобновляются, если воспоминаніе усиливается нѣсколькими побочными представленіями; они смѣняются тоскливымъ чувствомъ лишенія, коль скоро задерживающія представленія (препятствій, стоящихъ на пути къ желаемому) получаютъ перевѣсъ.

**37.** Въ четвертыхъ: представленіе, выступая при помощи собственной силы (въ случаѣ воспроизведенія по § 26), вмѣстѣ съ этимъ, вызывается нѣсколькими помощами (24). Такъ какъ каждая изъ помощей имѣетъ собственную мѣру времени, въ которомъ дѣйствуетъ (по формулѣ въ § 25), то помощи могутъ другъ друга *усиливать* (противъ возможнаго препятствія), но не ускорять. Слѣдовательно, восходящее движеніе происходитъ только со скоростью, наибольшею между нѣсколькими, вмѣстѣ выступающими; *но ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, благопріятствуютъ всѣ остальные.* Это благопріятствованіе есть опредѣленіе того, что происходитъ въ сознаніи, но ни въ какомъ случаѣ не опредѣленіе чего нибудь представляемаго; слѣдовательно, его можно назвать только *чувствомъ*; безъ сомнѣнія, это — чувство удовольствія.

Здѣсь находится мѣстопробываніе яснаго душевнаго настроенія, особенно — удовольствія успѣшной дѣятельности. Сюда же относятся многочисленныя, извнѣ возбужденныя, движенія, которыя не ускоряютъ другъ друга, но являются взаимно благопріятными, какъ напр. танцы и музыка. Этому подобно дѣйствованіе по нѣсколькимъ сходящимся мотивамъ, а также и проникновеніе нѣсколькими, другъ друга подтверждающими, основаніями.

**38.** Въ общемъ надо замѣтить, что чувства и желанія обитаютъ не въ представиваніи вообще, но всегда въ извѣстныхъ опредѣленныхъ представленіяхъ. Поэтому, заразъ можетъ быть нѣсколько совершенно разныхъ чувствъ и желаній, которыя смѣшиваются, или сильно другъ съ другомъ спорятъ.



## ПЯТАЯ ГЛАВА.

**О взаимодействіи нѣсколькихъ, неодинаково напряженныхъ массъ представленій.**

**39.** Уже изъ предшествующаго можно отчасти узнать, что, послѣ того какъ замѣтное множество представленій дано уже въ разныхъ связяхъ, каждое новое воспріятіе должно дѣйствовать какъ раздраженіе, которымъ одно задерживается, другое вызывается и усиливается, продолжающіеся ряды нарушаются или приходятъ въ движеніе, и возбуждаются тѣ или другія душевныя состоянія. Эти явленія становятся болѣе сложными, если (какъ обыкновенно) новое воспріятіе само заключаетъ въ себѣ нѣчто разнообразное, которое одновременно содержится въ нѣсколькихъ связяхъ и рядахъ и даетъ толчекъ, побуждающій ихъ къ новымъ задержкамъ или сліяніямъ. При этомъ новое воспріятіе усвоится прежнимъ представленіямъ, хотя и такимъ способомъ, при которомъ оно (послѣ того, какъ первое раздраженіе сдѣлало, что могло) должно оказаться порядочно страдающимъ, потому что прежнія представленія, уже вслѣдствіе взаимныхъ связей, являются въ дальнѣйшемъ болѣе напряженными, чѣмъ только что пришедшія единичныя.

**40.** Но если уже образованы очень напряженныя, очень многочисленныя соединенія и сліянія, то внутри (im Inneren) можетъ повториться тоже самое отношеніе, которое только что было признано между прежними представленіями и новыми воспріятіями. Болѣе слабыя представленія, выступая въ сознаніи по какому бы то ни было закону, дѣйствуютъ какъ раздраженія на указанныя массы представленій и точно такъ же принимаются и усвояются (апперципируются) ими, какъ это происходитъ при новыхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ. Поэтому, *внутреннее воспріятіе* аналогично внѣшнему. Здѣсь еще нѣтъ рѣчи о самосознаніи, хотя оно весьма часто связывается съ этимъ.

**41.** Въ сказанномъ уже заключается то, что подтверждается опытомъ, — именно, что внутреннее воспріятіе никогда

не бываетъ пассивнымъ схватываніемъ, но всегда (хотя бы и противъ воли)—активнымъ пониманіемъ. Въмѣсто того, чтобы быть готовыми восходить и погружаться по собственнымъ законамъ, апперципированныя представленія прерываются въ своихъ движеніяхъ болѣе сильными массаами, которыя отгоняютъ противоположное имъ, хотя оно могло восходить, и останавливаютъ, сливая съ собою, однородное имъ, хотя оно должно было погружаться.

**42.** Стоитъ труда показать, какъ далеко можетъ простирается это различіе между представленіями, которыя, пожалуй, можно было бы раздѣлить на живыя и мертвыя. Припомнимъ представленія на статическомъ порогѣ (16). Хотя они и не совсѣмъ похожи на мертвое, но въ отношеніи суммы задержки, въ которой они находятся, они какъ бы то ни было не могутъ путемъ собственнаго стремленія достигнуть восхожденія. Однако, они могутъ быть приведены въ это состояніе при помощи тѣхъ связей, въ которыхъ стоятъ; и только что указанными сильнѣйшими массаами они часто вызываются и оттѣсняются въ цѣлыя кучи и ряды, подобно тому, какъ перелистываются листы книги.

**43.** Но если апперципирующія представленія не находятся (по крайней мѣрѣ, не находятся всѣ) на статическомъ порогѣ, то апперципирующія массы терпятъ отъ нихъ одно насиліе; съ другой стороны, и послѣднія могутъ подвергнуться здѣсь задержкѣ. Тогда нарушается внутреннее воспріятіе, и уже отсюда становится яснымъ то, что было въ немъ сомнительнымъ и неопредѣленнымъ. Апперципирующая масса снова можетъ апперципироваться другою. Однако, если это должно продолжаться такимъ образомъ, то должно быть дано нѣсколько массъ представленій замѣтно раздѣльной (*abgestufter*) напряженности. Поэтому, бываетъ довольно рѣдко, что внутреннее воспріятіе возвышается во вторую степень; и только при помощи философскихъ понятій этотъ рядъ мыслится такимъ, который могъ бы продолжаться до безконечности.

## ШЕСТАЯ ГЛАВА.

## Взглядъ на связь души съ тѣломъ.

**44.** До сихъ поръ представленія разсматривались какъ наличныя, причеиъ не ставилось вопроса объ ихъ происхожденіи и разнородныхъ вліяніяхъ. Это служило облегченіемъ. Теперь слѣдуетъ еще поговорить отчасти о чувственномъ воспріятіи, отчасти о фізіологическихъ воздѣйствіяхъ на тѣ представленія, которыя даны уже на лицо.

**45.** Уже по опыту можно принять, что каждое воспріятіе (*perceptio*) сколько нибудь замѣтной напряженности требуетъ для своего порожденія нѣкотораго промежутка времени, но и опытъ и метафизика учатъ, что, при болѣе долгомъ продолженіи воспріятія, его напряженность совсѣмъ не возрастаетъ пропорціонально времени, но *чѣмъ сильнѣе уже воспріятіе, тѣмъ меньше оно увеличивается*; и отсюда, съ помощью легкаго вычисленія, слѣдуетъ, что *для его напряженности существуетъ конечная граница*, къ которой очень скоро приближается пріобрѣтенное представленіе, и которой нельзя было бы переступить даже при безконечно длинномъ продолженіи того же самаго воспріятія. Это -- законъ *слабѣющей воспріимчивости*; и при этомъ напряженность чувственного впечатлѣнія по отношенію къ указанной границѣ является совершенно безразличной. Самое слабое чувственное ощущеніе можетъ дать представленію столько же напряженности, сколько и самое бурное: только для этого оно требуетъ немного больше времени.

**46.** Собственно говоря, каждое человѣческое представленіе состоитъ изъ безконечно многихъ, безконечно малыхъ, и при этомъ неравныхъ между собою, элементарныхъ впечатлѣній (*Auffassungen*), которыя мало-по-малу порождаются въ различныхъ частяхъ времени, пока продолжается воспріятіе. Однако, всѣ они должны слиться въ единую и совершенно недѣлимую цѣлостную силу (*Totalkraft*), если только въ продолженіи воспріятія не происходитъ задержки, причиняемой прежними противоположными представленіями. А по этой

причинѣ, цѣлостная сила становится замѣтно меньше суммы всѣхъ элементарныхъ впечатлѣній (Auffassungen) \*).

**47.** Въ первомъ дѣтствѣ порождается несравненно большій запасъ простыхъ чувственныхъ представленій, чѣмъ во всей послѣдующей жизни, дѣло которой, напротивъ, состоитъ въ разнообразныхъ соединеніяхъ этого запаса. Однако и въ позднѣйшемъ возрастѣ воспріимчивость никогда не погасаетъ совершенно: чувственные впечатлѣнія стали бы для старика еще гораздо болѣе безразличными и бесплодными, еслибы не имѣлъ мѣста нѣкоторый видъ *возобновленія воспріимчивости*.

Такъ какъ представленія на статическомъ порогѣ совершенно бездѣтельны для того, что происходитъ въ сознаніи (16), то они могутъ не ослаблять и воспріимчивости для однородныхъ съ ними новыхъ воспріятій. Этимъ совершенно восстанавлилась бы воспріимчивость, еслибы новыми воспріятіями прямо не измѣнялось существовавшее раньше отношеніе задержки, и еслибы прежнимъ представленіямъ не было дано известной свободы непосредственно воспроизводиться (26). А такъ какъ это бываетъ, то воспріимчивость уменьшается. Чѣмъ болѣе находится на лицо однородныхъ прежнихъ представленій, или, — какъ говорятъ обыкновенно, — чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе выступаетъ ихъ заразъ по данному поводу. И такимъ образомъ съ годами уменьшается и это возобновленіе воспріимчивости.

**48.** Сказанное до сихъ поръ относится не только къ совершенно однороднымъ представленіямъ, но ко всѣмъ, степень задержки которыхъ есть дробь. Это здѣсь нельзя развить, потому что въ предшествующемъ не могло быть сказано ничего болѣе точнаго о различеніи степеней задержки.

**49.** Надо особенно замѣтить троякаго рода вмѣшательство въ психическіе факты со стороны тѣла: его *давленіе* (Druck), его *отзвукъ* (Resonanz) и его *содѣйствіе при поступкахъ* (Mitwirkung im Handeln). Объ этомъ предварительно скажемъ слѣдующее:

**50.** Физиологическое давленіе возникаетъ, если сопровождающія состоянія, которыя въ тѣлѣ должны соответствовать измѣненіямъ въ душѣ, не могутъ слѣдовать свободно; оттого

\*) Psychologie I, § 95, и *de attentionis mensura*.

тогда и въ душѣ чувствуется препятствіе, какъ таковое, именно вслѣдствіе того, что измѣненія души и тѣла другъ другу соотвѣтствуютъ. Это давленіе часто бываетъ извѣстнымъ только какъ замедляющая сила, въ угоду которой должны замедляться душевныя движенія. Но давленіе часто также равняется прямо задерживающей силѣ, и можетъ употребляться въ вычисленіи такъ, какъ еслибы оно нѣсколько умножало число противоположныхъ представленій. Черезъ это *всѣ* дѣйствительныя представленія *могутъ* быть сведены на статическій порогъ, и въ этомъ будетъ заключаться объясненіе *сна*. Въ этомъ случаѣ получится глубокой, полный сонъ.

**51.** Физиологическій отзывъ возникаетъ въ то время, когда сопровождающія тѣлесныя состоянія пробѣгаютъ скорѣе, или образуются напряженнѣе, чѣмъ это было бы необходимо для того, чтобы только не причинять никакихъ препятствій душевнымъ движеніямъ. Тогда душа, опять таки сопровождая тѣло, будетъ дѣйствовать быстрѣе и напряженнѣе. Но она будетъ участвовать также и въ слѣдующемъ затѣмъ расслабленіи тѣла, какъ бываетъ, напр., послѣ хмѣля и аффектовъ.

**52.** Взаимодѣйствіе души и тѣла во внѣшнихъ дѣйствіяхъ не можетъ первоначально происходить изъ души, потому что воля ничего не знаетъ о томъ, что собственно вносится ею въ нервы и мускулы. Однако въ ребенкѣ существуетъ органическая потребность къ движенію. Эту потребность и возникающія благодаря ей дѣйствительныя движенія душа сначала сопровождаетъ своими чувствами; чувства же соединяются съ воспріятіями движимыхъ членовъ. Если же представленіе, возникшее изъ такого воспріятія, въ слѣдованіи стремится вверхъ, какъ желаніе (16), то движется и соединенное съ нимъ чувство, а къ этому принадлежатъ, въ качествѣ сопровождающихъ тѣлесныхъ состояній, всѣ тѣ измѣненія (Ereignisse) въ нервахъ и мускулахъ, при помощи которыхъ дѣйствительно опредѣляется органическое движеніе. Такимъ образомъ бываетъ, что представленія являются даже источникомъ механическихъ силъ во внѣшнемъ мірѣ.

## ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

### Эмпирическая психологія.

#### ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

**О душевныхъ способностяхъ, какъ о томъ, что имѣетъ видъ первоначально и существенно разнообразнаго въ человѣческомъ духѣ.**

#### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

##### **Обзоръ принятыхъ душевныхъ способностей.**

**53.** Изъ вышеизложенныхъ основаній психологіи сами собою объясняются нѣкоторые извѣстные факты; много другихъ остается еще безъ освѣщенія. Нѣтъ необходимости теперь же точнѣе опредѣлять это различіе. Вопросъ о томъ, какъ далеко простираются найденныя объясненія, можетъ при послѣдующемъ изложеніи оставаться безъ разрѣшенія до тѣхъ поръ, пока будутъ разобраны факты, потому что тогда можно будетъ удобнѣе уловить нить изслѣдованія.

Однако обыкновенно принимаемыя душевныя способности нуждаются теперь въ критическомъ освѣщеніи, которое само должно, мало по малу, подвигаться впередъ вмѣстѣ съ разборомъ фактовъ.

Съ стремленіемъ объединить разнообразное естественно связывается выдѣленіе того, чего явно нельзя объединить, такъ какъ оно или исключается, или выступаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Слѣдовательно, желая изобразить человѣче-

скій духъ, психологи на первый разъ должны оставить безъ вниманія такія направленія, которыя отвергаютъ отличительные признаки какъ въ индивидуумахъ, такъ и въ смѣняющихся другъ друга душевныхъ состояніяхъ. Это мы откладываемъ до втораго отдѣла, а въ первомъ рассмотримъ только то, что считается въ человѣческомъ духѣ первоначально и существенно разнообразнымъ.

**54.** Однако, вслѣдствіе особенной неопредѣленности психологическихъ фактовъ, становится невозможнымъ точное разграниченіе. Человѣкъ, разсматриваемый психологомъ, это — человѣкъ общежительный, образованный, выработанный цѣлой, прошедшей до сихъ поръ, *исторіей своего рода*. Въ *этомъ* человѣкѣ, очевидно, находится вмѣстѣ то разнообразное, которое, подъ именемъ душевныхъ способностей, считается общимъ достояніемъ человѣчества. Дѣйствительно ли первоначально оно вмѣстѣ, и дѣйствительно ли разнообразно оно изначала, — объ этомъ факты умалчиваютъ. Дикарь и новорожденное дитя, равно какъ и благороднѣйшія изъ животныхъ, даютъ намъ слишкомъ мало поводовъ удивляться обширности ихъ духа. Здѣсь психологи допускаютъ натяжки, будто высшая дѣятельность духа (не у животныхъ, но у дѣтей и дикарей) дана въ возможности, какъ неразвившійся задатокъ, или душевная способность. То, что въ поведеніи дикаря и ребенка въ самой слабой степени напоминаетъ поведеніе человѣка образованнаго, имѣетъ теперь для нихъ значеніе замѣтныхъ слѣдовъ пробуждающагося разсудка, пробуждающагося разума, пробуждающагося нравственнаго чувства. Но мы не можемъ не замѣтить, что въ послѣдующемъ изображается собственно только особенное, и не болѣе какъ точно ограниченное, *состояніе* человѣка, по тому общему впечатлѣнію, которое оно производитъ на людей, очень неопредѣленно называемыхъ нами „образованными“. Нельзя избѣгнуть большой шаткости этого общаго впечатлѣнія. Нѣтъ никакихъ общихъ фактовъ; чисто психологическіе факты заключаются въ мгновенныхъ состояніяхъ индивидуумовъ; они неизмѣримо далеко отстоятъ отъ высоты общаго понятія *человѣка вообще*.

**55.** Только что приведенное сравненіе человѣка съ животнымъ подаетъ теперь поводъ къ первому раздѣленію въ

разнообразномъ, принимаемомъ за первоначальное. Поскольку человѣкъ замѣтно возвышается надъ животнымъ, ему приписываютъ *вышія способности*; поскольку онъ равняется съ животными, ему приписываютъ *способности низшія*.

Это раздѣленіе пересѣкаетъ уже упомянутое выше раздѣленіе (по *представливанію, чувствованію и желанію*) въ столькихъ же способностяхъ.

Въ качествѣ вспомогательнаго средства при обзорѣ эмпирической психологіи, равно употребительны оба раздѣленія, и мы воспользуемся ими обоими.

**56.** Такъ какъ въ психологіи все находится во взаимной связи, то, для того, чтобы провести дальнѣйшее раздѣленіе высшихъ и низшихъ способностей, мы желаемъ начать дѣло не съ проведенія весьма сомнительной пограничной линіи между ними, но (для перваго раза) съ противопоставленія ихъ взаимныхъ крайностей. Именно, самымъ низшимъ въ человѣческомъ духѣ считается *чувственность*, а самымъ высшимъ—*разумъ*. Оба они похожи другъ на друга тѣмъ, что выступаютъ въ нѣсколькихъ членахъ втораго дѣленія. Говорятъ о *чувственномъ представливаніи, чувственномъ ощущеніи* (Fühlen), *чувственномъ желаніи*; говорятъ также о *теоретическомъ* (представляющемъ) и *практическомъ* (желающемъ, требующемъ) разумѣ: не говорятъ ничего только о *чувствующемъ разумѣ*, такъ какъ разумъ, долженствуя быть самымъ высочайшимъ въ человѣкѣ, всегда мыслится дѣйствующимъ, и никогда—страдательнымъ.

Смыслъ примѣняемыхъ здѣсь выраженій мало мальски понятенъ каждому изъ обычнаго словоупотребленія; здѣсь еще не мѣсто болѣе тонкимъ опредѣленіямъ, потому что они то и являются спорнымъ дѣломъ.

**57.** Если теперь отъ обѣихъ, самыхъ крайнихъ границъ мы будемъ приближаться къ серединѣ, то прежде всего, въ способностяхъ представленія, рядомъ съ чувственностью найдемъ *воображеніе* и *память*, а рядомъ съ разумомъ—*умъ* и *разсудокъ*. Потомъ, въ способностяхъ чувствованія, рядомъ съ *чувственнымъ ощущеніемъ удовольствія* и *неудовольствія*—*эстетическія* и *нравственныя* чувствованія и *аффекты*. Наконецъ, въ способностяхъ желанія, рядомъ съ *чувственными*



*пожеланiями и влеченiями, съ одной стороны—разсудочныя и разумныя хотѣнiя, а съ другой—страсти.*

**58.** Прежде, чѣмъ точнѣе уяснить этотъ грубый очеркъ психологическаго поля, мы должны замѣтить слѣдующее:

а) Раздѣленiя суть только эмпирическiя сопоставленiя, безъ ручательства за полноту, безъ достаточно опредѣленнаго и оправданнаго основанiя дѣленiя. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если, при болѣе тщательномъ разсмотрѣнiи фактовъ, найдутся предметы, которые или подойдутъ подъ многiе изъ намѣченныхъ классовъ, или же ни подъ одинъ изъ нихъ.—Приведемъ два примѣра:

По представленiю Вольфа, способность чувствованiя не отдѣляется отъ страстей. Всматриваясь въ дѣло глубже, мы покажемъ далѣе, что аффекты не принадлежатъ ни къ одному изъ классовъ чувствованiй (и тѣмъ болѣе—ни къ одному изъ другихъ, слѣдовательно—совершенно ни къ одному изъ намѣченныхъ классовъ), хотя чувствованiя предшествуютъ аффектамъ, также какъ аффекты страстямъ.—Какъ видно изъ опыта, то, что нравственно и эстетично, чувствуется, познается и желается. Не смотря на это, не рѣшаются допустить, чтобы оно, подобно чувственности, распространялось на всѣ главныя способности, такъ чтобы нравственныя чувствованiя, познанiя и намѣренiя существовали съ равною самостоятельностью *на ряду другъ съ другомъ*, но спорятъ о томъ, *въ чемъ* заключается начало нравственности, въ требованiи ли (Gebote), въ познанiи, или въ чувствѣ. Если обратиться къ опыту, онъ дастъ неоспоримый отвѣтъ, что нравственное чаще всего чувствуется, рѣже—правильно познается, и еще рѣже—служить предметомъ желанiй. Но этимъ не опредѣляется ничего, кромѣ шаткости и непрочности эмпирической психологii и всякаго изслѣдованiя, не имѣющаго лучшаго основанiя.

б) Хотя намѣченныя дѣленiя могутъ быть употребляемы для перваго обзора, однако онѣ совсѣмъ не годятся для точнаго изображенiя того, что происходитъ въ человѣкѣ, потому что ими разрывается постоянно связанное въ дѣйствительности. Изъ опыта не видно, бываетъ ли представление *безъ* чувствованiй и желанiй; лучше сказать, эти движенiя духа непрерывно происходятъ одно въ другомъ. Ясно, что

ко всякому чувствованію относится *чувствуемое*, и ко всякому желанію—*желаемое*, но должно ли и то и другое во всѣхъ случаяхъ быть *представляемымъ*,—этого, на основаніи опыта, нельзя ни утверждать, ни отрицать, потому что представляемое можетъ быть неяснымъ до непознаваемости, между тѣмъ предубѣжденіе стоитъ на сторонѣ утвердительнаго отвѣта, потому что въ *большинствѣ* случаевъ онъ оказывается правильнымъ.—Аффекты принадлежатъ не къ одному классу со страстями; однако положительно немислимы страсти, совершенно свободныя отъ аффектовъ. И кто хочетъ описывать исторію одного только страстнаго волненія, тотъ долженъ разсматривать его со всѣми возбуждаемыми при этомъ аффектами, какъ единый фактъ. Непрерывнаго теченія этого факта совсѣмъ нельзя представлять себѣ въ видѣ какой нибудь мозаичной картины, отдѣльныя части которой можно было бы понабрать изъ эмпирической психологіи.

с) Что отдѣльныя душевныя способности даны не просто, но во взаимномъ отношеніи между собою, это эмпирическая психологія признаетъ, приписывая имъ переработку одной и той же *матеріи*. Эту матерію чувственность должна *воспринять*,—причемъ поднимается вопросъ о причинномъ отношеніи между внѣшнимъ міромъ и человѣкомъ. Если оно отрицается, то должно будетъ признать чувственность скорѣе способностью *порождающей*. Ту же самую матерію память должна сохранить, а фантазія, не трогая этого сохраненія, представить въ новыхъ образахъ; и разумъ, опять таки не трогая этихъ новыхъ образовъ, долженъ образовать изъ нея понятія, а способность желанія—измѣнить ее въ *желаемое* и *ненавистное*,—и опять продукты фантазіи, понятія, желанія и т. д., сохраненныя памятью и смѣшанныя, при случаѣ, съ новой матеріей, должны подвергнуться дѣйствию новой перерабатывающей способности. Или, если это кажется непонятнымъ, то, можетъ быть, память прячетъ въ свой чуланчикъ только одну часть матеріи, а другая часть отдается фантазіи, третья—разсудку, четвертая—способности желанія, и т. д.? Опытъ ничего не свидѣтельствуетъ объ этомъ. Тѣмъ болѣе необходимымъ представляется то, что при этомъ считаютъ неизбѣжнымъ метафизическое предположеніе *какого то* многообразнаго и сложнаго *причиннаго отношенія*

какъ различныхъ способностей—одной къ другой, такъ и всѣхъ ихъ къ предполагаемой матеріи, которую онѣ сообща должны переработать.

**59.** Признавая только что упомянутыя причинныя отношенія, психологія позволяетъ намъ и дальше опредѣлять порядокъ ея ученія. Согласно положенію „*nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*“, прежде всего разсматриваются чувственныя представленія, а объ остальномъ рѣчь идетъ въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы оно всегда оказывается происходящимъ изъ этого. Здѣсь путеводною нитью служитъ постепенное развитіе отдѣльнаго человѣка и народа, равно какъ и различіе между человѣкомъ и животнымъ.

Хотя, обращаясь къ опыту, мы гораздо чаще встрѣчаемъ низкую чувственность, чѣмъ всякую другую душевную жизнь, — однако мы никогда не видимъ этой послѣдней безъ первой, такъ что намъ стоитъ большого труда связать сколько нибудь опредѣленный смыслъ съ выраженіемъ „чистый разумъ“. Тѣмъ не менѣе существуютъ два очень важныхъ психологическихъ факта, которыхъ мы не можемъ понять иначе, какъ только помимо причиннаго отношенія между чувственностію и разумомъ или оспаривая это отношеніе. Эти факты—чистое самосознаніе и нравственное намѣреніе. То, что мы постоянно наблюдаемъ въ себѣ въ теченіи времени, должно быть, какъ случайно измѣняемое, отличено отъ нашего истиннаго Я; слѣдовательно, это послѣднее мы познаемъ, повидимому, само по себѣ, независимо отъ *внутренняго* чувства, при помощи такъ называемой *чистой апперцепціи*. (Въ общемъ, апперцепція обозначаетъ знаніе того, что въ насъ происходитъ).—И намѣреніе яснѣе всего оказывается чисто нравственнымъ тогда, когда пренебрегаютъ соображеніями выгоды и невыгоды, какъ онѣ являются намъ въ опытѣ, когда духъ возвышается надъ чувственными ощущеніями и опредѣляетъ себя прямо вопреки имъ. Какъ возможно это возвышеніе? Отвѣтъ „при помощи свободной воли“ совершенно соотвѣтствуетъ внутреннему воспріятію, имѣющему мѣсто въ подобныхъ случаяхъ. Поэтому, подъ пару чистой апперцепціи, принимается независимая отъ всякаго причиннаго отношенія, такъ называемая *трансцендентальная свобода*.—Если же то и другое приписывается разуму, какъ тому, что

въ человѣкѣ дальше всего отстоять отъ чувственности, то разумъ понимается здѣсь не какъ нѣчто высшее, но скорѣе какъ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ чувственность, и на эту послѣднюю нельзя уже больше смотрѣть ни какъ на основаніе, ни даже—какъ на условіе всего остальнаго.

При такомъ предположеніи, психологія, въ распорядкѣ своего ученія, должна не переходить отъ чувственности къ разуму, но представлять два параллельныхъ съ самаго начала ряда наблюденій, причемъ разумъ и чувственность образовали бы начальныя пункты, а соединеніе ихъ обоихъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ было бы высшимъ положеніемъ (Gegend) и, такъ сказать, цѣлью. Эмпирическая психологія не можетъ ничего противопоставить этому требованію. Но въ „Введеніи въ философію“ (Einleitung in die Philosophie, § 103 и 107) было уже показано, что понятія „Я“ и трансцендентальной свободы заключаютъ въ себѣ противорѣчіе \*). Поэтому несообразно съ истиной и только что выставленное понятіе разума. Ничуть не лучше и ходячее понятіе о чувственности, особенно если она считается источникомъ зла. Самое большее зло настолько же мало является чувственнымъ, насколько мало и чувственность является проникнутой зломъ.

*Примѣчаніе.* Когда въ обыденной жизни говорятъ, что въ одномъ человѣкѣ преобладаетъ разумъ, въ другомъ—память, въ третьемъ—фантазія, въ четвертомъ—здравый смыслъ, и когда при этомъ тому или другому человѣку, взятому въ цѣломъ, все таки нельзя приписать никакой опредѣленной степени большаго или меньшаго душевнаго здравія,—то должна возникнуть догадка, что, различая такъ называемыя душевныя способности, мы имѣемъ дѣло скорѣе съ продуктами духовной дѣятельности, чѣмъ съ ея внутреннею, здоровой или больной, природой. Хотя ниже будетъ дано болѣе глубокое и болѣе точное опредѣленіе понятій четырехъ главныхъ

---

\*) По ученію Гербарта, понятіе трансцендентальной свободы заключаетъ въ себѣ то противорѣчіе, что раздвояетъ, въ актѣ самоопредѣленія, единое существо, прототождялая активность пассивности. О противорѣчіяхъ въ понятіи Я см. выше („Психологія, какъ наука,“ § 27).

душевныхъ болѣзней—тупоумія, придурковатости, бѣшенства и безумія,—однако и здѣсь будетъ полезно составить понятіе душевнаго здравія, при помощи того, что противопоставляется этимъ болѣзнямъ, т. е. при помощи понятій *восприимчивости, сосредоточенности, спокойствія и взаимноопредѣляемости всѣхъ представленій другъ другомъ*; потому что недостатокъ какого нибудь изъ этихъ четырехъ необходимыхъ качествъ дѣйствительно гораздо непосредственнѣе доказываетъ склонность къ душевной болѣзни, чѣмъ недостатокъ фантазіи, памяти, разсудка и проч. Но довольно ясно, что названныя необходимыя качества относятся къ изложенному выше основному ученію о представленіяхъ, какъ силахъ, подвижность которыхъ, при малѣйшемъ измѣненіи въ ихъ напряженности и связи, такъ же замѣтна, какъ и стремленіе ихъ къ покойному состоянію равновѣсія, и у которыхъ, при помощи законовъ воспроизведенія, совершенно сохраняется собраніе однороднаго и уже вступившаго въ связь, равно какъ и всякій способъ возможнаго взаимноопредѣленія, — до тѣхъ поръ, пока со стороны тѣла не послѣдуетъ насильственнаго вмѣшательства, чуждаго духу. Однако нельзя подробнѣе разсматривать отношенія между тѣломъ и духомъ, не упоминая о нѣкоторыхъ натурофилософскихъ положеніяхъ, приводитъ которыя здѣсь было бы еще слишкомъ рано. Теперь прежде всего должно, если не освободить отъ неопредѣленности, то, по крайней мѣрѣ, познакомиться со многими значеніями самаго перваго изъ приведенныхъ выше дѣленій (55).

## ВТОРАЯ ГЛАВА.

### **О пограничной линіи между низшими и высшими способностями.**

**60.** Пограничная линія между низшими и высшими способностями, въ способностяхъ представленія, проходитъ между воображеніемъ и разсудкомъ, въ способностяхъ чувствованія—между чувственнымъ удовольствіемъ и эстетиче-

скимъ чувствомъ, въ способностяхъ желанія—между страстью и обдуманнѣмъ выборомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при шаткости всѣхъ этихъ понятій, она еще совсѣмъ не проводится точно, и психологи (по крайней мѣрѣ, Вольфъ въ эмпирической психологіи, § 233) готовы признаться, что ее нельзя строго опредѣлить. Это тѣмъ болѣе ясно, что даже животнымъ приписывается *analogon rationis*, между тѣмъ какъ никто, вѣдь, не припишетъ имъ фантазіи, подобной человѣческой. Такимъ образомъ выходитъ, что животныя причастны высшей способности представленія, и, напротивъ, лишены кое-чего такого, что слѣдуетъ считать способностью низшей. Хотя указанное опредѣленіе по отношенію къ способности чувствованія кажется довольно подходящимъ, такъ какъ, никто, вѣдь, не ожидаетъ отъ животныхъ эстетическаго сужденія, однако это сужденіе обыкновенно отсутствуетъ и у болѣе грубыхъ людей, являясь скорѣе принадлежностію высшей ступени образованія, чѣмъ человѣческой природы. Наконецъ, что касается страстей, то среди нихъ мы находимъ и такія, которыя, хотя и очень дурны, однако берутъ свое начало въ самой благородной и самой высшей области человѣческой мысли, такъ что невозможно относить ихъ къ низшимъ способностямъ, приписываемымъ и животному. Слѣдовательно, должно понимать предметъ иначе.

**61.** Сравнительно съ человѣкомъ, животному приписываютъ вообще низшія способности, потому что его душевныя силы (Көппен) считаютъ или *недостаточными*, или *уменьшенными*, или же *подчиненными*.

Если мы допустимъ, что, сравнительно съ болѣе полными, дальше простирающимися способностями человѣка, душевныя силы животнаго недостаточны, то весьма яснымъ основаніемъ для этого будетъ отсутствіе у него рукъ и рѣчи, вслѣдствіе чего оно далеко не съ тѣмъ удобствомъ можетъ получать представленія о вещахъ; и между тѣмъ какъ пониманіе, умъ человѣка ближе всего относится къ рѣчи, животныя могутъ доходить развѣ только до пониманія нѣсколькихъ знаковъ. Но въ такомъ же точно положеніи находится и человѣкъ, будучи ребенкомъ на самой низкой степени своего развитія, потому что въ началѣ онъ также мало умѣетъ владѣть руками, какъ и пользоваться рѣчью.

Если, далѣе, мы допустимъ, что душевныя силы животнаго должны быть признаны уменьшенными, такъ какъ первоначально онѣ, вѣдь, могли быть бѣльшими,—то это также подойдетъ къ животнымъ, хотя и двоякимъ образомъ. Потому что, во первыхъ, въ кругъ ихъ представленій входитъ нѣчто нарушающее (Störendes), что не дѣйствуетъ такъ стѣснительно на человѣка. Вполнѣ ясно, что этимъ нарушающимъ, у животныхъ съ художественными стремленіями, служатъ органическія раздраженія, которымъ они повинуются; у другихъ обращаетъ на себя вниманіе преждевременная зрѣлость. А, во вторыхъ, при относительно малой величинѣ мозга животныхъ, ихъ организмъ, вѣроятно, не можетъ быть столь же доступнымъ для душевныхъ раздраженій, какъ организмъ человѣческій.

Если, наконецъ, мы станемъ смотрѣть на душевныя силы животныхъ какъ на подчиненныя (въ силу чего онѣ должны быть служебными или побѣжденными), то, вѣдь, это понятіе подойдетъ не только къ животнымъ, но и къ низшимъ способностямъ человѣка, поскольку онъ владѣетъ самимъ собою. Только это обладаніе, въ свою очередь, такъ сильно зависитъ отъ достигнутой уже ступени образованія, такъ сильно колеблется, по своему виду, между ловкостью и нравственностью, а, если принять во вниманіе его степень, то къ нему такъ мало способны грубые и больные люди, наконецъ (если могутъ что нибудь значить исключенія) у дрессированныхъ животныхъ находится такъ много слѣдовъ пріобрѣтеннаго выучкой воздержанія, что нельзя доказать, будто въ душевныхъ способностяхъ лежитъ какое нибудь существенное и всеобщее различіе,—скорѣе, все можно свести на различіе благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій, или же достигнутаго образованія. *Поэтому мы не можемъ и не имѣемъ права разсматривать человѣческій духъ какъ сумму двухъ способностей, специфически различныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принаровленныхъ одна къ другой.* Выходитъ только, что душевная жизнь (Regsamkeit), по различію представленій, ихъ связей и задержекъ, выражается въ безконечно-разнообразныхъ формахъ и границахъ. Всѣ эти разсужденія не зависятъ отъ метафизики, а будетъ ли метафизика, разъ она призвана, противо-

рѣчь даннымъ разсужденіямъ, или же она подтвердитъ ихъ,—рѣшать этотъ вопросъ мы здѣсь не должны.

Напротивъ, человѣку, достигшему высшей ступени образованія, мы должны, сообразно съ опытомъ, приписать не только простую, но и многообразную способность, такъ сказать, распадаться въ самообладаніи на нѣсколько частей, и то направлять произвольнымъ образомъ свои мысли, то настраивать свои чувствованія, то предписывать себѣ послабленіе или правильное усиліе. Извѣстно, что у животныхъ мало или даже совсѣмъ не замѣчается какихъ бы то ни было слѣдовъ всего этого; что же касается человѣческой способности, то объ этомъ уже было разсужденіе въ основаніяхъ психологіи (40—43). Слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ мы и будемъ признавать высшія и низшія способности.

**62.** Вольфъ между высшими и низшими способностями представленія помѣщаетъ *вниманіе* (однако только произвольное, между тѣмъ какъ непроизвольное является чуть ли еще не болѣе важнымъ). Высшія способности начинаются у него вмѣстѣ съ *отчетливостію понятій*, признаки которыхъ разлагаютъ вниманіе. Хотя это опредѣленіе захватываетъ сферу, гораздо болѣе узкую, чѣмъ та, которую обычное словоупотребленіе указываетъ словамъ „разсудокъ“ и „разсудочный“, тѣмъ не менѣе она замѣчательно совпадаетъ съ частью этой послѣдней. Именно, дѣлая понятіе болѣе отчетливымъ, вниманіе *равномѣрно* вызываетъ, одно за другимъ, заключающіяся въ немъ частныя представленія; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно, такъ сказать, *выравниваетъ* понятіе, признаки котораго до сихъ поръ какъ то случайно торчали другъ передъ другомъ. Такимъ образомъ, оно соотвѣтствуетъ качеству *мыслимаго*, которому всѣ его опредѣленія принадлежатъ независимо отъ различія, вносимаго индивидуальнымъ *мышленіемъ*, направляющимся болѣе на одинъ признакъ, чѣмъ на другой. Слѣдовательно, оно соотвѣтствуетъ также и другому данному объясненію разсудка, которое заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что связывается съ этимъ словомъ обыкновенно, именно, — что разсудокъ есть способность связывать наши мысли по качеству мыслимаго. Въ обыденной жизни находится довольно много примѣровъ неравномѣрнаго, индивидуальнаго мышленія; таковы отрывочныя свѣдѣнія рутинера,



сравнительно съ равномѣрно выработаннымъ знаніемъ истиннаго ученаго. Послѣднее, безъ сомнѣнія, является дѣломъ прогрессирующаго вниманія.

**63.** Кантъ, проводя границу между высшими и низшими способностями, руководствуется слѣдующей основной мыслію: „вообще связь многообразнаго никогда не можетъ привходить къ намъ черезъ чувства; всякая связь есть спонтанеическій актъ силы представленія, которую въ отличіе отъ чувственности, надо назвать *разсудкомъ*“ \*). Это, весьма призрачное, положеніе, по своей природѣ, является спекулятивнымъ (оно вызываетъ *высшій скепсисъ*, выставленный въ *Lehrb. zur Einleitung in die Philosophie*, см. также § 22—29 и § 98—103 \*\*). Сильно выдвинувъ эту мысль, Кантъ оказалъ великую услугу спекуляціи, но, положивъ только начало, онъ совсѣмъ не выполнилъ тѣхъ въ высшей степени важныхъ изслѣдованій, которыя вытекали отсюда; и насколько эти изслѣдованія должны всегда необходимо содержаться въ основоположеніи къ общей метафизикѣ, настолько же, въ свою очередь, необходимо должно быть совершенно исключено изъ ученія психологіи все то, что приближается къ кантовскому положенію, потому что въ концѣ изслѣдованія получается прямо противоположное тому, къ чему, по видимому, склонялось начало. Многообразное совсѣмъ не связывается чѣмъ нибудь такимъ, что можно было бы назвать актомъ, а тѣмъ болѣе—актомъ спонтанеическимъ. Связь многообразнаго является непосредственнымъ слѣдствіемъ единства души. Эта связь всегда примѣняется, далѣе, къ тому способу и образу, въ какихъ соединяются чувственныя впе-

\*) *Kritik der reinen Vernunft*, § 15.

\*\*) Въ „*Lehrb. z. Einl. in die Philos.*“ Гербартъ различаетъ двоякаго рода скепсисъ—низшій и высшій. Низшій скепсисъ касается субъективнаго характера нашихъ знаній. Это—сомнѣніе въ возможности получить посредствомъ своихъ чувствъ вѣрный образъ того, что такое вещи. Высшій скепсисъ идетъ дальше. Онъ возбуждаетъ мысль, что мы на самомъ дѣлѣ вовсе не воспринимаемъ всего того, что нами, по видимому, воспринимается, и что къ данному содержанію воспріятія мы сами произвольно примышляемъ тѣ формы (пространство, время, причинность), которыя приписываемъ объектамъ природы. Поводомъ къ высшему скепсису обыкновенно служатъ извѣстныя умозрительныя, или спекулятивныя, положенія.

чатлѣнія: какъ было уже доказано въ *Einleitung in die Philosophie* она есть нѣчто *данное* \*). Наконецъ,—что собственно только сюда и относится,—эмпирическимъ путемъ никогда нельзя доказать даже видимости кантовскаго положенія. Хотя въ напряженномъ мышленіи мы чувствуемъ себя дѣятельными, и въ это время сознаемъ иногда, что умышленно составляемъ понятія изъ ихъ признаковъ,—однако, объединяя въ понятіи объекта многообразіе данной интуиціи (*Krit. d. r. V.*, § 17), мы бываемъ вынуждены принять

\*) Здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ о формѣ и матеріи *даннаго*, т. е. того, что мы находимъ въ опытѣ и воспріятіи чего мы чувствуемъ себя несвободными (*Hauptp. d. Metaph.*, II).—Если мы возьмемъ двѣ какія нибудь вещи (напр., два металла), то сумма всѣхъ признаковъ этихъ вещей будетъ составлять *матерію* даннаго, а раздѣленіе ихъ на двѣ группы—его *форму* (*Lehrb. z. Einl. in. d. Ph.*, § 25). Но признаки вещей мы знаемъ только по своимъ ощущеніямъ (*Ibid.*, § 19). Слѣдовательно, матерія даннаго есть ощущение (*Allgem. Metaph.*, § 169). Но чѣмъ же, при ближайшемъ опредѣленіи, оказывается форма даннаго? Мы не можемъ отрицать того, что форма опыта *дана*, что ее уже *находятъ* въ опытѣ: круглое сопротивляется тому, чтобы казаться четырехугольнымъ; комплексъ свойствъ, который мы называемъ золотомъ, сопротивляется тому, чтобы, вмѣсто своей твердости, обнаруживать текучесть ртути, или, вмѣсто желтаго цвѣта,—бѣлый (*Hauptp. d. Metaph.*, II). Но уже изъ самаго опредѣленія формы видно, что она немыслима безъ матеріи. Съ другой стороны, очевидно, что, одна матерія безъ формы, т. е. одни признаки, взятые сами по себѣ, еще не составляютъ вещи. „Мы не имѣли бы познанія ни о золотѣ, ни о серебрѣ, если бы опытъ оставлялъ не опредѣленнымъ, съ какимъ признакомъ должны мы связывать въ одну вещь специальную тяжесть золота—съ бѣлымъ или желтымъ цвѣтомъ, и съ какимъ опять таки цвѣтомъ,—бѣлымъ или желтымъ,—должны мы связывать звонъ серебра“ (*Lehrb. z. Einl. in die Philos.*, § 25). Мы, конечно, утверждаемъ, что все это познается изъ наблюденія. Однако все, что нами наблюдается, — ничто иное, какъ отдѣльные признаки. „Слѣдовательно, эти признаки должны содержать въ себѣ указаніе на группированіе, т. е. на форму. Но никто не можетъ утверждать, будто, вмѣстѣ съ тяжестью и благодаря ей, онъ ощущаетъ необходимость считать эту тяжесть данною вмѣстѣ съ желтизною, или будто, вмѣстѣ съ желтымъ цвѣтомъ и благодаря ему, онъ видитъ необходимость признать желтое настолько то тяжелымъ... То, что разъясняется на этомъ примѣрѣ, можетъ быть отнесено и ко всѣмъ вещамъ со многими признаками“ (*Ibid.*).—Итакъ, непосредственно мы знаемъ только ощущенія. Поэтому, на дѣлѣ только они и составляютъ данное въ собственномъ смыслѣ (*Allgem. Metaph.*, § 169). Что же касается формъ опыта, то онѣ, хотя и даны, однако только лишь какъ „опредѣленія того способа, какимъ связываются ощущенія“ (*Ibid.*, § 171). Эти опредѣленія, какъ мы видѣли, не содержатся непосредственно въ ощущеніяхъ, а только *примышляются* къ нимъ (*Lehrb. z. Einl. in. d. Ph.*, § 25). Какъ происходитъ примышленіе формы къ

объектъ такимъ, какъ онъ представляется; здѣсь мы только связаны и ничего не знаемъ о спонтанеическомъ актѣ.

Между тѣмъ какъ *дѣятельность* не является ни свойствомъ разсудка, ни источникомъ связи,—разсудокъ, безъ сомнѣнія, выражается въ извѣстнаго рода *связи*; потому что вся высшая способность дѣйствуетъ въ чувственности, памяти и воображеніи (которыя обыкновенно прямо причисляются къ способностямъ низшимъ) именно такимъ образомъ, что обнаруживается у образованныхъ людей въ *широкихъ связяхъ*, совсѣмъ не встрѣчающихся у дикарей и животныхъ. Сюда прежде всего относится распространеніе представленій пространства и времени гораздо далѣе сферы чувственного ощущенія, даже до безконечности. Въ дикаряхъ же и животныхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе то, что ихъ грубый взглядъ ошибается и въ прошедшемъ и въ предвидѣніи самаго близкаго будущаго.

Далѣе, существуетъ громадная разница между *собраніемъ* признаковъ *вещи* и различеніемъ этихъ признаковъ отъ *субстанции*, которой они *приписываются*; такая же разница существуетъ между простымъ схватываніемъ короткаго ряда событій и выведеніемъ этихъ событій изъ причинъ и *силъ*. Высшимъ способностямъ принадлежитъ не первое, но второе.

Хотя это замѣчаніе и вызвано ученіемъ Канта, однако оно собственно относится къ слѣдующему.

**64.** Насколько мало логическая отдѣлка понятій можетъ служить мѣриломъ разсудка (вспомнимъ только о разсудкѣ женщинъ, художниковъ, чиновниковъ, купцовъ), настолько же она обнаруживаетъ всетаки часть того различія, котораго мы доискиваемся. И дикарь, и животное, безъ сомнѣнія, имѣютъ общія впечатлѣнія, получаемыя отъ сходныхъ предметовъ, слившіяся представленія деревьевъ, домовъ, людей и т. п.; но у нихъ нѣтъ *противоположенія* абстрактнаго конкретному.—Общія понятія не отдѣляются у нихъ отъ своихъ примѣровъ. Это отдѣленіе принадлежитъ высшимъ спо-

---

матеріи опыта и отчего мы непременно познаемъ ощущенія въ извѣстнаго рода связи,—все это, по мнѣнію Гербарта, составляетъ вопросъ *психологии* (Allgem. Metaph., § 170; Lehrb. z. Einl., § 117).

*Примѣч. переводчика.*

собностямъ. Таково противоположеніе пространственнаго — пространству и временнаго — времени, равно какъ и противоположеніе нашего *Я* нашимъ измѣняющимся состояніямъ, въ то время какъ и животное, по всей вѣроятности уже отличаетъ себя отъ другаго, съ которымъ оно борется изъ за пищи.

**65.** Эстетическое и нравственное пониманіе у дикарей является рѣдкимъ и ограниченнымъ, а у животныхъ чуть ли совсѣмъ не отсутствуетъ. Выборъ у нихъ гораздо менѣе обдуманъ и въ цѣломъ, повидимому, не такъ рѣшителенъ, какъ у людей образованныхъ. Кромѣ недостатка въ высшемъ, животное имѣетъ еще одню положительное свойство, — именно оно очевидно находится въ большей зависимости отъ *инстинкта*, который отчасти является періодическимъ и стоитъ въ самой тѣсной связи съ организмомъ.

**66.** Если подвести итогъ всему сказанному, то не получится никакого законченнаго ряда строгихъ различій ни между человѣкомъ и животнымъ, ни между высшими и низшими способностями. Слѣдовательно, мы не имѣемъ и причинъ требовать строго установленнаго различія тамъ, гдѣ встрѣчаемъ довольно много *шаткаго*, которое достаточно объясняетъ, какъ можно находить себя вынужденнымъ спрашивать о различіи, которое считаютъ единымъ и повсюду равнымъ. — Но если кто нибудь подумаетъ, что животное слишкомъ близко приближается здѣсь къ человѣку, то противъ этого имѣютъ силу слѣдующія замѣчанія.

Мы знаемъ животныхъ очень мало. Мы различаемъ слишкомъ мало животныхъ классовъ. Въ основаніи дрессировки животныхъ, изъ которой мы узнаемъ замѣчательную гибкость ихъ дарованій, большею частію лежитъ столь же ложное понятіе, что и въ основаніи дурнаго воспитанія человѣческаго дитяти. Животное не поддается никакой дрессировкѣ, кромѣ какъ по внутреннимъ законамъ своего существа, и большая часть употребляемыхъ при этомъ принужденій, есть, безъ сомнѣнія, грубое мученіе, даже если оно должно быть нужнымъ для достиженія цѣли, когда желаютъ воспользоваться животнымъ только какъ животнымъ. Кто наблюдалъ молодыхъ животныхъ, тотъ не могъ не замѣтить, какъ часто пытаются они пользоваться своими передними лапами точно

*руками*: напрасное стремленіе перешагнуть границы своей организаціи. Но человѣку лучше иногда посовѣтовать, вмѣсто того, чтобы кичиться, вспомнить съ благодарностію о тѣхъ вспомогательныхъ средствахъ образованія, которыми онъ преимущественно пользуется. Впрочемъ, въ то время какъ для насъ остается тайной многообразное различіе въ душевной жизни разныхъ животныхъ, различіе людей является передъ нами всетаки немного отчетливѣе. На вопросъ, могутъ ли представленія, какъ силы, обнаруживаться въ людяхъ *вполнѣ*, или, можетъ быть, здѣсь еще остается всетаки нѣсколько той ограниченности, которая замѣчается у животныхъ, — можно отвѣчать въ общемъ слѣдующее: руки человѣка должны вооружаться безчисленными инструментами, рѣчь нуждается еще въ типографскомъ станкѣ; гениальные люди показываютъ, какъ много недостаетъ обыкновенному человѣку до свободной душевной жизни и съ какою также легкостью могутъ слабоумные люди крѣпко затягивать тотъ узелъ въ человѣческомъ образѣ, которымъ органическая жизнь спутываетъ душевную; наконецъ, самообладаніе, это дѣло высшаго образованія, страдаетъ еще отъ всѣхъ недостатковъ образованія и воспитанія. Слѣдовательно, достаточно ясно, что извѣстная до сихъ поръ человѣческая дѣятельность не считается вполнѣ законченнымъ выраженіемъ того, что могутъ сдѣлать представленія, какъ силы; и близка догадка, что на другихъ небесныхъ тѣлахъ, при другомъ давленіи, атмосферѣ, освѣщеніи и пр., могутъ существовать организаціи, гораздо болѣе способныя къ развитію.

## ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

### Способности представленія.

**67.** То, что относится къ способностямъ представленія, можетъ быть сведено къ слѣдующему обзору:

а) Произведеніе (продукція)

α) опыта:

aa) по матеріи,

bb) по формѣ;

β) понятій, переступающихъ опытъ.

в) Воспроизведеніе (репродукція).

По этому плану мы и будемъ разсматривать способности представленія, приче́мъ обратимъ вниманіе и на обычное раздѣленіе душевныхъ способностей.

### А. Внѣшнія чувства.

**68.** Произведеніе матеріи опыта является преимущественно дѣломъ внѣшнихъ чувствъ: осязанія, вкуса, обонянія, слуха, зрѣнія. (Что называется матеріей и формой опыта, — это извѣстно изъ Введенія въ философіи; ср. *Einleitung in die Philosophie*, § 25, 29 \*).

Пять указанныхъ чувствъ принимаются соотвѣтственно числу чувствующихъ органовъ; различныхъ классовъ чувственныхъ ощущеній гораздо больше. Сверхъ того, сами органы обладаютъ ощущающими поверхностями, слѣдовательно безконечнымъ множествомъ ощущающихъ мѣстъ, съ тѣмъ замѣчательнымъ различіемъ, что въ однихъ чувствахъ возникаетъ *общее ощущеніе*, а въ другихъ *каждое отдѣльное мѣсто* ощущающей поверхности даетъ *особое* представленіе.

**69.** Ощущеніе давленія, а также тепла и холода, имѣетъ своимъ органомъ поверхность всего тѣла. Давленіе ощущается весьма различно, смотря по тому, насколько оно бываетъ одинаковымъ въ разныхъ частяхъ ощущающей поверхности и въ слѣдующихъ другъ за другомъ, въ продолженіи ощущенія, моментахъ времени. Такъ различаютъ острое, гладкое, мохнатое, упругое и т. д. (Можетъ быть, теплое и холодное ощущается болѣе внутренними, а давленіе болѣе внѣшними частями нервовъ).

Особымъ видомъ осязанія (*Gefühl*) является то чувство (*Tastsinn*), которое помогаетъ намъ опредѣлять форму опыта. Замѣтимъ, что при этомъ видѣ осязанія (*Tasten*) дѣйствуетъ нѣсколько пальцевъ, нѣсколько частей языка, вообще нѣсколько мѣстъ ощущающей поверхности.

---

\*) См. выше, примѣчаніе переводчика къ § 63 (стр. 139).

**70.** Вкусъ даетъ очень много различныхъ ощущеній, а эти ощущенія, будучи одновременными, смѣшиваются другъ съ другомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, языкъ есть преимущественное мѣстонахожденіе осязанія всякаго рода. (Онъ обладаетъ и разными видами нервовъ).

**71.** Запахи, подобно звукамъ, навязываются намъ съ силою, но они не позволяютъ, подобно имъ, различать въ себѣ многообразное. Надъ органомъ обонянія мы имѣемъ меньше власти, чѣмъ надъ остальными органами чувствъ; онъ самъ очень страдаетъ при своихъ отправленіяхъ. Запахи могутъ убивать и распространять заразныя болѣзни; большею частію они пріятны или непріятны и рѣдко—безразличны; но, скоро притупляя органъ обонянія, ни одинъ изъ нихъ не ощущается долго.

Сравнительно съ дикаремъ и многими животными, у цивилизованнаго человѣка это чувство кажется совсѣмъ притупленнымъ.

**72.** По многообразію ощущеній, слухъ является самымъ богатымъ изъ всѣхъ чувствъ. Музыкальные тоны, позволяютъ различать себя, будучи даже одновременными; независимо отъ нихъ, схватываютъ гласныя и, на ряду съ тѣмъ и другимъ, воспринимаютъ согласныя, которыя, повидимому, относятся къ классамъ разнообразнаго шума. Замѣчательна лишенная тона, и тѣмъ не менѣе вразумительная рѣчь человѣка. Быть можетъ, сюда близко подходитъ пониманіе тѣхъ, которые отъ рожденія лишены музыкальности, хотя очень хорошо слышатъ. (Вѣроятно, каждый музыкальный тонъ имѣетъ въ органѣ свою собственную часть. Безъ этого, мало понятно, какимъ образомъ одновременныя тоны остаются отдѣленными, и почему они не даютъ какого нибудь третьяго смѣшаннаго тона, что уничтожило бы эстетическое пониманіе интервала).

**73.** Зрѣніе различаетъ цвѣта и, независимо отъ нихъ, степени освѣщенія. Каждое мѣсто глазной сѣтчатки видитъ порознь и даетъ особое ощущеніе. Нѣкоторые глаза не различаютъ части цвѣтовъ, а нѣкоторые не различаютъ ихъ и вовсе (при остромъ, впрочемъ, зрѣніи). Величайшая подвижность, способность приближаться къ предметамъ и удаляться отъ нихъ, приспособляясь къ сильному и слабому свѣту, наконецъ способность произвольно закрываться вѣками— все

это является преимуществомъ органа зрѣнія. (Ниже будетъ показано, что подвижность особенно способствуетъ пониманію пространственной формы, которая совсѣмъ не такъ первоначальна, какъ это кажется: ее изучаютъ, и она проходитъ черезъ весьма различныя ступени развитія).

*Примѣчаніе.* Каждое чувство имѣетъ свою степень остроты и тонкости, свою долготу и краткость.

Все до сихъ поръ сказанное относится только къ ощущеніямъ, а не къ интуиціямъ. Последнія предполагаютъ представленіе объекта въ противоположность другимъ объектамъ и субъекту, и поэтому даютъ работу чуть ли не всѣмъ такъ называемымъ душевнымъ способностямъ вмѣстѣ (никакъ не просто чувственности). Кто, какъ говорятъ, погружается въ созерцаніе и забывается въ немъ, тотъ близокъ къ тому, чтобы только ощущать.

## В. Внутреннее чувство.

**74.** Въ тѣлѣ нѣтъ никакого замѣтнаго органа внутренняго чувства; тѣмъ не менѣе, по аналогіи съ внѣшними чувствами, таковой органъ признаютъ, приписывая ему воспріятіе нашихъ собственныхъ состояній, какъ они измѣняются во времени. Поэтому, внутреннее чувство, поскольку его считаютъ чѣмъ то особо существующимъ \*) въ нашихъ способностяхъ, является чистѣйшей выдумкой психологовъ, да и довольно несостоятельной выдумкой, потому что они не могутъ ни опредѣленно пересчитать тѣ классы представленій, которые даются этимъ чувствомъ, ни указать на какое бы то ни было подобіе закона, которымъ возможно было бы объяснить крайнюю неправильность его дѣйствія. Внѣшнія чувства, если могутъ, то дѣлаютъ свое дѣло, и если отказываются отъ этого, то извѣстно, почему; а внутреннее чувство, зорко подмѣчая по временемъ все, что происходитъ въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ сердца, иногда бываетъ настолько вялымъ и тупымъ, что, хотя и сознаетъ мельканіе

\*) Впрочемъ, его объясненіе заключается въ основаніяхъ психологіи, §§ 40—43



какой то мысли, однако чувствуетъ себя неспособнымъ поймать ее. Внутреннее чувство не выдерживаетъ долго умышленнаго напряженія; что мы желаемъ разсмотрѣть въ себѣ особенно точно, затемняется во время наблюденія. Впрочемъ, насколько является ненадежной та матерія опыта, которую даетъ намъ внутреннее чувство, настолько же иногда оказывается удивительной приписываемая ему душевная дѣятельность. Нерѣдко самонаблюденіе (*Selbstauffassung*) дѣйствуетъ при очень бурныхъ аффектахъ и смиряетъ ихъ. Иногда, при самой напряженной работѣ во внѣшнемъ мірѣ, человѣкъ въ тѣснотѣ управляетъ самимъ собою, чтобы правильно выполнить дѣло. Актеръ, представляющій хитраго обманщика, сознаетъ, во первыхъ, свою собственную личность, во вторыхъ—характеръ, лежащій въ роли, въ третьихъ—искусство представлять и принятый видъ, принадлежащій данному характеру, какъ средство обмана. Внутреннее чувство неопредѣленно возвышается въ высшую степень; свое самонаблюденіе мы можемъ опять наблюдать, и такъ далѣе

*Примѣчаніе.* Уже въ спорахъ между картезіанцами, Локкомъ и Лейбницемъ выступаетъ вопросъ о томъ, существуютъ ли безсознательныя представленія?

Самый легкій и краткій отвѣтъ есть тотъ, что, коль скоро всякое представлѣніе, въ свою очередь, также служитъ предметомъ представленія, то внутреннее чувство должно постоянно находиться на безконечно высокой степени дѣятельности. Въ ученіи же Лейбница признаніе безсознательныхъ представленій стоитъ въ связи съ его метафизическимъ понятіемъ субстанции. Самое нужное объ этомъ находится на стр. 89 полеевскаго (Poley) перевода сочиненія Локка о человѣческомъ умѣ.

### С. Формы ряда.

**75.** *Пространство и время* становятся предметами весьма ложнаго ученія, если принимать ихъ за собственные, единственные, независимо другъ отъ друга данныя, *формы чувственности*. Пространство есть единственная вполне выработанная форма ряда; она продуцируется преимущественно

по поводу зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній; впрочемъ, этимъ дѣло не ограничивается, и по нѣкоторымъ другимъ поводамъ является совершенно подобный видъ продукціи, или полной, или *до известной степени ограниченной*, или отчетливо мыслимой, или неотчетливо, иногда съ характерными побочными опредѣленіями, которыя бывають причиной того, что содержащуюся здѣсь форму ряда отличаютъ отъ пространства. Таковымъ является, во первыхъ, *время*, во вторыхъ, *число*, и, въ третьихъ, *степень*, или интенсивная величина.

Форма ряда продуцируется менѣе отчетливо, хотя и неизбежно, при *сопоставленіи однородныхъ ощущений по возможности ихъ перехода изъ одного въ другое*. Отсюда — *звуковая линія*. (Эту линію нужно отличать отъ *гаммы*, опирающейся на эстетическія опредѣленія). На нее походила бы *цветная поверхность* между тремя главными цвѣтами — желтымъ, краснымъ и голубымъ, если бы навѣрное было известно, можно ли всѣ цвѣта свести на эти три, различающіеся между собою только по степени приближенія ихъ къ свѣтлому и темному (быть можетъ, бѣлому и черному), и не нуждается ли скорѣе область цвѣта еще въ какомъ нибудь третьемъ измѣреніи.

*Примѣчаніе.* Въ различіи свѣтлаго и темнаго, равно какъ и въ противоположности высокаго и низкаго тона у звуковой линіи, сказывается представленіе о слѣдованіи вверхъ, которое обнаруживаетъ, что процессъ „сведенія“ (*Wölbung*) и „заостренія“ (*Zuspitzung*) \*) совершается медленнѣе при болѣе низкомъ и темномъ и, напротивъ, быстрѣе — при болѣе высокомъ и свѣтломъ. Поэтому то въ музыкѣ басъ большею частью движется медленнѣе дисканта.

Еще менѣе отчетливой, но точно также необходимой, является форма ряда въ каждомъ логическомъ построеніи, гдѣ видовыя понятія, противопоставляясь другъ другу, въ тоже время объемлются вмѣстѣ понятіемъ рода. Пространственные символы являются здѣсь не одними только выраженіями. Въ самой сущности дѣла

\*) См. § 26.

есть что то такое, что вызываетъ названія вродѣ *объема* или *сферы* понятія. Однако, поскольку эти слова заимствованы отъ пространства, этой *выработанной* формы ряда, они содержатъ въ себѣ только сравненіе.

Точно также необходимо въ метафизикѣ ученіе объ умопостигаемомъ пространствѣ, которое вполнѣ отчетливо строится по всѣмъ тремъ измѣреніямъ—просто для потребности метафизическаго мышленія, безъ всякой примѣси чего либо чувственнаго \*).

**76.** Представленіе *ряда* яснѣе всего оказывается въ понятіяхъ *цѣлыхъ положительныхъ чиселъ*. Однако они, постепенно порождаясь и развиваясь (дикарямъ и дѣтямъ бываетъ съ ними не мало труда), еще недостаточны для того, чтобы заключать въ себѣ всѣ пониманія перехода (Fortschritts) къ большему или меньшему; лучше сказать, продукція формы ряда уже въ числахъ постоянно дѣлается все болѣе искусственной и развитой. Прежде всего, между цѣлыми числами повсюду вставляются непрерывные переходы въ видѣ дробей; и вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ обратное продолженіе ряда, являются *отрицательныя числа*. Потомъ развиваются понятія ирраціональныхъ корней, логарифмовъ и экспонентныхъ величинъ; наконецъ, понятіе безчисленнаго — при помощи интеграціи полученныхъ функцій, въ основѣ которыхъ лежитъ дифференціалъ, т. е. понятіе извѣстнаго правила увеличенія или уменьшенія.

Короче, *арифметика представляетъ для психолога замѣчательное зрѣлище постоянно улучшающагося способа представленія ряда, который можно пробывать и назадъ и впередъ.*

**77.** Уже по аналогіи съ этимъ безспорнымъ фактомъ, мы должны считать по меньшей мѣрѣ вѣроятнымъ, что и геометрическое представленіе пространства, съ его безконечной величиной и дѣлимостью, есть только постоянно совершенствующаяся продукція, а не что либо изначала лежащее въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе, что безконечная образуемость пространственныхъ понятій, прогрессивно обнаруживается въ томъ, что создаетъ изъ нихъ постоянно выше восходящую

\*) Срав. примѣчаніе переводчика къ статьѣ „О возм. и необх. прим. въ псих. мат.“ (стр. 23).

геометрію. Принципы, объясняющіе продукцію пространства, находятся въ третьей части.

Здѣсь мы обратимъ особенное вниманіе на понятіе „*между*“ съ двумя противоположными сторонами. Это понятіе является характернымъ для всѣхъ формъ ряда. Число находится *между* числами, мѣсто въ пространствѣ — *между* другими мѣстами, моментъ времени — *между* двумя моментами, степень — *между* высшей и низшей степенью, тонъ — *между* тонами, и т. д.

Далѣе, отмѣтимъ тотъ психологическій фактъ, что мы, какъ это особенно бросается въ глаза при глазомѣрѣ и тактѣ, беремъ опредѣленное разстояніе (будетъ ли оно пустымъ или наполненнымъ) въ пространствѣ, во времени, на звуковой линіи, иногда и въ интенсивныхъ величинахъ, и пользуется имъ далѣе какъ *мѣриломъ* (Maasstab).

#### Д. Логическія формы.

78. Философы имѣютъ дурное обыкновеніе опираться въ трудныхъ случаяхъ на логику, и не для того, чтобы особенно тщательно выслѣдить ея *предписанія* (что было бы весьма похвальнымъ), но для того, чтобы позаимствовать нѣчто изъ того *метода*, котораго она сама *придерживается* въ своемъ научномъ ходѣ. (Предостерегающими примѣрами являются кантовскія категоріи, составленныя по весьма недостаточной таблицѣ логическихъ формъ сужденія, и кантовскій же категорическій постулатъ, который содержитъ въ себѣ ничто иное, какъ напоминаніе о логическомъ отношеніи общаго къ частному). Такимъ образомъ, теперь и въ психологіи считаютъ нужнымъ говорить о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ немного больше, чѣмъ то, что въ душѣ, безъ сомнѣнія, существуютъ *способности* ко всѣмъ логическимъ операціямъ, и такъ какъ логика, переходя отъ болѣе простаго къ болѣе сложному, говоритъ сначала о понятіяхъ, затѣмъ — о сужденіяхъ, и наконецъ — объ умозаключеніяхъ, то и въ психологіи, ничтоже сумняся, разсматриваютъ въ томъ же самомъ порядкѣ такъ называемыя способности къ этимъ вещамъ, т. е. умъ, рассудокъ и разумъ.

Но нѣкоторые изъ фактическихъ обстоятельствъ позволяютъ уже намъ сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли

встрѣчаются въ человѣческомъ мышленіи понятія въ строго логическомъ смыслѣ этого слова? Спрашивается, не являются ли они скорѣе логическими идеалами, къ которымъ должно все болѣе и болѣе приближаться наше дѣйствительное мышленіе? Въ третьей части этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ утвердительно; тамъ будетъ показано, что сужденія суть то, при помощи чего понятія все болѣе и болѣе приближаются къ идеалу, отчего они въ извѣстномъ смыслѣ предшествуютъ послѣднему; наконецъ, тамъ будетъ выяснено, что изъ этой дѣятельности сужденія вытекаютъ очень важныя слѣдствія, особенно для *метафизическихъ* понятій.

**79.** Какъ образуются у человѣка тѣ представленія, которыя называютъ понятіями? За рѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ словарямъ и грамматикамъ. Они для каждаго слова указываютъ намъ какую нибудь мысль, которая колеблется между множествомъ различныхъ и подъ часъ едва соединимыхъ признаковъ. Эти признаки обнаруживаютъ, что вмѣсто общихъ понятій (какъ напр. *человѣкъ, дерево, Mensch, Baum*), употребляются представленія одного изъ тѣхъ многихъ, которые обозначаются неопредѣленнымъ членомъ (*ein Mensch, ein Baum, какой-то человѣкъ, какое-то дерево*), причемъ, очевидно, логическія требованія не имѣютъ значенія. Отсюда нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство людей даже не имѣетъ наготовѣ хорошихъ словесныхъ опредѣленій, если спросить ихъ, что они представляютъ себѣ при томъ или другомъ словѣ. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы (сообразно съ логикой) ближе всего представлять каждое общее понятіе просто по его содержанію, а примѣненіе его по объему разсматривать какъ нѣчто случайное для самого понятія, — люди обозначаютъ общее впечатлѣніе отъ многихъ сходныхъ предметовъ словомъ; и при употребленіи этого, совсѣмъ не строго опредѣленнаго, слова, его смыслу каждый разъ до того должна помогать связь рѣчи, что будутъ приходить на память преимущественно только извѣстные признаки мысли, неопредѣленной въ остальномъ.

*Отсюда видно, какую превратной проблемой обременяютъ психологию, когда желаютъ заставить ее объяснить происхожденіе въ человѣческой душѣ чисто общихъ понятій.*

Подобныхъ понятій совсѣмъ нельзя указать фактически; а если и можно, то развѣ только въ наукахъ, гдѣ бываетъ яснымъ, какъ они образуются. Образуются же они при помощи положительныхъ и отрицательныхъ сужденій, которыя приписываютъ опредѣляемому слову различные признаки, или отрицаютъ у него ихъ.

**80.** Напротивъ, является несомнѣннымъ фактомъ, что человѣческія мысли обыкновенно (хотя и не всегда) примѣняются въ формѣ *сужденій*. Въ основѣ чуть ли не всѣхъ формъ рѣчи мало мальски только образованнаго языка лежитъ связь подлежащаго со сказуемымъ. Однако при этомъ не надо забывать, что въ дѣйствительности оказывается неудовлетворительнымъ логическое требованіе того, чтобы подлежащее и сказуемое были строго опредѣленными понятіями.

**81.** Только что упомянутый фактъ долженъ броситься въ глаза какъ психологическая достопримѣчательность, потому что, хотя изъ того предположенія, что представляющее существо должно познавать или даже мыслить только возможнымъ дѣйствительный или только кажущійся міръ, вовсе не слѣдуетъ, что это мышленіе или познаніе должно принимать именно формы сужденія, можно все таки поддаться искушенію считать столь особое обстоятельство свойствомъ человѣческой природы.

Если мыслить представлѣніе отраженіемъ представляемыхъ предметовъ то оно само должно равняться этимъ предметамъ и самымъ точнымъ образомъ заключать ихъ въ себѣ. Но связи подлежащаго съ (большею частію отрицательнымъ) сказуемымъ никто не принимаетъ за связь въ предметахъ. И живописецъ, рисующій намъ лицо, о которомъ идетъ рѣчь, дастъ гораздо болѣе точное знаніе, чѣмъ тотъ, кто захотѣлъ бы на словахъ пересчитать всѣ предикаты, схватываемые однимъ взглядомъ на рисунокъ. Также и вся постройка видовъ и родовъ, которую мы можемъ, подъ руководствомъ логики, воздвигнуть изъ понятія, чужда дѣйствительности и употребляется только въ нашемъ познаніи, связанномъ съ формами сужденія.

*Примѣчаніе.* Уже нѣкоторымъ философамъ (напр., Спинозѣ) предносился идеаль *интуитивнаго* (воззрительнаго) познанія, для котораго, если оно должно было

давать истину, требовалось, конечно, такъ называемое *интеллектуальное* воззрѣніе, свободное отъ чувственности и направленное непосредственно на истину. Что произойдетъ изъ того, если противорѣчивыя понятія примутъ за предметы интуиціи и, какъ таковыя, будутъ восхвалять, — это отчасти испытало старое время; но и психологія можетъ обогатиться насколько замѣчательными, настолько же и печальными фактами, если не перестанутъ искусственно стараться *cum ratione insanire*. Напротивъ, если бы догадались отойти отъ ложныхъ системъ и посмотрѣть на нихъ съ правильной точки зрѣнія, то это было бы поучительнымъ.

**82.** Главный вопросъ, который мы думаемъ предложить умозрительной психологіи относительно сужденій, таковъ: *откуда происходитъ страдательное положеніе подлежащаго, какъ такой мысли, которой еще только должно быть дано опредѣленіе при помощи сказуемаго? Почему, сходясь въ мышленіи, подлежащее и сказуемое не вступаютъ тотчасъ же въ отношеніе существительнаго и прилагательнаго? Почему кажется, будто дѣйствительно ихъ должна связать только душевная способность, называемая разсудкомъ?*

При этомъ, въ фактическомъ отношеніи, предварительно нужно сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

а) Если утверждаютъ, что все человѣческое мышленіе есть скрытое сужденіе, то это — натяжка. Какъ вѣрный фактъ, сужденіе обнаруживается только въ рѣчи; но человекъ мыслить многое, чего не высказываетъ.

б) На развитіе человѣческаго мышленія въ высказываемыхъ сужденіяхъ имѣетъ большое вліяніе его наклонность сообщаться съ другими. Пожалуй, это имѣетъ и обратное значеніе: скрытнымъ человекомъ можетъ быть такой, представленія котораго не легко складываются въ форму сужденій. Уже у дѣтей замѣчается поразительное различіе въ словоохотливости и скрытности, даже если послѣдняя происходитъ не отъ лѣности или страха.

в) Высказываніе часто бываетъ потребностью и доставляетъ облегченіе. Сужденіе связывается здѣсь съ влеченіями и чувствами.

д) Главнымъ видомъ сужденій, въ которыхъ подлежащее и сказуемое оказываются особенно строго раздѣленными, являются *приговоры, выражающія предпочтеніе и отверженіе*. Наклонность къ нимъ такъ велика, что человѣкъ совершенно вѣритъ въ предзнаменованія, т. е. бываетъ склоненъ разсматривать каждый случай какъ возвѣщающій какое нибудь счастье или несчастье. И, при видѣ повторяющихся попытокъ философовъ свести добро и зло на утвержденіе и отрицаніе, можно догадываться, что хотя между сужденіями, съ одной стороны, и желаемымъ и нежелаемымъ, съ другой стороны, нѣтъ никакой связи, находящейся внѣ насъ въ природѣ, однако здѣсь всетаки должна имѣть мѣсто связь психологическая.

е) Другимъ главнымъ видомъ сужденій, въ которомъ точно также замѣтны различіе и соединеніе обѣихъ составныхъ частей, представляется *связываніе новаго съ извѣстнымъ*. Здѣсь или извѣстное является подлежащимъ, а новое — сказуемымъ (при измѣненіяхъ, которыя замѣчаются въ вещахъ), напр. „дерево цвѣтетъ“, или новое становится подлежащимъ и субсумируется подъ извѣстнымъ сказуемымъ, какъ напр. при всѣхъ отвѣтахъ на вопросъ: *что это такое?*

Послѣднія замѣчанія носятъ, конечно, только частный характеръ; однако въ психологіи принято часто объяснять общее изъ частнаго, потому что очень часто отдѣльные виды представленій расширяются *при помощи перенесенія*. Подобно тому, какъ возникаютъ понятія ирраціональныхъ величинъ въ то время, какъ представленіе разложенія на равные факторы переносится и на такія числа, которыя происходятъ не изъ нѣсколькихъ равныхъ факторовъ: точно также и общее обыкновеніе выражать всякую рѣчь въ формѣ сужденія можетъ имѣть очень спеціальное начало; и никакимъ образомъ нельзя предполагать, что всѣ мысли, которыя теперь являются въ формѣ связи подлежащаго со сказуемымъ, содержатъ для этого основаніе въ самихъ себѣ.

*Примѣчаніе.* Сужденія вродѣ „ $A = A$ “ или „камень не сладокъ“ суть школьныя формулы и школьныя примѣры. Если составляютъ сужденія изначала, то при этомъ обнаруживается точка зрѣнія того, кто судитъ. Дѣти судятъ и ставятъ вопросы тамъ, гдѣ взрослый



человѣкъ уже не раздѣляетъ болѣе своихъ вмѣстѣ связанныхъ существительныхъ и прилагательныхъ, и гдѣ онъ отчасти стѣсненъ обычаемъ, отчасти знаетъ границы человѣческаго знанія, отчасти желаетъ смотрѣть на вещи только съ дѣловой стороны.

Тамъ, гдѣ дается отвѣтъ на вопросъ „что это такое?“ — легко узнать процессъ сведенія и заостренія (26). „*Es ist nichts als Schnee*“, „это ничто иное, какъ снѣгъ“ — говоритъ ребенокъ, которому подарили снѣговое пирожное (*Schneekuchen*). Здѣсь пирожное было подлежащимъ, пониманіе котораго подало поводъ къ сведенію: „что такое пирожное?“ — пока заостреніе не оставило только снѣга. Заключение, что это пирожное *нестѣдбно* и что оно *растаетъ*, подобнаго же рода; здѣсь сказуемая также приходятъ изнутри. Обратное происходитъ, если тотъ, кто до сихъ поръ привыкъ видѣть собакъ свободно бѣгающими, въ первый разъ видитъ, какъ собака везетъ на рынокъ товаръ, и составляетъ себѣ объ этомъ сужденіе. Мимо же лошади, везущей вагонъ, онъ прошелъ бы, не дѣлая сужденій.

Сведеніе напрягаетъ, заостреніе удовлетворяетъ. Отсюда — удовольствіе при постановленіи приговора (*Beurtheilen*) и отсюда же — поспѣшныя сужденія и болтовня. Это мѣшаетъ наблюденію, точно также какъ и мышленію. Наблюдатель замѣчалъ бы больше; онъ не удовлетворялся бы одинаковымъ заостреніемъ. У мыслителя сведеніе было бы полнѣе и глубже. Удовольствію строить сужденія мѣшаетъ и образование. Критическія головы рѣдко продуцируютъ.

Наблюдатель послѣдовательно переходитъ отъ одного сведенія къ другому; онъ образуетъ *рядъ сужденій*. Простое взираніе (*Anschauен*) не раздѣляетъ сказуемыхъ; оно менѣе остро; такъ какъ сведеніе было недостаточнымъ, то такимъ же является и заостреніе. Отсюда часто происходятъ невѣрные пересказы. Этому содѣйствуетъ рѣчь со своими словами, имѣющими много значеній, если только этому не противодѣйствуетъ постоянная поправка.

**83.** Умозаключенія разсматриваются въ логикѣ какъ прогрессивное движеніе мышленія. Однако при этомъ сейчасъ же навязываются два замѣчанія:

а) Въ обычной рѣчи выводъ рѣдко представляется въ формѣ полного силлогизма; лучше сказать, послѣдній почти всегда заключаетъ въ себѣ что то скучное, если не является сокращеннымъ въ видѣ энтимемы. Это совсѣмъ не упрекъ силлогизму (какъ это часто понимаютъ), но лишь напоминаніе о томъ, что логика и психологія суть различныя вещи. Ряды представленій большею частью протекають при помощи вторыхъ посылокъ, между тѣмъ какъ первыя посылки упоминаются только мелькомъ.

б) Произведенія мышленія очень рѣдко съ самаго начала (при нахожденіи) имѣють прочность силлогизма. Большею частью являются попытки связать другъ съ другомъ два представленія, вертящіяся около одинаковаго средняго понятія, еще прежде, чѣмъ испытано необходимое качество посылокъ и строгое тожество средняго понятія. Правильное умозаключеніе и правильное измѣреніе находятся въ близкомъ родствѣ. Мы желаемъ строго придерживатся средняго понятія, какъ мѣрила.

**84.** Поэтому, если *разуму* приписывается способность умозаключенія, то здѣсь опять таки становится очевиднымъ неумѣстное разграниченіе душевныхъ способностей. *Дѣлать умозаключенія и подтверждать и испытывать ихъ* — двѣ вещи, совершенно разныя и большею частью рѣзко отдѣляемыя въ дѣйствительности. Первое можетъ быть приписано воображенію, а второе — разуму.

**85.** Наконецъ, здѣсь нужно упомянуть еще о *логическомъ одобреніи*, которое сильно отличается отъ эстетическаго. Сравнительно съ этимъ, оно состоитъ не въ *предпочтеніи*, противоположностью котораго является *отверженіе*, но въ *признаніи*, при чемъ предметъ принимается, впрочемъ, такъ, какъ онъ есть. Однако съ признаніемъ связывается особаго рода чувство, въ которомъ смѣшиваются принужденіе очевидности и удовлетвореніе требованія, и которое только смотря по обстоятельствамъ опредѣляется какъ болѣе пріятное или непріятное. Здѣсь главнымъ дѣломъ будетъ отмѣтить, какъ мнимыя способности познаванія и чувствованія совпадаютъ

другъ съ другомъ, или, какъ охотнѣе выражаются психологи, вліяють другъ на друга, при чемъ они обыкновенно далѣе не заботятся о причинномъ отношеніи этого вліянія.

### Е. Трансцендентныя понятія.

**86.** Совсѣмъ не легко установить разницу между тѣмъ, что относится къ опыту, и тѣмъ, что переступаетъ его. Кантъ еще причисляетъ понятія *субстанціи* и *силы* къ тому, что входитъ въ опытъ, какъ его опредѣленіе, — и это даетъ у него *substantia phaenomenon*. Въ этомъ мы должны уклониться отъ него, исходя изъ тѣхъ основаній, которыя отчасти уже выставляются на видъ „Введеніемъ въ философію“ и развиваются далѣе въ „Общей метафизикѣ“.

(Именно, понятіе субстанціи не равняется понятію вещи, но возникаетъ изъ него. Вещь есть соединеніе признаковъ, еще до поднятія вопроса объ ихъ реальномъ единствѣ, которое при этомъ слѣпо предполагается. *Субстанція* есть отличный отъ всѣхъ признаковъ носитель послѣднихъ; это понятіе впервые возникаетъ, лишь только становится яснымъ, что признаки должно отличать отъ ихъ единства. Это понятіе противорѣчиво; оно должно быть преобразовано въ понятіе *сущности*, которая, посредствомъ нарушеній и самосохраненій, даетъ намъ явленіе соединенія признаковъ, по истинѣ ей не принадлежащихъ. Понятіе *силы* примыкаетъ къ субстанціи и развивается едва ли не равнымъ съ нею образомъ, исходя изъ понятія измѣняемой вещи; оно подвергается подобному же метафизическому исправленію. Слѣдовательно, оба понятія возникаютъ на крайнихъ границахъ опыта, какъ противорѣчія, увлекающія въ метафизику, т. е. необходимыя намъ для того, чтобы переступить опытъ и установить наши убѣжденія, предметы которыхъ не могутъ быть даны ни въ какомъ опытѣ).

**87.** Вооружась понятіями субстанціи и силы (какъ бы, впрочемъ, темно и неправильно они еще не мыслились), человѣческой духъ то стремится во всю ширину пространства и времени, то сосредоточивается на неизмѣримо-маломъ тѣхъ же самыхъ рядовыхъ формъ, то совершенно минуетъ ихъ, —

для того, чтобы найти высочайшее и величайшее. Такъ возникаютъ вопросы о безконечности міра, о составныхъ частяхъ матеріи (или кусочкахъ, или атомахъ), о духовномъ мірѣ и Божествѣ.

*Примѣчаніе.* Было бы въ высшей степени несвоевременнымъ желать уже теперь поднять психологическіе вопросы о предметахъ подобнаго рода, какъ это недавно дѣлали съ извѣстнымъ пристрастіемъ и воображая, что этимъ путемъ возможно оказать услуги наукѣ. Согласно мнѣніямъ о самыхъ предметахъ, непремѣнно образуются понятія о душевныхъ способностяхъ, при помощи которыхъ должны быть познаны эти предметы, и, прежде, чѣмъ осмѣливаться спрашивать о томъ, какая можетъ принадлежать человѣку способность для сверхчувственнаго познанія, должно имѣть такую метафизику, которая могла бы исправить указанныя мнѣнія.

**88.** Сюда относятся еще *очищенные* геометрическія понятія тѣль, какъ однообразныхъ протяженій, понятія совершенныхъ плоскостей, линій, точекъ. Они также переступаютъ опытъ, или, лучше сказать, *опытъ переступаетъ ихъ*, потому что каждый чувственный предметъ, примѣшивая нѣчто къ этимъ понятіямъ, обезображиваетъ ихъ.

Вопросъ о душевныхъ способностяхъ, производящихъ *основныя понятія геометріи*, ненуженъ потому, что съ перваго взгляда можно видѣть, что, при предполагаемомъ произведеніи (Production) рядовыхъ формъ, они (понятія) *могутъ получаться изъ опыта*, поскольку возможно раздѣлить то, что чувства представляютъ смѣшаннымъ (операція, подобная произведенію научныхъ общихъ понятій).

## Г. Воспроизведеніе.

**89.** Что касается воспроизведенія, которое цѣликомъ относится къ временной жизни человѣка, именно—къ продолженію однажды явившагося представленія, то здѣсь мы опять таки наталкиваемся на безпечность психологовъ въ отношеніи того, о чемъ поставленъ вопросъ. Именно, наши представленія исчезаютъ изъ сознанія и возвращаются снова. Для

чего же сначала слѣдуетъ подыскать основаніе—для исчезновенія или возвращенія? Прежде вопросъ долженъ быть направленъ на первое, между тѣмъ какъ обыкновенно говорятъ о послѣднемъ.

**90.** Воспроизведеніе преимущественно можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: со стороны своей *живости* и со стороны своей *вѣрности*. Первое приписываютъ *воображенію*, а второе—*памяти*. Такимъ образомъ, придумываютъ двѣ душевныхъ способности для одной вещи, разсматриваемой съ двухъ разныхъ сторонъ. Однако для этого есть оправданіе, которое легко увидѣть въ нижеслѣдующемъ.

**91.** Вѣрность и живость воспроизведенія очень рѣдко бываютъ соединены равномерно. Именно, вѣрность основывается на томъ, что одно представленіе возобновляется въ такой же самой связи съ другимъ, въ какой оно выступало прежде (съ тѣми же самыми признаками единой вещи, тѣми же самыми обстоятельствами единого событія, тѣмъ же самымъ временнымъ опредѣленіемъ и тою же самою связью съ мѣстомъ и т. д.). Это требованіе рѣдко выполняется въ совершенствѣ тамъ, гдѣ живость воспроизведенія допускаетъ чуть ли не разомъ возвращаться въ сознаніе многимъ, несвязаннымъ между собою, представленіямъ, которыя разнообразнымъ способомъ перекрещиваются въ своихъ побочныхъ опредѣленіяхъ. Такимъ образомъ и выходитъ, что у чловѣка съ большой фантазіей память оказывается не слишкомъ вѣрной, хотя въ этомъ отношеніи бываютъ исключенія.

*Примѣчаніе.* Нѣкоторые психологи требуютъ отъ памяти воспроизведенія съ припоминаніемъ. Послѣднее должно быть сужденіемъ, что прежде уже имѣлось то же самое представленіе. (Отсюда иногда придумываютъ еще особую, и совсѣмъ лишнюю, способность припоминанія). Однако только въ рѣдкихъ случаяхъ упомянутое сужденіе можетъ быть отмѣчено какъ такое, въ которомъ дѣйствительно различаются подлежащее и сказуемое, и все опредѣленіе ничуть не соотвѣтствуетъ словупотребленію. Говорятъ, что онъ имѣетъ хорошую память, про того, кто легко заучиваетъ рѣчь и можетъ, не разрывая связи, вѣрно произнести ее наизусть, хотя во время произношенія онъ и не вспоминаетъ, что

это—таже самая рѣчь, которая была написана или напечатана на той или другой бумагѣ и которую онъ заучивалъ въ тотъ или другой часъ.

**92.** Психологическія сочиненія полны замѣчаній объ ассоціаціи представленій, или о видѣ и способѣ, какъ они вызываютъ другъ друга не только по разъ воспринятой связи въ пространствѣ и времени, но и по сходству, или даже по контрасту. Здѣсь нѣтъ необходимости приводить эти замѣчанія. Скорѣе здѣсь можно припомнить о томъ запутанномъ ходѣ, который довольно часто принимаетъ воспроизведеніе. Напр., нашедшій въ лѣсу уголья и пепель ближе всего непосредственно вспоминаетъ о сожженомъ деревѣ, которое (далѣе назадъ) могло сухимъ валяться въ лѣсу, а потомъ (впередъ) было взято расположившимися тамъ людьми и (далѣе впередъ) зажжено. Но какъ пришли сюда люди? (Этотъ вопросъ идетъ назадъ). Гдѣ они остались? (впередъ). Какой бы могъ подняться пожаръ, если бы начался вѣтеръ? (въ сторону, въ область возможности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаясь назадъ на вѣтеръ и впередъ на убытки). Или находятъ, напр., въ землѣ старыя монеты. Какъ онѣ попали сюда? Какого онѣ времени? Зачѣмъ онѣ зарыты? Кому принадлежитъ это сокровище?—Каждое зернышко сѣмени напоминаетъ (назадъ) о растеніи, отъ котораго оно происходитъ, и (впередъ) о томъ, что можетъ изъ него выйдти, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о томъ употребленіи, которое, можетъ быть, изъ него сдѣлаютъ, не сажая его въ землю. Было бы полезнымъ упражненіемъ—наблюдать на многихъ подобныхъ примѣрахъ измѣняющіяся направленіе и развѣтвленія въ ходѣ мыслей. Впрочемъ, довольно извѣстно, что, при связи по сходству, часто одно ставится на мѣсто другаго, отчего возникаетъ новая комбинація, вымыселъ, для котораго придумываютъ *вымышляющую способность*.

*Примѣчаніе.* Вымышленное, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, является существеннымъ при всѣхъ изобрѣтеніяхъ. Фантазія настолько же составляетъ принадлежность научнаго размышленія, какъ и поэтическаго творчества; и еще является вопросомъ, кто обладалъ большею фантазіей—Ньютонъ или Шекспиръ.

**93.** Память и воображеніе сходятся въ томъ, что у каждаго человѣка ихъ сила ограничивается преимущественно извѣстными классами предметовъ. Кто обладаетъ геометрической фантазіей, тотъ совершенно напрасно сталъ бы упражняться въ такъ называемой поэзіи, и тотъ, кто безъ всякаго труда запоминаетъ техническія слова, относящіяся къ интересующей его наукѣ, часто имѣетъ плохую память на городскія новости. Въ этомъ обнаруживается, что воспроизведеніе, какъ въ отношеніи своей живости, такъ и въ отношеніи вѣрности, стоитъ въ самой тѣсной связи съ остальными душевными дѣятельностями, и что принятіе особой душевной способности, порождающей воспроизведеніе, въ высшей степени неудобно для того, чтобы хотя сколько нибудь удовлетворительно *сгруппировать* явленія.

**94.** Память и воображеніе отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первая, повидимому, вызываетъ только *представляемые* и, такъ сказать, мертвые образы, а вторая дѣйствуетъ въ активномъ *представленіи*. Переходъ *представленій* изъ одного состоянія въ другое весьма замѣтенъ при перечитываніи того, что самъ написалъ, и при повѣркѣ того, что самъ думалъ.

---

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

### Способность чувствованія.

**95.** Если разъ приняты душевныя способности, то сейчасъ же является необходимость принять, кромѣ способности представленія, еще одну или нѣсколько другихъ, потому что, указывая на то, *что* мы представляемъ, или какъ возникаетъ въ насъ это представленіе, мы можемъ отмѣтить далеко не все происходящее въ насъ. Особенно бросается въ глаза то, что въ насъ происходитъ разнообразное *предпочтеніе и отверженіе*. Поэтому уже давно, на ряду съ способностью представленія, выставляется еще способность желанія и отвращенія.

**96.** Въ далекихъ и темныхъ пространствахъ рядомъ съ представиваніемъ недавно провели границу между чувство-

ваніемъ и желаніемъ. Хотя, при вопросѣ о происхожденіи этой границы, психологи объявляютъ, что желаніе относится къ предметамъ, а чувство—къ состояніямъ; однако ихъ объясненіе попадаетъ въ кругъ, или, по крайней мѣрѣ, оставляетъ въ сторонѣ вопросъ, не являются ли, можетъ быть, чувствованіе и желаніе однимъ фактомъ, который только мы въ своемъ представленіи разсматриваемъ съ различныхъ сторонъ и называемъ поэтому двоякимъ именемъ?

*Примѣчаніе.* *Маасъ* въ своемъ сочиненіи о чувствахъ (S. 39 des I. Th.) объясняетъ чувствованіе при помощи желанія („чувство *пріятно*, поскольку его *желаютъ* ради него самого“), но тотъ же самый авторъ въ сочиненіи о страстяхъ (S. 2, ср. S. 7) говоритъ: „это извѣстный законъ природы — желать того, что представляется добрымъ, и отвращаться отъ того, что представляется злымъ“. При этомъ возникаетъ вопросъ, *что же будетъ добрымъ и что злымъ?* На это мы получаемъ отвѣтъ: чувства представляютъ добрымъ то, чѣмъ они пріятно аффицируются, и т. д. И, вмѣстѣ съ этимъ, мы попадаемъ въ кругъ. *Гоббсауеръ*, въ своихъ „Основаніяхъ опытной психологіи“, слѣдующимъ образомъ начинаетъ главу о способностяхъ чувствованія и желанія: „мы сознаемъ нѣкоторыя состоянія, которыя мы *стремимся* вызывать, — эти состоянія мы называемъ пріятными; извѣстныя представленія порождаютъ въ насъ стремленія сдѣлать ихъ предметъ дѣйствительнымъ, — это мы называемъ *желаніемъ*“ и т. д. Здѣсь для чувствъ и желаній полагается одно и то же основаніе, — стремленіе; и если различіе должно лежать *въ предметахъ и состояніяхъ*, то спрашивается, не можетъ ли въ собственномъ смыслѣ желаемое быть *чувствомъ*, т. е. *состояніемъ*, котораго мы *ожидаемъ отъ предмета?* — У другихъ авторовъ, въ этомъ важномъ пунктѣ дѣло обстоитъ не лучше. Слѣдовало бы воспользоваться превосходнымъ замѣчаніемъ *Локка* въ его трудѣ о чело-вѣческомъ умѣ (II, 21, § 35). Хотя оно и не исчерпываетъ предмета, однако ведетъ на правильный путь и показываетъ, что многія желанія (если только не всѣ) существуютъ независимо отъ чувствъ, хотя и мо-



гутъ сопровождаться ими. То, что Локкъ называетъ недовольствомъ, — совсѣмъ не чувство, но первое движеніе самаго желанія.

**97.** Подобно тому, какъ въ высшей степени трудно отдѣлить факты, называемые чувствами, отъ тѣхъ, которые извѣстны подъ именемъ желаній и отвращеній, точно также и перечисленіе видовъ чувствъ является сомнительнымъ предпріятіемъ. Различаютъ троякаго рода вещи: чувственное удовольствіе и боль; чувство прекраснаго и гадкаго (при чемъ примышляется высокое и низкое) и аффекты, которые (по крайней мѣрѣ, теперь) обыкновенно рассматриваютъ вмѣстѣ съ чувствованіями. Но этимъ предметъ не исчерпывается. Прежде всего, надо замѣтить, что чувства раздвоятся въ участіи къ тому, что чувствуютъ другіе. Затѣмъ, — каждый видъ внѣшней и внутренней дѣятельности, послѣ того какъ онъ удался или не удался (т. е. послѣ того, какъ было или не было удовлетворено лежащее въ дѣятельности желаніе), влечетъ за собою удовольствіе или неудовольствіе. Далѣе, чувства различнымъ образомъ смѣшиваются (спорный пунктъ, также какъ и слѣдующій). Наконецъ, существуютъ состоянія чувства, которыя, если и *не безразличны*, то всетаки таковы, что пріятное и непріятное не является для нихъ характернымъ и этимъ не можетъ быть измѣряема ихъ напряженность.

**98.** Чтобы имѣть хоть одинъ прочный пунктъ различія, мы прежде всего раздѣлимъ чувства на такія, которыя обусловливаются качествомъ чувствуемаго, и на такія, которыя зависятъ отъ случайныхъ расположеній духа. При этомъ можно указать еще на третій, средній случай, когда качествомъ чувствуемаго дѣйствительно порождается сообразное съ нимъ чувство. Потомъ мы будемъ говорить о среднихъ состояніяхъ между пріятнымъ и непріятнымъ чувствомъ, и, наконецъ, дойдемъ очередь до аффектовъ.

#### **А. О чувствахъ, обусловливаемыхъ качествомъ чувствуемаго.**

**99.** Ясное дѣло, что такія чувства есть. Всякая тѣлесная боль, какъ таковая, непріятна, безъ отношенія къ вопросу, насколько терпѣливо ее переносить. И непріятныя

чувства этого рода различаются по видамъ: обжогъ, порѣзъ, электрическій ударъ, зубная боль — все это возбуждаетъ особое страданіе, которое можно отличить отъ другаго. Однако здѣсь нельзя выдѣлить *одного только представляемого*, которое не было бы ни пріятнымъ, ни непріятнымъ; лучше сказать, представленіе и то, что противоположно ему — одно. Сладкое кушанье, нѣжные звуки, умѣренная теплота являются примѣрами пріятныхъ ощущеній этого рода, пріятность которыхъ устанавливается безъ всякаго отношенія къ вопросу, насколько все это цѣнится и склоняются ли къ тому, чтобы помедлить при этомъ и предаться даннымъ ощущеніямъ.

**100.** Эти чувства *аналогичны со всеми эстетическими*, отъ которыхъ онѣ отличаются только тѣмъ, что при послѣднихъ *представляемое можно отдѣлить отъ сказуемого*, выражающаго одобреніе или порицаніе; поэтому эстетическое чувство заключается въ форму сужденія и допускаетъ научную обработку, что служитъ безконечнымъ преимуществомъ въ практическомъ отношеніи.

*Примѣчаніе.* Если въ прекрасномъ поражаетъ величина, то возникаетъ *возвышенное*. Это, по истинѣ, -- *видъ прекраснаго*, потому что само отношеніе величинъ принадлежитъ къ элементамъ прекраснаго. Но напрасно ищутъ опредѣленій для *смѣшнаго*. Оно имѣетъ свое начало въ возможности смѣха, которую нельзя мыслить безъ человѣческаго тѣла и его органическаго, тѣлеснаго чувства. Чистѣйшее комическое для чистаго духа разрѣшалось бы въ одномъ только контрастѣ. Смѣхъ относится къ аффектамъ; подобно имъ, онъ потрясаетъ тѣло, и, чрезъ это, обратно — духъ; подобно имъ, онъ является непродолжительнымъ настроеніемъ, къ которому бывають готовы или нѣтъ, смотря по расположенію духа. Кромѣ этого, *смѣшное служитъ примѣромъ* того, что сильно чувствуется, безъ того, чтобы пріятность или непріятность являлась для него характерною чертой. Всякій знаетъ, что есть веселый и горькій смѣхъ и, между тѣмъ и другимъ, — извѣстное равнодушіе къ смѣху, какъ напр. у комика, которому важно возбуждать смѣхъ у другихъ.

## В. О такихъ чувствахъ, которыя зависятъ отъ расположенія духа.

**101.** Разсматривая предыдущій первый классъ, по справедливости, можно было сказать: *чувство есть источникъ и* (по крайней мѣрѣ, отчасти) основаніе для объясненія соответствующаго желанія и отвращенія. Напротивъ, что касается слѣдующаго сейчасъ втораго класса, то *здѣсь* должно разсматривать *желаніе* какъ нѣчто *первоначальное*, а чувство — если и не какъ его дѣйствіе, то всетаки какъ нѣчто, его сопровождающее и слѣдующее за нимъ.

Прежде всего, припомнимъ здѣсь о весьма многочисленныхъ желаніяхъ, которыя или не зависятъ отъ пріятности или непріятности своихъ предметовъ, или же не имѣютъ къ нимъ отношенія. Поразительные примѣры этого представляютъ намъ всѣ вещи, которыхъ сегодня желаютъ, а завтра не будутъ и знать, — все то, достоинство чего увеличивается и уменьшается смотря по индивидуальному нраву и вкусу. Извѣстно, что желаніе такой вещи сопровождается большимъ неудовольствіемъ и, въ случаѣ удовлетворенія, непродолжительнымъ удовольствіемъ. Это удовольствіе и неудовольствіе не могутъ быть названы ни чувственными, ни разумными; они связаны съ возбужденіемъ нашей дѣятельности. Возьмемъ ли ребенка, желающаго распутать узелъ, или математика, старающагося разрѣшить задачу, — чувство напряженія и напраснаго труда всегда остается однороднымъ.

Безпокойная дѣятельность человѣка (въ противоположность сообразнымъ съ природой стремленіямъ животныхъ) — сплошь подобнаго рода.

Сюда же относятся чувства, у которыхъ, повидимому, совсѣмъ нѣтъ предмета (*Gefühltes*), какъ, напр., боязливость и пріятный покой.

## С. О среднихъ и смѣшанныхъ чувствахъ.

**102.** Всѣ чувства контраста и въ извѣстной степени среднее съ нимъ *изумленіе* должны быть разсматриваемы какъ чувства среднія, т. е. какъ такія, которыхъ нельзя ни опи-

сать, ни измѣрить при помощи того пріятнаго или непріятнаго, которое они иногда за собою приводятъ. Изумленіе точно также можетъ быть пріятнымъ, какъ и непріятнымъ. Контрасты необходимы во всѣхъ изящныхъ искусствахъ; и всетаки только въ рѣдкихъ случаяхъ они совпадаютъ съ собственно эстетическими отношеніями; лучше сказать, они ближе всего служатъ для того, чтобы раздѣльно представить многообразіе, и чрезъ это сдѣлать понятнымъ его отношеніа.

**103.** Что смѣшанныя чувства *могутъ* существовать, — это слѣдуетъ уже изъ разнородности обоихъ вышеупомянутыхъ классовъ. Примѣромъ этого служитъ любопытство, которое желаетъ увидать (или, вообще, воспринять) что нибудь новенькое и которое *удовлетворяется* ощущеніемъ, отчасти ставшимъ для него въ дѣйствительности непріятнымъ. Кромѣ того, *эмпирическимъ путемъ* никто не можетъ придти къ мысли отрицать смѣшанныя чувства, потому что ежедневно происходятъ случаи, что одно и то же событіе возбуждаетъ наши чувства въ различномъ отношеніи и очень часто — различнымъ образомъ.

*Примѣчаніе 1.* Однако ложныя умозрѣнія ухитрились затемнить и этотъ простой фактъ. При этомъ, для обнаруженія двойнаго обмана, надо обратить вниманіе, во первыхъ, на смѣшеніе самаго чувства съ его разными причинами, а, во вторыхъ, на знаніе перехода одного чувства въ другое. Эти замѣчанія могутъ сдѣлать несомпѣннымъ фактъ, но они менѣе всего могутъ прочно установить противоположное утвержденіе. Уже было указано (34—38), что чувствованіе и хотѣніе имѣютъ свое основаніе въ своихъ массахъ представленій, и никакъ не *непосредственно* въ душѣ, отчего многократность (Vielfachheit) и оспориваніе (Widerstreit) чувствованія и хотѣнія даны въ опытѣ настолько же понятными, насколько и извѣстными.

*Примѣчаніе 2.* Только слишкомъ часто поэты пускаются на фокусы, смѣшивая чувства. Этимъ они могутъ доставить пикантное, но не прекрасное. Великіе идеалы нерѣдко могутъ стать непонятными. Шекспиръ примѣшиваетъ къ трагедіи комическое, но если онъ на

мгновеніе и ослабляетъ этимъ напряженіе, для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе снова поднять его, то онъ всетаки остерегается связывать смѣшное со своими главными лицами. Уже Гомеръ является романтичнымъ въ разсказѣ о странствованіи Одиссея; но это—разсказъ о перенесенныхъ страданіяхъ, и онъ характеризуетъ Одиссея, отъ котораго никто не долженъ ожидать вполнѣ строгаго и вѣрнаго доклада.

#### Д. Объ аффектахъ.

**104.** Послѣ того, какъ аффекты (мимолетныя уклоненія отъ состоянія равнодушія) были отличены отъ страстей (закоренѣлыхъ желаній), сдѣлалось господствующимъ мнѣніе, что аффекты суть болѣе напряженныя чувства. Но существуютъ очень напряженныя продолжительныя чувства, коренящіяся въ глубинѣ человѣческаго характера (напр., привязанность къ роднымъ и отечеству), съ которыми соединяется полнѣйшее спокойствіе духа до тѣхъ поръ, пока не явится что нибудь противоположное, приводящее съ собою возбужденіе. Точно также человѣкъ можетъ обладать напряженнымъ и продолжительнымъ чувствомъ чести, не находясь однако постоянно въ состояніи аффекта. Слишкомъ далеко до того, чтобы аффектами были сами чувства; скорѣе, аффекты *опошлываютъ чувства*. Учитель нравственности и художникъ имѣютъ очень много причинъ остерегаться пошлости, которая происходитъ, когда человѣкъ, при бурномъ аффектѣ, подъ конецъ самъ уже не знаетъ, *надо чѣмъ* собственно онъ смѣется или плачетъ.

**105.** Кантовское подраздѣленіе аффектовъ на тихіе и бурные проливаетъ свѣтъ на предметъ. Именно, уклоненіе отъ состоянія равнодушія можетъ идти въ двѣ стороны: или въ сторону меньшаго, или же въ сторону большаго, сравнительно съ тѣмъ, что находится въ сознаніи. Къ первому классу относятся испугъ, печаль и страхъ, а ко второму—радость и гнѣвъ.

**106.** Аффекты являются предметомъ не только психологіи, но и фізіологіи, потому что они дѣйствуютъ на тѣло съ замѣтной, часто опасною, силой, и дѣлаютъ этимъ, въ свою

очередь, духъ зависимымъ отъ тѣла, отчасти вслѣдствіе продолженія тѣлеснаго состоянія (которое исчезаетъ не тотчасъ же, какъ только духъ приходитъ въ покой), отчасти же вслѣдствіе расположенія тѣла къ уступчивости аффектамъ. Такъ, напр., храбрость и трусость, очевидно, находятся въ сильной зависимости отъ здоровья и болѣзненности.

Замѣчательно еще то обстоятельство, что различнымъ аффектамъ соотвѣтствуютъ различныя тѣлесныя состоянія. Такъ, напр., стыдъ вызываетъ краску на щекахъ, страхъ производитъ блѣдность, гнѣвъ и отчаяніе усиливаютъ мускульную силу, и т. д.

Изъ этого видно, что было бы неумѣстнымъ пересчитывать и различать всѣ возможные аффекты, руководствуясь однимъ только психологическимъ принципомъ.

*Примѣчаніе.* Не излагая еще здѣсь натурфилософскаго ученія о связи души съ тѣломъ, мы можемъ, однако, воспользоваться далѣе двумя предварительными замѣчаніями:

1) Каждое *постепенно* возбужденіе одной системы другою дѣйствуетъ обратно такимъ образомъ, что со стороны возбужденной волненіе удлиняется въ возбуждающей. Не только тѣло вообще, послѣ того, какъ оно было возбуждено аффектомъ, приводитъ духъ въ болѣе продолжительное волненіе, но это должно точно также происходить и въ различныхъ системахъ организма. Если возбужденіе идетъ отъ души къ головному мозгу, отъ головного мозга — къ спинному, отъ спиннаго мозга — къ нервамъ, отъ нихъ — къ системѣ сосудовъ, отсюда — къ отдѣльнымъ органамъ, пока не достигнетъ живости: то обратное дѣйствіе совершается обратнымъ путемъ, и при этомъ не вдругъ, но постепенно, какъ возбужденіе; здѣсь его надо разсматривать какъ ускоренную силу (по употребительному въ механикѣ выраженію).

2) Частное дѣйствіе аффектовъ на опредѣленные органы должно происходить и тамъ, гдѣ мы его не замѣчаемъ. (При воспроизведеніи зрительныхъ представленій начинается раздраженіе зрительныхъ нервовъ, при слуховыхъ представленіяхъ — раздраженіе слуховыхъ нервовъ и т. д., а при представленіи движенія раздра-

жаются двигательныя нервы, такъ что является необходимостью въ особомъ актѣ сдерживанія, если не должно послѣдовать движенія).

Если связать первое со вторымъ, то сдѣлаются объяснимыми самыя разнообразныя расположенія, и при этомъ не будетъ подано повода къ обычному смѣшенію *жизни и души*, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ заблужденію такъ называемаго *матеріализма*, который, впрочемъ, по отношенію къ матеріи является еще болѣе ложнымъ, чѣмъ по отношенію къ душѣ.

---

## ПЯТАЯ ГЛАВА.

### Способность желанія.

**107.** Что касается желанія (*Begehren*), то мы прежде всего должны исправить то ложное словоупотребленіе, которое сплошь проходитъ въ психологіяхъ. Способность желанія, вмѣстѣ съ способностями представляванія и чувствованія, должны заключать въ себѣ полное подраздѣленіе; слѣдовательно, она должна обнимать собою и *пожеланія* (*Wünsche*), и *влеченія* (*Triebe*), и *неясныя стремленія* (*Sehnsucht*), потому что всего этого нельзя причислять ни къ чувствамъ, ни къ представленіямъ. Но въ психологіяхъ находится утвержденіе: то, чего желаютъ, представляется достижимымъ; мысль о невозможности что бы то ни было сдѣлать убиваетъ желаніе. Это положеніе справедливо относительно *хотѣнія* (*Wollen*), которое, дѣйствительно, есть *желаніе*, связанное съ предположеніемъ исполнимости. Поэтому существуетъ большая разница между сильнымъ хотѣніемъ и сильнымъ желаніемъ. Будучи императоромъ, Наполеонъ *хотѣлъ*, а на островѣ св. Елены онъ *желалъ*. Слово „желаніе“ неумышленно ограничивается, если исключаютъ такія пожеланія, которыя остаются, не смотря на то, что они могутъ быть пустыми или такъ называемыми *благочестивыми пожеланіями* (*pia desideria*), и которыя (*именно потому, что они остаются*) постоянно снова побуждаютъ человѣка къ попыткамъ, при помощи которыхъ всегда снова порождается

мысль о возможности, не смотря на всѣ основанія, которыя, повидимому, доказываютъ невозможность. Для того, чтобы на мѣсто страстнаго желанія явился спокойный отказъ, требуется, чтобы представленіе недостижимости желаемаго обладало *достаточной напряженностью*. Человѣкъ, зная уже, что желанное будущее никогда не наступитъ, все еще грезитъ о немъ.

**108.** Соотвѣтственно сдѣланному выше подраздѣленію чувствъ, мы должны теперь и въ желаніяхъ (въ обширномъ смыслѣ слова) отличать тѣ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ пріятное, какъ таковое (отвращеніе отъ непріятнаго, какъ таковаго), отъ тѣхъ, направленіе которыхъ опредѣляется не какимъ бы то ни было чувствомъ, но просто лишь наличнымъ расположеніемъ духа.

*Примѣчаніе.* Обыкновенно не знаютъ послѣдняго рода желаній. Думаютъ, что желаемое необходимо должно представляться *хорошимъ*. Это—или тавтологія (именно, если *хорошее* должно называться и *желаемымъ*), или же ошибка, которая въ эмпирическомъ отношеніи принадлежитъ къ безчисленнымъ натяжкамъ психологовъ. Въ „*Метафизикѣ*“ Алекс. Баумгартена въ § 665 находится положеніе: *Quae placentia praevidens exstitura nisi meo praesagio, nitor producere. Quae displicentia praevidens impedienda nisi meo praesagio, eorum opposita appeto.* Это выдается за *lex facultatis appetitivae*. Но, рассматриваемое какъ общій законъ, это положеніе когда то цѣннаго сочиненія погрѣшаетъ во всѣхъ пунктахъ. Нѣтъ нужды *placere*, поскольку оно должно обозначать предчувствіе пріятнаго или прекраснаго. *Praevidere*—также натяжка. Правда, тотъ, кто *представляетъ* себѣ желаніе, развиваетъ въ себѣ *это свое представленіе* временнымъ способомъ. Но, вѣдь, и самыя низшія животныя желаютъ, и однако нельзя допустить, чтобы они раздѣльно представляли себѣ настоящее и будущее. *Exstitura nisi meo* предполагаетъ представленіе *Я*, или, по крайней мѣрѣ, самочувствіе, которое имѣетъ гораздо болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ простыя желанія животнаго и новорожденнаго ребенка.



**109.** Однако самымъ важнымъ различіемъ является различіе между низшими и высшими способностями желанія, потому что ихъ споръ между собою доходитъ до борьбы, между тѣмъ какъ чувства существуютъ на ряду другъ съ другомъ или смѣшиваются, а что касается представленій, то большая часть людей, даже образованныхъ и ученыхъ, остается на чувственной точкѣ зрѣнія, причемъ не слишкомъ то заботится о метафизической борьбѣ съ чувственностью.

#### А. О низшихъ способностяхъ желанія.

**110.** Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ влеченія и инстинкты. У человѣка остались отъ нихъ только обломки. Болѣе полными и различными наблюдаемъ мы ихъ у животныхъ, гдѣ ясно обнаруживается, что при этомъ существеннымъ и опредѣляющимъ является органическое строеніе. Припомнимъ особенно о художественныхъ стремленіяхъ животныхъ.

Самымъ важнымъ и самымъ общимъ влеченіемъ является влеченіе къ движенію и перемѣнѣ, — та безконечная живость (*Lebendigkeit*), которая замѣчается у дѣтей и молодыхъ животныхъ. Здѣсь много жизни и мало духа; на этомъ можно поупражняться, для того, чтобы *различить жизнь и душу*. Такъ какъ живость соотвѣтствуетъ возрасту, и, кромѣ того, у отдѣльныхъ личностей бываетъ различна отъ рожденія, то можно думать, что она есть слѣдствіе организма, слѣдовательно — скорѣе фізіологическій, чѣмъ психологическій предметъ.

**111.** Придумавъ, по аналогіи съ внѣшнимъ чувствомъ, и внутреннее, психологи выставляютъ точно также, наряду съ органическими влеченіями, еще нѣсколько другихъ, какъ напр. самолюбіе, стремленіе къ подражанію и распространенію, общественныя влеченія и т. д.; наконецъ — даже всеобщее стремленіе къ счастью, хотя никто не можетъ опредѣленно указать предмета этого послѣдняго стремленія, или, лучше сказать, этотъ предметъ у различныхъ индивидуумовъ является различнымъ.

Теперь ясно, что совѣмъ неопредѣленному понятію счастья дало подкладку, подъ именемъ стремленія, ничто иное, какъ психологическая абстракція. Ничуть не лучше обстоитъ дѣло и съ самолюбіемъ, и съ общественными влеченіями. Здѣсь желаніе предшествуетъ всякому представленію о *Я*, *Ты* и *Онъ*. Опытъ довольно отчетливо обнаруживаетъ, что какъ эгоистическое благоразуміе, такъ и рѣшеніе принести что нибудь въ жертву другому, образуются только постепенно, по мѣрѣ того, какъ все болѣе выясняется, какія могутъ происходить столкновенія между собственными и чужими интересами.

Въ ученіи о способностяхъ желанія особенно часто встрѣчаются натяжки относительно реальныхъ силъ, или, по крайней мѣрѣ, особыхъ дарованій и естественныхъ задатковъ, потому что человекъ оказывается *дѣятельнымъ* въ своемъ желаніи, — и вотъ повсюду склоняются къ принятію столькихъ же силъ, сколько классовъ дѣйствительныхъ или видимыхъ дѣятельностей.

**112.** *Наклонности*, или такія продолжительныя расположенія духа, которыя благопріятствуютъ возникновенію извѣстнаго рода желаній, оказываются у отдѣльныхъ личностей болѣе различными, чѣмъ такъ называемыя влеченія. Большею частью они являются слѣдствіями *привычки*, которая, повидимому, изъ способностей представленія переносится сюда, въ способность желанія; потому что это — прежде всего мысли, слѣдующія по обычному направленію и сейчасъ же, если только не наступаетъ никакого препятствія, переходящія въ поступокъ, прежде чѣмъ явится какое бы то ни было замѣтное чувство или желаніе; но если что нибудь станетъ на пути, то возгарается желаніе, сопровождаемое чувствомъ усилія и напряженной дѣятельности.

**113.** Самымъ поразительнымъ и самымъ печальнымъ (близкимъ къ сумасшествію) зрѣлищемъ являются въ психологіи *страсти*. (Кантъ превосходно очертилъ ихъ въ „Антропологию“). *Онѣ* — не *наклонности* (расположеніе духа), но *сами желанія*, и всѣ желанія безъ исключенія, начиная съ благороднѣйшихъ и кончая самыми низкими, могутъ стать страстями. Достигая господства, онѣ становятся тѣмъ, бла-

годаря чему практическое обдумываніе (*Überlegung*) сбивается со своего направленія. Свойствомъ страстей является умничанье.

Поэтому, собственно говоря, ихъ можно опредѣлять и описывать только противопоставляя практическому разуму. Полное подраздѣленіе страстей совершенно невозможно, — именно потому, что *каждое* желаніе, усиленное обстоятельствами и привычкой, способно дать обдумыванію превратный ходъ. Всякое подраздѣленіе страстей является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и подраздѣленіемъ желаній вообще. Въ исторіи страсти играютъ великую роль. Надо остерегаться передавать эту роль міровому духу: этимъ онъ приближался бы къ Мефистофелю и, наконецъ, подобно ему, вышелъ бы изъ роли.

### В. О высшихъ способностяхъ желанія.

**114.** *Сужденію и поступку* предшествуетъ обдумываніе, если человѣкъ, прежде чѣмъ придать подлежащему сказуемое, и прежде чѣмъ измѣнить настоящее положеніе вещей, сравниваетъ еще другіе возможные способы мышленія и дѣйствія. Въ обдумываніи заключается медлительность и отсрочка, а затѣмъ — сосредоточенность и размышленіе. Оно должно предотвращать отпѣну и раскаяніе. Оно производитъ это, позволяя каждому изъ возможныхъ видовъ представленій, каждому желанію, которое могло бы придти въ столкновеніе съ другимъ, — цѣликомъ выступить въ сознаніи и, насколько можно, сильно сопротивляться остальнымъ, или дѣйствовать вмѣстѣ съ ними. Если при этомъ что нибудь забывается, если, во время обдумыванія, что нибудь лишается возможности во всей широтѣ проявить свое значеніе, — то остается опасность, что наступитъ другое расположеніе духа, которое найдетъ негоднымъ рѣшеніе перваго. Поэтому обдумываніе есть внутренній экспериментъ; его результатъ долженъ быть принятъ (*vernommen*) съ полною преданностью; отсюда разумъ (*Vernunft*) въ мысляхъ и поступкахъ получаетъ свое имя.

**115.** Поэтому разумъ первоначально не является ни требующимъ, ни законополагающимъ; онъ нигдѣ не служитъ

источникомъ хотѣнія. (Настолько же мало онъ есть и источникъ познанія). Тѣмъ не менѣе, онъ рассматривается какъ таковой, и даже считается высшимъ судьей и законодателемъ. Это должно явиться вполне естественнымъ слѣдствіемъ, потому что (съ обычной натяжкой) на опасность раскаянія, если бы поступили несообразно съ результатомъ обдумыванія, смотреть какъ на угрозу, и къ этой угрозѣ примышляютъ заповѣдь, а къ заповѣди — законодателя.

**116.** Практическое обдумываніе запутывается связью между *средствами и цѣлями*. Именно, оно должно не только сравнить между собою разнообразныя непосредственныя желанія (сдѣлать выборъ изъ нѣсколькихъ цѣлей), но и пробѣжать ряды тѣхъ возможныхъ слѣдствій, которыя связаны съ цѣлями и дѣлаютъ вѣроятною ихъ достижимость. Въ этомъ отношеніи, обдумываніе приписываютъ *практическому разсудку*, который есть способность направляться по качеству мыслимаго, независимо отъ воображенія и страсти. Если этотъ родъ обдумыванія развивается вполне, то онъ порождаетъ планы. Выборъ же между цѣлями представляется вполне принадлежащимъ практическому разуму.

**117.** *Осторожность* (Besonnenheit) есть душевное расположеніе человѣка при обдумываніи. Если она обращается въ привычку, то обдумываніе, продолжаясь, расширяется; наконецъ, оно стремится схватить въ единомъ размышленіи всѣ возможныя желанія; если нѣсколько желаній постоянно ограничиваются и упорядочиваются, то спрашиваютъ о послѣдней цѣли всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и влеченій, о высшемъ благѣ. Если, при этомъ, обдумываніе пользуется общими понятіями, то возникаютъ *максимы* (сильно отличающіяся отъ плановъ) и *основоположенія*, а изъ сопоставленія ихъ — *ученіе о нравственности*.

Въ практической философіи указывается на то, что, по устраненіи всего, зависящаго отъ расположенія духа (т. е. измѣнчивыхъ желаній), можетъ утвердить высшее достоинство только то произвольное предпочтеніе и отверженіе, которое содержится въ эстетическихъ сужденіяхъ о волѣ.

Слѣдовательно, дѣло обдумыванія (или, если угодно, практическаго разума) заключается въ томъ, чтобы освободить эти сужденія и происходящія изъ нихъ идеи *внутренней*

свободы, совершенства, благорасположенія, права и справедливости отъ смѣшенія ихъ со всѣми другими мыслями и хотѣніями, въ которыхъ онѣ сначала скрываются, и поставить ихъ въ остріи (an die Spitze) всей мудрости, подчинивъ имъ всѣ желанія.

### С. 0 свободѣ воли.

**118.** Часто бываетъ, что въ то время какъ, послѣ обдумыванія, рѣшеніе начинаетъ складываться въ понятіе, поднимается желаніе, сопротивляющееся этому рѣшенію. Тогда человѣкъ не знаетъ, чего онъ хочетъ; онъ разсматриваетъ себя какъ стоящаго между двумя силами, которыя тянутъ его въ противоположныя стороны. Въ этомъ саморазсмотрѣніи онъ противопоставляетъ разумъ и желаніе такъ, какъ если бы они были посторонними совѣтниками, а онъ самъ къ нимъ то третьимъ, который прислушивался бы къ нимъ обоимъ и затѣмъ рѣшалъ. Онъ считаетъ себя свободнымъ рѣшать, какъ хочетъ.

Онъ считаетъ себя и достаточно разумнымъ для того, чтобы понять, что говоритъ ему разумъ, и достаточно воспріимчивымъ для того, чтобы допустить воздѣйствіе на себя обольщеній желанія. Если бы этого не было, то его свобода не имѣла бы никакой цѣнности. Тогда онъ могъ бы только слѣпо склоняться въ ту или другую сторону, не дѣлая выбора.

Но разумъ, которому онъ повинуется, и желаніе, которое раздражаетъ и обольщаетъ его, въ дѣйствительности находятся не внѣ его, но въ немъ, и самъ онъ ничуть не третій наряду съ тѣми двумя, но въ этихъ двухъ заключается и дѣйствуетъ его собственная душевная жизнь. Если же, наконецъ, онъ дѣлаетъ выборъ, то этотъ выборъ—ничто иное, какъ совмѣстное дѣйствіе вышеупомянутыхъ разума и желанія, свободно стоящимъ между которыми онъ себя воображалъ.

Но когда человѣкъ находитъ, что разумъ и желаніе въ ихъ совмѣстномъ дѣйствіи произносятъ надъ нимъ рѣшеніе,

онъ является себѣ *несвободнымъ* и подчиненнымъ чужимъ силамъ.

Очевидно, что здѣсь опять таки обманъ, — и обманъ, вытекающій прямо изъ того же самаго источника, какъ и первый. По тому же самому, что разумъ и желаніе находятся совсѣмъ не внѣ его, а онъ не внѣ ихъ, — и происходящее изъ нихъ рѣшеніе есть совсѣмъ не чужое рѣшеніе, но его собственное. Онъ сдѣлалъ выборъ только при помощи своей самодѣятельности, хотя и не при помощи какой нибудь силы, которая отличалась бы отъ его разума и его желанія, и которая могла бы дать другой результатъ, чѣмъ эти два.

*Примѣчаніе 1.* Этимъ указывается главное основаніе тѣхъ психологическихъ фактовъ, которые имѣютъ мѣсто при вопросѣ о свободѣ. Здѣсь мы не можемъ дѣлать обзора глубоко вкоренившихся метафизическихъ и моральныхъ недоразумѣній, которыя сюда примѣшиваются. Напомнимъ только въ самыхъ краткихъ словахъ, что легче всего возбуждается вопросъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя находятъ *во вмѣненіи*. Поступокъ вмѣняется, поскольку его можно разсматривать какъ *обозначеніе хотѣнія*; онъ является тѣмъ болѣе или тѣмъ менѣе вмѣняемымъ, чѣмъ болѣе или менѣе, слабѣе или сильнѣе, обнаруживается въ немъ воля. Все это ясно и общеизвѣстно. Но все дѣло портятъ, желая, въ свою очередь, вмѣнять и самую волю. Это не лучше того, какъ если бы захотѣли подвергнуть измѣренію ту мѣру, которая сама должна измѣрять все другое. Такимъ образомъ бываетъ, что боятся того, что, если бы воля имѣла болѣе раннія причины, которыми бы она неизбежно направлялась, то эти причины влекли бы за собою и грѣхъ, потому что тогда на ихъ счетъ ставилась бы какъ воля, такъ и происходящія изъ нея поступки. Поэтому охотнѣе желаютъ ставить волю въ зачетъ самоопредѣленія, изъ чего возникаетъ безконечный рядъ (срав. *Einleitung in die Philosophie* § 107 [§ 128 d. 4 Ausg.]). Однако эта боязнь совсѣмъ неосновательна. Вмѣненіе останавливается, коль скоро оно свело поступокъ на волю; потому что она сейчасъ подчиняется этимъ практическому сужденію, которое остается соя

вершено равнымъ, что можно было бы показать также для причинъ и поводовъ воли. Но бываетъ, что вмѣненіе опять начинается снова, если находятъ, что та воля имѣла причиною болѣе раннюю волю. Обольщенному, послѣ того какъ онъ уже сдѣлался вполне злобнымъ, его проступки вмѣняются цѣликомъ, но эти проступки падаютъ еще и на обольстителя, и такъ далѣе обратно до тѣхъ поръ, пока можно еще указать на какую нибудь волю, какъ на виновника тѣхъ проступковъ.

*Примѣчаніе 2.* Трансцендентальная свобода, которую Кантъ, ради категорическаго императива (такъ какъ онъ не попалъ на правильное обоснованіе практической философіи), пожелалъ признать необходимымъ членомъ символа *вѣры*, является въ психологіи совершеннѣйшимъ пришлецомъ. Кто этого не видитъ, тотъ пусть проштудируетъ объ кантовскихъ критики чистаго и практическаго разума, и научится оттуда *осторожно* говорить объ этомъ предметѣ. Кантъ потратилъ очень много труда для того, чтобы дойти до яснаго убѣжденія въ этомъ пунктѣ; однако онъ всетаки внесъ путаницу, которая у него самого была связана съ категорическимъ императивомъ, а у его послѣдователей перешла въ совершенно другія формы.

**119.** Между тѣмъ какъ сознаніе свободы, поскольку оно должно стоять въ серединѣ *между* разумомъ и желаніемъ, не основывается ни на какихъ лучшихъ фактахъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, — получается другой результатъ, если разсматривать самый разумъ какъ мѣстопробываніе свободы. Нѣтъ ничего болѣе очевиднаго, какъ то, что страстный человекъ есть рабъ. Его неспособность обращать вниманіе на основы выгоды и долга, его гибель изъ за собственнаго грѣха — очевидны. Въ противоположность этому, разумный человекъ, отгоняющій свои желанія, коль скоро они противорѣчатъ тому, что хорошо обдуманно, по справедливости называется свободнымъ; и онъ тѣмъ болѣе свободенъ, чѣмъ болѣе силенъ въ этомъ отношеніи. А можетъ ли такая сила простираться до безконечности, — этого не могутъ рѣшить никакіе факты, которые всегда свидѣтельствуютъ только объ ограниченныхъ силахъ.

## ШЕСТАЯ ГЛАВА.

## О совмѣстномъ дѣйствіи и развитіи душевныхъ способностей.

120. Уже въ сдѣланномъ до сихъ поръ обзорѣ, принятіе способностей оказалось настолько несостоятельнымъ, что попытка рассмотреть взаимное вліяніе ихъ во всѣхъ комбинаціяхъ должна явиться безцѣльной. Однако нѣкоторыя замѣчанія будутъ полезны для того, чтобы сдѣлать болѣе легкимъ общее обозрѣніе всего предшествующаго, прежде чѣмъ мы станемъ ближе разсматривать человѣческій духъ въ его измѣняющихся состояніяхъ.

121. Послѣ внѣшнихъ чувствъ, необходимость которыхъ очевидна съ перваго взгляда (чѣмъ былъ бы человекъ, рожденный слѣпымъ, глухимъ и безрукимъ?), главнымъ мѣсто-пребываніемъ душевной жизни является, безъ сомнѣнія, воспроизведеніе, въ обѣихъ его формахъ—памяти и воображенія. Единичное мгновеніе даетъ очень мало при помощи чувствъ; и мы были бы ограничены подобно животнымъ, если бы у насъ не оставалось прошлаго, какъ такого сокровища, изъ котораго мы безпрестанно дѣлаемъ займы. Въ часы, когда приливъ непринужденныхъ мыслей становится слабѣе или совершенно прекращается,—замѣчается прежде всего бѣдность чувствъ, грубость желаній, бездѣятельность или тщетное усиліе разсудка и разума безъ воображенія.

Дѣло воображенія достигаетъ зрѣлыхъ плодовъ въ мѣстахъ и сказочныхъ мірахъ, которые въ поэзіи понимаются какъ предметы *върванія*.

122. Здѣсь мѣсто вспомнить объ *упражненіи* и *навыкѣ*. Къ нимъ преимущественно способно воспроизведеніе; и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ ихъ нельзя указать навѣрное, чтобы тамъ ни говорилось объ упражненіи разсудка, разума, нравственномъ навыкѣ и проч.; потому что факты, которые можно привести для этого, прямо свидѣтельствуютъ, что ранѣе образованныя понятія, сужденія, чувства, умозаключенія



ченія, точно также какъ и чувственныя представленія, воспроизводятся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставятся въ новую дѣятельность; они свидѣтельствуютъ, что это происходитъ тѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе и тѣмъ въ большемъ объемѣ, чѣмъ чаще и старательнѣе занимались передъ этимъ данными понятіями, сужденіями и проч.

Сообразно съ фактами, упражненіе гораздо менѣе можетъ относиться къ способностямъ памяти и воображенія, нежели къ тѣмъ представленіямъ, которыя воспроизводятся. Хотя для того, кто много учитъ наизусть, запоминаніе мало по малу становится болѣе легкимъ, однако—только въ томъ самомъ кругѣ представленій, который былъ для него обычнымъ. Стоитъ только предложить тому, кто имѣетъ хорошую музыкальную память, запомнить рядъ именъ или чиселъ,—и мы увидимъ, какъ мало поможетъ здѣсь предшествующее упражненіе памяти.

**123.** Развитие (Ausbildung) идетъ по двумъ главнымъ направленіямъ: его опредѣляетъ внутреннее чувство и внѣшнее дѣйствованіе. Съ тѣмъ и другимъ стоитъ въ связи *рефлексія*, о которой, поэтому, впервые надо замѣтить, что она (*будучи склоненіемъ хода мыслей къ опредѣленному пункту*) тоумышленно вызываетъ и формируетъ представленія (въ работѣ), то вызывается въ апперцепціи даннаго (въ опытѣ); такъ что, стало быть, въ первомъ случаѣ дѣятельность выходитъ изъ нея и управляется ею, а во второмъ случаѣ, напротивъ,—возбужденіе (Reiz) лежитъ въ данномъ. Но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ другой не исключается совершенно. Работа въ каждое мгновеніе производитъ новое данное, потому что дѣло, подвигаясь впередъ, въ то же время и наблюдается; при помощи этого, она управляетъ даже рефлексіей. И обратно: опытъ побуждаетъ насъ къ сравниванію и сужденію, а, вмѣстѣ съ этимъ, и къ дальнѣйшему размышленію, которое, сообразно со свойствами каждаго, повинется далѣе наличнымъ понятіямъ, или мнѣніямъ, или химерамъ, какъ опорнымъ пунктамъ (Haltungspuncten) рефлексіи. Еще иначе бываетъ направлена рефлексія, относящаяся къ предмету, который *находится только въ мысляхъ*. Здѣсь движеніе заключается въ самихъ рефлектирующихъ массахъ представленій, но не стоитъ употреблять и малѣй-

шаго напряженія на то, чтобы продолжительное время устремлять свое вниманіе на одинъ только мыслимый предметъ, разсмотрѣніе котораго должно оставаться *неподвижнымъ*.

Внутреннее чувство, которое, ради сходства, обыкновенно ставятъ на ряду съ внѣшнимъ, совершенно вырывается этимъ изъ своей естественной связи. Лучше сказать, оно есть великій принципъ, лежащій въ основаніи всякой законмѣрной дѣятельности, особенно же — художественной фантазіи и практическаго разума. Безъ самопознанія (*Selbstauffassung*), человѣкъ не могъ бы управлять ни самимъ собою, вообще, ни своею дѣятельностью, въ частности.

Внѣшнее дѣйствованіе, которое воплощаетъ человѣческія мысли, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, часто и извращаетъ ихъ, безпрестанно напрягаетъ желанія, наблюденіе и размышленіе; смотря по тому, достижимо ли оно или нѣтъ, оно превращаетъ желаніе (*Begehren*) въ рѣшительное хотѣніе (*Wollen*) или же въ простое пожеланіе (*Wunsch*), сопровождаясь удовольствіемъ или неудовольствіемъ, чѣмъ полагается основаніе обычному расположенію духа у человѣка. Если новое положеніе въ жизни приводитъ за собою новые поводы къ дѣйствованію, то человѣкъ часто является сразу преобразовавшимся. Это бываетъ особенно поразительнымъ тамъ, гдѣ общая нужда вызываетъ новое общее дѣйствованіе, и изъ каждаго *Я* вызываетъ новое *Мы*. Но, быть можетъ, еще болѣе поразительно видѣть, какъ, по прошествіи нѣкотораго времени, тѣ, которые казались преобразенными, снова становятся прежними.

Самый опредѣленный отпечатокъ даетъ человѣку его дѣйствованіе тогда, когда оно становится работой, особенно — работой должностной, или повседневнымъ занятіемъ. Но здѣсь въ высшей степени отчетливо обнаруживается также различіе и взаимодействіе (*Zusammenwirkung*) между господствующими массаами представленій, которыя въ теченіи работы равномерно пребываютъ въ сознаніи, т. е. тѣмъ протекающимъ рядомъ, отъ котораго въ единичное мгновеніе зависитъ каждая единичная дѣятельность, и эмпирическимъ подмѣчиваніемъ того, что сдѣлано, чѣмъ опредѣляется тотъ пунктъ, до котораго подвинулось дѣло.

Очень важныя ближайшія опредѣленія заключаются въ свойствѣ занятія. Ряды огородника и земледѣльца протекаютъ медленно, стѣсняясь тѣми послѣдовательными измѣненіями въ природѣ, которыя часто вынуждаютъ ихъ къ ожиданію. Напротивъ, ряды музыканта, актера и т. п., имѣютъ свой опредѣленный *ритмъ*. Опять таки иначе протекаютъ ряды представленій у фехтовальщика, жонглера и т. п., гдѣ, не смотря на отсутствіе опредѣленнаго ритма, долженъ все-таки самымъ точнымъ образомъ восприниматься *надлежащій моментъ*. Для практическаго воспитателя и учителя въ высшей степени важно сдѣлать какъ можно болѣе точныя наблюденія надъ тѣмъ, какіе ряды *могутъ* протекать, какіе *должны*, и какіе *дѣйствительно* протекаютъ у ихъ питомцевъ. Здѣсь встрѣтятся громадныя различія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе.

**124.** Но къ чему бы ни стремился человѣкъ, внутренне размышляя и во внѣ дѣйствуя,—изъ всѣхъ измѣняющихся расположеній духа у него все болѣе и болѣе выдвигаются извѣстныя *пребывающія чувства*, которыя въ его практическомъ обдумываніи, а, слѣдовательно, и въ его разсудкѣ и разумѣ, получаютъ значеніе собственно рѣшающаго, именно—поскольку вообще обдумываніе становится въ немъ зрѣлымъ и сильнымъ противъ непостоянныхъ желаній.

Этимъ въ особенности является у cadaго свое *эстетическое пониманіе* міра (которое въ различныхъ отношеніяхъ можетъ быть одностороннимъ и, слѣдовательно, практически превратнымъ), по которому каждый стремится указать себѣ свое отношеніе къ міру. Сюда относится то впечатлѣніе, которое производятъ на индивидуума семья и отечество, человѣкъ и исторія человѣка, и это впечатлѣніе слагается изъ всего, что невольно нравится или не нравится въ этомъ данному индивидууму.

Поэтому на сокровенный зародышъ характера вредно дѣйствуетъ все то, что мѣшаетъ человѣку ясно видѣть и безпристрастно судить.

**125.** Самымъ разрушительнымъ образомъ дѣйствуютъ на все развитіе страсти. Онѣ являются крайностью, противоположною эстетическимъ сужденіямъ, но ими убиваются и

непостоянныя стремленія. Благодаря имъ, воображеніе и разсудокъ принимаютъ одностороннее направленіе. Сами онѣ, въ случаѣ удовлетворенія, заканчиваются скукой, духовной и сердечной пустотой, и въ случаѣ неудовлетворенія—печалью и болѣзнями. Тѣ, которые хвалятъ все, чѣмъ они, благодаря страстному возбужденію, хотятъ стать, сами себя обманываютъ; они должны были бы радоваться, что въ ихъ аспидной ломкѣ не все еще потеряно ими, и нѣкоторыхъ надо хвалить за то, что спасеннымъ добромъ они пользуются лучше, чѣмъ своимъ прежнимъ богатствомъ.

---

## ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

### О душевныхъ состояніяхъ.

#### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

##### О всеобщей измѣняемости состояній.

**126.** Строго говоря, ни одно состояніе человѣческой жизни не равняется совершенно другому; все, что представляется нашему внутреннему воспріятію, — шатко и скоропреходяще. Это замѣчаніе, выясняющее невозможность строго опредѣленнаго психологическаго опыта, положило начало настоящему изложенію; теперь слѣдуетъ развить его далѣе. Съ нимъ, прежде всего, находится въ связи разсмотрѣніе различныхъ состояній жизни, какъ всякій обыкновенно переживаетъ ихъ, далѣе — изложеніе выдающихся различій въ человѣческихъ дарованіяхъ и человѣческомъ развитіи подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, наконецъ — краткій обзоръ аномальныхъ душевныхъ состояній.

**127.** Правда, воспроизведеніе при помощи памяти и воображенія (90 и т. д.) обнаруживаетъ, что ни одно разъ порожденное представленіе не пропадаетъ совершенно, и что однажды возникшее сопоставленіе представленій не легко остается безъ всякаго слѣдствія. Однако, если мы сравнимъ все то, что вмѣщаетъ въ себѣ духъ взрослога человѣка, съ тѣмъ, что сознается имъ въ каждое любое единичное мгновеніе, — то мы должны будемъ изумиться несоотвѣтствію между тѣмъ богатствомъ и этою бѣдностью. Выражаясь образно, человѣческому духу можно было бы приписать глазъ, который обладаетъ крайне узкимъ зрачкомъ и величайшей подвижностью. Объясненіе этого заключается въ томъ, что выше было сказано о порогахъ сознанія (16,19).

Впрочемъ, существуетъ весьма небольшое число представленій, которыя мы можемъ разомъ охватывать и часто понимать при самомъ быстромъ ихъ появленіи и исчезновеніи, вслѣдствіе чего для остроумнаго человѣка становится возможнымъ ставить свои представленія въ самое разнообразное соприкосновеніе и опредѣлять ихъ посредствомъ другъ друга.

**128.** Извѣстныя возбужденія смѣны представленій внѣшними впечатлѣніями являются для человѣка потребностью. Одинокій ищетъ товарищеской бесѣды, и долго оставаться на одномъ мѣстѣ бываетъ мучительно по причинѣ однообразія окружающаго, если только не позаботятся о вспомогательныхъ средствахъ, чтобы удержать духъ въ движеніи. Если потребность долгое время остается неудовлетворенною, то, вмѣстѣ съ этимъ, человѣческая жизнь постепенно сводится на тѣ періодическія смѣны, которыя будутъ сейчасъ отмѣчены. И обратно: потребность увеличивается благодаря удовлетворенію. Поэтому, тѣ, которые (подобно Наполеону) создаютъ исторію, всегда находятъ достаточно людей, готовыхъ къ ихъ услугамъ, потому что эти люди не могутъ быть спокойными.

**129.** Въ силу устройства человѣческаго тѣла, голодъ и насыщеніе, бодрствованіе и сонъ постоянно совершаютъ свой извѣстный круговой оборотъ; а къ этому прибавляются времена года съ разнообразіемъ удовлетвореній и умноженіемъ тѣлесныхъ потребностей. Насколько слѣдствіемъ этого является напряженіе и расслабленіе, и, далѣе, — обдумываніе, рѣшеніе, совершеніе поступка и успокоеніе, — здѣсь нѣтъ необходимости развивать.

*Примѣчаніе.* О замѣчательномъ косвенномъ опредѣленіи сна при помощи грезъ удобнѣе будетъ кое что сказать ниже, когда пойдетъ рѣчь объ аномальныхъ состояніяхъ.

**130.** Земная жизнь, взятая въ цѣломъ, имѣетъ свои періоды возрастанія, полной силы и увяданія.

Ребенокъ, по психологическимъ основаніямъ, неутомимо движется, если онъ здоровъ, и вращается въ простыхъ безъискусственныхъ фантазіяхъ и играхъ; онъ нерасположенъ къ связному мышленію, но въ высшей степени воспріимчивъ ко всему новому. При этомъ онъ неспособенъ выбиться изъ

области мгновенныхъ чувствъ. Отрокъ, будучи еще весьма слабымъ, можетъ, однако, при помощи воспитанія, безъ торопливости, подняться до значительной степени истинной проницательности и самообладанія. У юноши возрастаютъ силы, а также и безпокойство. Если онъ не можетъ дѣйствовать, то предается творчеству (dichtet). Мужчина, для котораго эти силы уже не новость, а трудности человѣческаго дѣйствованія извѣстны, цѣлесообразно пользуются тѣмъ, что имѣеть, если только дѣтство и юность не развратили его. Онъ больше дѣйствуетъ, и, поэтому, меньше предается творчеству. Въ болѣе позднемъ возрастѣ удерживается столько мужественности, сколько позволяетъ тѣло, съ большими индивидуальными различіями. Въ лучшихъ случаяхъ, хотя слишкомъ поздно, на мѣсто творчества и дѣйствованія здѣсь выступаетъ мышленіе. Каждый возрастъ расплачивается за грѣхи и страдаетъ отъ несчастій всѣхъ предшествующихъ.

## ВТОРАЯ ГЛАВА.

### О природныхъ задаткахъ.

**131.** Ходъ жизни прежде всего ближе опредѣляется различіемъ пола. Это часто можно замѣтить съ ранней юности. Дѣвочки скорѣе умѣютъ и скорѣе обнаруживаютъ склонность держать себя въ предѣлахъ приличія. Напротивъ, періодъ ихъ воспитанія короче, нежели у мальчиковъ. Поэтому, онѣ собираютъ духовнаго богатства меньше, а перерабатываютъ его быстрѣе и съ меньшимъ разнообразіемъ и раздѣльностью. Слѣдствіе сказывается во всей жизни. Женскій полъ придерживается своего чувства, мужчина больше все примѣняется къ знаніямъ, принципамъ и отношеніямъ. Къ этому прибавляется еще разнообразіе должностныхъ занятій, по которымъ раздѣляются мужчины.

**132.** Другимъ первоначальнымъ свойствомъ cadaго человека является такъ называемый темпераментъ, т. е. физиологически объясняемое предрасположеніе относительно чувствъ и аффектовъ. Изъ четырехъ извѣстныхъ темпераментовъ, веселый и печальный (сангвиническій и меланхоличе-

скій) относятся къ чувствамъ, а раздражительный и мало подвижный (холерическій и флегматическій) — къ аффектаціи. Въ общемъ легко понять возможность темперамента, потому что общее чувство, приносимое организмомъ и сопровождающее человѣка въ теченіи всей его жизни, не можетъ стоять какъ разъ въ серединѣ между пріятнымъ и непріятнымъ; но смотря по тому, въ какую сторону оно склоняется, человѣкъ бываетъ сангвиникомъ или меланхоликомъ. Онъ не можетъ быть и тѣмъ и другимъ заразъ, но имѣетъ свое мѣсто гдѣ нибудь на линіи, идущей по обоимъ направленіямъ; однако неопредѣленный темпераментъ не только мыслимъ, но иногда встрѣчается и въ опытѣ, въ силу чего человѣкъ попеременно, безъ особенныхъ причинъ, бываетъ склоненъ къ веселости и грусти. Такъ какъ, далѣе, аффекты втягиваютъ въ игру организмъ и, такъ сказать, находятъ въ немъ гармоническіе доски, при помощи которыхъ они сами становятся болѣе сильными и продолжительными, то слѣдуетъ показать степень уступчивости организма, въ силу которой человѣкъ бываетъ болѣе холерическимъ или болѣе флегматичнымъ, и опять такимъ образомъ, что онъ не можетъ быть сразу тѣмъ и другимъ, но можетъ колебаться между ними.

Отсюда выясняются и возможныя смѣшенія темпераментовъ, по комбинаціямъ вышеуказанныхъ обоихъ рядовъ. Сангвиническій темпераментъ бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, или холерическимъ или флегматическимъ, и меланхолическій тоже можетъ быть холерическимъ или флегматическимъ. Возможно представить, что кто-нибудь — *ни* сангвиникъ, *ни* меланхоликъ, такъ какъ нулевой пунктъ находится въ серединѣ между тѣмъ и другимъ. Но нельзя себѣ представить, чтобы кто-нибудь былъ безразличенъ въ отношеніи холерическаго и флегматическаго, потому что совершенное отсутствіе аффектаціи было бы крайней флегматичностью; здѣсь нулевой пунктъ лежитъ въ крайности. Серединой служитъ *обычная* раздражаемость — арифметическая середина, которая получается изъ опыта такъ же случайно, какъ и средній ростъ человѣческаго тѣла.

*Примѣчаніе.* Названія темпераментовъ могутъ имѣть и другое значеніе, и если выраженіе „холерическій



темпераментъ“ должно обозначать постоянную склонность къ гнѣву, то вышесказанное сюда не подходитъ. Такъ какъ предметъ—не чисто психологическій, то здѣсь можетъ найти мѣсто и фізіологическое разсмотрѣніе. Вслѣдствіе скрытаго недостатка, на духъ можетъ дѣйствовать какой нибудь одинъ изъ трехъ факторовъ животной жизни. Если раздражительность (Irritabilität) и чувствительность (Sensibilität) неповреждены, и если живость (Vegetation) страдаетъ лишь настолько, на сколько она вноситъ постоянное нездоровье въ общее чувство, — то можетъ возникнуть холерическая злоба; въ рѣдкихъ печальныхъ случаяхъ, подобное, дѣйствительно, замѣчается и на дѣтяхъ. Если страдаетъ раздражительность, — то замѣчаютъ бодрость и, можетъ быть, талантъ, но безъ достаточно сильной внѣшней жизни. Если страдаетъ чувствительность вообще, то, повидимому, возникаетъ такъ называемый (нѣкоторыми) извозчикій или мужицкій темпераментъ. Если страдаетъ только чувствительность мозга, или говоря яснѣе, если беретъ перевѣсъ нервная система, то это можетъ дать сангвиника. Если живость и раздражительность, взятыя вмѣстѣ, оказываются слабыми противъ чувствительности, то мы видимъ флегматика. Такимъ образомъ, хотя и недостаточно, разсмотрѣны всѣ замѣтно выступающіе темпераменты.

**133.** Усиливая отзвукомъ аффебты, или смягчая своею неподвижностью ихъ выраженіе, организмъ точно также вмѣшивается во всѣ перемѣны чувства и мысли, то какъ маховое колесо, которое удлиняетъ полученное движеніе, то какъ инертная тяжесть, которая замедляетъ его или дѣлаетъ совершенно невозможнымъ. Тотъ узкій зрачекъ, который выше (127) мы вообще приписали человѣческому духу, у отдѣльныхъ людей (индивидуумовъ) бываетъ уже или шире; и подвижность представленій, которыя приходятъ въ сознаніе и уходятъ изъ него, бываетъ у нихъ большей или меньшей. Если мы прибавимъ къ этому особенную расположенность нѣкоторыхъ личностей къ тому или другому виду мышленія и чувствованія, то мы получимъ различіе, крайнія границы котораго называются *геніальностью* и *тупоуміемъ*. Послѣднее причисляется къ аномальнымъ состояніямъ, потому что оно

часто смѣшивается съ ними и, подобно имъ, дѣлаетъ человека непригоднымъ къ общежитію.

*Примѣчаніе.* То, что связано съ фізіогномикой и краніоскопей, слишкомъ непрочно и неопредѣленно, чтобы до сихъ поръ имѣть въ психологіи значенія больше простаго курьеза. Нѣкоторые рѣдкіе факты (все равно изъ какой области знанія) могутъ быть истинными; но для того, чтобы они имѣли научное значеніе, они должны быть достовѣрнымъ образомъ связаны съ тѣмъ, что уже прежде узнано и испытано; если они стоятъ одиноко, то остаются безплодными. Желать, чтобы психологія вполнѣ подчинилась господству фізіологіи, — это значитъ прямо перевернуть отношеніе между обѣими науками: ошибка, часто выступающая и въ новое и въ старое время. Въ третьей части будетъ довольно ясно установлено истинное отношеніе.

**134.** Можетъ возникнуть вопросъ, какими задатками обладаетъ человечество вообще. Извѣстно, что болѣе долгій опытъ и старательное изученіе человѣческихъ расположеній обыкновенно отнимаютъ очень много добрыхъ мнѣній, которые иногда пробуждаются внѣшнею стороною образованнаго общества у юноши, еще не знающаго, сколь много дурнаго скрываютъ и тайно возвращаютъ въ себѣ люди. Однако этотъ фактъ менѣе свидѣтельствуетъ противъ природныхъ задатковъ человечества, чѣмъ противъ того грубаго метода, который еще до сихъ поръ сплошь и рядомъ примѣняется тамъ, гдѣ желаютъ образовать человека. Между тѣмъ какъ этотъ методъ (преимущественно вслѣдствіе несовершенствъ государства и церкви) слишкомъ скоро подѣйствовалъ на внѣшнее поведеніе людей, возникло несоотвѣтствіе между видимостью и бытіемъ, которое древніе и средніе вѣка едва ли могли знать въ такой степени, какъ наше время, потому что у нихъ было гораздо меньше заимствованной и подражательной культуры, чѣмъ у насъ. Впрочемъ, задатокъ человечества есть нѣчто другое, чѣмъ задатокъ отдѣльнаго человека. Первое относится преимущественно къ общежительному развитію въ цѣломъ, — слѣдовательно, преимущественно къ отношенію между рѣдкими великими умами, которые дѣлаютъ эпохи въ исторіи, и толпою обыкновенныхъ людей, которые могутъ только вос-

принимать образованіе и передавать его далѣе. Чтобы, исходя изъ фактовъ, судить объ этомъ съ нѣкоторою достовѣрностью, — наша исторія человѣчества, обнимающая собою только немногія тысячелѣтія, еще слишкомъ коротка. Не смотря на древнее изрѣченіе, что *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ*, происходитъ еще слишкомъ много новаго, чтобы можно было уже дѣлать обзоръ земнаго пути человѣчества.

**135.** Между вопросами о задаткахъ отдѣльныхъ людей и человѣчества слѣдовало бы поставить разсмотрѣніе *человѣческихъ расъ*, если бы только послѣднія обладали чѣмъ нибудь вѣрнымъ въ психологическомъ отношеніи. Однако, если что и можно сказать объ этомъ, то оно лучше связывается съ тѣми предметами, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

## ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

### О внѣшнихъ вліяніяхъ.

**136.** Стоя на эмпирической точкѣ зрѣнія, нельзя опредѣленно рѣшить, что въ человѣкѣ является дарованіемъ и что должно быть поставлено на счетъ внѣшняго вліянія, — и уже „Введеніе въ метафизику“ предостерегаетъ насъ не слишкомъ довѣряться обоимъ способамъ представленія, потому что какъ понятіе многообразія дарованій въ единомъ, такъ и понятіе причинъ и дѣйствій всякаго рода, относятся къ такимъ понятіямъ, которыя не могутъ быть приняты такъ, какъ представляются они намъ съ перваго раза въ опытѣ.

Слѣдовательно, здѣсь можно отмѣтить только самое выдающееся изъ того, что мы по внѣшнимъ обстоятельствамъ находимъ въ людяхъ разнымъ.

**137.** Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе *мѣсто*, гдѣ живетъ человѣкъ, со всѣми безчисленными и далеко простирающимися вліяніями климата, свойствомъ почвы, положеніемъ и сосѣдствомъ. То, что относится сюда, обыкновенно подробно и на многихъ примѣрахъ развивается при историческихъ изложеніяхъ.

**138.** Затѣмъ, *нація*, къ которой принадлежатъ индивидуумъ, имѣетъ не только господствующій темпераментъ, но

и свою исторію; и эту исторію единичный человекъ застаеть протекшею до извѣстнаго пункта. Съ этимъ бываетъ связана степень культуры, національнаго чувства и знанія, а все это сильно направляетъ, возвышаетъ и принижаетъ индивидуума во всѣхъ пунктахъ его жизненнаго пути.

**139.** У каждой націи, вышедшей изъ состоянія дикости, существуетъ различіе *положеній* (на женщинъ только переносится, у мужчинъ — первоначально). Это различіе отчасти является дѣломъ насилія и нужды, отчасти — слѣдствіемъ природныхъ дарованій, отчасти же происходитъ изъ потребности раздѣленія труда. Положеніе принадлежит (*zukommt*) отдѣльному человеку лишь постольку, поскольку ему позволительно самому судить о цѣлесообразности своихъ дѣйствій. (Не поскольку онъ дѣятеленъ для *собственныхъ* цѣлей, потому что въ понятіи раздѣленія труда уже заключается то, что онъ дѣйствуетъ для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для многихъ). По мѣрѣ того, какъ человекъ старается всю свою дѣятельность сосредоточить въ единой цѣлесообразности, — возникаетъ внѣшнее отличіе и честь для каждаго положенія, не для того, чтобы при этомъ, какъ обыкновенно бываетъ, средство заслоняло и затемняло собою цѣль, но для того, чтобы и мысли и расположеніе человека были направлены на его дѣятельность; они вмѣстѣ исчезаютъ въ кругѣ своей примѣняемости, и оставшіяся усилія распадаются на двѣ части, одна изъ которыхъ цѣликомъ относится къ положенію, а другая ищетъ удовлетворенія помимо него. Въ томъ случаѣ, если эта борьба становится значительной, человекъ и его положеніе не годятся другъ для друга, и взаимно другъ другу вредятъ.

Чѣмъ менѣе кто нибудь можетъ самъ судить о цѣлесообразности своихъ дѣйствій, т. е. чѣмъ болѣе онъ подчиненъ другому, тѣмъ менѣе заботится онъ объ этомъ, и тѣмъ менѣе существуетъ для него честь; но тѣмъ большій вѣсъ пріобрѣтаетъ вторая часть стремленій, которая, не смотря на ограниченное положеніе, ищетъ удовлетворенія. Для этого пользуются всѣми случаями и пускаютъ въ ходъ искусство обмана, если не предупредить зла мягкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгое обращеніе начальника.

Лучшую часть каждой націи находятъ обыкновенно въ тѣхъ, кто принимаетъ на себя часть общей работы и заботится о ней по собственному разумѣнію.

**140.** Какъ на взрослога человѣка дѣйствуетъ его положеніе, такъ на юношу — семья, къ которой онъ принадлежитъ, и воспитаніе, которому онъ подвергается, а, на ряду съ этимъ, вліяніе примѣровъ и всего окружающаго. Рѣдко кто образовывается въ борьбѣ со своимъ положеніемъ и никогда не образуются независимо отъ него.

**141.** Главный вопросъ: сколь великая и какая свобода остается человѣку среди всѣхъ внѣшнихъ вліяній?

Изъ предшествующаго легко сдѣлать тотъ выводъ, что, по мѣрѣ того, какъ поддаются впечатлѣнію фактовъ, возникаетъ убѣжденіе, что человѣкъ или связанъ во всѣхъ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ природными дарованіями, которыя предшествуютъ его хотѣнію, или же, по крайней мѣрѣ, область его свободы настолько мала, что должна имѣть самое ничтожное значеніе.

Уже Кантъ позволяетъ все временное существованіе человѣка подводить подъ законы естественной необходимости. Чтобы спасти свободу, онъ переноситъ ее въ умопостигаемый міръ, какъ членъ символа вѣры для нравственныхъ людей.

Если только мы смѣемъ надѣяться понять кого бы то ни было лучше, чѣмъ онъ самъ понималъ самого себя, то очень легко показать, чего собственно хотѣлось Канту. Нужно было сохранить вмѣненіе. Оно существуетъ помимо всякаго ученія о свободѣ. См. примѣчаніе къ § 118. Слѣдовательно, для того, чтобы достичь того, что въ кантовскомъ воззрѣніи является существеннымъ въ практическомъ отношеніи, не надо прибѣгать ни къ какой метафизикѣ, ни къ какой умозрительной психологіи, и настолько же мало къ критикѣ разума, но должно только обратиться, съ одной стороны, къ безпристрастному взгляду на факты, а, съ другой, — къ правильному способу представленія практической философіи.

Однако очень важно переступить предѣлы этого, для того, чтобы научиться ближе узнавать ту силу, съ которой человѣкъ часто, и съ большимъ успѣхомъ, работаетъ надъ са-

мимъ собою и даже противъ самого себя. Это особенно важно въ томъ возрастѣ, когда стоятъ на рубежѣ только что законченнаго воспитанія и предстоящаго вступленія въ будущее положеніе. Въ это время самоопредѣленіе можетъ быть бѣльшимъ, и, по крайней мѣрѣ, съ болѣе богатыми слѣдствіями, чѣмъ прежде и послѣ. Въ третьей части на этотъ счетъ будутъ представлены нѣкоторыя объясненія.

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

### Объ аномальныхъ состояніяхъ.

**142.** Человѣкъ, находящійся въ аномальномъ состояніи, болѣею частью кажется придавленнымъ. Изъ этихъ состояній сновидѣніе извѣстно и здоровому, а прирожденное тупоуміе теряется, безъ опредѣленныхъ границъ, въ глупости и посредственности дарованій. И въ другихъ видахъ душевнаго расстройства находятъ много, насколько поразительнаго, настолько же и печальнаго, сходства съ заблужденіями, аффектами и страстями, такъ что было бы труднымъ сдѣлать строгое противоположеніе между человѣкомъ здоровымъ и душевнобольнымъ.

**143.** Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ эмпирическое разнообразіе не легко допускаетъ строгое разграниченіе, вѣрнѣе всего начинать съ самыхъ очевидныхъ различій, съ крайностей, и потомъ уже сравнивать съ ними то, что лежитъ между ними. Исходя изъ этого основанія, мы начинаемъ здѣсь съ душевныхъ расстройствъ, въ собственномъ значеніи этого слова, и уже потомъ вспоминаемъ близкія къ нимъ болѣзненные состоянія, вмѣстѣ съ тѣми явленіями, которыя сопровождаютъ сонъ.

Душевныхъ расстройствъ, которыя обнаруживаются въ бодрствующемъ состояніи и при (по крайней мѣрѣ, видимомъ) тѣлесномъ здоровьѣ, насчитываютъ четыре класса (согласно съ *Рейлемъ* и *Пинелемъ*, изъ которыхъ послѣдній, съ нѣкоторымъ различіемъ, принимаетъ еще пятый): *безуміе, бѣшенство, придурковатость и тупоуміе.*

**144.** Безуміе находится въ зависимости отъ такъ называемыхъ навязчивыхъ идей (*idée fixe*), отъ ложнаго представленія, которое опредѣляетъ собою часть круга мыслей, между тѣмъ какъ въ остальномъ мышленіи идетъ надлежащимъ образомъ. При этомъ само собою понятно, что ложное представленіе должно дѣйствительно обманывать и не считаться за пустую грезу; равнымъ образомъ, само собою понятно, что оно содержитъ въ себѣ лишенное всякаго основанія заблужденіе, изъ котораго безошибочно можно было бы вывести неразстроеннаго человѣка, обративъ его вниманіе на то знаніе, которымъ онъ владѣетъ.

Если при этомъ должно быть принято ученіе о душевныхъ способностяхъ, то мѣстопробываніемъ безумія служить больное воображеніе, которое въ большинствѣ случаевъ страдаетъ отъ вреднаго вліянія способности желанія, иногда разсудка и разума, а часто исключительно вслѣдствіе тѣлесныхъ причинъ. Съ болѣзню воображенія связывается потому еще слабость способности сужденія и способности заключенія, потому что больнымъ не понимаются самыя очевидныя опроверженія пустой грезы. Далѣе, болѣзнь дѣйствуетъ на аффекты, желанія, мнѣнія и т. д.

Но тоже самое больное воображеніе иногда оказывается очень здоровымъ, часто обнаруживаясь даже въ геніально высокой дѣятельности, во всемъ, что не связывается съ навязчивой идеей. Точно также остальные душевныя способности часто представляютъ очень ясныя доказательства того, что онѣ не слабо, но хорошо расположены къ правильной дѣятельности.

Мы перестанемъ этому удивляться, если оставимъ въ сторонѣ гипотезу о душевныхъ способностяхъ.

Впрочемъ, отмѣчаютъ слѣдующіе виды безумія: воображаемое преображеніе тѣла или личности; воображаемая дѣянія діавола и т. п.; воображаемое вдохновеніе и вообще религіозный бредъ; стремленіе къ самопожертвованію съ цѣлью сдѣлаться извѣстнымъ; неотвязчивыя упреки, которыми человѣкъ мучится; безуміе влюбленнаго; пресыщеніе жизнью; страхъ смерти; боязнь бѣдности и голода; глухое и, наконецъ, безпрерывное безуміе. Объясненія всѣхъ этихъ явленій не надо искать далеко. Прежде всего: душевное расстройство никогда не бываетъ *чисто* душевнымъ, потому что въ психи-

ческомъ механизмѣ нѣтъ никакого основанія для *коснаго* (starren) сопротивленія ясному опыту. Далѣе: во всѣхъ душевныхъ разстройствахъ неоспоримо присутствіе аффекта. Онъ окаменѣваетъ (erstarrt) въ нервной системѣ. Поэтому масса представленій (Vorstellungsmasse), служащая мѣсто-пробываніемъ аффекта, не можетъ подвергаться такому измѣненію, которое должно было бы аффектировать тѣло противоположнымъ образомъ. Изъ безчисленныхъ исторій, которыя передаются какъ весьма замѣчательныя, психологъ вынесетъ мало, или даже совсѣмъ ничего новаго, разъ только онъ узналъ психологическій механизмъ и его возможныя задержки.

**145.** Бѣшенство, или неистовство, или ярость, состоитъ въ неудержимомъ стремленіи къ физическимъ дѣйствіямъ, безъ цѣли и даже противъ воли. Обыкновенно оно является неудержимымъ стремленіемъ къ *разрушительнымъ* дѣйствіямъ, съ крайней и опасной стремительностью. Довольно ясно, что въ основаніи этого лежитъ тѣлесная болѣзнь, потому что въ духовномъ для этого состоянія нѣтъ никакого основанія (kein Princip der Einheit).

Однако совершеніе поступковъ *съ волею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ воли* встрѣчается и какъ чисто психологическое явленіе у здоровыхъ \*). Поэтому нельзя уже далѣе считать поступковъ бѣшенаго только автоматическими, если они противорѣчатъ ему самому. Трудность и въ этомъ случаѣ заключается въ ложномъ взглядѣ на волю, какъ на душевную способность, которая, повидимому, сама себѣ противорѣчитъ, *хотя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотя того же самаго*.

*Примѣчаніе.* На странный вопросъ: „можетъ ли бѣшенство быть безъ грезъ?“ должны служить отвѣтомъ явленія водобоязни. Вѣроятно, бурное возбужденіе системы сосудовъ, выходящее изъ брюшной полости, можетъ вызывать неудержимое стремленіе къ неистовымъ поступкамъ, безъ равномернаго поврежденія

\*) Срав. сочиненіе Христ. Як. Крауса: de paradoxo, edi interdum ab homine actiones voluntarias, ipso non solum invito, verum adeo reluctantante (въ оставшихся послѣ него философскихъ сочиненіяхъ—стр. 489).



мозга; точно также какъ при холерѣ, подѣ вліаніемъ нервовъ, кровь останавливается и почти застываетъ, между тѣмъ какъ размышленіе умирающаго повреждается мало. Выше аффекты уже дали намъ поводъ вспомнить о частномъ дѣйствіи извѣстныхъ душевныхъ состояній на опредѣленные органы; это же самое имѣетъ и обратное значеніе. И здѣсь вопросъ не о возможномъ сопротивленіи воли, но о томъ нападеніи на духъ, которое исходитъ изъ тѣла.

**146.** Въ придурковатости преобразуется связь представленій, и они въ совершенномъ безпорядкѣ протекаютъ другъ за другомъ. И здѣсь для этого въ духовномъ нѣтъ никакого основанія (Princip der Einheit): основаніе смѣны представленій уже больше не можетъ быть психологическимъ, оно должно быть физиологическимъ.

По гипотезѣ душевныхъ способностей, главнымъ обиталищемъ болѣзни здѣсь былъ бы рассудокъ; и дѣйствительно придурковатые похожи на безрассудныхъ дѣтей. Однако въ придурковатости насъ сильно поразила бы и *незакономѣрность* остальныхъ душевныхъ способностей, если бы только мы когда нибудь рѣшились представить себѣ строгую *закономѣрность* указанныхъ способностей. Существенное здѣсь заключается въ томъ, что каждый болѣе длинный рядъ представленій задерживается въ своемъ теченіи, такъ какъ нервная система сопротивляется тому напряженію, до котораго она вслѣдствіе этого доходитъ. Очевидно, что такая болѣзнь оказывается болѣе общей и болѣе неизлечимой, чѣмъ окаменение какого нибудь единичнаго аффекта въ безуміи. Психическое леченіе безумія (Wahnsinn) въ собственномъ смыслѣ слова заключается существеннымъ образомъ въ умѣреніи и предупрежденіи того, чтобы аффектъ не бушевалъ и греза (Wahn), распространяясь, не увеличивалась въ силѣ. Излеченіе собственно бываетъ тѣлеснымъ, и часто — однимъ только натуральнымъ излеченіемъ. Наказанія могутъ сдѣлать нѣчто въ педагогическомъ отношеніи; и вмѣненіе во многихъ случаяхъ не совсѣмъ устраняется, особенно при тѣхъ поступкахъ, которые не слѣдуютъ непосредственно изъ грезы (Wahn); однако вмѣненіе уже уменьшается при несчастныхъ разстройствахъ, которыя не носятъ въ себѣ еще

никакой собственной опредѣленной грезы. Предостереженіе отъ такого бреда, который могъ бы привести къ грезѣ, безконечно важнѣе всѣхъ сумасшедшихъ домовъ и психическихъ леченій.

**147.** Тупоуміе, которое одно только изъ всѣхъ душевныхъ разстройствъ является *прирожденнымъ*, и которое выше мы уже противопоставили генію, какъ другую крайность, есть общая слабость духа, при чемъ нельзя опредѣленно указать на ту или другую душевную способность. Оно различается не столько по разнovidнымъ признакамъ, сколько по степенямъ, и можетъ простираться такъ далеко, что человѣкъ почти превращается въ растеніе, и, подобно ему, растетъ и прозябаетъ.

**148.** Указанные классы душевныхъ разстройствъ служатъ не только для непосредственнаго подраздѣленія дѣйствительныхъ случаевъ (которые большею частью представляютъ изъ себя нѣчто среднее и сложное), сколько для опредѣленія простыхъ признаковъ, подъ которыми подсумируются встрѣчающіяся душевныя болѣзни. Безуміе и бѣшенство, придурковатость и тупоуміе являются крайностями, между которыми лежатъ среднія состоянія. Безуміе можетъ связываться съ бѣшенствомъ и съ незначительными степенями тупоумія; точно также и придурковатость. Поэтому, здѣсь существуетъ сопоставленіе понятій, нѣкоторымъ образомъ подобное тому, что и въ ученіи о темпераментахъ.

**149.** Съ душевными разстройствами аналогична большая часть другихъ аномальныхъ состояній. Сновидѣніе равняется безумію, особенно когда представляютъ себѣ удерживающую помѣху, при которой не сходятъ съ мѣста; горячечный бредъ проявляется какъ бѣшенство; головокруженіе, обморокъ и т. п. похожи на тупоуміе; хмѣль заставляеть человѣка колебаться между придурковатостью и бѣшенствомъ. Однако очевидно, что этого сравненія нельзя продолжать черезъ чуръ далеко. Такъ, напр., грезы сновидѣнія гораздо разнообразнѣе и измѣнчивѣй, чѣмъ при соотвѣтствующихъ душевныхъ разстройствахъ. Однако сновидѣнія обладаютъ извѣстнаго рода единствомъ, именно *единствомъ чувства*. На сонъ о ночныхъ ворахъ, при чемъ сцена вдругъ превращается

въ залъ, освѣщенный солнцемъ и наполненный многими незнакомыми лицами, которые желаютъ достигъ высшаго счастья, надо смотрѣть какъ на вещь, которая въ дѣйствительности не грезилась, но была придумана въ качествѣ психилогическаго примѣра (ср. *Maass Über die Leidenschaften, im 1 Th., S. 171*). Подобные скачки изъ мучительнаго состоянія въ весьма желательное происходятъ развѣ только тогда, когда тѣлесное расположеніе вдругъ измѣняется во время сновидѣнія.

Къ замѣчательнѣйшимъ особенностямъ сновидѣнія и родственныхъ ему состояній относятся раздѣленія самосознанія. Видящій сонъ часто приписываетъ другому свои собственные мысли, не рѣдко стыдясь, что онъ самъ не узналъ или не понялъ этого. При смѣняющихся состояніяхъ сновидѣній и бодрствованія, пароксизмахъ и интервалахъ, часто бываетъ раздвоеніе личности, при чемъ въ одномъ состояніи не вспоминаютъ чегонибудь изъ другаго, подобно тому, какъ, бодрствуя, мы обыкновенно вспоминаемъ о сновидѣніи. Существуютъ примѣры сильнаго испуга, послѣ котораго спрашивали себя: „кто я?“ — и снова должны были, по какомунибудь случаю, припоминать свое собственное имя, положеніе, должность и т. д.

Однако изъ аномальныхъ состояній сравніванію съ основными формами душевныхъ разстройствъ, повидимому, не поддаются мало еще выясненные факты такъ называемаго животнаго магнетизма. Эти факты указываютъ на извѣстную связь между тѣломъ и душою, прежнее качество которой всетаки очень скоро можетъ быть восстановлено (ср. ниже § 163).

### Заключительное замѣчаніе.

Если отъ душевныхъ разстройствъ снова обратиться къ обыкновеннымъ психическимъ явленіямъ, то безуміе напомнитъ страсти, бѣшенство — аффекты, придурковатость — разсѣянность, и тупоуміе — нерадивость и лѣнь (хотя послѣднее напоминаетъ и глупость, однако она сама является слабою степенью тупоумія). Страсти, аффекты, разсѣянность и не-

радивость суть также болѣзненные состоянія духа, только менѣе упорныя, чѣмъ душевныя разстройства.

Противоположностью всего этого будетъ душевное здравіе. Поэтому оно есть

какъ противоположность безумія и страстей,—взаимная опредѣляемость всѣхъ представленій и желаній другъ другомъ (или свобода отъ навязчивыхъ идей и желаній);

какъ противоположность бѣшенству и аффектамъ,—спокойствіе и равнодушіе;

какъ противоположность придурковатости и разсѣянности,—связность и собранность мыслей;

какъ противоположность тупоумія и нерадивости,—впечатлительность и бодрость.

Обыкновенно же душевнаго здоровья ищутъ не во всѣхъ душевныхъ способностяхъ равномѣрно, но въ обычномъ словоупотребленіи преимущественно извѣстны: здравый умъ, здравый разсудокъ и здравый разумъ. Что же такое собственно разумъ, умъ и разсудокъ,—это можно нѣсколько ближе узнать при помощи сравненія съ только что указанными признаками душевнаго здравія. Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ третьей части.

Сравнивая безуміе и страсти, можно вывести еще нѣчто большее. Навязчивымъ идеямъ перваго большею частью бываютъ подобны *объективныя* страсти, т. е. такія, которыя направляются на опредѣленный предметъ желанія. Какъ страсти можно (вмѣстѣ съ Маасомъ) раздѣлить на такія, которыя направляются на собственную личность, на другихъ людей и на вещи,—точно также и безуміе различаютъ по объектамъ. *Гордости* соотвѣтствуютъ воображаемыя превращенія въ князей и королей, или даже въ личность Божества; *самолюбіе* примыкаетъ къ боязни смерти, враговъ и преслѣдованія; *своеволие* напоминаетъ намъ неугомонность большинства безумныхъ и необходимость управлять ими съ насиліемъ и авторитетомъ. *Любовь*, ненависть, ревность часто переходятъ въ безуміе. *Честолюбіе*, потерявшее умъ, пытается сдѣлать себя извѣстнымъ при помощи рѣдкаго рода пожертвованій; *властолюбіе* довольно часто воздвигаетъ свои троны въ сумасшедшихъ домахъ; *страсть къ наслажденіямъ*

иногда становится причастной религиозному помѣшательству (*seligen Unsinn*), которое вѣритъ въ свое сношеніе съ небомъ; напротивъ, *скудость* теряется въ глупой боязни бѣдности и голода.

Что касается *субъективныхъ* страстей, — *стремленія къ удовольствію, боязни неудовольствія и пустоты* (по Маасу), — то уже новыя имена наводятъ насъ на замѣчаніе, что въ обычномъ словоупотребленіи, которое не представляетъ для этого никакихъ словъ, и эти вещи обыкновенно не обозначаются выраженіемъ: *страсть*. Гдѣ нѣтъ никакого опредѣленнаго объекта, тамъ нѣтъ и никакого опредѣленнаго направленія, но есть колеблющееся состояніе духа, которое не очень согласно само съ собою, и поэтому слабо, такъ что если разумъ не можетъ съ нимъ совладать, то это происходитъ не столько отъ встрѣчаемаго имъ сопротивленія, сколько отъ неспособности принять твердое рѣшеніе по его требованію. Отъ этого то, повидимому, не осмѣливаются считать вышепоименованныхъ состояній страстями. Однако понятія эмпирической психологіи слишкомъ шатки, чтобы можно было вполне прочно удержаться на такихъ замѣчаніяхъ. Ни одна страсть не есть чистая сила и напряженность; каждая приводитъ съ собою свою слабость, свое страданіе, свое жалкое, беспомощное состояніе. И, съ другой стороны, нельзя отрицать, что и стремленіе къ удовольствію, даже общее, которое часто перемѣняется съ предметами, — точно также какъ и боязнь неудовольствія и чувства пустоты, — нередко можетъ, благодаря своей продолжительной напряженности, вполне заступать мѣсто объективной страсти. Разнообразныя возбужденія желанія того или другаго удовольствія или отвращенія отъ той или другой неприятели способны къ связи и, такъ сказать, сгущенію (*Verdichtung*); при этомъ они превращаются въ сложную силу, которая увлекаетъ человѣка по среднему направленію.

Если и здѣсь зададутъ вопросъ объ аналогичныхъ видахъ безумія, то прежде всего сейчасъ замѣтятъ, что всѣ удовольствія обыкновенно свободно и дерзко обнаруживаются послѣ того, какъ, вмѣстѣ съ разсудкомъ, исчезнулъ и стыдъ. Кромѣ того, замѣчательно глухое безуміе, которое, если только оно не тупоуміе, можно себѣ представлять только

какъ боязнь непріятныхъ чувствъ при каждомъ движеніи, т. е. какъ въ высшей степени общую боязнь неудовольствія. Болѣе соотвѣтствуетъ боязни пустоты неутомимое безуміе, подобное пресыщенію жизнью, приводящему къ самоубійству.

Подобно тому, какъ до сихъ поръ мы подыскивали къ страстямъ сходные виды безумія (слѣдуя маасовскому дѣленію страстей), теперь слѣдуетъ и наоборотъ—попытаться найти виды страстей, относящіяся къ видамъ безумія. Какіе изъ этихъ двухъ видовъ могли бы быть представлены исчерпывающимъ образомъ въ полной таблицѣ, тѣ, безъ сомнѣнія, дали бы полное дѣленіе другихъ. А сверхкомплектный членъ въ одномъ спискѣ всегда будетъ указывать на недостатокъ въ другомъ.

Между видами безумія мы находимъ воображаемые упреки, которые человекъ самъ себѣ создаетъ, мнимыя внушенія діавола, отчаяніе въ милости Божіей и т. п. Что соотвѣтствуетъ этимъ заблужденіямъ духа въ ряду страстей? Очевидно, нравственный и религіозный энтузіамъ, переходящій въ самоистязаніе. Далѣе, это напоминаетъ политическія и научныя страсти, [и всякаго рода фанатизмъ. Истинная природа *этихъ* страстей должна была ускользнуть (не только отъ *Мааса*, но и) отъ существовавшей до сихъ поръ психологіи, коль скоро хотѣли послѣдовательно проводить утвержденіе, что страсти относятся *къ чувственности и поэтому вполне отдѣлимы отъ разума* \*). Порожденіе нравственныхъ и религіозныхъ представленій приписываютъ разуму. Дѣйствительно, эти представленія и всѣ сродныя съ ними научныя мысли могутъ стать предметами страстнаго стремленія. Нѣтъ ничего настолько святаго, чтобы оно не должно было имѣть возможности разгорячать человѣческій духъ совсѣмъ не святымъ образомъ. Подобно тому, какъ голодъ и жажда, эти низшія потребности, превращаютъ несчастныхъ въ воровъ, разбойниковъ и убійцъ, точно также и жажда знанія, и, вообще, высшія стремленія всякаго рода, могутъ наталкивать на позорныя дѣла. Даже разумъ (если только таковая ду-

---

\*) Ср. предисловіе ко второй части сочиненія Мааса о страстяхъ; тамъ является спорный вопросъ, который обѣимъ сторонамъ могъ указать на превратность ученія о душевныхъ способностяхъ.

шевная способность дѣйствительно существуетъ) нерѣдко вступаетъ въ мирное общеніе со страстной чувственностью. Это яснѣе всего видно на понятіи права, значеніе котораго люди очень часто допускаютъ только въ ограниченной сферѣ, вѣруя въ потустороннее удовлетвореніе своихъ желаній. Глава разбойниковъ замѣняетъ собою право въ своей шайкѣ. Положеніе „*haereticis non est servanda fides*“ имѣло нѣкогда значеніе въ церкви, поступающей только по святому. Подобные примѣры встрѣчаются въ обычной жизни толпы, гдѣ люди находятъ нужнымъ поступать справедливо только съ тѣми, которыхъ они считаютъ *равными себѣ*, а всѣхъ остальныхъ рассматриваютъ какъ чужихъ, какъ *hostes*. Можно ли серьезно принять, чтобы здѣсь разумъ, отрекаясь отъ самого себя, заключалъ позорный для себя договоръ съ чувственностью, на произволь которой онъ отдавалъ бы цѣлую чуждую область?

Всѣ эти, равно какъ и многія другія, трудности тотчасъ же исчезаютъ, лишь только замѣтятъ, какъ представленія доходятъ до того, что обнаруживаются то въ видѣ страсти, то въ видѣ разума; между тѣмъ какъ сами по себѣ они ни то, ни другое, и даже въ видѣ зародыша не содержатъ въ себѣ ничего подобнаго (слѣдовательно и никакой идеи права, и никакой другой идеи или категоріи).

---

# ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

## Раціональная психологія.

### ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

### Метафизическія и натурфилософскія основанія.

#### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

#### О душѣ и матеріи.

**150.** Прежде всего должно снова призвать несправедливо сдѣланное нѣкоторыми новыми системами подозрительнымъ понятіе души, однако подѣ опредѣленіями, которыя раньше были неизвѣстны.

Душа есть простая сущность\*), и не только безъ частей, но и безъ какой бы то ни было множественности въ своемъ качествѣ (Qualität).

Поэтому она не есть *идъ нибудь*. Тѣмъ не менѣе въ мышленіи, гдѣ она соединяется съ другими сущностями, она должна быть допускаема въ пространство, хотя и въ опредѣленномъ мѣстѣ для каждаго пункта времени. Это мѣсто есть простое въ пространствѣ, или нѣчто въ пространствѣ, — математическая точка.

*Примѣчаніе.* Для извѣстныхъ натурфилософскихъ (слѣдовательно, и физиологическихъ, но не психологиче-

---

\*) Понятія бытія предполагаютъ *нѣчто* существующее. Поскольку это „нѣчто“ мыслится существующимъ, постольку оно называется *сущностью*. Напротивъ, оторванное отъ бытія, мыслимое просто какъ нѣчто, оно должно быть названо *образомъ*. (Срав. Hauptр. d. Metaph., §§ 1 и 2.)



скихъ) ученій на пути закономѣрнаго мышленія стоятъ необходимыя фикціи, причемъ простое разсматривается какъ нѣчто позволяющее различать въ себѣ части. Подобныя фикціи должны прилагаться и къ душѣ, въ отношеніи ея связи съ тѣломъ, однако такъ, чтобы, вслѣдствіе этого, самой душѣ не приписывалось достоинства пространственнаго качества. (Въ нѣкоторомъ родѣ подобнымъ являются фикціи геометра, если онѣ разсматриваютъ кривую какъ состоящую изъ прямыхъ частицъ).

**151.** Далѣе, душа не есть *когда нибудь*. Тѣмъ не менѣе въ мышленіи, гдѣ она соединяется съ другими сущностями, она должна быть допускаема *во времени*, хотя и въ цѣлой *вѣчности*; однако такъ, чтобы эта вѣчность и продолженіе во времени вообще не считались реальными предикатами души (Lehrbuch zur Einleit. in die Philosophie, § 115; § 137 der 4. Ausg.).

**152.** Душа не имѣетъ *совсѣмъ никакихъ дарованій и способностей ни ощущенія, ни воспроизведенія*.

Поэтому она совсѣмъ не *tabula rasa* въ томъ смыслѣ, будто бы на ней могутъ отпечатываться чужія дѣйствія, и совсѣмъ не лейбницева субстанція, взятая въ первоначальной самодѣятельности. Первоначально она не имѣетъ ни представленій ни чувствъ, ни желаній; она не знаетъ ничего ни о самой себѣ, ни о другихъ вещахъ; въ ней не заключается никакихъ формъ интуиціи и мышленія, никакихъ законовъ хотѣнія и дѣйствованія, и никакихъ, какъ всегда отдаленныхъ, предрасположеній ко всему.

**153.** Простое *нѣчто* души совершенно неизвѣстно, и такимъ остается навсегда. Оно на столько же мало является предметомъ умозрительной психологіи, какъ и эмпирической.

**154.** Между нѣсколькими, неоднородными между собою, простыми сущностями существуетъ отношеніе, которое, при помощи сравненія, взятаго изъ тѣлеснаго міра, можно обозначить какъ *давленіе* и *отпоръ*. Именно, подобно тому, какъ давленіе есть задержанное движеніе, такъ и указанное отношеніе состоитъ въ томъ, что въ простомъ качествѣ каждой сущности нѣчто измѣнилось бы другою сущностью *еслибы*

каждая сущность въ своемъ качествѣ не охраняла себя отъ нарушенія (Störung). Подобныя самосохраненія суть единственное, что достовѣрно *бываетъ* въ природѣ; и это связываетъ бваніе съ бытіемъ.

**155.** Самосохраненія души (по крайней мѣрѣ, отчасти и на сколько мы ихъ знаемъ) суть *представленія*, хотя и *простыя представленія*, потому что актъ самосохраненія такъ же простъ, какъ и сущность, которая *себя* охраняетъ. Но, вмѣстѣ съ этимъ, существуетъ безконечное разнообразіе нѣсколькихъ таковыхъ актовъ; именно, они различаются по нарушеніямъ. Сообразно съ этимъ, разнообразіе представленій и ихъ безконечно сложное сочетаніе не заключаетъ въ себѣ совсѣмъ никакой трудности.

Но здѣсь еще совсѣмъ нѣтъ рѣчи о чувствахъ и желаніяхъ. Они, повидимому, состоятся изъ чего нибудь объективнаго и предпочтенія и отверженія. Это будетъ объяснено далѣе.

На столько же мало идетъ здѣсь рѣчь о самосознаніи, или о чемъ бы то ни было, что можно было бы поставить на счетъ внутренняго чувства.

**156.** Противоположность между *душою* и *матеріей* не есть противоположность, лежащая въ томъ, что составляетъ *нѣчто* сущностей (Was der Wesen), но она есть противоположность, заключающаяся въ способѣ нашего пониманія. Матерія, представляемая (какъ мы обыкновенно ее мыслимъ) пространственною реальностью, съ пространственными силами, не относится ни къ царству бытія, ни къ царству дѣйствительнаго бванія, но есть одно лишь явленіе. Но та же самая матерія реальна, какъ сумма простыхъ сущностей; и *въ этихъ сущностяхъ дѣйствительно бываетъ нѣчто такое, вслѣдствіе чего происходитъ явленіе пространственнаго существованія.*

Объясненіе матеріи всецѣло основывается на томъ, что указываютъ, какимъ образомъ относятся ко внутреннимъ состояніямъ сущностей (самосохраненіямъ) извѣстныя пространственныя опредѣленія, какъ необходимые способы пониманія для зрителей. Не будучи ничѣмъ реальнымъ, они должны направляться по вышеупомянутымъ внутреннимъ состояніямъ, такъ что происходитъ видимость притяженія и оттал-

киванія. Равновѣсіе этихъ послѣднихъ опредѣляетъ степень плотности матеріи, равно какъ и ея эластичность, форму кристалла при свободномъ сжиманіи, однимъ словомъ—ея существенныя свойства, которыя такимъ образомъ имѣютъ свое первоначальное основаніе въ качествахъ простыхъ сущностей. Матерія никогда не наполняетъ пространства какъ нѣчто геометрически непрерывное (равно какъ она не можетъ быть составленной изъ простыхъ частей), но съ *несовершеннымъ* взаимнымъ проникновеніемъ своихъ сосѣднихъ *простыхъ* частей. (Что касается противорѣчія въ этомъ, то ср. примѣчаніе къ § 150).

Всякая матерія непроницаема только для такихъ сущностей, которыя способны не измѣнять даннаго (*vorhandene*) въ нихъ равновѣсія притяженія и отталкиванія. Всякая матерія проникаема для своихъ растворяющихъ средствъ.

*Примѣчаніе.* Относительно предшествующихъ и послѣдующихъ положеній надо указать на метафизику автора, съ которой связана натурфилософія.

## ВТОРАЯ ГЛАВА.

### О ЖИЗНЕННЫХЪ СИЛАХЪ.

**157.** Жизненные силы (лучше будетъ употреблять ихъ во множественномъ числѣ, потому что въ одиночку онѣ не могутъ ни возникать, ни дѣйствовать) не суть что нибудь первоначальное, и въ томъ, что составляетъ *нѣчто* сущностей, нѣтъ ничего имъ подобнаго.

Породить ихъ можетъ только система самосохраненій въ одной и той же сущности, и на нихъ надо смотрѣть, какъ на *внутреннее* образованіе (*Bildung*) простой сущности. Обыкновенно онѣ возникаютъ въ элементахъ *органическихъ тѣлъ*, строеніе которыхъ принаровлено къ вызову системы самосохраненій въ отдѣльныхъ (*einzelnen*) элементахъ. Это обнаруживается въ ассимиляціи пищи.

**158.** Будучи разъ приобрѣтена, жизненная сила остается съ каждымъ элементомъ, даже если отдѣлить его отъ органическаго тѣла, къ которому онъ принадлежитъ. Это обна-

руживается въ питаніи высшихъ организмовъ низшими и растеній—истлѣвшими частями другихъ органическихъ тѣлъ.

*Примѣчаніе.* Сюда относится всякое безъ исключенія *произрожденіе* и произрожденіе нѣкоторыхъ низшихъ организмовъ изъ *видимой грубой матеріи*, т. е. такой матеріи, которая не обладаетъ никакимъ органическимъ *строеніемъ* (пространственнымъ предикатомъ), изъ чего никакъ нельзя заключать о недостаткѣ въ жизненной силѣ. Но было бы въ высшей степени необдуманной натяжкой видѣть въ этомъ *первоначальную* жизненную силу. Въ области нашего опыта не является совсѣмъ никакой матеріи, относительно которой мы могли бы навѣрное утверждать, что она *грубая*. Вся атмосфера полна элементовъ, которые уже достигли жизненной силы въ какомъ нибудь изъ органическихъ тѣлъ; и масса такихъ элементовъ непрерывно умножается въ природѣ. Мы не знаемъ, не находится ли она во взаимномъ обмѣнѣ съ міромъ тѣлъ.

**159.** Всякое человѣческое изслѣдованіе должно признать своимъ опорнымъ пунктомъ сведеніе жизненныхъ силъ къ *Провидѣнію*, *сообразно цѣлямъ котораго онѣ возникаютъ*. Далѣе этого не простирается никакая метафизика и никакой опытъ; всякому же мнѣнію, будто низшіе организмы, путемъ естественнаго процесса, возникаютъ изъ грубой матеріи, а высшіе—изъ низшихъ, можно противопоставить возраженіе.

**160.** На примѣрѣ души психологія показываетъ намъ самое типичное (*ganz vorzügliche*) внутреннее образованіе простой сущности. По этому образцу должны мыслиться другія образованія *всякой*, даже *не* представляющей, сущности, и съ этимъ должно связывать сдѣланное выше замѣчаніе, что повсюду, гдѣ нѣсколько сущностей образуютъ вмѣстѣ одно матеріальное цѣлое, внутреннее состояніе этихъ сущностей опредѣляетъ себѣ соотвѣтствующее внѣшнее, т. е. пространственное положеніе. Поэтому жизненныя силы обыкновенно являются *движущими силами*; но поэтому же, въ своихъ движеніяхъ, онѣ совсѣмъ не могутъ быть поняты при помощи химическихъ или механическихъ законовъ. (Именно при послѣднихъ не обращается вниманія ни на какое внутреннее образованіе).

Этимъ указывается и отношеніе между психологіей и фізіологіей. Психологія есть первая, предшествующая, а фізіологія, если она хочетъ быть не просто лишь опытной наукой, — вторая, потому что понятіе внутренняго образованія она должна впервые заимствовать изъ психологіи. Безъ помощи психологіи, нельзя дать никакого реального опредѣленія тѣла.

*Примѣчаніе.* О трудностяхъ опредѣленія тѣла можно сравнить, между прочимъ, Біологію *Тревирануса* (1 Bd. S. 16). Самую понятной эмпирической характерною чертой, конечно, всегда является ассимиляція, отчего выше объ ней и было упомянуто прежде всего. Если бы организмъ не имѣлъ этого свойства, то можно было бы сомнѣваться, надо ли считать его *живымъ*; важно также, чтобы онъ былъ *одушевленъ* (случай, который можно хорошо мыслить въ общихъ понятіяхъ).

**161.** Послѣ вышесказаннаго, само собою понятно, что жизненныя силы могутъ быть весьма различными какъ по качествамъ, такъ и по степенямъ. Такъ какъ система самосохраненій въ различныхъ сущностяхъ различна, то въ однородныхъ она можетъ измѣняться по различію нарушеній; наконецъ, относящіяся сюда самосохраненія могутъ быть большими или меньшими.

Этимъ объясняется различіе того, что производится изъ однихъ питательныхъ веществъ. Тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ сердце и тѣ, изъ которыхъ состоятъ нервы, съ химической точки зрѣнія оказываются совсѣмъ не такъ различными, какъ происходящее при помощи ихъ внутреннее образованіе.

Причинное отношеніе между разнородными частями одного и того же живаго тѣла, равно какъ и между этимъ тѣломъ и внѣшнимъ міромъ, въ общемъ, не представляетъ совсѣмъ никакихъ трудностей. Всякая причинность, и въ особенности всякая матеріальная связь, основывается на разнородности элементовъ. Поэтому, напр., не можетъ возбуждать особеннаго удивленія и дѣйствіе нервовъ на мускулы. Тѣмъ менѣе можетъ оно подавать поводъ къ гипотезѣ электрическихъ токовъ, полярностей и т. п. Все это является пустыми выдумками, которыя своимъ существованіемъ обязаны новѣй-

шимъ вкусамъ физиковъ. Если бы въ нихъ и было нѣчто истинное, то всетаки онѣ оставили бы безъ отвѣта важнѣйшіе вопросы; и подѣ конецъ на мѣсто одной загадки была бы поставлена другая.

## ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

### О СВЯЗИ ДУШИ СЪ ТѢЛОМЪ.

**162.** Связь между духомъ и матеріей въ животныхъ, и особенно въ человѣкѣ, имѣеть много удивительнаго, что должно быть отнесено къ мудрости Провидѣнія. Но она не тамъ, гдѣ ее обыкновенно ближе всего ищутъ, считая матерію реальной, поскольку она существуетъ въ пространствѣ, а человѣческій духъ разсматривая какъ первоначальное мышленіе, чувствованіе и хотѣніе, такъ что между обоими нѣтъ никакого посредствующаго члена. Если позади матеріи, какъ пространственнаго явленія, мы будемъ искать простыхъ и внутренно образываемыхъ сущностей, изъ которыхъ это явленіе происходитъ; если на духъ мы будемъ смотрѣть какъ на представляющую душу; если мы вспомнимъ, что самосохраненіямъ души въ другихъ сущностяхъ (ближе всего въ элементахъ нервной системы) должны соотвѣтствовать другія самосохраненія: то мы увидимъ, что цѣпь принадлежащихъ другъ къ другу самосохраненій можетъ быть продолжена еще дальше при помощи цѣлой системы сущностей, которыя вмѣстѣ представляются единымъ тѣломъ; и тогда не будетъ уже болѣе загадочнымъ, если отъ оконечностей ногъ до мозга и души, впередъ и назадъ, идетъ слѣдованіе внутреннихъ состояній, безъ теченія во времени и безъ всякаго движенія въ пространствѣ, хотя таковое и можетъ происходить, какъ сопровождающій феноменъ.

**163.** Но съ этимъ прежде всего снова выступаетъ несправедливо отброшенный вопросъ о мѣстопробываніи души. Извѣстно, что, исходя изъ фізіологическихъ основаній, для этого можно съ вѣроятностью указать не *мѣсто*, но лишь *мѣстность* (въ переходѣ между головнымъ и спиннымъ мозгомъ). Нѣтъ нужды ни въ какомъ *постоянномъ* сѣдалищѣ, но

душа можетъ двигаться въ извѣстной мѣстности, безъ того, чтобы въ ея представленіяхъ являлось, хотя бы самое незначительное, предчувствіе этого, или чтобы при анатомическихъ изслѣдованіяхъ обнаруживался хотя бы самый незначительный слѣдъ; а перемѣну ея мѣстопробыванія можно разсматривать какъ весьма плодотворную гипотезу для объясненія ея аномальныхъ состояній.

*Примѣчаніе 1.* Это положеніе вызвало много удивленій. О, если бы фізіологи могли вспомнить, что кругъ ихъ наблюденій лежитъ въ области пространственнаго, и если бы они могли предоставить метафизику, какъ и подобаешь ему, позаботиться о томъ, что болѣе уже не относится къ пространству! Но если бы они пожелали принять участіе въ его заботахъ, то прежде всего должны были бы изучить метафизику. Тогда съ ними можно было бы разговаривать дальше.

*Примѣчаніе 2.* Допустимъ безъ всякаго основанія, что во всѣхъ животныхъ и въ людяхъ мѣстопробываніе души находится въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Вѣроятно, у животныхъ, въ особенности у низшихъ, оно находится въ спинномъ мозгу. Такъ что же! Нѣтъ нужды предполагать, что каждое животное имѣетъ только одну душу. У червей, отдѣленные части которыхъ продолжаютъ жить, является вѣроятнымъ противоположное. Въ нервной системѣ человѣка могутъ находиться очень многіе элементы, внутреннее образованіе которыхъ далеко превосходитъ образованіе животной души низшаго рода. (Впрочемъ, не надо забывать, что *признаки жизни* не суть еще *признаки души*. Въ отдѣленныхъ органическихъ частяхъ нѣкоторое время содержится жизнь безъ души).

Но, желая приписывать человѣку нѣсколько душъ въ единомъ тѣлѣ, прежде всего должно остерегаться мыслить духовныя дѣятельности *раздѣленными* между ними, скорѣе онѣ должны были бы *цѣликомъ* находиться въ *каждой* душѣ. Во вторыхъ, тогда предполагалась бы тѣснѣйшая гармонія между этими душами, такъ что онѣ могли бы имѣть значеніе совершенно равныхъ экзем-

плярровъ одного рода. Но это въ высшей степени невѣроятно, а потому и вся мысль должна быть отброшена.

Если иногда, въ спорѣ между разумомъ и страстями, человѣку и кажется, будто у него нѣсколько душъ, то это — психическій феноменъ, болѣе глубокое объясненіе котораго будетъ дано ниже, и котораго совсѣмъ нельзя ставить въ связь съ только что приведенной парадоксальною мыслью.

**164.** Слѣдовательно, въ человѣческомъ тѣлѣ единой душѣ служить цѣлая нервная система, и съ помощью послѣдней она внѣдряется въ это тѣло, являясь для него скорѣе бременемъ, чѣмъ помощью, потому что само по себѣ оно живетъ, какъ растеніе, если ему дается пища и здоровое помѣщеніе, о чемъ для совершенно тупоумныхъ иногда заботятся другіе люди. (Нѣкоторые рассказы о совершенно тупоумныхъ отъ рожденія пробуждаютъ мысль, что, пожалуй, они дѣйствительно могли быть только прозябающими, бездушными тѣлами).

**165.** При тѣсной причинной связи всѣхъ частей въ той системѣ, которую мы называемъ *человѣкомъ*, совсѣмъ нечего удивляться многократной зависимости духа отъ тѣла. Тѣмъ поразительнѣе, что въ цѣломъ нервная система, повидимому, играетъ почти одну только служебную роль, какъ это все болѣе и болѣе познается, когда видятъ, насколько мало нужны фізіологическія предположенія для объясненія душевныхъ состояній и дѣятельностей. Однако нервная система отправляетъ свою службу только въ здоровыхъ людяхъ; въ больныхъ она оказывается непослушною и своевольной, и во многихъ душевныхъ расстройствахъ, особенно въ припадкахъ, отношеніе между нервами и душой является прямо обратнымъ. Это — указаніе на то, чтобы мы разсматривали здоровое состояніе не просто какъ естественный феноменъ, который не могъ бы быть другимъ, но почитали бы въ немъ благодѣтельное учрежденіе Провидѣнія.

**166.** Что касается общенія съ внѣшнимъ міромъ, которое дозволено и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничено для человѣческой души ея тѣломъ, то объ немъ едва ли нужно было бы упоминать, еслибы не надо было замѣтить относительно весьма распространеннаго теперь мнѣнія о всеобщей органи-



ческой связи цѣлаго универса, что его нельзя ставить въ соприкосновеніе съ выставленными здѣсь положеніями, если только не хотять взаимно исказить другъ другомъ совершенно разнородные способы представленія.

*Примѣчаніе.* Для всеобщей причинной связи даже нѣтъ прочныхъ основаній *a priori*. И опытъ заключаетъ здѣсь при слабомъ мерцаніи свѣта, который посылаютъ другъ другу отдаленныя солнца.

---

## ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

# Объясненія феноменовъ.

### ПЕРВАЯ ГЛАВА.

#### О представленіяхъ пространственнаго и временнаго.

**167.** Правда, еще слишкомъ рано желать все объяснить въ психологіи. Однако въ предшествующемъ сами собою являлись многія объясненія, и сравненіе фактовъ съ выставленными основными положеніями постепенно будетъ проведено далѣе.

Какъ намъ является міръ и мы сами, — вотъ первое, въ психологическомъ объясненіи чего мы чувствуемъ потребность, особенно для того, чтобы научиться понимать происхожденіе метафизическихъ проблемъ. Послѣ этого, по важности въ практическомъ отношеніи, должна быть рѣчь о нашемъ положеніи въ мірѣ, преимущественно для того, чтобы можно было сравнить то, чѣмъ мы можемъ быть, съ тѣмъ, чѣмъ мы должны быть.

**168.** Почему вещи въ мірѣ мы понимаемъ въ отношеніяхъ пространства и времени, — на это должно отвѣтить при помощи изслѣдованія о рядахъ (29). Предуготовленіемъ служить слѣдующее:

Въ § 28, на мѣсто опредѣленныхъ остатковъ  $r$ ,  $r'$ ,  $r''$ , единичнаго представленія  $p$ , поставимъ безконечное множество всѣхъ возможныхъ его остатковъ, и представимъ себѣ ихъ слитыми съ безконечно многими представленіями  $\pi$ ,  $\pi'$ ,  $\pi''$  и т. д. Такимъ образомъ, для представленія  $p$  возникаетъ непрерывное слѣдованіе воспроизведеній, изъ которыхъ, однако, каждое имѣетъ свой собственный законъ, который зависитъ отъ его  $r$ , по формулѣ въ § 25.

Далѣе, въ § 29, на мѣсто ряда  $a, b, c, d, \dots$ , поставимъ непрерывное слѣдованіе, каждый членъ котораго, подобно тому, какъ сейчасъ  $p$ , всѣми своими возможными остатками сливается съ другими членами, но съ каждымъ — особеннымъ образомъ.

Сверхъ того, будемъ мыслить это слѣдованіе слитыхъ представленій неопредѣленно продолженнымъ въ обѣ стороны, и, наконецъ, припомнимъ, что, пожалуй, если, при ближайшихъ опредѣленіяхъ, это не окажется невозможнымъ, каждый членъ слѣдованія можетъ быть такимъ, въ которомъ, какъ въ  $c$  (30), можетъ скрещиваться нѣсколько подобныхъ слѣдованій.

И вотъ отсюда, гдѣ во всей этой системѣ представленій, хотя бы только самымъ незначительнымъ образомъ возбуждается какое нибудь представленіе, возбужденіе распространяется далѣе при помощи ближайшихъ представленій, подчиняясь тому ненарушиму закону, что если изъ трехъ остатковъ  $r, r', r''$  одного и того же представленія,  $r'$  лежитъ между  $r$  и  $r''$ , то и  $\pi'$ , слитое съ  $r'$ , воспроизводится между  $\pi$  и  $\pi''$ , слитыми съ  $r$  и  $r''$ . Это „*между*“ всегда должно имѣть мѣсто, хотя бы степень воспроизведенія была еще самой незначительной. А это есть общая характерная черта всѣхъ рядовыхъ формъ.

**169.** Дальнѣйшее опредѣленіе зависитъ отъ того, ограниченъ ли видъ воспроизведенія, и какимъ образомъ.

А. Если рядъ  $a, b, c, d, \dots$ , или, лучше сказать, мыслимое вмѣсто него непрерывное (Continuum), можетъ подвергаться въ чувственномъ воспріятіи всѣмъ возможнымъ перемѣщеніямъ (напримѣръ,  $a, c, b, d$ ;  $a, d, b, c$  и т. д.), то каждый разъ изъ воспріятого слѣдованія возникаетъ и новое слѣдованіе воспроизведенія; а вмѣстѣ съ этимъ, и законы воспроизведенія преобразовываются такимъ образомъ, что не остается никакого замѣтнаго порядка (подобно тому, какъ если бы взять множество придвинутыхъ одна къ другой маленькихъ дугъ отъ разныхъ кривыхъ линій).

В. Если же принять, что чувственное воспріятіе хотя и обращаетъ  $b, c$  въ  $c, b$ , и  $a, b, c, d$  въ  $d, c, b, a$  и т. д., но никогда не измѣняетъ того, что составляетъ „*между*“ (das Zwischen) какого нибудь представленія и сосѣдняго съ нимъ:

всетаки рядъ воспріятій можетъ начинаться то здѣсь, то тамъ, безъ опредѣленнаго начальнаго пункта. Возникающій отсюда законъ воспроизведенія управляетъ *пространственнымъ* представленіемъ, по крайней мѣрѣ съ переходомъ (Fortschritt) отъ каждаго пункта въ обѣ противоположныя стороны.

**170.** Если есть какой нибудь опредѣленный начальный пунктъ, и если въ остальномъ все какъ прежде, — то возникаетъ самая общая форма представленія по числамъ.

**171.** Если нѣтъ начальнаго пункта, и если, поэтому, слѣдованіе воспріятія, не возвращаясь, постоянно идетъ по одному направленію, — то и воспроизведеніе можетъ пріобрѣсти только одно это направленіе. Если же въ то время, какъ воспринимается  $d$ , воспроизводится и  $a$ , то отсюда протекаетъ рядъ  $a, b, c, d$ , но тотъ же самый рядъ, по другому закону, крѣпко держится въ сознаніи при помощи  $d$  (какъ въ § 29,  $c$  обратно дѣйствуетъ на  $b$  и  $a$ ). Отсюда возникаетъ представленіе временнаго.

**172.** Для поясненія, прежде всего замѣтимъ, что въ душѣ представленіе пространственнаго само должно быть не протяженнымъ, но вполне интенсивнымъ; и что, поскольку время должно быть представляемо, постольку же оно не должно миновать представляванія временнаго. Что касается числа, то основнымъ понятіемъ для него служитъ ничто иное, какъ понятіе бѣльшаго и меньшаго; на единицу, два три и т. д., вмѣсто съ заключенными въ нихъ дробями, оно будетъ только переноситься. Кривыя линіи высшей геометріи являются истиннымъ и совершеннымъ символомъ числоваго понятія въ его всеобщности.

**173.** *Первоначальное впечатлѣніе, получаемое глазомъ (Auffassung des Auges), можетъ быть не пространственнымъ,* потому что воспріятія всѣхъ цвѣтныхъ мѣстъ совпадаютъ въ единствѣ души, и при этомъ исчезаетъ всякій слѣдъ праваго и лѣваго, верха и низа и т. д., что имѣло мѣсто на сѣтчаткѣ глаза. То же самое имѣетъ значеніе и относительно *осязанія* языкомъ и руками.

Но при зрѣніи глазъ движется; онъ передвигаетъ средній пунктъ своей зрительной поверхности; съ этимъ связано непрерывное сліяніе пріобрѣтенныхъ представленій, возбуж-

деніе тѣхъ, которыя при помощи воспріятій усиливаются болѣе изъ середины зрительнаго поля, и безчисленное множество перекрещивающихся другъ съ другомъ воспроизведеній, для которыхъ мы не могли бы найти совсѣмъ никакихъ словъ, если бы въ образованныхъ состояніяхъ они были для насъ еще новымъ. Также слѣпорожденный, получившій въ послѣдствіи зрѣніе, уже знаетъ пространство, потому что его осязаніе доставляетъ ему слѣдованія воспроизведенія, подобныя тѣмъ, которыя съ бѣльшимъ удобствомъ и скоростью даетъ зрѣніе. Изъ этого видно, какимъ образомъ два столь различныхъ чувства могутъ давать одинъ результатъ.

**174.** Представленіе пространственнаго, основываясь на только что происходящихъ воспроизведеніяхъ, требуетъ послѣдовательности въ актѣ представліванія. При этомъ надо сдѣлать два замѣчанія:

1) послѣдовательность представліванія не есть послѣдовательность представляемая; и

2) она не нуждается ни въ какой конечной продолжительности, но лишь въ незамѣтно маломъ времени, въ особенности когда, при вращеніи глаза, на его зрительномъ полѣ въ каждое мгновеніе вдругъ возникаютъ безчисленныя цвѣтотыя впечатлѣнія (Auffassungen), которыя, усиливаясь и возбуждаясь, сразу дѣйствуютъ на представленія, приобрѣтенныя прежде. Пространственное зрѣніе заключаетъ въ себѣ безконечное множество безконечно слабыхъ одновременныхъ воспроизведеній, соединяющихся съ мгновенными впечатлѣніями (Auffassungen), которыя сами по себѣ, однако, не пространственны. Такъ какъ для этого ни одно изъ отдѣльныхъ слѣдованій воспроизведенія не имѣетъ нужды протекать въ замѣтной продолжительности, то здѣсь не нужно и нивакого конечнаго времени, и поэтому намъ кажется, будто пространственныя интуиціи совершенно одновременны и свободны отъ всякаго временнаго слѣдованія.

**175.** Для того, чтобы еще вѣрнѣе различить воспріятія пространственнаго и временнаго въ ихъ источникахъ, возьмемъ слѣдующій случай.

Отъ *a* могутъ начинаться два ряда—*a, b, c, d* и *a, B, C, D*, которые вмѣстѣ даются въ воспріятіи. Здѣсь въ представляемомъ пока еще нѣтъ ни пространственнаго, ни вре-

меннаго; нѣтъ и тогда, когда, *послѣ того, какъ все это слѣдованіе воспріятій вытѣснено изъ сознанія*, вдругъ опять пробуждается *a*, воспроизводя оба ряда вмѣстѣ. Лучше связать, это воспроизведеніе такого же рода, который обыкновенно приписываютъ памяти, и хотя при этомъ и тратится время, однако никакое время и никакое пространство не представляется. Иначе обстоитъ дѣло, если, въ то время, какъ *D* и *d* еще воспринимаются (или мыслятся), снова поднимается *a* (иногда вслѣдствіе однороднаго съ нимъ, только что даннаго новаго воспріятія) и позволяетъ проходить своему ряду; потому что тогда это прохожденіе совершается втеченіи одновременнаго общаго представленія цѣлаго ряда, какъ замѣчено въ § 171. Благодаря этому, возникаетъ *схватываніе временнаго, обзорнѣе продолжительности времени*; напротивъ, о времени никогда ничего не узналъ бы тотъ, кто не могъ бы, сопоставивъ его начало съ концемъ, замѣтить перехода отъ перваго ко второму.— Но опять таки получится другой результатъ, если *a* снова поднимается не непосредственно, но если *между D* и *d* привходитъ рядъ  $\epsilon, \eta, \vartheta$ , который въ воспріятіи идетъ отъ *D* къ *d*, а также и обратно; если, сверхъ того, воспріятіе возвращается отъ *D*, черезъ *C* и *B*, къ *a*, и отъ *d*, черезъ *c* и *b*, къ *a*. Вслѣдствіе этого, *D* и *d* выступаютъ другъ изъ друга, и сглаживается различіе между тѣмъ, что было первымъ и послѣднимъ; слѣдованія воспроизведеній текутъ на встрѣчу другъ другу, при всякомъ новомъ возбужденіи, отъ всѣхъ пунктовъ, и впечатлѣніе (*Auffassung*) бываетъ *пространственнымъ*.

Впрочемъ, оба положенія, выставленныя въ § 174, имѣютъ значеніе и для представиванія временнаго. Для того, чтобы представить цѣлый годъ или вѣкъ, мы тратимъ только малое время, если только въ нужномъ для этого рядѣ хорошо слиты между собою частичныя представленія; *того же времени, которое мы тратимъ, въ представляемомъ не содержится*. Если упражняются въ томъ, чтобы пробѣгать временное съ одинаковою скоростью назадъ и впередъ, — то возникаетъ представленіе періода времени (*Zeitraum*).

**176.** Обнимать длинные періоды времени возможно только образованному; дитя въ самомъ раннемъ возрастѣ можетъ

схватывать только очень короткій періодъ времени. Основаніе заключается главнымъ образомъ въ нужномъ для этого обратномъ дѣйствіи послѣднихъ представленій на болѣе раннія въ ряду (171). У ребенка воспріимчивость еще велика (47); вслѣдствіе этого и вслѣдствіе того, что соединенія и сліянія обладаютъ еще незначительною напряженностью, мгновенное впечатлѣніе слишкомъ скоро погружаетъ ниже порога сознанія воспринятое раньше, и такимъ образомъ не можетъ образоваться ни одного длиннаго ряда.

**177.** *Разсматриваемое психологически, все пространственное и временное безконечно дѣлимо.* Вѣдь оно основывается на такихъ остаткахъ одного и того же представленія, какъ  $g$ ,  $g'$ ,  $g''$  и т. д. (28). Если бы такихъ остатковъ могло существовать только опредѣленное количество, то для того же самаго представленія было бы возможнымъ также только соотвѣтствующее число различныхъ законовъ воспроизведенія. Но цѣлое представленіе ничуть не сложено изъ такихъ частей, какъ вышеупомянутые остатки; лучше сказать, всякое затемненіе, благодаря которому возникаютъ остатки, является для представленія случайно и даже вопреки ему. Такъ какъ *здѣсь* цѣлое предшествуетъ частямъ, то дѣленіе не имѣетъ никакихъ границъ; и точно также безгранична возможность различныхъ законовъ воспроизведенія.

Такимъ образомъ бываетъ, что *для чувствъ и фантазii* въ пространствѣ и времени цѣлое, повидимому, предшествуетъ частямъ; и отсюда происходитъ нескладница въ понятіи матеріи (Lehrb. zur Einl. in die Philos. § 98; § 119 d. 4 Ausg.).

*Примѣчаніе 1.* Съ этимъ согласна и геометрія; ради своихъ несоизмѣримыхъ величинъ, она нуждается въ безконечной повсюду дѣлимости. Но для метафизики, которая была довольно неосторожной, считая этотъ взглядъ на пространство примитивнымъ и, тѣмъ не менѣе, правильнымъ, отъ этого происходитъ много бѣды.

*Примѣчаніе 2.* Мы исходили изъ пространственнаго и временнаго, а не изъ пространства и времени. Дѣлать одно отъ другаго независимымъ, — это ошибка, разбирать которую здѣсь мы не можемъ. Пустое пространство видятъ также, какъ слушаютъ пустое время (па-

узы), т. е. ожидая того, что будетъ. Находящіяся уже на лицо представленія мы переносимъ далѣе; они же прогрессивно погружаются до тѣхъ поръ, пока не будетъ дано что нибудь новое, что сливается съ оставшимся еще остаткомъ. Если перенесеніе продолжается далѣе, и если оно переступаетъ послѣднія, воспринятая (*aufgefasste*) границы: то болѣе не оказывается *никакихъ* границъ и открывается безконечность. Весьма богатый матеріалъ для изслѣдованія представляютъ не только данные образы (*Gestalten*), если разсматривать различіе ихъ пониманія съ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія, но также и образованія (*Gestaltungen*) при помощи свободно восходящихъ представленій, къ чему относится и образованіе, или построеніе, геометрическихъ фигуръ.

*Примѣчаніе 3.* Для объясненія прекраснаго въ пространствѣ должно принять въ разсмотрѣніе не только содѣйствіе въ воспроизведеніи многократно связанныхъ рядовъ, но особенно также и стремленіе къ сліянію въ одно всего, служащаго предметомъ интуиціи (*alles Angeschauten*); послѣднее аналогично сліянію передъ задержкой (34). Этому соотвѣтствуютъ всѣ фигуры (*Gestalten*), приближающіяся къ круглому; напротивъ, угловатое, продолговатое, изогнутое противорѣчитъ ему. Пестрый завитокъ долгое время нравится; однако возвращаются къ простѣйшему. Произведенія искусства болѣею частью становятся интересными благодаря возбуждаемымъ ими разговорамъ и толкамъ; при этомъ часто забываются чисто пространственные отношенія, со свойственною имъ красотою.

**178.** Въ дополненіе, еще одно слово о происхожденіи представленій *интенсивныхъ величинъ*. Вопросъ таковъ: откуда беремъ мы ту мѣрку, сравнивая съ которой мы уже непосредственно отмѣчаемъ свои ощущенія какъ напряженныя или слабыя. Пробуженіе однороднаго прежняго представленія, взятое только само по себѣ, недостаточно для объясненія, потому что, съ одной стороны, оно идетъ (*richtet sich*) не по напряженности пробуждаемаго, хотя и совершается при помощи его собственной силы, а, съ другой стороны, слѣдствіемъ этого бываетъ только сліяніе стараго съ новымъ, а



не измѣреніе одного другимъ. Лучше сказать, мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ безчисленныхъ примѣровъ тѣхъ психологическихъ проблемъ, которыя едва замѣтны по своей простотѣ и, тѣмъ не менѣе, представляютъ большія трудности при разрѣшеніи. Основаніе этого, повидимому, заключается въ законѣ помощи (25). Онѣ имѣютъ свою мѣру — не только времени, но и напряженности, сообразно съ которой онѣ стараются поднять прежнее однородное представленіе. Если же приходящее новое воспріятіе слишкомъ слабо для того, чтобы, при помощи задержки препятствія, образовать достаточно свободное пространство (26) вышеупомянутому прежнему, то стремленіе помощи остается неудовлетвореннымъ и возбуждаетъ непріятное чувство слабости, въ противоположность пріятному въ § 37. Если же вновь приходящее воспріятіе напряженнѣе, чѣмъ это нужно, то человѣкъ чувствуетъ себя поднятымъ изъ своего обычнаго круга, потому что помощи не могутъ сравнять этого съ тѣмъ. Однако въ содѣйствіи послѣдняго заключается пріятное этого чувства. Едва ли нужно напоминать, что при этомъ предполагается, что прежнее однородное представленіе связано съ какимъ нибудь изъ помогающихъ. Чѣмъ больше ихъ и чѣмъ равномернѣе они дѣйствуютъ, тѣмъ тоньше бываетъ оцѣнка интенсивной величины.

Сюда относится также изслѣдованіе о мѣрѣ времени.

*Примѣчаніе.* Что касается трехъ измѣреній пространства, равно какъ и развитія понятія числа, съ его отношеніемъ къ логически общимъ понятіямъ, то это въ общей метафизикѣ (Vorträgen über allgemeine Metaphysik) разсматривается съ тою подробностью, которая необходима тамъ и неумѣстна здѣсь.

## П Р И Б А В Л Е Н І Е.

### О различіи рядовъ.

Уже изъ предшествующаго выясняется зависимость психическихъ процесовъ отъ формы рядовъ. Такъ какъ впоследствии она выступаетъ еще болѣе, то будетъ цѣлесооб-

разнымъ намѣтитъ здѣсь въ общихъ чертахъ возможныя различія рядовъ.

1) Ряды бываютъ длиннѣе или короче. Чтобы свести это сравненіе къ опредѣленной точкѣ зрѣнія, возьмемъ рядъ  $a, b, c... p$ , такъ чтобы остатокъ отъ  $a$  былъ всетаки слить съ  $p$ , но уже не одинъ не былъ бы слить съ  $q$ . Тогда  $a$  будетъ еще дѣйствовать на  $p$  вызывающимъ образомъ. Напротивъ, если  $b$  или  $c$  можетъ быть еще связано съ  $q$  и  $r$ , то, хотя такимъ образомъ рядъ можетъ неопредѣленно удлинняться, однако тогда не существуетъ никакой непосредственной связи между его началомъ и концемъ.

2) Степень связи между членами бываетъ крѣпче и слабѣе.

3) Ряды бываютъ сплошь однородными или нѣтъ; то и другое можетъ быть рассматриваемо какъ въ отношеніи напряженности ихъ членовъ, такъ и въ отношеніи степени связи. Самые напряженные члены или связи находятся или впереди, или въ серединѣ, или сзади.

4) Часто многіе ряды имѣютъ значеніе одного, напр., при частомъ повтореніи. При помощи этого могутъ уменьшаться неравенства; часто же становятся болѣе напряженными только начала. Если бы этого не должно было происходить, то ряды должны были бы получить прибавку не сзади, но спереди; напр.,  $c d, b c d, a b c d$ ,

5) Многіе ряды протекаютъ обратно въ себѣ, при чемъ повторяется или начальный членъ или одинъ изъ позднѣйшихъ.

6) При неоднородныхъ рядахъ самые напряженные члены часто образуютъ рядъ подъ собою. Тогда зависитъ отъ рефлексіи, воспроизводитъ ли ряды въ общемъ обзорѣ (*mehr übersichtlich*), или вникая въ частности.

При сложныхъ рядахъ, часто члены, или нѣсколько членовъ, имѣютъ *побочный рядъ*, (*Seitenreihe*), т. е. такой, теченіе котораго не требуетъ поступательнаго движенія въ главномъ ряду. Одинъ членъ можетъ имѣть много побочныхъ рядовъ, такъ что отъ него протекаетъ или тотъ или другой.

8) Побочные ряды могутъ протекать и вмѣстѣ; но тогда они должны, если только имъ не надо совпадать, втолкнуть

между собою нѣчто третье, подобно тому, какъ нѣсколько радиусовъ круга имѣютъ между собою плоскости сектора (который содержитъ въ себѣ безконечное количество возможныхъ линiй).

9) При соединенiяхъ признаковъ (каковы всѣ понятiя чувственныхъ предметовъ), каждый элементъ соединенiя (каждый чувственный признакъ) можетъ быть начальнымъ пунктомъ ряда (напр. измѣненiй).

10) Ряды, которые въ началѣ являются простыми, могутъ далѣе, такъ сказать, слиться въ комплексъ.

Этого достаточно, чтобы показать, какъ много возможностей должно постоянно держать въ умѣ, если угодно точнѣе изучить психическiй механизмъ.

При этомъ нельзя упускать изъ виду, что воспроизведенiе колеблется между двумя противоположными возможными влiянiями. Именно, или можетъ явиться рефлексiя, которая выходитъ изъ сильнѣйшихъ массъ представленiй, обыкновенно изъ свободно восходящихъ представленiй (32), или же оказывается на лицо задержка, чѣмъ останавливается воспроизведенiе главнаго ряда или побочныхъ рядовъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы, грезя (или неся взоръ), связываемъ ряды, которые, при ясномъ бодрствованiи, вталкиваютъ между собою очень многое, если не совсѣмъ уничтожаются, какъ, напри- мѣръ, въ „Разговорахъ мертвыхъ“, гдѣ Александръ, Ганни- балъ, Цезарь, Наполеонъ разговариваютъ другъ съ другомъ. Что касается свободно восходящихъ представленiй, то они — не просто таковыя, но съ отношенiемъ ко всегдашнему располо- женiю духа и окружающему. Разсмотрѣнiя этого вида требуютъ упражненiя, которому нельзя научить.

## ВТОРАЯ ГЛАВА.

### Образованiе понятiй.

**179.** Всѣ безъ исключенiя наши представленiя подчи- нены законамъ задержки, слиянiя и т. д. Онѣ могутъ обра- зовывать мѣстопребыванiе чувства, стремиться вверху, какъ

желанія, и т. п. Гдѣ же остаются понятія? Или гдѣ они являются?

Уже въ началѣ Логикѣ (Lehrb. z. Einl. in d. Phil. § 34) говорится, что всѣ наши представленія суть понятія *въ отношеніи того, что при помощи ихъ представляется. Поэтому понятія, какъ таковыя, существуютъ только въ нашемъ отвлеченіи*; въ дѣйствительности они настолько же мало являются отдѣльнымъ видомъ представленій, насколько разсудокъ отдѣльной способностью, существующей внѣ и на ряду съ воображеніемъ, памятью и т. д. При этомъ надо еще замѣтить, что именно потому, что *всѣ* представленія безъ исключенія могутъ обнаруживаться какъ желанія и чувства, связь такъ называемаго практическаго разсудка съ теоретическимъ ничуть не загадка, но сама собою понятная вещь; потому что здѣсь совсѣмъ не двоякимъ образомъ дается (vorhanden ist) то, что еще должно было связать, но, скорѣе, какъ практической, такъ и теоретической разсудокъ являются парю мысленныхъ вещей, которыя мы сперва создали при помощи своихъ отвлеченій, а потомъ считаемъ за что-то дѣйствительное.

**180.** А заблужденіе, будто понятія составляютъ особый классъ представленій, коренится главнымъ образомъ въ *общихъ* понятіяхъ. (Кантъ въ Логикѣ, прямо видитъ сущность понятій въ ихъ общности). Можно было бы придти къ мысли, что, пожалуй, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, законы задержки представленій могутъ произвести такое отдѣленіе неоднороднаго отъ общаго, какое логикѣ, ничто же сумняся, приписываютъ *способности отвлеченія*. Однако изслѣдованіе обнаруживаетъ, что таковая способность является не только выдумкой, но и невозможностью. *Изъ разъ образованныхъ соединеній и сліяній, нельзя ничего выдѣлать*; частичныя представленія (Theilsvorstellungen) вносятъ въ нихъ всякую задержку сообща, поэтому остаются постоянно вмѣстѣ. И изъ *простыхъ* представленій *даже мысленно нельзя ничего выдѣлать*, чтобы въ остаткѣ получилось нѣчто другое. Какимъ образомъ изъ краснаго, синяго, желтаго и т. д. должно возникнуть родовое понятіе *цвѣта*? Каковы здѣсь видовыя различія, отъ которыхъ оно отвлекается? Никто не можетъ ихъ указать.

Общія понятія, которыя мыслятся только при помощи своего содержанія, безъ представленія объема, суть, какъ уже замѣчено выше (78), *логическіе идеалы*; потому что вся логика есть *мораль для мышленія, а не естественная исторія разсудка*.

Поэтому, можно только спрашивать: какимъ образомъ происходитъ, что мы представляемъ себѣ такіе идеалы, и все болѣе и болѣе приближаемся къ нимъ? И отвѣтъ: *посредствомъ сужденій*—уже данъ выше; теперь мы должны его развить. При этомъ предполагаются извѣстныя общія *впечатлѣнія* (Gesammteindrücke) *сходныхъ предметовъ*, какъ сырой матеріаль, изъ котораго постепенно образуются общія понятія; а эти общія впечатлѣнія суть ничто иное, какъ соединенія (Complexionen), въ которыхъ то, что у частныхъ представленій является сходнымъ, беретъ перевѣсъ надъ разнороднымъ. Этотъ перевѣсъ постепенно становится болѣе сильнымъ и рѣшительнымъ. Именно, сначала повторяющіяся воспріятія (Auffassungen) сходныхъ предметовъ образуютъ временной рядъ (вспоминаютъ, когда, гдѣ и въ какомъ порядкѣ видѣли такіе предметы); а если рядъ будетъ слишкомъ длиненъ, то больше онъ не можетъ развертываться (sich evolviren), но повседневное становится постояннымъ (Beharrliches); его представленіе остается въ состояніи инволюціи (31). Тогда задержка, подъ разнородными опредѣленіями, переходитъ въ продолжительное затемненіе, хотя и не въ совершенное отдѣленіе отъ однороднаго.

**181.** Что происходитъ съ представленіями, когда они соединяются въ сужденія, и почему они такъ часто встрѣчаются въ этой формѣ?

*Соединенія и сліянія, взятые сами по себѣ, не могутъ быть сужденіями*; при этомъ подлежащее и сказуемое не различались бы, или, лучше сказать, сливались бы такимъ образомъ, что представлялись бы какъ нераздѣльное одно, безъ слѣда связи. Подлежащее, какъ таковое, сначала должно колебаться между нѣсколькими опредѣленіями, являясь сказуемому опредѣляемымъ. Если это требованіе можно удовлетворить болѣе, чѣмъ однимъ способомъ, то получается многократное происхожденіе сужденій.

**182.** Во первыхъ: вышеупомянутыя общія впечатлѣнія отъ сродныхъ воспріятій колеблются между нѣсколькими опредѣленіями. Кто часто видѣлъ человѣка то стоящимъ, то сидящимъ, то работающимъ, то спокойнымъ, у того есть такое колеблющееся общее впечатлѣніе. Если теперь онъ снова его видитъ, то онъ, взглянувъ, рѣшаетъ, какъ находитъ его, и такъ образуется сужденіе. — Масса отрицаній (какъ онъ его *не* находитъ) при этомъ едва замѣтна. Но она становится замѣтной въ тѣхъ случаяхъ, когда не оправдывается ожиданіе. Кто снова видитъ сегодня дерево, у котораго въ послѣднюю ночь буря обломала вѣтви, тотъ прежде всего судитъ отрицательно: *у дерева нѣтъ вѣтви*; оно въ томъ или другомъ мѣстѣ разломано, расщеплено и проч.

**183.** Во вторыхъ: кто только теперь видитъ новый для себя предметъ, у того возбуждается множество представленій, которыя понемногу воспроизводятся, ради ихъ частнаго сходства съ этимъ новымъ предметомъ. Это новое, какъ опредѣляемое, колеблется между ними, какъ опредѣленіями; и отсюда возникаетъ вопросъ: что это такое?

**184.** Въ третьихъ: тѣ общія впечатлѣнія, въ которыхъ заключены свернутыми (*eingewickelt liegen*) ряды, надо разсматривать какъ подлежащія, сказуемая которыхъ выступаютъ другъ за другомъ при развертываніи (*Entwicklung*).

**185.** Въ четвертыхъ: колебаніе между различными состояніями духа даетъ представленію, съ которымъ оно связывается, положеніе подлежащаго.

**186.** Въ пятыхъ и главнымъ образомъ: каждое слово въ языкѣ годится для того, чтобы быть подлежащимъ сужденія, благодаря своему колебанію между нѣсколькими значеніями. Знакъ, который многократно относился къ обозначаемымъ предметамъ, вмѣстѣ съ ихъ непостоянными побочными опредѣленіями, ведетъ за собою общее впечатлѣніе послѣднихъ: если же нужно обозначить имъ опредѣленный предметъ, то общее впечатлѣніе должно быть исправлено (*berichtigt werden*). Это совершается при помощи сказуемыхъ, которыя, впрочемъ, въ выработанной рѣчи зачастую превращаются въ прилагательныхъ или облакаются въ другія сочиняющіяся формы рѣчи, при чемъ только самое важное изъ исправленій и въ

словесномъ выраженіи выступаетъ какъ сказуемое. Напротивъ, дѣти говорятъ краткими предложеніями; они еще не знаютъ никакихъ періодовъ. Ихъ представленія выражаются въ формѣ сужденій скоро послѣ того, какъ они выучатся словамъ.

**187.** Если кто нибудь слышитъ высказанное сужденіе, то для него представляются два случая: сказуемое или находится среди тѣхъ многихъ опредѣленій, между которыми колеблется его *представленіе* подлежащаго, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ пойметъ сужденіе какъ *таковое*. Второй случай мы должны различить далѣе. Сказуемое или согласно съ вышеупомянутыми опредѣленіями, или нѣтъ. Если имѣетъ мѣсто первое, то у воспринимающаго возникаетъ такая связь представленій, которая вовсе не есть сужденіе, но просто новое соединеніе или сляніе. Такъ бываетъ, если намъ что нибудь рассказываютъ; мы незамѣтно соединяемъ отдѣльные предлагаемые намъ ряды (Züge) въ одинъ образъ, не думая о томъ, что рассказчикъ пользуется такими формами рѣчи, которыя употребляются для связыванія подлежащаго со сказуемымъ. Но если сказуемое противоположно вышеупомянутымъ опредѣленіямъ, то нужно сдѣлать еще послѣднее различіе; именно — находится ли оно съ ними *въ контрастѣ*, или *въ одной только противоположности*. Первое требуетъ извѣстнаго рода соединеній, которыя выше (35) были опредѣленно указаны; и отсюда слѣдуетъ, что сужденіе принимается какъ *таковое*, но какъ парадоксальное или ложное. Въ случаѣ же простой противоположности, оно является не столько *ложнымъ*, сколько *безсмысленнымъ*.

**188.** Напротивъ, понятная рѣчь прежде всего должна быть связной; она всегда должна строго придерживаться важной части только что данныхъ (eben vorhanden) представленій. И лучше всего пойметъ тотъ, кто строго удерживаетъ связь *въ цѣломъ*, и узнаетъ *всѣ* взаимныя опредѣленія того, что ему сообщается. Поэтому для тонкаго смысла имѣетъ значеніе и умъ; говорятъ, что рѣчь *осмысленна и умна*, что они остроумна и т. д.

*Примѣчаніе.* Весьма важно то фактическое обстоятельство, что различіе безсмысленнаго отъ понятнаго находится и въ *музыкѣ*. Его касаются иногда тѣ композиторы, которые гонятся за контрастами. Понятное же

совсѣмъ еще не есть поэтому и прекрасное. Сверхъ того, музыка настолько похожа на рѣчь (благодаря ея періодамъ, большимъ и меньшимъ посылкамъ), что невѣжды или мечтатели очень легко воображаютъ, что музыка желаетъ что то сказать, для чего ей не хватаетъ только словъ. Такимъ образомъ, она въ своемъ высшемъ краснорѣчїи считается нѣмою. Но то, что она хочетъ сказать, она и высказываетъ совершенно, и потому то существуютъ только крайне плохіе переводы на другой языкъ. Музыка содержитъ свой разсудокъ въ самой себѣ; и вслѣдствіе этого то она учитъ насъ искать разсудка не въ какихъ нибудь категорїяхъ, но въ связи представленій между собою (какого бы вида они ни были).

**189.** Образование понятій есть медленное, постепенное слѣдованіе всего прогрессирующаго сужденія (*Urtheilens*).

Припомнимъ здѣсь, что бѣдные языки, повидимому, употребляютъ очень много метафоръ; а это указываетъ на то, что отдаленныя сходства бываютъ достаточны для воспроизведенія прежнихъ представленій и для слиянія ихъ (вмѣстѣ съ ихъ именами) съ новыми. Изъ этого состоянія человѣческое мышленіе переходитъ все къ большей и тончайшей раздѣльности мыслей. Если соединеніе *A* служило подлежащимъ одинъ разъ для сказуемаго *a*, а другой разъ — для сказуемаго *b*, то въ совмѣстномъ схватыванїи обоихъ сужденій контрастъ не только *чувствуется* (по § 35), но и *высказывается*, или *отчетливо мыслится*, въ сужденїяхъ: *это A есть a* и *то A есть b*. Здѣсь происходитъ умышленное различеніе *въ представляемомъ*, при чемъ, однако, представляваніе совсѣмъ не распадается на два отдѣльныхъ акта, но психическій механизмъ всегда еще держитъ вмѣстѣ допускаемое раздѣльно.

**190.** Множество такихъ сужденій, какъ *A есть a*, *A есть b*, *A есть c*, *A есть d* и т. д., при чемъ принимается не одно и то же *A*, но нѣсколько съ противно-противоположными *a*, *b*, *c*, *d*..., сами собою *выравниваются* (*ordnen sich*) *въ рядъ*; потому что *a*, *b*, *c*, *d*... *сливаются въ различныхъ степеняхъ, смотря по ихъ большей или меньшей противоположности*. (Напримѣръ, три сужденія: одинъ плодъ



зелень, другой — желть, третій — желтозелень, — сливаются между собою такъ, какъ этого требуетъ порядокъ цвѣтовъ: зеленый, желтозеленый, желтый; потому что между желтымъ и зеленымъ задержка наисильнѣйшая, и, слѣдовательно, сліяніе наименьшее). Отсюда возникаетъ отношеніе между *рядомъ А* и его видами (*А*, которое есть *a*; *А*, которое есть *b*, и т. д.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, между этими видами, въ силу ихъ различій *a, b, c, d*, является множество *законовъ воспроизведенія*, и отсюда возникаютъ неясно мыслимыя формы рядовъ, какъ, напр., *звуковая линия и цвѣтная поверхность*. То, что происходитъ здѣсь съ *a, b, c, d...*, происходитъ и съ  $\alpha, \beta, \gamma, \delta...$ , если виды *А* различаются не по одному только, но по нѣсколькимъ рядамъ признаковъ (см. логику; особенно §§ 48—50 *Lehrb. z. Einl. in d. Philos.*).

*Примѣчаніе.* Слѣдовательно, рассматриваемое съ педагогической точки зрѣнія, образованіе рядовъ чрезвычайно важно, потому что на нихъ основывается какъ отчетливое мышленіе, такъ и всякаго рода построеніе.

**191.** Чѣмъ болѣе этимъ путемъ, сравненіемъ сходнаго и отчасти различнаго, образуются и обособляются (*aus einander setzen*) ряды признаковъ, тѣмъ болѣе становится возможнымъ опредѣлять посредствомъ ихъ *содержаніе* соединеній, или приближаться къ опредѣленіямъ понятій; потому что каждая составная часть соединенія (*Complexion*), т. е. каждый признакъ понятій, получаетъ *свое мѣсто въ одномъ изъ рядовъ признаковъ*. Стараніе найти это мѣсто выражается, между прочимъ, въ такихъ вопросахъ: какъ выглядываетъ вещь? какъ она велика? зачѣмъ она нужна? насколько она пріятна? Однако, для того, чтобы всѣмъ признакамъ найти мѣсто въ соотвѣтствующемъ ряду, требуется множество воспроизведеній различныхъ рядовъ, которое дается психическимъ механизмомъ не иначе, какъ въ силу *господствующихъ массъ представленій*. Какой это стоитъ работы, особенно при понятіяхъ высшаго вида, и какъ много нужно для этого отчасти положительныхъ, отчасти отрицательныхъ сужденій, это уже показываютъ даже діалоги Платона. И насколько мало обыкновенно выполняется эта работа, показываетъ незначительность развитія понятій у большинства людей.

**192.** Поэтому оказывается, что опредѣленіе и раздѣленіе понятій, ясное и отчетливое мышленіе, есть задача, которую психическій механизмъ рѣшаетъ не тѣмъ, что дѣйствительно расщепляетъ свои соединенія (Complexionen), но тѣмъ, что позволяетъ сопоставлять составныя части послѣднихъ съ образованными уже рядами признаковъ. Общія понятія также никогда въ дѣйствительности не мыслятся при помощи одного только своего содержанія, но вмѣстѣ съ отношеніемъ къ свосму объему, хотя и съ умысленнымъ различеніемъ отъ него.

**193.** Попытка же мыслить понятія только, или хотя бы преимущественно, при помощи ихъ содержанія, слѣдовательно при помощи совмѣстнаго схватыванія пунктовъ, выдающихся *не непосредственно изъ опыта*, но изъ образованныхъ уже рядовъ признаковъ, производитъ замѣчательное измѣненіе. Она порождаетъ *философствованіе*. Оно дѣлаетъ понятія объектами мышленія. Первыми понятіями, съ которыми оно имѣло дѣло, были числа и геометрическія фигуры. Позднѣе тотъ же самый методъ распространился на всѣ логическія общія понятія. Если Платонъ, сдѣлавшій выводъ изъ того, что начали пифагорейцы и Сократъ, стоитъ во главѣ философовъ, — то тогда слѣдующимъ шагомъ является философія языка, потому что понятія обнаруживаются какъ данное, связанное съ находящимися въ языкѣ словами. Аристотель, также идя по слѣдамъ пифагорейцевъ, отыскивалъ въ языкѣ категоріи, т. е. самыя общія главныя понятія. Дѣйствіе этого троякое.

а) Громадное большинство образованныхъ, до которыхъ, по крайней мѣрѣ отчасти, доходитъ философія, снова относятъ отдѣленные понятія обратно къ вещамъ. Опытъ становится упорядоченнымъ, научно обработаннымъ, и въ наукахъ устанавливаются спорные пункты, при чемъ спрашивается, какъ надо правильно мыслить вещи при помощи понятій и обозначать при помощи словъ.

б) Философы, напрягая самихъ себя и еще болѣе — другихъ, доходятъ до того, что считаютъ понятія объектами мышленія, преувеличенно думая, что они пересаживаютъ понятія въ число реальныхъ предметовъ; при этомъ та особенность чувственныхъ вещей, въ силу которой онѣ содержатъ

въ себѣ метафизическія проблемы, служить имъ ту службу, что понятія считаются реальными даже въ болѣе высшемъ смыслѣ, чѣмъ сами предметы опыта. Этимъ характеризуется еще до нынѣ дѣйствующее платоновское ученіе объ идеяхъ. Отсюда—затрудненіе Аристотеля, который засталъ на ряду другъ съ другомъ чувственные предметы, математическія фигуры вмѣстѣ съ числами, и идеи, и который, повидимому, никогда не бывалъ вполнѣ согласенъ самъ съ собою касательно ихъ отношенія.

с) Другой обманъ составляетъ свойство кантовской школы и заключается въ томъ, что въ категоріяхъ видятъ родовыя понятія разсудка, какъ душевной способности; намеки на это встрѣчаются уже у Платона, Декарта и Лейбница.

Благодаря этому, затемняется сходство категорій съ формами рядовъ, которое, однако, можно еще познать аналитически \*). Категоріи внутренней апперцепціи при этомъ забываются.

Возьмемъ главныя категоріи: *вещь, свойство, отношеніе, отрицаемое*. Въ основаніи ихъ лежитъ форма сужденія и форма ряда. Понятіе отрицаемаго, отрицанія вообще, есть самый ясный примѣръ такого понятія, которое возникаетъ въ сужденіи изъ опыта, хотя и не имѣетъ никакого предмета, даннаго въ опытѣ.

## ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

### О нашемъ пониманіи вещи и самихъ себя.

**194.** Совершенно само собою, и безъ малѣйшаго признака чего нибудь такого, что можно было бы назвать синтетической работой (63), наши представленія связываются, поскольку въ этомъ не встрѣчаютъ они препятствія со стороны задержки. Поэтому для ребенка въ его самомъ раннемъ возрастѣ совсѣмъ не существуетъ единичныхъ представленій, но есть одно лишь цѣльное окужающее, которое, будучи *пространственнымъ*, распадается на отдѣльные предметы

\*) Psychologie II, § 124.

(*sich auseinandersetzen*) только въ послѣдовательномъ представиваніи.

Первоначальный хаосъ представленій, постоянно приходя въ новое состояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, подверженъ постоянно прогрессирующему раздѣленію. Хотя и неправда, будто когда нибудь разрываются однажды образованныя связи (180) (скорѣе ихъ количество и прочность всегда увеличиваются), но, съ одной стороны, вмѣстѣ съ ними возрастаетъ и количество различій (по § 189), а, съ другой, умножаются и *пространственныя отдѣленія* того, что сначала видѣли (или, вообще, воспринимали) вмѣстѣ. Дѣло въ томъ, что вещи движутся и при помощи этого то главнымъ образомъ и разрывается окружающее. Этимъ способомъ впервые возникаетъ для человѣческаго представиванія *множественность* вещей. Сначала столъ кажется составляющимъ одно съ поломъ, точно также, какъ доска стола составляетъ одно съ его ножками; но столъ сдвигается съ мѣста, между тѣмъ какъ доска не отдѣляется отъ ножекъ. Что не удаляется другъ отъ друга, то сохраняетъ въ представиваніи первоначальное единство.

**195.** Подобно тому, какъ окружающее постепенно распадается на единичныя вещи, — точно также вещи распадаются, въ свою очередь, на признаки (191). Если спросить: *къ какому же собственно подлежащему относятся признаки?* то на это надо отвѣтить *подлежащее всегда есть цѣльное соединеніе (Complexion) этихъ же самыхъ признаковъ, поскольку психическій механизмъ представляетъ ихъ въ одномъ нераздѣльномъ актѣ.* При этомъ не встрѣчается совсѣмъ никакой трудности, пока не будутъ собраны всѣ сужденія, при помощи которыхъ одной и той же вещи приписываются всѣ ея признаки.

Но если однажды (чего у большинства людей никогда не случается) мышленіе достигло этой степени зрѣлости, то дѣло измѣняется. Сужденія совсѣмъ разрушаютъ соединенія, и различаютъ ихъ признаки какъ многое; при этомъ всегда всетаки предполагается *единое*, какъ подлежащее для многихъ сказуемыхъ. Но это понятіе утратило свое содержаніе; и здѣсь открывается метафизическая пропасть, вопросъ о *субстанции* (ср. § 86), какъ о неизвѣстномъ нѣчто, предположеніе котораго оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ, что

ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ *не только такимъ подлежащимъ, которое никогда не становится сказуемымъ* (между тѣмъ какъ въ дѣйствительности сужденія превращаютъ свое подлежащее въ чистое сказуемое), но и тѣмъ *пребывающимъ, которое во всѣхъ переменѣхъ остается равнымъ самому себѣ* (между тѣмъ на дѣлѣ соединеніе, имѣющее значеніе вещи (въ чувственномъ мірѣ), обладаетъ не только одновременными, но и послѣдовательными признаками, и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не равняется самому себѣ).

**196.** Противорѣчія въ понятіи вещи съ нѣсколькими признаками и въ понятіи измѣненія — извѣстны \*) (Lehrb. zur Einleit. in d. Philos §§ 101 — 113, §§ 122—135 der 4 Ausg.). Здѣсь мы постараемся только выяснитъ, какимъ образомъ происходитъ, что обыкновенный разсудокъ не замѣчаетъ этихъ противорѣчій. Простое разрѣшеніе этого слѣдующее: то единство, котораго не хватаетъ метафизику въ началѣ его изслѣдованія, и ради котораго онъ нуждается въ формѣ опыта, между тѣмъ какъ матерія *того же самого* опыта (множественность одновременныхъ и противоположность послѣдовательныхъ признаковъ) не допускаетъ ему ее, — это единство овладѣваетъ психическимъ механизмомъ съ самаго начала и совершенно само собою. Для того, что бы

\*) Мы обыкновенно приписываемъ отдѣльнымъ вещамъ различныя свойства — причемъ одна вещь, по нашему представленію, является обладательницею многихъ свойствъ. Но какимъ образомъ одна и та же вещь можетъ имѣть различныя свойства? Какимъ образомъ *единое* можетъ быть въ то же время и *многимъ*? Если мы говоримъ, что вещь „обладаетъ“ свойствами, то отъ этого дѣло выходитъ не лучше: вѣдь, *обладаніе свойствами* само есть нѣчто столь же множественное и различное, какъ и тѣ свойства, которыми обладаютъ. Слѣдовательно понятіе вещи съ ея многими свойствами (или признаками) заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Мы не избѣгнемъ этого противорѣчія даже въ томъ случаѣ, если будемъ представлять единую вещь обладающею многими признаками не одновременно, а послѣдовательно, т. е. если будемъ допускать *измѣненіе* вещи. Это понятіе, подъ какими бы формами оно ни мыслилось (подъ формой ли механизма, самоопредѣленія или абсолютнаго быванія), полно противорѣчій. Чтобы избѣгнуть ихъ, необходимо признатъ одно: на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни единыхъ вещей со многими признаками, ни какихъ бы то ни было измѣненій въ существующемъ; все это — одна только видимость; истинно существующее должно мыслиться какъ совокупность совершенно простыхъ и неизмѣняемыхъ сущностей, при чемъ каждой сущности принадлежитъ только одно простое качество.

Прим. перев.

представить чувственную вещь, мы ничуть не употребляемъ столькихъ же представлений, сколько существуетъ и чувственныхъ признаковъ, но единство акта представляванія, которое и составляетъ природу соединенія, совсѣмъ не допускаетъ для обыкновеннаго разсудка какого бы то ни было вопроса объ единствѣ въ представляемомъ. Людямъ всегда было и будетъ труднымъ хотя бы только понять этотъ вопросъ, даже послѣ того, какъ сужденія давно уже разложили соединенія. Такимъ образомъ, психическій механизмъ приводитъ въ заблужденіе даже многихъ философовъ.

*Примѣчаніе.* Было бы совершенно напраснымъ надѣяться, что въ успѣхахъ наукъ метафизика могла бы когда нибудь найти болѣе удобный выходъ, чѣмъ при помощи противорѣчій въ формѣ опыта. Единство самой души есть глубокое основаніе, по которому въ нашемъ представляваніи является то единство, котораго мы потомъ не находимъ въ представляемомъ. Въ этомъ и въ строгой опредѣляемости тѣхъ законовъ воспроизведенія, которые образуются по § 168, заключается и отвѣтъ на вопросъ: *какимъ образомъ могутъ быть даны формы опыта?* \*) (Lehrb. zur Einl. in d. Philos. §§ 22 — 29 и §§ 98—102; §§ 119—123 d. 4 Ausg.).

**197.** Чтобы имѣть возможность приблизиться къ трудному ученію о самосознаніи, мы должны прежде всего припомнить нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ различій въ чѣловѣческомъ пониманіи вещей.

*Движущіеся* предметы занимаютъ зрителя несравненно больше, чѣмъ покоющіеся, *потому что наблюдение движущагося есть непрерывная смѣна возбуждаемаго и удовлетворяемаго желанія.* Если движущееся находится на какомъ нибудь мѣстѣ, то его представленіе сливается съ представленіями окружающаго. Если оно покидаетъ это мѣсто, то вмѣсто него воспринимается что-нибудь изъ того задняго плана, передъ которымъ оно проходило. Это воспріятіе задерживаетъ то представленіе движущагося; но со временемъ послѣднее вызывается представленіями окружающаго, которое всетаки является точно такимъ же,

\*) См. примѣч. переводчика къ § 63 (въ концѣ).

какъ и въ началѣ. И это выступаніе (прежняго представленія) большею частью бываетъ гораздо сильнѣе задержки, потому что оно происходитъ изъ гораздо большей суммы представленій, чѣмъ задержка, которая возникаетъ отъ взгляда на малую часть задняго плана. Слѣдовательно, представленіе движущагося находится въ состояніи желанія (36). Но это желаніе удовлетворяется, потому что движущееся ускользаетъ не изъ поля зрѣнія (или круга воспріятія), но только иногда изъ средняго пункта зрительнаго поля, и полное удовлетвореніе достигается едва замѣтнымъ вращеніемъ глаза. Такимъ образомъ, воспріятіе (*Auffassung*) движущагося всегда продолжается.

Что движущееся не только болѣе занимаетъ, но и *глубже отпечатлѣвается*, чѣмъ покоящееся, — это основывается на множествѣ небольшихъ помощей, остающихся отъ каждаго окружающаго, въ которомъ оно оказалось.

**198.** Такъ какъ живое, особенно ощущающее, наблюдается въ несравненно большихъ и разнообразнѣйшихъ движеніяхъ, чѣмъ мертвое, то уже изъ этого можно понять, почему даже въ самые ранніе періоды существованія не только человѣкъ, но и животное, гораздо менѣе обращаетъ вниманіе на мертвое, чѣмъ на живое. Однако, при этомъ надо замѣтить, что первоначально вещи считались не мертвыми, но ощущающими, потому что при взглядѣ на тѣло, получившее толчекъ или ударъ, припоминается собственное чувство при подобномъ страданіи собственнаго тѣла. Отсутствие этого служитъ признакомъ тупоумія. Чѣмъ живѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе жизни предполагаетъ онъ повсюду при ближайшемъ испытаніи.

*Примѣчаніе.* Насильно порожденнымъ и столь же насильно удержаннымъ заблужденіемъ идеализма было противоположеніе *Я* тому, что есть не *Я*, — какъ будто вещи съ самаго начала были исполнены отрицаніемъ *Я*. При такомъ способѣ, никогда бы не возникли *Ты* и *Онъ*, никогда бы не была познана никакая другая личность, кромѣ своей собственной. Лучше сказать: то, что ощущалось внутри, будетъ, гдѣ это возможно, переноситься во внѣ. Поэтому, вмѣстѣ съ *Я*, образуется *Ты*; и почти одновременно съ тѣмъ и другимъ — *Мы*, что забываетъ

и долженъ забывать идеализмъ, не желающій пробудиться отъ своихъ грезъ. Вѣдь, представленіе *Мы*, очевидно, зависитъ отъ обстоятельствъ; оно порождается то въ большихъ, то въ меньшихъ кругахъ, хотя и такимъ образомъ, что, вмѣстѣ съ этимъ, принимаетъ въ себя *Я*. При аналитическомъ разсмотрѣніи, этотъ предметъ гораздо болѣе очевиденъ, чѣмъ таинственное *Я*. Подобно тому, какъ Платонъ сначала разсматривалъ государство какъ сочиненіе, написанное большими буквами и разбираемое даже плохими глазами, чтобы удобнѣе понять мелкій шрифтъ, — точно также и для того, чтобы получить полезную подготовку для трудной проблемы, должно изслѣдовать *Мы* раньше, чѣмъ *Я*.

**199.** Откуда же представленіе о *представленіи* и о *представляющихъ вещахъ*? Прежде всего, этотъ вопросъ должно понимать довольно просто. *Какимъ образомъ возможно*, что представиваніе соединяется съ пространственно протяженнымъ и его остальными признаками, и даже составляетъ (*sei*) съ нимъ одну вещь, — надъ этимъ едва задумывается даже образованный человѣкъ, не говоря уже о невѣжественныхъ людяхъ. Но *что* существуютъ вещи, въ которыхъ живутъ представленія, — это знаетъ даже животное. Этому оно научается, видя, что извѣстныя вещи примѣняются къ другимъ, даже не соприкасаясь съ ними.

Обыденный разсудокъ склоненъ вѣрить, что иглолка знаетъ о магнитѣ. Такимъ же точно способомъ каждый убѣждается, что *A* содержитъ въ себѣ качество отъ *B*, если первое оказывается строго опредѣленнымъ при помощи втораго. Качество отъ *B*, взятое помимо его реальности, есть обрзъ *B*, \*) или, другими словами, его представленіе. Если находить, что *A* опредѣляется качествами (движеніями и т. д.) *B*, *C*, *D* и такъ далѣе, въ цѣломъ окружающемъ, то ради этого *A* обладаетъ сказуемымъ чего-то представляющаго; и отсюда подъ ближайшими опредѣленіями возникаетъ (*wird*) сказуемое, что *A* *видитъ*, *сышитъ*, *обоняетъ* и проч.

Что же касается категорій внутренней апперцепціи, — того объекта, который, вступая въ окружающее, переры-

\*) Срав. прим. пер. къ § 150.



ваетъ понимаемое вмѣстѣ съ воспріятіемъ этого окружающаго теченіе мыслей, и обращаясь далѣе, при частомъ повтореніи, къ своему предшествующему, образуетъ свернутую (*involverte*) временную линію чувствъ, — то разсуждать о всемъ этомъ было бы, пожалуй, слишкомъ труднымъ для цѣли настоящаго учебника. Достаточно будетъ замѣтить, что устранить путаницу идеализма должно при помощи различенія чистаго субъекта, какъ временной сущности, отъ *Я*, хотя послѣднее необходимо связано съ первымъ, потому что будучи мыслимо отдѣльнымъ, оно приводитъ къ нелѣпостямъ.

Постепенное проникновеніе ощущеній во всѣ нервы (напр., если ребенокъ смакуетъ ароматическій сладкій плодъ, или взрослый человекъ опорожняетъ рюмочку), равно какъ и проникновеніе услышаннаго слова или увидѣннаго событія во всѣ массы представленій, — этотъ внутренній отзвукъ, — вызываетъ въ сознаніи не *Я* (*Ichheit*), но субъекта. Иначе обстоитъ дѣло, если умышленно предаются ощущенію, гдѣ удовольствіе (*Genuss*) наступаетъ послѣ того и по мѣрѣ того, какъ его *искали*.

**200.** Въ большинствѣ случаевъ указанные *A* и *B*, представляющее и представляемое, суть очевидно двѣ различныя вещи (*zwei Verschiedene*), которыя пространственно противостоятъ другъ другу. Но само собою разумѣется, что, если обѣ онѣ какимъ нибудь образомъ являются однимъ и тѣмъ же, то должно возникнуть представленіе *знанія о себѣ самомъ*.

При этомъ не спрашиваютъ, какъ возможно считать однимъ и тѣмъ же двѣ противоположности, — представляющее и представляемое. Эта трудная *метафизическая* проблема, въ *психологическомъ* смыслѣ, также легка, какъ и вышеупомянутая — какимъ образомъ воспріятія *нѣсколькихъ* признаковъ *вмѣстѣ* образуютъ представленіе *единой* вещи, или приведенная еще раньше, — какимъ образомъ конечныя пространственныя величины могутъ являться безконечно дѣлимыми? Въ душѣ все множество представляемаго сливается въ одномъ представиваніи, если только этому не препятствуютъ задержки; но можетъ ли представляемое оставаться, когда сюда приходятъ разлагающія сужденія (191) и вызываютъ

метафизическое мышленіе? какимъ образомъ должно первоначально уживаться въ душѣ малѣйшее предчувствіе этого?

Каждый осматриваетъ и осязаетъ массы своихъ собственныхъ членовъ. Посторонній наблюдатель тогда обыкновенно выражается такъ: онъ самъ себя осматриваетъ, онъ самъ себя осязаетъ. Тождество этого „самъ“, очевидно, совсѣмъ не истинно, потому что глазъ и осязающая рука отличаются отъ той руки, которую осматриваютъ и осязаютъ. Однако тождество въ первоначальномъ психологическомъ смыслѣ является наличнымъ; потому что все тѣло имѣетъ значеніе единого, такъ какъ всѣ его частныя представленія полнѣйшимъ образомъ (innigst) слиты. Впрочемъ, самоосматриваніе, или самоосязаніе, есть только особый случай самопознанія.

**201.** Однако, все это—только еще подготовка къ объясненію самосознанія. Въ только что изложенномъ заключается лишь начало представленія *какого то Я*; отъ него отличается представленіе *меня*, т. е. *моего Я*. Поэтому первое всетаки служитъ основаніемъ втораго, какъ показываетъ опытъ, потому что ребенокъ сначала говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Напротивъ, первое лицо, какъ первое, есть начальный пунктъ ряда, и должно объясняться по виду рядовой формы (29 и 168—177).

Человѣкъ, коль скоро его пониманіе пространства (räumlichen Auffassungen) нѣкоторымъ образомъ созрѣло, находитъ себя подвижнымъ центромъ вещей, изъ котораго вырастаютъ не только разстоянія (Entfernungen), но и трудности достигъ желаемаго, и къ которому постепенно подвигается достигаемое, по мѣрѣ того, какъ оно удовлетворяетъ желанія. Такимъ образомъ, эгоизмъ—не основаніе желаній, но *способъ представленія, который къ нимъ примѣняется*. Разбивается же эгоизмъ уже до нѣкоторой степени тѣмъ, если человѣкъ принимаетъ (fasst) другой центръ вещей. Тогда онъ чувствуетъ себя неминуемо къ нему приведеннымъ, какъ въ чувственномъ—къ главному городу страны, въ духовномъ—къ Божеству.

*Примѣчаніе.* Огромную нравственную, и вообще практическую, важность имѣетъ представленіе *Мы*, которое основывается на предположеніи общаго (gemeinschaftli-

cher) ощущенія и пониманія (Auffassung). Оно является естественнымъ противовѣсомъ эгоизму въ собственномъ смыслѣ, и оно совершенно естественно, потому что ни одинъ человѣкъ собственно не знаетъ, чѣмъ бы онъ былъ совершенно одинъ. Въ области представленія *Мы*, въ то время какъ оно разрѣшится въ многократное *Я*, порождается законность и стремленіе къ чести. Представленію же *Мы* противопоставляются представленія *Вы* и *Они*, со всѣмъ зломъ корпораціоннаго духа. Особенно удивительно, что *самое Мы* является то тѣмъ, то другимъ обществомъ; именно, люди бываютъ *въ одномъ пунктѣ* друзьями, а *въ другомъ*—врагами. Здѣсь на начальство жалуется подчиненный, тамъ вообще жалуются на начальство.

**202.** Соединеніе, образующее собственную самость (Selbst) *каждаго*, въ теченіи жизни безпрестанно получаетъ прибавки, которыя, тотчасъ же послѣ своего появленія, самымъ тѣснымъ образомъ (aufs innigste) сливаются съ нимъ. (Если бы этого не происходило, то пропало бы единство личности, что дѣйствительно бываетъ во многихъ случаяхъ безумія, въ то время какъ изъ известной, особо дѣйствующей массы представленій порождается новое *Я*, отчего,—если массы выступаютъ въ сознаніи чередуясь вслѣдствіе смѣны въ организмѣ,—возникаетъ и смѣна личности).

Прибавки же являются сравнительно гораздо менѣ новыми воспріятіями (Auffassungen) собственного тѣла, — для чего слишкомъ незначительна воспримчивость (45),—чѣмъ внутренними воспріятіями (Wahrnehmungen—см. § 40) представленій, желаній и чувствъ. Поэтому представленіе *Я* всегда болѣе склоняется къ понятію духа, который вполнѣ отдѣляется, когда *Я* мыслится невредимо остающимся при поврежденіяхъ тѣла, во время измѣненія періодовъ жизни, и даже по смерти.

У *каждаго* человѣка *Я* порождается многократно въ различныхъ массахъ представленій; и хотя отсюда у душевно-здороваго не возникаетъ *никакого множественнаго Я*, однако эта множественность имѣетъ всетаки нѣкоторое значеніе для образованія характера вообще и добронравія въ особенности. Тотъ мальчикъ, который бываетъ дома—однимъ, въ школѣ—

другимъ, среди своихъ товарищей по играмъ — третьимъ, находится въ опасности. Человѣкъ, держащій различный тонъ съ высшими, равными и низшими, въ нравственномъ отношеніи стоитъ не такъ прочно, какъ тотъ, кто постоянно держитъ себя равно. Впрочемъ, между разными людьми существуетъ неизбежное неравенство, такъ что одинъ чувствуетъ себя болѣе въ удовольствіи, другой — въ страданіи, третій — болѣе въ дѣятельности, — внутренней или внѣшней. Первая часто бываетъ образуема второй. Болѣе всего расходятся здѣсь между собою мистики и проповѣдники свободы; первые думаютъ, что слѣдуетъ убивать собственную волю и отказываться отъ собственнаго Я; вторые проповѣдуютъ абсолютную самостоятельность Я. Но весьма страннымъ является самообольщеніе тѣхъ, которые въ самой мистикѣ желаютъ всетаки утверждать свою личную свободу, чтобы соединить все, о чемъ идетъ хорошая молва. Такимъ людямъ бесполезно говорить о правильной серединѣ; они съ самаго начала потеряли дорогу, и должны вернуться назадъ, чтобы снова найти ее.

**203.** Къ правильному познанію самихъ себя мы приходимъ чрезъ понятіе души, а не непосредственно чрезъ только что выясненное Я. Именно, послѣднее должно преобразоваться въ первое; потому что Я въ обычномъ смыслѣ содержитъ въ себѣ чисто случайные признаки, что обнаруживается посредствомъ разлагающихъ сужденій (отвѣтовъ на вопросъ: кто я?), точно также какъ представленія чувственныхъ вещей разлагаются сужденіями (195) на чистыя сказуемыя, подлежащее которыхъ долгое время слѣпо предполагается, и подконецъ не находится. Отдѣляя отъ Я все индивидуальное, сужденія не оставляютъ отъ него ничего, кромѣ *понятія тождества объекта и субъекта*, — понятія противорѣчиваго, преобразование котораго въ понятіе души является дѣломъ общей метафизики, которая точно также и понятія субстанцій, силъ (196), пространственныхъ и временныхъ вещей (177) перерабатываетъ въ ученіе о простыхъ сущностяхъ, ихъ нарушеніяхъ и самосохраненіяхъ.

**204.** Теперь впервые возможно объяснить, что называется *интуиціей* (Anschauung), — выраженіе, которымъ много разъ святотатственно злоупотребляли.

„Имѣть интуицію“ значитъ: принимать данный объектъ какъ таковой и никакой другой.

Объектъ долженъ противопоставляться субъекту и другимъ объектамъ. Такимъ образомъ, въ первый разъ его возможно найти послѣ того, какъ *Я*, какъ первое лицо, пространственнымъ образомъ отмѣчается какъ центръ вещей. Обыкновенно объектъ становится соединеніемъ признаковъ, по виду чувственной вещи, а эта послѣдняя прежде всего должна быть выдѣлена изъ цѣлаго окружающаго (194), чтобы воспріятіе (*Auffassung*) могло ограничить объектъ какъ таковой и никакой другой. При этомъ объектъ является, такъ сказать, на заднемъ планѣ прежнихъ представленій, которыхъ онъ заразъ воспроизводитъ и задерживаетъ. Благодаря этому, онъ самъ имѣетъ опредѣленный очеркъ какъ въ пространственномъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Поэтому то каждая интуиція (далеко не равняющаяся одному только ощущенію) имѣетъ стремленіе (*Tendenz*) сейчасъ же обнаружиться во множествѣ сужденій (какъ въ § 182), которыя, однако, въ большинствѣ случаевъ взаимно подавляются, отчасти вслѣдствіе задержки подъ ихъ сказуемыми, отчасти потому, что всѣ они не могутъ сейчасъ же найти словъ, часто же и потому, что воспріятіе (*Auffassung*) движется отъ одного предмета къ другому.

Поэтому интуиція есть очень запутанный процессъ, который долженъ быть подготовленъ множествомъ болѣе раннихъ *продукцій* (не какими нибудь данными въ духѣ формами) и который тогда съ психологическою необходимостью слѣдуетъ такъ, какъ можетъ, все равно—представляется ли имъ реальный предметъ, или же обманчивый образъ. Испытаніе этого есть дѣло мышленія, и его рѣшенія не можетъ предвосхитить никакая интуиція, какъ бы тамъ ее ни называли.

Наконецъ, пассивность интуированія (которая выражается словомъ „воспринимать“ (*auffassen*), именно—воспринимать данное) есть не непосредственно страдательное состояніе души, которою интуиція скорѣе продуцируется, хотя и безъ всякаго сознанія дѣятельности: но страдательно относятся такія представленія, на которыхъ, какъ на заднемъ планѣ, воспріятіе намѣчаетъ свои очерки, или, говоря проще, ко-

торья, въ силу того однороднаго, что является у нихъ общимъ съ воспріятіемъ, репродуцируются имъ, а, въ силу неоднороднаго, задерживаются.

Это отношеніе въ интуированіи, въ силу котораго *прежнія* представленія *страдаютъ* отъ новаго воспріятія, можетъ, однако, легко и быстро превратиться въ противоположное, если только продолжительное слѣдованіе интуицій не удерживаетъ духа въ его пассивномъ положеніи. Что тогда происходитъ,—это уже было указано (въ § 39). Тогда интуиція оканчивается и, вмѣсто нея, начинается припоминаніе, фантазированіе и мышленіе.

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

### О необузданной игрѣ психическаго механизма.

**205.** Ради краткости, которой долженъ придерживаться этотъ учебникъ, мы свяжемъ съ важною въ практическомъ отношеніи противоположностью между самообузданіемъ и недостаткомъ его многое такое, что въ подробномъ изложеніи слѣдовало бы рассмотретьъ болѣе раздѣльно.

Независимо отъ внутренняго обузданія, духовная возбуждаемость (*Regsamkeit*) можетъ имѣть свое начало или въ самихъ представленіяхъ, или въ организмѣ, или во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ.

**206.** Будучи предоставлено самому себѣ, небольшое число представленій очень скоро приблизилось бы къ своему статическому пункту, и эти представленія сохраняли бы только еще очень незначительное движеніе къ нему, вслѣдствіе чего его никогда нельзя было бы достигнуть (17).

Однако это значительно измѣняется при крайне большемъ числѣ и весьма запутанныхъ связяхъ представленій, которыя приобрѣтаются человѣкомъ съ теченіемъ времени.

**207.** Если рядъ представленій протекаетъ именно теперь, то въ каждое мгновеніе измѣняется та задержка, которую терпятъ представленія, совершенно или почти вытѣсняемыя изъ сознанія. Одни могутъ приводиться въ движеніе сами собою, такъ какъ они менѣе задержаны; другія воспроизво-

дятся тѣми членами протекающаго ряда, съ которыми они однородны. Но воспроизводимыя сами могутъ имѣть свои ряды, которые также начинаютъ протекать, перепутываясь другъ съ другомъ и съ тѣмъ первымъ; возникаютъ то задержки, то сліянiя и соединенiя. При помощи же этихъ новыхъ связей образуются новыя цѣлостныя силы (Totalkräfte—23) и, благодаря этому, передвигаются статическіе пункты, слѣдовательно—являются новыя законы движенiя.

При этомъ можетъ замедляться разнообразная смѣна душевныхъ состояній (33—38). Она постепенно втягиваетъ организмъ въ игру, и отъ этого вмѣшательства (котораго здѣсь мы не будемъ разсматривать подробнѣе) дѣло становится еще болѣе запутаннымъ.

Съ этимъ *фантазированиемъ* (потому что это есть оно, болѣе или менѣе живое) очень часто связываются поступки во внѣшнемъ мірѣ, и громкое высказыванiе мыслей есть только видъ этого. У дѣтей, которыя еще не научились сдерживаться, подобныя обнаруженiя того, что происходитъ внутри, обычны. Потомъ къ этому здѣсь присоединяется воспріятiе продукта обнаруженiя и воздѣйствуетъ на теченiе психологическаго явленiя.

**208.** Будучи до извѣстной степени быстрымъ, теченiе человѣческихъ воспріятiй не даетъ времени приносимымъ съ собою представленiямъ стать въ равновѣсіе другъ съ другомъ; предыдущія сталкиваются послѣдующими на механическій порогъ, не вступая въ тѣ связи, къ которымъ они были способны; а изъ механическаго порогъ очень скоро становится статическимъ, если еще дольше продолжается приливъ новыхъ представленiй. Вслѣдствіе этихъ поспѣшныхъ задержекъ, скопляется множество непереваареннаго матеріала, который впервые постепенно перерабатывается, когда его снова вызываютъ въ сознаніе послѣдующія воспроизведенiя.

**209.** Позднѣйшая переработка ранѣ собраннаго матеріала тѣмъ важнѣе, что прежнія представленiя обыкновенно бываютъ болѣе напряженными, по причинѣ ослабѣвающей впечатлительности (Empfänglichkeit). Однако эта переработка, чѣмъ позднѣе, тѣмъ становится труднѣе, потому что, вслѣдствіе постояннаго прилива новыхъ воспріятiй, прогрессивно измѣняется душевное расположеніе, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ

щимъ тѣлеснымъ расположеніемъ, такъ что прежнія представленія, со своими, ранѣе образованными, связями, всегда меньше къ нему подходятъ, и, слѣдовательно, ихъ воспроизведеніе встрѣчаетъ больше препятствій. Въ этомъ заключается основаніе, почему все больше и больше забывается то, чего долго не вспоминаютъ при помощи повторенія. Строго же говоря, душа ничего не теряетъ.

**210.** Цѣлесообразность переработки опредѣляется цѣлесообразностью воспроизведенія; потому что только тѣ представленія, которыя воспроизводятся вмѣстѣ (и никакія другія), вступаютъ, благодаря этому, въ новую и болѣе тѣсную связь.

*Примѣчаніе.* Въ связи съ этимъ стоятъ нѣкоторыя изъ главныхъ понятій педагогики. Прежде всего — различіе *аналитическаго и синтетическаго обученія*. Первое происходитъ при помощи цѣлесообразнаго воспроизведенія; второе заботится о томъ, чтобы съ самаго начала поставить новыя представленія въ цѣлесообразную связь. Далѣе, сюда относится общее требованіе, что *углубленіе и осмысливаніе*, подобно духовному дыханію, должны постоянно смѣняться другъ другомъ. Углубленіе происходитъ въ то время, какъ нѣкоторыя представленія другъ за другомъ выступаютъ въ сознаніи съ надлежащею напряженностью и ясностью (по возможности, свободныя отъ задержекъ). Осмысливаніе есть собранность и связь этихъ представленій. И то, и другое имѣетъ мѣсто какъ при аналитическомъ, такъ и при синтетическомъ обученіи. Чѣмъ полнѣе и тщательнѣе совершаются эти операціи, тѣмъ лучше идетъ обученіе.

(Срав. Allgemeine Pädagogik автора, въ началѣ и въ концѣ второй книги).

**211.** Въ то время, какъ, по указаннымъ выше причинамъ, представленія, постоянно стремясь къ равновѣсію, именно вслѣдствіе этого, переходятъ изъ одного движенія въ другое, — они все прочнѣе и многообразнѣе переплетаются между собою, такъ что всякое возбужденіе одного изъ нихъ распространяется и на остальные, и этимъ даже опредѣляется ихъ обратное дѣйствіе. Другими словами: фантазиро-



ваніе все болѣе и болѣе переходить въ мышленіе, и человекъ становится все болѣе *разсудительнымъ*; потому что разсудокъ имѣетъ свое мѣстопробываніе въ этой общей связи представленій между собою, а не въ понятіяхъ и сужденіяхъ, отдѣльно взятыхъ (188). Однако съ этимъ связано постепенное развитіе понятій и сужденій, коль скоро при этомъ являются вышеупомянутыя обстоятельства (179—192).

**212.** Такъ какъ никакой человекъ не живетъ въ одиночку, или такъ какъ, лучше сказать, человекѣность обнаруживается (*vorhanden ist*) въ обществѣ, то здѣсь прилично будетъ замѣтить, что *разговоръ* является обычнымъ побужденіемъ къ фантазированію, а *нравы и общія мнѣнія*—обычными опорными пунктами, въ которыхъ представленія такъ сплетаются и перекрещиваются, что отсюда получаетъ опредѣленіе каждое изъ ихъ движеній: или, какъ можно еще сказать, *общій разсудокъ* опирается на общее мнѣніе, которое, впрочемъ, можетъ быть неосновательнымъ и неистиннымъ, слѣдовательно—весьма противнымъ разсудку въ высшемъ смыслѣ этого слова.

**213.** Отъ фантазированія и мышленія человека зависитъ его *интуиція* (*Anschauung*) и *вниманіе* (*Merken*), вообще—его *интересъ*. Каждый человекъ имѣетъ свой собственный міръ, даже при равенствѣ окружающаго.

Вниманіе (*Aufmerksamkeit*) бываетъ отчасти *непроизвольнымъ* и пассивнымъ, отчасти *произвольнымъ* и активнымъ. О послѣднемъ здѣсь еще нѣтъ рѣчи, потому что оно находится въ связи съ самообладаніемъ. Первое имѣетъ свое основаніе отчасти *въ мимолетномъ расположеніи духа во время дѣятельности вниманія* (*während des Merkens*), отчасти же опредѣляется прежними представленіями, которыя воспроизводятся тѣмъ, на что обращено вниманіе.

а) При состояніи духа во время дѣятельности вниманія имѣютъ значеніе четыре обстоятельства: напряженность впечатлѣнія, свѣжесть впечатлительности (*Empfänglichkeit*), степень противоположности къ представленіямъ, уже находящимся въ сознаніи, и степень болѣе или менѣе дѣятельнаго передъ этимъ настроенія (*Gemüths*) \*).

\*) Psychologie I, § 95.

б) Что касается содѣйствія прежде воспроизведенныхъ представленій, то они могутъ неблагопріятствовать произвольному вниманію, какъ вслѣдствіе излишка, такъ и вслѣдствіе недостатка, потому что въ обоихъ случаяхъ для вновь воспринятаго оказывается невозможнымъ опредѣлиться по расположенію духа. Именно, если новое совсѣмъ не находитъ, или находитъ слишкомъ мало стараго, съ которымъ оно могло бы вступить въ связь, то само по себѣ оно бываетъ большею частью слишкомъ слабымъ, чтобы не быть задавленнымъ другими представленіями, которыя болѣе собраны и связаны. Если же однороднаго стараго вступаетъ слишкомъ много, то ослабѣваетъ впечатлительность для новаго. Напротивъ, дѣятельности вниманія (*das Merken*) благопріятствуютъ главнымъ образомъ два обстоятельства: во первыхъ, если она находится въ контрастѣ со старымъ, причемъ воспроизведеніе достаточно сильно для связыванія, хотя и не повреждаетъ впечатлительности излишкомъ; во вторыхъ, если новымъ ускоряется развитіе прежнихъ представленій, къ чему они уже и безъ того стремились. Въ этомъ случаѣ оно устанавливаетъ новыя связи, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе или вызывая всетаки пріятное чувство. Это происходитъ въ особенности при заранѣ возбужденномъ *ожиданіи*.

*Примѣчаніе.* Вниманіе и ожиданіе, будучи оба ступенями интереса, равнымъ образомъ относятся къ основнымъ понятіямъ общей педагогики (2 глава 2-й части вышеупомянутой книги автора объ этомъ предметѣ должна быть объясняема выставляемыми здѣсь положеніями).

**214.** Изъ тѣхъ возбужденій психическаго механизма, которыя имѣютъ свое начало въ организмѣ, здѣсь можно оставить въ сторонѣ такія, которыя, очевидно, представляютъ изъ себя скорѣе фізіологическіе, чѣмъ психологическіе феномены; сюда относятся тѣлесныя потребности.

Въ общемъ же весьма ясно, что всякое тѣлесное чувство бываетъ въ состояніи вызвать въ сознаніе соединенные съ нимъ ряды представленій и что эти ряды развиваются тѣмъ вѣрнѣе, что со всѣми *другими* представленіями связываются *другія* (хотя бы и очень слабыя) тѣлесныя чувства,

которымъ соотвѣтствуютъ другія тѣлесныя состоянія, а эти послѣднія именно теперь и не могутъ быть вызваны. На основаніи этого скорѣе должно ожидать большей, чѣмъ меньшей зависимости духа отъ тѣла, сравнительно съ той, которую обнаруживаетъ опытъ.

**215.** *Измѣненіямъ* расположеній духа, равно какъ протеканіямъ и скрещиваніямъ (*Ineinandergreifen*) рядовъ представленій, также должны соотвѣтствовать измѣненія въ тѣлесныхъ состояніяхъ. При этомъ *тактъ* (*Zeitmass*) и *скорость* душевнаго измѣненія уже могутъ встрѣчать или благопріятное, или неблагопріятное для себя расположеніе тѣла, что достаточно объясняетъ смѣняющееся удовольствіе и склонность къ тому или другому занятію, если, кромѣ того, не имѣютъ еще вліянія чисто психологическія основанія.

*Примѣчаніе.* Необузданной или трудно обуздываемой бываетъ преимущественно та игра психическаго механизма, которая возникаетъ въ то время, когда скорость въ измѣненіи тѣлесныхъ состояній необычнымъ образомъ возрастаетъ и ускоряетъ этимъ соотвѣтствующее теченіе представленій. Подобное происходитъ при выздоравливаніи, во время половой зрѣлости, во многихъ болѣзненныхъ состояніяхъ и т. д. Тогда фантазія избѣгаетъ разсудка, — другими словами: быстрота развивающихся представленій увеличиваетъ силу, съ которою они вытѣсняють изъ сознанія тѣ представленія, которыя могли бы имъ противостать.

**216.** Предшествующее получаетъ гораздо большую практическую важность, если за множественной и измѣнчивой окраской *Я* (о чемъ была рѣчь въ § 202) стараются правильно рассмотреть *пребывающую индивидуальность* человѣка, которая особенно бросается въ глаза практику-воспитателю, но которую очень трудно отличить отъ вышеупомянутой (измѣнчивой окраски). Сюда относится слѣдующее:

а) Тѣлесная аффектація (106), проходящая отъ одной системы къ другой, *должна была бы*, при совершенномъ здоровьѣ (по крайней мѣрѣ, зрѣлаго мужскаго тѣла), или совсѣмъ не происходить, или же быть въ высшей степени ограниченной; такъ что не было бы никакого вліянія душев-

ной дѣятельности, напр., на пищевареніе и кровообращеніе, (а слѣдовательно и наоборотъ); тогда какъ на дѣлѣ неустрашимость воина посреди опасностей не безъ основанія называется *хладнокровіемъ*.

б) Напротивъ, въ каждомъ человѣческомъ организмѣ заключается предрасположенная система возможныхъ аффектовъ; и эта система предрасположена такимъ образомъ, что старательное воспитаніе скорѣе отсрочиваетъ обнаруженіе этихъ аффектовъ, чѣмъ устраняетъ и обходитъ ихъ вредныя послѣдствія. Поэтому оно никого не можетъ совершенно уберечь отъ опытовъ (Erfahrungen), съ которыми онъ встрѣчается, такъ какъ онъ самъ привлекаетъ ихъ къ себѣ.

с) Насколько различное фізіологическое давленіе (50) возникаетъ изъ органовъ и системъ тѣла,—предоставимъ объяснять фізіологамъ; а что можетъ измѣнить это давленіе въ душевной дѣятельности,—объ этомъ должно судить при помощи познанія психическаго механизма и его разнообразныхъ возможныхъ задержекъ. Наболѣе легкое изъ этого слѣдующее:

а) Вмѣсто непосредственнаго воспроизведенія (26), подъ вліяніемъ вышеупомянутаго давленія, ближе всего возникаетъ *затемненіе*, потому что новыя воспріятія не столько образуютъ свободное пространство прежнимъ однороднымъ представленіямъ, сколько, противодѣйствуя, ослабляютъ уже данныя на лицо представленія, которыя были поставлены въ равновѣсіе давленіемъ; такъ что дѣйствіе давленія возрастаетъ и прежнія представленія, которыя должны были принять и усвоить себѣ новое, выступаютъ едва замѣтно. Отсюда очень часто является нѣмое изумленіе тамъ, гдѣ ожидался живой интересъ.

β) Это же самое давленіе еще гораздо легче вредитъ сведенію (Wölbung), а слѣдовательно и заостренію (Zuspitzung); отчего представленія выступаютъ не рѣзко, но плоско (paukt). Подобное бываетъ у людей, которые ни о чемъ не догадываются, ничего ни понимаютъ вполне и не обладаютъ никакимъ тонкимъ чувствомъ, хотя они, можетъ быть, механически и усердно учатся.

γ) На многихъ давленіе не дѣйствуетъ постоянно; оно происходитъ только какъ реакція, вслѣдствіе напряженія, исходящаго изъ душевной дѣятельности. Такія головы пылки и легкомысленны, но безъ глубины и связности, потому что ихъ мысли въ каждое мгновеніе разрознены; онѣ могутъ образовать только короткіе ряды. Они не могутъ быть одни, такъ какъ имъ не удастся прослѣживать мыслей.

δ) Если постоянное давленіе дѣйствуетъ на свободно восходящія представленія (32), то оно приводитъ ихъ движеніе въ безпорядокъ, вступая въ борьбу съ самыми напряженными изъ нихъ (такъ какъ они должны были восходить выше всѣхъ), благодаря чему слабѣйшія получаютъ свободу являться въ сознаніе, чередуясь съ тѣми. При такихъ обстоятельствахъ дѣятельныя и энергичныя головы обнаруживаются въ неровныхъ, отрывочныхъ дѣйствіяхъ; онѣ, быть можетъ, и блещутъ, но ихъ образованіе заключаетъ въ себѣ пробѣлы и скачки, если противъ этого не было продѣлано очень старательной работы.

ε) Ритмъ душевныхъ движеній, вообще, является весьма различнымъ, отчего одни лучше успѣваютъ въ томъ, что нужно сдѣлать быстро, а другіе—въ томъ, что нужно сдѣлать медленно.

Этими намеками весьма сложныхъ изысканій здѣсь и можно ограничиться.

**217.** Отъ внѣшнихъ впечатлѣній окружающаго зависятъ различныя массы представленій (*Vorstellungsmassen*). Каждое новое окружающее, каждое новое положеніе въ жизни приноситъ свою собственную массу, отдѣленную отъ остальныхъ, если не совсѣмъ, то въ большей части. Между этими массами далеко не всегда возникаетъ правильное отношеніе, нужное для самосохраненія. Здѣсь преподаванію и всему умышленному образованію предстоитъ великая задача. Однако мы ближе всего будемъ обращать вниманіе не на внутреннее взаимодействіе массъ представленій между собою, а на внѣшнее отношеніе чловѣка къ окружающему.

**218.** Внѣшній міръ, поскольку онъ способствуетъ возбужденію душевной жизни, мы разсматриваемъ здѣсь какъ сферу *дѣйствованія* (*Handelns*) и какъ мѣстопробываніе препятствій этому, послѣ того какъ выше было уже разсмо-

трѣно раздраженіе, вызываемое новыми воспріятіями. Теперь прежде всего должно точнѣе, чѣмъ прежде (52), развить связь между *представленіемъ*, *дѣйствованіемъ* (Handeln), *желаніемъ* и *хотѣніемъ* (слова нарочно стоятъ въ этомъ порядкѣ).

Движенія массы членовъ тѣла, и чувства этого, суть находящіяся въ связи состоянія тѣла и души. Если съ чувствомъ соединено еще какое нибудь представленіе, — движи-маго ли члена, или же только внѣшняго предмета, — то, въ случаѣ отсутствія задержки, каждое возбужденіе этого представленія непосредственно воспроизводитъ указанное чувство и относящееся къ нему движеніе. Для послѣдняго, слѣдовательно, даже не требуется, чтобы представленіе находилось въ состояніи желанія, но оно сразу же сопровождается дѣйствованіемъ. (Такъ бываетъ у животныхъ и дѣтей; только взрослый научается сдерживаться при помощи воздѣйствія другихъ массъ). Дальнѣйшее изслѣдованіе должно возвратиться къ ученію о рядахъ представленій.

**219.** Если только что упомянутое представленіе, непосредственно сопровождаемое дѣйствованіемъ, есть *d* въ ряду *a, b, c, d....*, и если дѣйствованіе во внѣшнемъ мірѣ не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно бываетъ незамѣченнымъ, и рядъ протекаетъ въ сознаніи дальше (*e, f*, и т. д.), какъ будто не произошло никакихъ дѣйствій (Handeln). Такъ бываетъ при движеніяхъ глазнаго яблока и большей части органовъ рѣчи, между тѣмъ какъ движеніе рукъ и ногъ, вслѣдствіе тяжести и инертности этихъ членовъ, нѣкоторымъ образомъ относятся уже къ слѣдующему случаю.

Если поступокъ встрѣчаетъ препятствіе во внѣшнемъ мірѣ, то это послѣднее задерживаетъ относящееся къ поступку чувство, а посредствомъ этого — и представленіе *d*. А такъ какъ *d* слито съ остаткомъ отъ *c*, меньшимъ остаткомъ отъ *b* и еще меньшимъ отъ *a*, и такъ какъ, далѣе, по величинѣ этихъ остатковъ различается и свойственная каждому изъ нихъ скорость его дѣйствія (Wirken), то, въ то время какъ замедляется протеканіе ряда, меньшіе остатки сейчасъ же получаютъ время содѣйствовать въ качествѣ помощи для *d* и усиливаться съ помощью другъ друга. Если бы не было никакихъ препятствій, то *c* быстрѣе всего дѣй-

ствовало бы на  $d$  и меньшіе остатки не имѣли бы никакого вліянія, потому что то, что могутъ сдѣлать они, могло бы быть уже сдѣлано безъ нихъ. Если препятствіе поддается на содѣйствіе отъ  $b$ , то  $a$  не достигаетъ до оказыванія помощи; если же оно еще не поддается, то каждый членъ, сколько можетъ ихъ принадлежать къ ряду, постепенно будетъ давать свой взносъ въ общую дѣятельность. До тѣхъ поръ, пока это продолжается, всѣ члены ряда до  $d$  находятся въ состояніи желанія; а въ то мгновеніе, когда напряжена вся сила всѣхъ объединенныхъ помощей, желаніе переходитъ въ непріятное чувство, если препятствіе всетаки остается непобѣжденнымъ (36).

Все это очень легко познать и въ опытѣ. Мимолетный поступокъ обыденной жизни, какъ, напр., рыскрытіе двери, проходитъ для насъ почти незамѣченнымъ и не нарушая теченія нашихъ мыслей. Если же встрѣчается какое нибудь затрудненіе, то мы постепенно все напрягаемъ силу, все сильнѣе желаемъ, чтобы дверь отворилась, пока этого дѣйствительно не произойдетъ; если же усиліе напрасно, то желаніе уступаетъ мѣсто непріятному чувству, которое продолжается, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не явится новый рядъ мыслей, лежащій внѣ круга этой попытки.

**220.** Мѣсто препятствія часто заступаетъ простой недостатокъ въ обычномъ окружающемъ. Если ряду представленій  $a, b, c, d, e$ , соотвѣтствуетъ рядъ интуицій  $a, b, c, e$ , въ которомъ отсутствуетъ  $d$ , то послѣдняго будетъ *недоста- вать*, потому что прочія представленія не бывають при этомъ въ состояніи возстановить степень незадержанной ясности, въ которой было слито съ ними  $d$ . Къ этому случаю можно было бы отнести и то, что связныя состоянія дѣйствительной интуиціи выступаютъ не только въ душѣ, но и въ чувственномъ органѣ. Недоставаніе становится *тоскою*, если рядъ  $a, b, c...$  достаточно напряженъ и духъ углубленъ въ него.

**221.** Если теперь на мѣсто одного ряда поставить сѣтъ многихъ рядовъ, которые могутъ простираться даже чрезъ весь кругъ мыслей человѣка, то всюду проникающая тоска по недостающему предметѣ наполнитъ все настроеніе. Это служитъ основаніемъ любви, которой необходимъ ея пред-

метъ и которая не терпитъ никакого возможнаго предчувствія пространственнаго или духовнаго разлученія. Извѣстно, что она ближе опредѣляется своими разнообразными побужденіями, и что она принимаетъ въ себя много примѣсей, отчасти чувственныхъ чувствованій; наипростѣйшимъ образомъ она обнаруживается тамъ, гдѣ возникаетъ изъ одвой только *привычки* (ср. Allg. practische Philosophie автора, 2 книга, 7 глава).

**222.** *Что и какъ* человѣкъ любить, — отъ разсѣянной влюбленности до любви, какъ пожирающей страсти, — это зависитъ отъ того, что является существеннымъ въ его *характеръ*. При этомъ, однако, принимаются во вниманіе многія формальныя опредѣленія, которыя должны быть связаны съ понятіемъ воли. (Съ этимъ находятся въ связи четыре первыхъ главы третьей книги Allg. Pädagogik.).

**223.** *Воля есть желаніе съ предположеніемъ достиженія желаемаго.* Это предположеніе связывается съ желаніемъ, коль скоро въ подобныхъ случаяхъ дѣйствованіе (219) было успѣшнымъ. Потому что тогда съ началомъ однороднаго дѣйствованія сейчасъ же ассоціируется представленіе продолженія, которое будетъ закончено удовлетвореніемъ желанія. При этомъ возникаетъ *взглядъ на будущее*, который все болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ человѣкъ научается приспособлять *средство* къ цѣли. Допустимъ, что рядъ  $\alpha, \beta, \gamma, \delta$  образовался въ болѣе раннемъ воспріятіи хода событій. Пусть теперь представленіе  $\delta$  находится въ состояніи желанія. Хотя оно, какъ таковое, вопреки задержкѣ, стремится вверхъ, тѣмъ не менѣе помощи, которыя оно оказываетъ представленіямъ  $\gamma, \beta, \alpha$ , могутъ дѣйствовать безъ задержки, если только эти послѣднія не встрѣчаютъ никакой задержки въ сознаніи. Слѣдовательно, если  $\gamma, \beta, \alpha$ , воспроизводятся въ надлежащей постепенности (какъ  $b$  и  $a$  въ концѣ § 29), и если одно изъ этихъ представленій соединено съ дѣйствованіемъ (Handeln—§ 218), то происходитъ такое дѣйствіе (Handlung), при помощи котораго, при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно можетъ возобновиться прежній ходъ событій, такъ что  $\alpha, \beta, \gamma$  относятся къ  $\delta$ , какъ средство къ цѣли.



**224.** Воля имѣетъ свою фантазію и свою память, и она бываетъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе обладаетъ ими; потому что воспроизведеніе, какъ только что упомянутое, можетъ, съ помощью очень длинныхъ, очень запутанныхъ рядовъ, простирающихся во многія стороны и вызывая поступокъ въ какомъ нибудь отдаленномъ членѣ, — и усиліе въ этомъ поступкѣ легко объясняется, если принять, что вышеупомянутое  $\delta$  (въ § 223) есть одно и то же представленіе съ  $d$  (въ § 219), такъ что въ совмѣстномъ дѣйствованіи  $a, b, c, d$  заключается напряженность хотѣнія, которымъ  $\alpha, \beta$  и т. д. побуждаются къ поступку, служащему средствомъ къ достиженію цѣли. Рѣшительное же предположеніе, что цѣль будетъ достигнута, является тѣмъ надежнѣе и прочнѣе, чѣмъ болѣе средство отвѣчаетъ требованію, т. е. чѣмъ шире простираются кругомъ только что отмѣченныя воспроизведенія.

**225.** Воля усиливается также благодаря знакомству съ опасностями и отреченіямъ. Хотя опасность, будучи познана, сама по себѣ не дѣлается менѣе страшной, однако ея представленіе не производитъ столь сильной задержки, если оно слито съ другими представленіями. И тогда предметомъ хотѣнія становится не столько цѣль, сколько *попытка* достигнуть ея. Отреченія же совершенно освобождаютъ настроеніе отъ опасеній и разсужденій, которыя могли бы поколебать волю.

**226.** Если въ нѣсколькихъ пунктахъ круга мыслей существуютъ такія положенія, въ которыхъ представленія стремятся кверху какъ желанія, то они легко могутъ встрѣчаться и вступать въ борьбу между собою при тѣхъ воспроизведеніяхъ, съ помощью которыхъ происходитъ обдумываніе средства и препятствія. Колебаніе въ этой борьбѣ есть *практическое обдумываніе*, которое кончается выборомъ.

Этотъ послѣдній первоначально не является дѣломъ *практическихъ правилъ*; лучше сказать, онъ впервые дѣлаетъ ихъ возможными по мѣрѣ того, какъ изъ часто повторявшихся выборовъ въ подобныхъ случаяхъ постепенно возникаетъ и, подобно общимъ понятіямъ (179 — 192), при помощи привходящихъ сужденій, образуется *общее хотѣніе*.

А въ этомъ уже заключается переходъ къ разсужденіямъ слѣдующей главы.

*Примѣчаніе.* Отличаясь отъ общаго хотѣнія, подготовкой къ слѣдующей главѣ служить то обстоятельство, что чѣмъ болѣе уже образованы въ человѣкѣ массы представленій, тѣмъ согласнѣе онѣ обыкновенно дѣйствуютъ вмѣстѣ, если желаніе, какъ воля, переходитъ въ поступокъ. Часто, напротивъ, въ одной массѣ представленій все готово къ хотѣнію, но другія задерживаютъ его. Такимъ образомъ, неудовлетворенность далеко предшествуетъ возмущенію.

**227.** Обстоятельства внѣшней жизни часто мѣшаютъ человѣку цѣликомъ узнать свое хотѣніе, развить свой характеръ. Другой разъ благопріятствующія обстоятельства бывають слишкомъ широкими для небольшого круга его мыслей.

Первый случай встрѣчается гораздо чаще.

## П Я Т А Я   Г Л А В А .

### О самообузданіи, въ особенности о долгѣ, какъ психическомъ феноменѣ.

**228.** *Дѣйствительное* самообузданіе отличаютъ отъ таковаго, котораго человекъ самъ отъ себя требуетъ, а это, въ свою очередь, отъ того, котораго онъ долженъ требовать отъ себя.

**229.** Почти не замѣчая и не зная еще трудностей дѣла, ребенокъ заключаетъ о самомъ себѣ, распоряжаясь и располагая на будущее время тѣмъ поступкомъ, который имѣетъ значеніе средства къ достиженію цѣли. Потомъ, когда будущее стало настоящимъ, оказывается, что и теперь еще существуетъ хотѣніе, что прежнее мгновеніе не могло рѣшить за настоящее, и что еще вопросъ, составляетъ ли теперешняя воля одно и то же съ прешествующею, — о чемъ, можетъ быть, едва лишь мыслятъ. Только постепенно,

путемъ опыта, человѣкъ узнаеть, какъ легко можетъ онъ самъ себѣ измѣнять.

**230.** Опыты этого рода въ большемъ видѣ поразительнѣе и вреднѣе, чѣмъ въ маломъ. Гораздо прежде, нежели человѣкъ узнаеть психологическую потребность полагать самому себѣ правило и связывать себя имъ, существуютъ *законы* въ гражданскомъ обществѣ, и они являются прообразомъ всего того, что впоследствии мораль обыкновенно говоритъ о законахъ нравственности \*).

Чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ огульнѣе (*rücksichtloser*) законы. Напротивъ, чѣмъ меньше опасности, что исключеніе сдѣлается правиломъ, тѣмъ болѣе само законодательство склоняется къ тому, чтобы тоньше различить случаи; и чѣмъ больше довѣрія къ честности и уму судьи, тѣмъ болѣе позволяется ему разсуждать (*Ermessen*). Однако признакомъ хорошаго закона остается то, что онъ *устанавливается прежде того факта, къ которому примѣняется*; потому что въ томъ, что законодатель *не могъ* знать единичнаго, еще не происшедшаго случая, заключается всетаки ручательство невольнаго полного безпристрастія.

**231.** Изъ самосознанія слѣдуетъ *совѣсть*; потому что, являясь зрѣлищемъ для самого себя, человѣкъ произноситъ и сужденіе о самомъ себѣ. Внутреннее же воспріятіе можетъ возвыситься во вторую степень; тогда человѣкъ обсуждаетъ свое искусство обсуждать самого себя.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: пристрастенъ ли внутренній судья? И достаточно лишь короткаго ряда внутреннихъ воспріятій, чтобы научиться узнавать опасность нечистаго самосуда.

Поэтому необходимымъ предохранительнымъ средствомъ противъ такой пристрастности и для собственной внутренней жизни человѣка, какъ для гражданскаго общества, требуется существующій законъ, который предшествовалъ бы обсуждае-

---

\*) Гражданскій законъ опредѣляетъ не только обязанности, но и права. Вслѣдствіе этого, придуманы также извѣстныя естественныя, природенныя права. Эти права, поскольку они должны быть отмѣчены какъ задатки чело-вѣческой души, относятся къ психологическимъ натяжкамъ. Ср. *Allg. prakt. Philos.* 1 Buch, 6 Cap., въ концѣ.

мымъ случаямъ. Строгость предписанія и здѣсь постепенно становится мягче, и все болѣе прилаживается къ различнымъ видамъ случаевъ, пока преувеличенная мягкость снова не приведетъ къ обостренію правила.

**232.** При этомъ о содержаніи самозаконодательства еще ничего не установлено. Потребности въ этомъ идетъ на встрѣчу общее хотѣніе (226), а оно въ высшей степени различно у индивидуумовъ, отчего сначала и практическія правила индивидуальны. Установленія того, чего лучше хочется, или что менѣе сносно, будучи связаны съ эмпирическими правилами мудрости, даютъ большую часть первой морали, которая пытается, при помощи понятія истиннаго и продолжительнаго блаженства, управлять прихотями и укрощать страсти.

**233.** Въ практической философіи показано, что долгъ основывается на *практическихъ идеяхъ*. Эти послѣднія обладаютъ вѣчной юностью, благодаря чему ихъ постепенно отличаютъ отъ ослабѣвающихъ желаній и вкусовъ какъ единственно неизмѣняемое, которое *можетъ* соотвѣтствовать потребности закона для внутренняго человѣка (231); сверхъ того, онѣ носятъ на себѣ печать *неизбѣжнаго рока*, потому что человѣкъ просто не можетъ избѣжать того приговора, общую форму котораго онѣ обозначаютъ. Поэтому въ нихъ находится необходимое содержаніе, которое *должно* наполнить форму общаго самозаконодательства.

*Примѣчаніе.* Этимъ объясняется, какого рода самообузданія человѣкъ *долженъ самъ отъ себя требовать* (228), хотя еще и безъ вопроса, сколь много *можетъ* онъ изъ этого выполнить. Это послѣднее въ общемъ неопредѣленно, и, сверхъ того, постоянно *неизвѣстно* индивидууму, потому что никто не способенъ психологически точно разсмотрѣть самого себя. Неудивительно, что столь простое представленіе долга кажется моралистамъ не достаточно выразительнымъ для общаго употребленія, и что они изыскиваютъ то привлекающія, то побуждающія прибавки, чтобы можно было убѣдительно проповѣдывать,—и это во многихъ случаяхъ заслуживаетъ одобренія, если только не хватаютъ черезъ край. Но должно удивляться, если нѣкоторые философы

призываютъ на помощь свои метафизическія мнѣнія, чтобы сдѣлать необходимость долга еще болѣе необходимой. Вѣдь, *мнѣніе* можетъ здѣсь только приниматься во вниманіе, если только не захотятъ поставить долга въ зависимость отъ метафизическаго *знанія* связи всѣхъ людей. Этимъ путемъ можно было бы наконецъ вернуть въ философскую мораль и вѣчность адскихъ наказаній, мнѣніе, навѣрно оказывающее дѣйствіе и, съ надлежащимъ объясненіемъ и ограниченіемъ, вѣроятное даже по психологическимъ основаніямъ, какъ будетъ видно изъ конца этой книги. Этика же (которая, конечно, не можетъ быть слабой) должна заключать свою крѣпость въ самой себѣ. И эта крѣпость основывается не на извѣстныхъ рѣзкихъ выраженіяхъ о безусловномъ долгѣ и т. п., но только на ясности и отчетливости понятій отвратительнаго, въ противоположность похвальному. Нельзя возражать противъ такого порицанія, которое не допускаетъ никакихъ уловокъ; если же кто-нибудь рѣшается переносить такое порицаніе, то на него уже не дѣйствуетъ болѣе никакое нравоученіе; онъ больной, котораго должны привести ко спасенію, т. е. къ *раскаянію, страданію*. Порицаніе дѣлаетъ свое дѣло, покрывая стыдомъ страсти. Отчетливое разграниченіе практическихъ идей, которыя образуютъ послѣднее собственное содержаніе и смыслъ всѣхъ моральныхъ предписаній, является лучшимъ изощреніемъ совѣсти.

**234.** *Дѣйствительное* самообузданіе и возможность, что человекъ исполнитъ то, чего онъ требуетъ и долженъ требовать отъ себя, вообще основывается на совмѣстномъ дѣйствованіи нѣсколькихъ массъ представленій. При этомъ особенно обнаруживается *общее хотѣніе*, если таковое уже образовано (226), и тогда оно всегда имѣетъ свое мѣсто-пробываніе въ какой нибудь массѣ представленій, — громадная сила, которую можно узнать въ каждой цѣлесообразной дѣятельности. Здѣсь надо припомнить понятіе *работы* (123). Каждый видъ работы требуетъ, чтобы твердо стояло хотѣніе цѣли, въ то время какъ тѣ волевые акты, которые въ надлежащемъ порядкѣ выполняютъ одну часть работы за другою, протекаютъ въ сознаніи въ ряду и вмѣстѣ съ ря-

домъ представленій (иногда съ замедленіемъ и напряженіемъ, какъ въ § 219). Планомѣрная же дѣятельность образованнаго человѣка слагается изъ многихъ и различныхъ работъ, которыя сами образуютъ рядъ высшаго вида. Чѣмъ сложнѣе эта дѣятельность, тѣмъ очевиднѣе выясняется сила тѣхъ *господствующихъ массъ представленій*, въ которыхъ обитаетъ хотѣніе главной цѣли, надъ всѣми остальными, подчиненными имъ въ различной степени. Нѣтъ недостатка въ фактахъ, которые гораздо сильнѣе, чѣмъ нужно, доказываютъ, что одинъ предрасудокъ или одна страсть могутъ, такъ сказать, опустошить и разорить весь духъ (Gemüth).

Должно остерегаться уже считать самообузданіе, взятое само по себѣ, чѣмъ нибудь нравственно-добрымъ. Если ему подходитъ эта слава, то она должна приличествовать его качеству, а не силѣ господствующихъ массъ представленій.

*Примѣчаніе.* Для кого важно—насколько возможно овладѣть самимъ собою, тотъ прежде всего пусть бережется ослѣпленія ложными теоріями, которыя представляютъ ему его собственную свободу большей, чѣмъ она есть. Эти теоріи не могутъ сдѣлать свободнымъ; скорѣе, онѣ повергають во всѣ опасности ложнаго спокойствія (Sicherheit). Напротивъ, пусть каждый признается въ своихъ слабыхъ сторонахъ; пусть онъ старается укрѣплять ихъ. Это происходитъ *не только* при помощи непосредственной бдительности, но при этомъ въ дѣйствительной жизни принимается во вниманіе взаимодѣйствіе человѣка съ его окружающимъ. Исходя первоначально изъ круга мыслей, хотѣніе, въ свою очередь, развиваетъ его дальше при помощи выбора занятій и вспомогательныхъ средствъ. *Библія и молитвенникъ* служатъ безконечно-важными опорами самообузданія. Многимъ являютя также на помощь Гораций и Цицеронъ. Противъ расслабленія духа дѣйствуютъ діета, движеніе, ванны и минеральныя воды. Для образованныхъ классовъ много могутъ сдѣлать искусства, въ особенности театръ. Хотя замѣчаютъ, что великіе поэты, при всей страсти къ театру, всетаки не могли вложить своихъ поэтическихъ причудъ въ усло-

вія театральнаго представленія, однако можно только пожалѣть о недостаткѣ нѣмецкой самостоятельности, которая, будучи сбита французскою кропотливостью, предалась не только удивленію, но и подражанію Шекспиру. Но собственный недостатокъ театра заключается въ расчетахъ на кошельки богатыхъ и на любовь толпы къ зрѣлищамъ. Запутаться въ сѣтяхъ денежной аристократіи, — вотъ общая опасность, съ которою встрѣчается вѣкъ при своихъ стремленіяхъ къ свободѣ. Взгляните на Англію и Америку.

**235.** Самообузданіе всегда является строго закономѣрнымъ психологическимъ фактомъ, и его власть имѣетъ *конечную величину*, однако такъ, что никогда нельзя опредѣлить, есть ли та сила самообузданія, которою въ опредѣленный моментъ владѣетъ опредѣленный индивидуумъ, величайшая, до которой только можетъ достигнуть кто бы то ни было или даже самъ этотъ индивидуумъ. Поэтому этика въ общемъ правильно предполагаетъ: *всякая страсть могла бы быть побѣждена*, и если кто нибудь не можетъ господствовать надъ своими страстями, то за эту слабость, въ силу идеи совершенства (См. Allg. prakt Philos.; 2 Cap. des 1 Buchs), онъ встрѣчаетъ справедливое порицаніе, которое не допускаетъ возраженій.

*Примѣчаніе 1.* Тѣ, которые принимаютъ трансцендентальную свободу воли, должны, если не хотятъ грубымъ образомъ погрѣшить противъ послѣдовательности, придать ей безконечную величину силы противъ страстей, потому что слово „*трансцендентальный*“, въ этой связи, обозначаетъ противоположность всей причинности природы; отсюда — противъ такой свободы *совершенно ничего* не могла бы сдѣлать естественная сила страстей. Если же ничто считаютъ за нѣчто, то нѣчто — за безконечную величину, такъ что, если силу страстей должно считать за нѣчто, то трансцендентальную свободу должно считать безконечно сильной. Что при этомъ она, въ силу своего собственнаго дѣйствія, снова оказывается въ томъ же самомъ причинномъ отношеніи, отъ котораго она должна была быть свободной, — этого здѣсь не нужно развивать подробнѣе.

*Примѣчаніе 2.* Предшествующее и послѣдующее можно сдѣлать болѣе отчетливымъ, коснувшись немного вопроса о душевномъ состояніи преступниковъ, которые иногда отъ судей переходятъ ко врачамъ. Вопросъ не имѣетъ въ виду научить сущности свободнаго поступка; но судья предполагаетъ, что если преступникъ, въ зрѣломъ возрастѣ, былъ здоровъ, то онъ зналъ вредныя послѣдствія своего поступка; что онъ не пожелалъ бы этого поступка, если бы онъ былъ направленъ противъ него самого; и что онъ зналъ, что гражданское общество не потерпитъ подобнаго. Это должно было удержатъ его отъ поступка, если онъ былъ честнымъ человѣкомъ: если же нѣтъ, то онъ *наказывается тѣмъ строже* (gewisser), чѣмъ тверже его злой характеръ, и чѣмъ *отрпнѣ* (gewisser) изъ этой злостности при всякомъ поводѣ слѣдовали злыя поступки. Слѣдовательно, вопросъ только въ томъ: былъ ли человѣкъ боленъ? и такъ ли, что можно было повѣрить, что онъ поступилъ, какъ во снѣ? Могъ ли, напр., юный поджигатель до того увлечься болѣзненной страстью къ огню, что воспроизведеніе у него не доходило до представленія опасности для жителей? или что было задержано въ своемъ дѣйствіи общее правило (высшая масса представленій): никого не ставить въ опасность? и что, наконецъ, было утрачено воспоминаніе о гражданскомъ порядкѣ, правѣ и законѣ? Въ послѣднемъ случаѣ, преступникъ былъ близокъ къ несмыслящему ребенку, и наказуемость меньше.

**236.** Условія самообузданія, а, слѣдовательно, и опредѣленіе его конечной величины, заключаются въ *отношеніяхъ* господствующихъ массъ представленій къ подчиненнымъ. Хотя это въ общемъ ясно, однако всетаки можно сдѣлать слѣдующія болѣе спеціальныя замѣчанія отчасти о господствѣ желаній и страстей, отчасти же о нравственномъ самообузданіи.

Какъ желаніе постепенно охватываетъ, -- это можно легко узнать изъ §§ 223 и 224. Теченіе представленій останавливается и напрягается (schwillt) у того пункта, котораго желаютъ и не достигаютъ сейчасъ же. Возбужденныя имъ



воспроизведенія собираются сначала въ безпорядкѣ какъ фантазіи; но фантазированіе постепенно переходитъ въ мышленіе (211), и все болѣе и болѣе образуются понятія и сужденія относительно желанія и въ услугу ему. Это неправильно выражаютъ, говоря: *страсть приводитъ въ движеніе разсудокъ*. Здѣсь не вся душевная способность возбуждается одностороннею дѣятельностью, но извѣстное мышленіе, — которое можно назвать *разсудочнымъ*, поскольку *разсудокъ* есть только родовое понятіе извѣстнаго рода возбуждаемости (Regsamkeit) представленій, — порождается въ той массѣ мыслей, которая скопляется вокругъ желанія. Грубые люди и совершенные дикари почти не имѣютъ никакого другаго разсудка, кромѣ разсудка своихъ страстей. У образованныхъ же существуютъ другія массы представленій, развитыя до разсудочнаго мышленія, и здѣсь къ тому частному разсудку страстей является еще другой феноменъ, о которомъ точно также неправильно выражаются: *страсть стѣсняетъ разсудокъ*. Именно, или другія разсудочныя массы представленій выступаютъ слишкомъ поздно послѣ того, какъ страсть удовлетворяется и снова возстановляется задержанное ею теченіе представленій, — тогда справедливо говорятъ: *человѣкъ торопится*; и самъ онъ жалуется, что не можетъ понять своей торопливости; потому что его предшествующая дѣятельность носится предъ нимъ, какъ мертвый образъ (по § 42), и живы только такія массы представленій, которыя съ порицаніемъ смотрятъ на тѣ другія. — Или же, вмѣстѣ съ разсудкомъ страсти, въ сознаніи пробуждается и лучшій разсудокъ, только онъ не силенъ или недостаточно возбужденъ. Тогда изъ этого вытекаетъ еще гораздо болѣе несчастное слѣдствіе, — именно, та связь представленій, въ которой онъ имѣетъ свое мѣстопробываніе, оскверняется и разстроивается понятіями страсти, которая тѣмъ болѣе достигаетъ господства и тѣмъ больше доказываетъ свое право называться страстью, чѣмъ чаще это происходитъ.

Здѣсь мы говорили о *болѣе, чѣмъ одномъ*, разсудкѣ, и это должно происходить, если хотятъ мыслить разсудокъ какъ силу, или какъ *способность*, потому что дѣятельность (Wirksamkeit), душевная энергія заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ извѣстныхъ массахъ представленій, а этихъ массъ,

которыя могутъ дѣйствовать какъ разсудокъ, существуетъ очень много, и онѣ въ высшей степени различны. Это можно сказать о воображеніи, о памяти, о разумѣ, однимъ словомъ, — о всѣхъ такъ называемыхъ душевныхъ способностяхъ. Но если бы эту новость захотѣли ввести въ обычное словоупотребленіе, то для обыденнаго примѣненія ее даже не слѣдуетъ рекомендовать, потому что кто сталъ бы говорить о нѣсколькихъ разсудкахъ, нѣсколькихъ воображеніяхъ и т. п., тотъ, повидимому, намекалъ бы, что этихъ нѣсколькихъ надо разсматривать какъ рѣшительно раздѣленныхъ. Но различныя массы представленій, на которыя все это указываетъ, раздѣлены совсѣмъ не такъ рѣзко, — лучше сказать, при всякомъ совмѣстномъ дѣйствіи ихъ всегда возникаютъ новыя, хотя часто и слабыя, сліянія однородныхъ представленій, изъ которыхъ онѣ складываются, какъ изъ составныхъ частей. Слѣдовательно, употребленный сейчасъ способъ выраженія является только исключеніемъ, и при этомъ остается, что человѣкъ обладаетъ только однимъ разсудкомъ, однимъ воображеніемъ и т. д.; а это — не силы, не способность, вообще — не что нибудь реальное, но просто названія логическихъ родовъ для предварительной классификаціи психическихъ феноменовъ.

**237.** Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть нравственное самообузданіе. Подготавливаясь къ этому, мы должны сдѣлать понятнымъ *нравственное чувство*. Въ кантовской философіи была (и справедливо) выяснена непригодность его къ обоснованію этики; потому что его никакъ нельзя смѣшивать съ нравственными (или, вообще съ эстетическими) *сужденіями*, на которыхъ, какъ показано въ практической философіи, основываются практическія идеи. Такое смѣшеніе было бы смѣшеніемъ основанія со слѣдствіемъ. *Нравственное чувство возникаетъ изъ нравственныхъ сужденій, оно есть ихъ ближайшее дѣйствіе на всѣ представленія, находящіяся на мицѣ въ сознаніи*. Названныя сужденія имѣютъ свое мѣстопробываніе въ немногихъ представленіяхъ, хотя и такихъ, которыя образуютъ другъ съ другомъ эстетическое отношеніе. Они всегда и непременно возникаютъ при каждомъ совмѣстномъ выступаніи послѣднихъ, *если и поскольку* остальной ходъ представленій не дѣлаетъ невозможными ихъ сліянія. Возникая,

они производятъ такое дѣйствіе, будто въ сознание внезапно вступаетъ нѣчто пріятное или непріятное (именно смотря по тому, что они содержатъ—одобрение или порицание). Этимъ онѣ или благопріятствуютъ наличному ходу мыслей, или же задерживаютъ его; причемъ нерѣдко наступаютъ и дѣйствія на организмъ (напр., стыдливая краска на лицѣ) и обратныя дѣйствія его.

Прежде, чѣмъ идти дальше, уже здѣсь можно замѣтить, что въ только что упомянутомъ вліяніи нравственныхъ сужденій на остальное представлiаніе, т. е. въ нравственномъ чувствѣ, видовая разница этого сужденія будетъ почти или совсѣмъ незамѣтной. Если несправедливость, или недоброжелательство, или трусость, или что нибудь другое чувствуется какъ нѣчто нравственно-превратное, то во всѣхъ этихъ случаяхъ бываетъ почти равнымъ то нарушеніе, которое вслѣдствіе этого можетъ потерпѣть только что проходящая нить мыслей. Въ этомъ отношеніи гораздо больше зависитъ отъ того, какъ относятся другъ къ другу находящіяся въ сознаниі представленія, какъ быстро протекаютъ ихъ ряды и т. д. Теперь же самой существенной задачей практической философіи является полное выясненіе видовой разницы различныхъ нравственныхъ основныхъ сужденій. Слѣдовательно, нравственное чувство, которое не показываетъ этой разницы, также не можетъ представить вышеупомянутой наукѣ ея принциповъ.

Если мы допустимъ, что желаніе только что намѣтило свой планъ (по § 236), и что, по мѣрѣ того какъ придумывалось средство для его выполненія, почувствовалась нравственная превратность этого средства; то это чувство дѣйствуетъ какъ препятствіе, останавливая теченіе представленій прямо такъ, какъ если не удастся поступокъ во внѣшнемъ мірѣ (219). Во время этой остановки происходитъ двоякаго рода вещь: во первыхъ, сильнѣе напрягаются тѣ представленія, которыя исходятъ изъ желанія, а, во вторыхъ, и нравственное сужденіе выигрываетъ время, чтобы выступить. Теперь спрашивается, связано ли это сужденіе съ напряженною массой мыслей, которая, все болѣе и болѣе распространяясь въ сознаниі, постепенно придавливаетъ вышеупомянутое напрягающееся желаніе, не страдая въ своемъ раз-

витіи отъ того непріятнаго чувства, въ которое превращается подавленное желаніе. Если этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ утвердительно, то самообузданіе находится на лицо.

**238.** Чисто нравственное самообузданіе, рѣшительное, однообразное во всякомъ дѣйстви и допущеніи, какъ можно болѣе воздерживающееся отъ низшихъ интересовъ и желаній, есть идеаль, который можно назвать *психическимъ организмомъ*, потому что къ нему относится такая связь и субординація представлений, которая не только была бы непрерывно цѣлесообразной какъ въ самыхъ малыхъ, такъ и въ самыхъ большихъ связяхъ, но и была бы способна цѣлесообразно усваивать всѣ вновь привходящія внѣшнія впечатленія. Въ этомъ заключается цѣль воспитанія и самообразования. Настолько человѣкъ можетъ приближаться къ этой цѣли, — въ общемъ нельзя опредѣлить, и потому стремленіе къ ней безгранично.

**239.** Какъ сила самообузданія никогда не бываетъ дѣломъ момента, и, скорѣе, есть результатъ всей прошлой жизни, такъ и не всякое время жизни можетъ быть одинаково рѣшительнымъ въ этомъ отношеніи. Значительный запасъ мыслей и чувствъ, для котораго уже не ожидается никакихъ сравнительно большихъ прибавокъ (вспомнимъ объ ослабѣвающей впечатлительности), впервые долженъ быть данъ на лицо прежде, чѣмъ можетъ имѣть мѣсто такая рѣшительная собранность духа, что человѣкъ въ общемъ могъ бы съ успѣхомъ заключать о самомъ себѣ. Если же это условіе выполнено (обыкновенно въ концѣ учебныхъ лѣтъ), то наступаетъ время для глубочайшихъ размышленій, для самаго необъятнаго пракческаго обдумыванія, потому что отъ тѣсноты связи, въ которую вступаютъ теперь представленія, отъ точнаго знанія своихъ искреннѣйшихъ пожеланій, до которыхъ доходить теперь человѣкъ, отъ правильнаго положенія во внѣшнемъ мірѣ, которое онъ теперь самъ себѣ приготовляетъ, зависитъ какъ сила, такъ и правильность того поведенія, котораго онъ будетъ впередъ придерживатся, и отъ этого именно зависитъ правильное усвоеніе всего новаго, которое будетъ принесено дальнѣйшимъ теченіемъ жизни.

---

## ШЕСТАЯ ГЛАВА.

**Психологическія разсужденія о назначеніи человѣка.**

**240.** Психологія всегда остается односторонней, пока она разсматриваетъ человѣка какъ одиноко стоящаго; потому что, съ одной стороны, онъ живетъ въ обществѣ и не только для этой персти; съ другой же стороны, и то и другое побуждаетъ къ различнымъ попыткамъ рисовать идеалы, прелесть которыхъ возвышаетъ ихъ до дѣйствительнаго духовнаго могущества.

Если взять какое нибудь общество въ цѣломъ, то единичныя личности относятся въ немъ почти такъ же, какъ представленія въ душѣ единичнаго человѣка, если общественныя связи достаточно тѣсны для того, чтобы являться посредниками взаимнаго вліянія. На мѣсто противоположности представленій выступаетъ борьба интересовъ; склонности и потребности къ общенію даютъ то, что изъ предыдущаго извѣстно подъ именемъ соединеній и слияній. Что многіе стѣсняются меньшинствомъ до утраты общественнаго значенія, что даже изъ меньшинства только немногіе принимаютъ участіе въ замѣтномъ разсужденіи, что всякое общество въ состояніи естественнаго равновѣсія принимаетъ указанную выше форму острія,—все это является непосредственнымъ слѣдствіемъ психическаго механизма, который имѣетъ здѣсь большое значеніе; его законы движенія здѣсь настолько же мало терпятъ совершенную остановку, какъ и въ индивидуумахъ; они же ведутъ за собою и воспроизведенія того, что, повидимому, уже исчезло,—воспроизведенія, которыя довольно часто дѣйствуютъ при помощи длинныхъ рядовъ общественныхъ связей. Примѣры этого рода, для людей, достигшихъ высшаго образованія, являются даже гораздо болѣе очевидными, чѣмъ внутреннее отношеніе подчиненныхъ массъ представленій къ высшимъ; именно—поскольку сами индивидуумы не достаточно осмотрительны и осторожны, чтобы уберечься отъ громкихъ и замѣтныхъ обнаруженій, потому что они, конечно, скрываются передъ грубою силою, если она стоитъ въ остріи; если же гдѣ нибудь тронъ становится ку-

шеткой, то въ обществѣ дѣло обстоитъ подобно тому, какъ въ тѣхъ индивидуумахъ, которые совсѣмъ не смотрятъ сами за собою.

**241.** Чтобы разсужденія этого рода были вполнѣ обстоятельными, нужно дать въ нихъ основанія политики по образцу первой части этого сочиненія. Тогда можетъ послѣдовать эмпирическое сопоставленіе того, что въ исторіи государствъ позволительно различать какъ пребывающее и измѣняемое. Мѣсто душевныхъ способностей, съ равнымъ поводомъ для критики, займетъ раздѣленіе трехъ мнимыхъ властей—законодательной, исполнительной и судебной, если только не предпочитаютъ разсматривать, на ряду другъ съ другомъ, различныя сословія и общественныя сферы. О состояніяхъ же государствъ будетъ говорить сама исторія. Наконецъ, въ соотвѣтствіе раціональной психологіи, прежде всего надо, по способу статистики, описать тѣло государства,—его основаніе и почву, вмѣстѣ съ тѣми отношеніями, которыя имѣютъ здѣсь мѣсто,—и взаимодействіе его съ духомъ, т. е. съ общественными расположеніями и взглядами; а затѣмъ, наконецъ, отъ философіи исторіи надо ожидать заключенія относительно истинной связи событій.

**242.** Предшествующее напоминаетъ о томъ, что философія исторіи зависитъ отъ психологіи, и что она не смѣетъ изслѣдовать путей Провидѣнія, которые, не смотря на часто повторяющіяся рѣчи о *міровомъ духѣ*, всетаки постоянно остаются темными. Именно, здѣсь имѣютъ мѣсто заблужденія, подобныя тѣмъ, какія бываютъ въ натурфилософіи, если въ ней такимъ образомъ смѣшиваются цѣлесообразность природы съ возможностью явленій жизни, какъ будто одно изслѣдованіе могло бы заразъ обнять и то, и другое, и даже, съ помощью сопоставленія того, что происходитъ передъ нами на землѣ, открыть образъ (типъ) всеобще-необходимаго теченія природы.

Извѣстно, что ни одна исторія извѣстныхъ государствъ и народовъ никогда не можетъ дать міровой исторіи въ собственномъ смыслѣ, или даже хотя бы чего нибудь такого, что приближалось бы къ ней; извѣстно, далѣе, что никакая теорія не можетъ дать объ этомъ понятія, сколько нибудь похожаго на истину; лучше сказать, извѣстно, что каждая,

даже отдаленная, попытка этого рода выставляет на видъ глупое забвеніе земной ограниченности: точно также извѣстно, что философія исторіи должна остерегаться вносить (*hineinzukünsteln*) систематическую цѣлостность (*Totalität*) въ различныя формы, въ которыхъ обнаруживаются исторически извѣстныя событія и общества, какъ будто одно образовало необходимое дополненіе къ другимъ и всѣ вмѣстѣ опредѣленно рѣшали общее представленіе человѣческаго духа. *Вся протекшая до сихъ поръ исторія* есть начало, продолженія котораго никто не можетъ предсказать, и положеніе вещей въ данное время на столько же мало является состояніемъ грѣховности, насколько и совершенства.

Подобно тому, какъ психологія имѣетъ въ виду погружающіяся и уже погружившіяся представленія, вмѣстѣ съ ихъ связями, чтобы не приходилось удивляться ихъ возобновленному восхожденію: точно также и философія исторіи должна доискиваться сдавленныхъ силъ и скрытыхъ въ нихъ зародышей лучшаго и худшаго; вмѣстѣ съ этимъ выяснится, при какихъ условіяхъ можетъ возникать хорошее и пробуждаться дурное, потому что во всѣ вѣка совѣтуется знать, что дѣлать и чего избѣгать. Чего воспитатель требуетъ отъ психологіи, того же приблизительно требуетъ государственный человѣкъ отъ философіи исторіи. Для обѣихъ являются одинаково вредными бреднями какъ слѣпая, ничего не допускающая, необходимость, такъ и абсолютная, ничего не устанавливающая, свобода. Педагогика и политика предполагаютъ подвижныя и гибкія силы, которыя, однако, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, достигаютъ опредѣленной формы, а мало по малу и прочнаго характера. Такія силы были указаны выше.

**243.** Нужный обзоръ того, о чемъ философія исторіи должна въ каждый моментъ спрашивать у каждаго государства, и установки и обоснованія чего она должна требовать, дается уже извѣстными условіями душевнаго здравія, которое здѣсь превращается въ здравіе гражданскаго тѣла. Правда, если бы захотѣли проводить параллель между шумнымъ стремленіемъ къ новшеству, бредомъ партій; который не излечивается никакимъ опытомъ, своевольнымъ отреченіемъ отдѣльныхъ сословій, коммунъ и провинцій отъ связи съ

общимъ порядкомъ и неизбѣжнымъ взаимодействіемъ, вялымъ и слѣпымъ перенесеніемъ такихъ разрушительныхъ превратностей и между бѣшенствомъ, безуміемъ, придурковатостью и тупоуміемъ: то такое сравненіе могло бы оказаться черезчуръ грубымъ и мало поучительнымъ, потому что его нельзя провести со всей строгостью. Но, конечно, состояніе здороваго и хорошо устроеннаго государства можно сопоставлять со спокойствіемъ духа, впечатлительностью, собранностью и взаимною опредѣляемостью всѣхъ представленій. Въ такомъ государствѣ всякій спокойно дѣлаетъ свое дѣло и тѣмъ не менѣе бываетъ внимателенъ и чутокъ къ голосу общей потребности; всѣ вмѣстѣ исполняютъ нужное, но и цѣлое получаетъ побужденія отъ всѣхъ частей. Послѣдній пунктъ можетъ явиться самымъ труднымъ; извѣстно же, что открытая жизнь не здорова, гдѣ она отрывается отъ дѣлъ меньшаго круга. вмѣсто того, чтобы по возможности вознаграждать его жертвы.

**244.** Люди, безъ сомнѣнія, чаще образуютъ свой общественный идеалъ по этому плану, чѣмъ такъ, какъ это собственно должно было бы происходить по наставленію практической философіи; потому что если въ обществѣ недостаетъ совмѣстнаго дѣйствія силъ, если въ немъ что нибудь стѣсняется, тормозится или бесполезно пропадаетъ, то это легко замѣчаютъ и порицаютъ какъ непристойное.

Подобно тому, какъ къ недостаточному можетъ примышляться лучшее, такъ и человѣкъ указываетъ себѣ мѣсто, которое онъ занялъ бы въ идеальномъ (*wie sie sein sollte*) обществѣ. Занятіе этого мѣста онъ мыслить какъ свое *назначеніе*. Приближеніемъ къ этому онъ считаетъ свою *должность* или такое положеніе и такую дѣятельность въ дѣйствительномъ обществѣ, которыя какъ можно болѣе походили бы на назначеніе.

Здѣсь, гдѣ всѣ планы по возможности объединяются, находится центръ его характера, хотя съ большими различіями, потому что концентрирующія здѣсь массы представленій не всегда обладаютъ прочнымъ господствомъ. Многіе могутъ думать о своемъ назначеніи только вообще въ минуты особаго подъема душевной жизни.

Если же характеръ долженъ совершенно созрѣть, то въ немъ должно существовать главное направленіе хотѣнія,



въ которому приспособляется всякое единичное хотѣніе. Въ этомъ случаѣ, понятіе человѣка о своемъ общественномъ назначеніи становится, такъ сказать, душою вышеупомяну- таго психическаго организма (238). Сколь различно уклоняется отъ этого отношеніе массъ представленій, настолько же бываютъ различны и формы характера.

Однако при этомъ еще обращаетъ на себя вниманіе большая разница между *планами* и *правилами* (максимами). Люди, разъ они нашли свою сферу, достигли, по собственному взгляду, своего назначенія, слѣдуютъ, ничего болѣе не желая, правиламъ мудрости, порядка, нравственности, права, долга; и точное, неукоснительное выполненіе этого служить основаніемъ ихъ внутренняго довольства.

Разсматриваемые какъ психологически, такъ и морально, эти характеры весьма отличаются отъ тѣхъ, которые живутъ по господствующему плану, т. е. или чего нибудь ищутъ, или, по меньшей мѣрѣ, что нибудь охраняютъ такимъ образомъ, чтобы оно не могло совершенно для нихъ пропасть. Правда, въ господствующей точности далеко не всегда можно найти совершенно чистую нравственность; лучше сказать, содержаніе принятыхъ правилъ отличается большимъ разнообразіемъ. Съ другой стороны, и понятіе назначенія и должности, изъ которой исходятъ планы, далеко не всегда бываетъ чуждо нравственности, скорѣе — основаніе этого понятія можетъ придать обществу самую правильную и самую чистую цѣнность. Но планы могутъ быть какими угодно: они могутъ содержать въ себѣ промахъ и придерживающійся ихъ можетъ погибнуть. Слѣдовательно, чтобы не погибнуть, онъ можетъ допустить примѣненіе дурнаго средства. По крайней мѣрѣ, онъ можетъ не избѣгать мыслей объ этомъ, а чрезъ это онъ станетъ наименее возможно меньше беспокоиться. Слѣдовательно, допуская равенство всего прочаго, мы должны признать: *характеры съ господствующими планами энергичнѣе, а характеры съ господствующими правилами чище.*

Тѣмъ не менѣе нельзя порицать того, что человѣкъ устанавливаетъ связь своихъ плановъ при помощи понятія своего назначенія, а эти планы — сообразно съ идеей общества; потому что, какъ бы ни было необходимо нравствен-

ное господство надъ своею внутреннею жизнью, оно слишкомъ мало для него, какъ главное занятіе. Единичный человекъ, зная непрочность своего земнаго существа, будучи отдѣленъ отъ общества, слишкомъ малъ, слишкомъ незначителенъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ, по меньшей мѣрѣ, нуждается въ семействѣ; но и оно не наполняетъ его поля зрѣнія. Напротивъ, его общественное назначеніе служить высшею цѣлью, которую онъ еще можетъ отчетливо видѣть; не видѣть ея было бы ограниченностью.

Однако, вмѣстѣ съ этимъ, даже въ сильнѣйшіе характеры приводитъ рядъ *страданій*. Пускай, при помощи правилъ и основоположеній, они могутъ нравственно выдерживать всѣ планы,— всё же они должны страдать, коль скоро ходъ общества уклоняетъ ихъ отъ ихъ назначенія—уже потому, что они, вмѣсто того, чтобы приближаться къ идеѣ, скорѣе удаляются отъ нея. При такихъ обстоятельствахъ, человекъ смотритъ еще выше; онъ смотритъ въ темную даль, и пытается, нельзя ли хотя тамъ, не бредя, начертать себѣ идеаль.

**246.** Назначеніе отдѣльнаго человека не можетъ ограничиваться земною жизнью, потому что душа вѣчна. Совершенно не зная повелѣній Провидѣнія относительно отдаленнаго будущаго, мы всетаки можемъ спрашивать, что должно происходить, безъ всякаго дальнѣйшаго содѣйствія, просто по психологическимъ законамъ, когда разрывается тѣлесная оболочка и разсѣваются ея разнородные элементы.

Прежде всего, исчезаютъ тѣ особенныя вліянія, которыя свойственно было испытывать тѣлу въ томъ возрастѣ, котораго достигъ человекъ; слѣдовательно, исчезаетъ препятствіе, которымъ ограничивались въ живости своего дѣйствія самыя старыя и самыя напряженныя представленія. Поэтому смерть прежде всего есть вообще переходъ къ молодости, хотя и безъ возвращенія къ дѣтству, потому что ни одна изъ постепенно образованныхъ связей представленій не можетъ снова разорваться. Однако послѣднее время земной жизни съ ея трудами и заботами ставится въ равновѣсіе со всѣмъ прошлымъ.

**247.** Въ то время, какъ движенія представленій опредѣляются вообще стремленіемъ къ равновѣсію, можетъ все-

таки встрѣтятся нужда въ большихъ пертурбаціяхъ между этими представленіями, пока они не достигнутъ равновѣсія; потому что показано, какъ изъ движеній возникаютъ новые законы движенія (207) и какъ бурное скопленіе представленій въ теченіи жизни (208) дѣлаетъ необходимой позднѣйшую переработку. Само собою ясно, что послѣ смерти это должно происходить совсѣмъ иначе, чѣмъ во время жизни среди чувственныхъ земныхъ вещей. Даже сновидѣніе совсѣмъ не похоже на это, потому что хотя внѣшнія чувства закрываются сномъ, однако онъ оказываетъ давленіе на представленія, такъ что законы ихъ связи дѣйствуютъ только отчасти, отчего и происходитъ карикатурность сновидѣній (216). А послѣ смерти, освободившись отъ тѣла, душа должна бодрствовать совершеннѣе, чѣмъ когда бы то ни было въ жизни.

**248.** Однако тотъ результатъ, который мало по малу даютъ стремящіяся къ равновѣсію представленія, въ двухъ человѣческихъ душахъ не можетъ происходить совершенно одинаково; лучше сказать, на него должны вліять всѣ различія земнаго существованія. Между тѣмъ какъ представленія рано умершаго дитяти очень скоро приближаются къ своему общему равновѣсію, и между тѣмъ какъ мысли человѣка, спокойнаго въ своей совѣсти и простаго въ своихъ поступкахъ и желаніяхъ, неспособны ни къ какимъ большимъ переворотамъ, — напротивъ, безпокойный, далеко хватающій, связанный міромъ, и вдругъ оторванный отъ него духъ можетъ не иначе достигнуть тишины вѣчности, какъ пройдя черезъ бурныя превращенія, которыя, по причинѣ всецѣло измѣненнаго состоянія, могутъ быть еще болѣе шумными и мучительными, чѣмъ тѣ, которыми у насъ такъ часто мучится страстный человѣкъ.

**249.** Наконецъ, по прошествіи того, что мы называемъ часами, днями, годами, для каждой души, насколько бы глубокой и спутанной ни была ея беспорядочность, должно наступить такое движеніе представленій, которое все слабѣе, все тише приближается къ общему равновѣсію, никогда не достигая его совершенно. Тогда для умершихъ умираетъ время; однако это происходитъ всетаки временнымъ образомъ: безконечно тихое колебаніе представленій, безконечно

слабый слѣдъ того, что мы называемъ жизнью, есть вѣчная жизнь.

**250.** Безъ возбужденія, но въ самомъ ясномъ бодрствованіи, душа теперь знаетъ и чувствуетъ все благородство и неблагородство своего прошлаго земнаго образа жизни, который она носитъ въ себѣ, какъ непреходящее назначеніе (*Bestimmung*) своего Я, а потому—какъ неотдѣляемое добро и горе, не будучи способной пожелать, чтобы ея состояніе могло быть другимъ.

Однако здѣсь нельзя проглядѣть, что въ неупорядоченныхъ душахъ, послѣ ихъ великихъ внутреннихъ переворотовъ, не можетъ уже существовать всей той бѣды, которую онѣ навлекли на себя въ тѣлесной оболочкѣ. Какъ разъ наоборотъ! Предметы желаній и краткое ослѣпленіе, которое поддерживалось ими, вмѣстѣ съ разстройствомъ тѣлеснаго состоянія бурными аффектами,—все это теперь далеко улетѣло; дѣтское спокойствіе,—если не совсѣмъ, то отчасти,—возвратилось, облегчило раненныя чувства и исцѣлило сумасбродство страстей. Какъ только исчезаетъ обманъ, выступаетъ истина. Громче и чаще говорить совѣсть; наконецъ, говорить только она одна; грѣшникъ обращенъ и раскаяніе теряетъ свое жало.

**251.** Провидѣніе допустило, чтобы людямъ на землѣ былъ данъ весьма различный жребій. Это различіе кажется намъ великимъ и важнымъ: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти оно можетъ быть очень уменьшено. Простыя чувственные воспріятія, —этотъ первый матеріалъ духовнаго существованія, —для всѣхъ одни и тѣ же; и уже краткая жизнь неговорящаго ребенка, при его большой впечатлительности, имѣетъ въ себѣ значительное количество ихъ. Много связей этой грубой матеріи, которыхъ не образовала своими опытами земная жизнь, принесетъ будущее, хотя и не давая новаго знанія (по крайней мѣрѣ, это въ общемъ было бы трудно доказать), но всетаки порождая спокойное благоденствіе. Если же только что нибудь изъ различія земнаго жребія переносится въ вѣчность, всегда еще отличая хорошихъ людей отъ дурныхъ, то всетаки жизнь для всѣхъ можетъ быть цѣлесообразной, и въ каждомъ индивидуумѣ, если онъ разсматривается одинъ, безъ всякаго сравненія съ осталь-

ными, Провидѣніе можетъ найти себѣ оправданіе относительно того, что позволило ему вступить въ земное существованіе.

**252.** Такимъ является далекое будущее, съ точки зрѣнія науки, у которой нѣтъ другихъ основаній, кромѣ нашего общаго человѣческаго опыта. Этимъ способомъ нельзя ничего утверждать. Вѣроятно, все устроено еще иначе, уже просто потому, что вообще является вѣроятнымъ какое нибудь Божественное устроеніе, а въ предшествующемъ было разсмотрѣно только то, *что могло бы слѣдовать само по себѣ, безъ всякихъ распоряженій.* Если этотъ послѣдній вопросъ хотять изслѣдовать строже, то возможность такого изслѣдованія расширится вмѣстѣ съ успѣхами статики и механики духа. Однако, подобно тому, какъ вся метафизика исходитъ изъ опыта и никакой опытъ безъ метафизики не ручается за чистое познаніе, точно также и метафизика не можетъ перешагнуть тѣхъ границъ, на которыхъ оканчивается необходимое развитіе понятій опыта.

---

## Указатель понятій.

**NB.** Сокращенія: П — „Психологія, какъ наука“, У — „Учебникъ психологіи“; цифры обозначаютъ §§.

- Абстракціи въ психологіи—П. 10.  
 Активный—П. 102.  
 Анализъ—П. 23.  
 Аномальныя состоянія—У. 142 сл.  
 Апперцепція—У. 39 сл.  
 Ассоціація представлений—П. 86 сл.;  
 У. 26, 92.  
 Аффекты—У. 104 сл.  
  
 Безконечность—У. 177, пр. 2.  
 Безсмысленное—У. 187.  
 Безсознательныя представленія—П. 48.  
 Безуміе—У. 144.  
 Боязливость—У. 101.  
 Бѣшенство—У. 145.  
  
 Вкусъ—У. 70.  
 Влеченіе—У. 110.  
 Вмѣненіе—У. 118, пр. 1.  
 Вниманіе—У. 62, 213.  
 Внутреннее воспріятіе—У. 39 сл.; см.  
 Внутр. чувство.  
 Внутреннее образованіе сущности—У.  
 157, 160.  
 Внутреннее чувство—У. 74, 123; П. 26.  
 Внѣшнее чувство—У. 68.  
 Водобоязнь—У. 145, пр.  
 Возвышенное—У. 100, пр.  
 Возрѣніе—см. Интуиція.  
 Возникновеніе представлений—П. 94.  
 Возрастъ—У. 130.  
 Воля—У. 223.  
 Воображеніе—У. 60, 90.  
 Воспримчивость: П. 94, 98, 99; У. 45.  
 Воспріятіе—У. 40.  
 Воспроизведеніе—П. 81 сл.; У. 26, 89 сл.  
 Время—У. 75, 171; П. 102.  
 Выборъ—У. 60, 226.  
 Высшее благо—У. 117.  
  
 Геніальность—У. 133.  
 Геометрическія понятія—У. 88.  
  
 Гордость—У. 149, закл. пр.  
 Государство—У. 243.  
  
 Данное—У. 63, прим. перев. на стр. 139.  
 Движеніе представлений—П. 40; У. 18.  
 Долгъ—У. 233.  
 Должность—У. 244.  
 Дополнительные понятія—П. 11.  
 Духъ (Gemüth)—У. 33.  
 Душа—У. 150, 33.  
 Дѣйствованіе—У. 218 сл.  
  
 Единство души—У. 22; П. 57.  
 Естественная исторія—У. 3.  
 Естественное право—У. 230, пр.  
 Естественное состояніе представлений—  
 П. 74.  
  
 Желаніе—У. 36, 107 сл., 218, 236.  
 Животный магнетизмъ—У. 149.  
 Жизненныя силы—У. 157 сл.  
  
 Загробная жизнь—У. 247 сл.  
 Задатки—У. 131 сл.  
 Задержка представлений—П. 39.  
 Закономѣрность душевной жизни—П.  
 введ.  
 Законъ—У. 230.  
 Заостреніе (Zuspitzung)—П. 100; У. 26,  
 d. 82, пр.  
 Затемненіе представлений—П. 36, 37.  
 Звуковая линія—У. 190.  
 Зрѣніе—У. 73.  
  
 Идеализмъ—У. 198, пр., 199.  
 Идеи практическія—У. 117, 233.  
 Изумленіе—У. 102, 216, с, а.  
 Инволюція—П. 100; У. 180.  
 Индивидуальность—У. 216.  
 Инстинктъ—У. 65, 110.  
 Интеллектуальная интуиція—У. 81, пр.  
 Интенсивная величина—У. 178.

Интересъ—У. 213.  
 Интуиція—У. 204.  
 Исторія—У. 241.

Категорическій постулатъ—У. 78.  
 Категоріи—У. 78, 193.  
 Контрастъ—У. 35, 102, 187.  
 Краниоскопія—У. 133, пр.

Личность—У. 202.  
 Логика—У. 180; прим. перев. на стр. 38.  
 Логическія формы—У. 78 сл.  
 Логическое одобреніе—У. 85.  
 Ложное—У. 187.  
 Любовь—У. 221.  
 Любопытство—У. 103.  
 Лѣнь—У. 149, закл. пр.

Максима—У. 117; см. Правило.  
 Матеріализмъ—У. 106.  
 Матеріаль психологія—У. 1.  
 Матерія—У. 156, 158, 177.  
 Матерія опыта—У. 63, прим. перев. на стр. 139.  
 Метафизика—П. 15, прим. перев.  
 Методъ—П. введ.  
 Методъ отношеній—П. 11, прим. перев.  
 Механика духа—П. 40; У. 13.  
 Механическій порогъ—У. 19; П. 77, 98, въ концѣ.  
 Мистики—У. 202.  
 Міровой духъ—У. 242.  
 Музыка—У. 188, пр.  
 Мышленіе—У. 211.  
 Мѣстопребываніе души—У. 163.

Навыкъ—У. 31, пр., 122.  
 Назначеніе—У. 244.  
 Наклонность—У. 112.  
 Напряженность представленій—П. 7, 94; У. 15.  
 Нарушеніе (Störung)—П. 94.  
 Нація—У. 138.  
 Непрерывность—П. 57.  
 Нравственное чувство—У. 237.  
 Нравственность—У. 117.

Обдумываніе—У. 114, 226.  
 Обоняніе—У. 71.  
 Общество—У. 240.  
 Общій порогъ сознанія—П. 47.  
 Общія понятія—У. 79.  
 Ожиданіе—У. 213, в.  
 Опытъ—У. 86.  
 Осмысливаніе—У. 210, пр.  
 Остатокъ (послѣ задержки представле- ній)—У. 12.  
 Осторожность—У. 117.  
 Осязаніе—У. 69.

Отвлеченіе—У. 180.  
 Отдыхъ—У. 20.  
 Ощущеніе—П. 100 („Сведеніе“).

Памѣть—У. 220, 224.  
 Пассивный—П. 102.  
 Перенесеніе—У. 82, е.  
 Планъ—У. 244.  
 Погруженіе (d. Sinken) представленій— П. 74.  
 Политика—У. 241.  
 Поль—У. 131.  
 Помощь (Hülfe)—П. 63, 86.  
 Понятіе—У. 179 сл.  
 Порогъ сознанія—П. 47; У. 16.  
 Правило—У. 244; см. Максима.  
 Представленіе П. 39, 94, 98; У. 155, 199.  
 Представленія, какъ силы—П. 39; У. 10 - 12.  
 Представляваніе, его степени—У. 11 - 12, 218; П. 36.  
 Представляющая вещь—У. 199.  
 Прекрасное—У. 177, пр. 3, 188, пр.  
 Преступникъ—У. 233, пр. 2.  
 Привычка—У. 112.  
 Придурковатость—У. 146.  
 Принципы: идеальныя и реальныя—П. введ.; метафизики и психологіи—П. 15.  
 Припоминаніе—У. 91, пр.  
 Провидѣніе—У. 159, 162, 165, 242, 246, 251.  
 Продукція—см. Возникновеніе представ- леній.  
 Пропорція задержки—У. 14; П. 42 сл.  
 Простота представленій—У. 10.  
 Пространство—П. 102; У. 75, 169.  
 Противоположность представленій—П. 39, 57; У. 10.  
 Противорѣчіе—П. 11, прим. перев.; пси- хологич. противор.—У. 6.  
 Психологизмъ—П. 16.  
 Психическій организмъ—У. 238.  
 Психологія—П. введ., 11, 14; У. 1.  
 Равновѣсіе представленій—У. 13.  
 Развитіе—У. 123; развитіе понятій— 179 сл.  
 Разсудокъ—У. 60, 62, 78, 236; практи- ческій разсудокъ—У. 116, 179; теоре- тич. разсудокъ—У. 179.  
 Разсѣянность—У. 149, закл. пр.  
 Разумъ—У. 56, 78, 115; чистый разумъ— У. 59; практическій разумъ—У. 117.  
 Раса—У. 135.  
 Реальныя принципы—П. введ.  
 Ревность—У. 149, пр.  
 Рефлексія—У. 123.  
 Рядъ—У. 29, 75 сл., 168, 178, прибав.; побочный рядъ—У. 178, прибавл., 7.

- Самолюбіе—У. 111, 149, прим.  
 Самонаблюденіе — У. 3; П. 2 — 3; см.  
 Внутр. чувство.  
 Самообразованіе—У. 238.  
 Самообузданіе—У. 228 сл.  
 Самосознаніе—У. 59, 197 сл.; П. 24 сл.;  
 раздѣленіе самосознанія —У. 149.  
 Самосохраненіе сущности—П. 94, 98;  
 У. 154 сл.  
 Сведеніе (Wölbung)—П. 100; У. 26, d,  
 82, пр.  
 Свобода воли—У. 59, 118.  
 Свободное восхожденіе представленій—  
 У. 17, пр.  
 Своеволіе—У. 149, пр.  
 Семья—У. 140.  
 Сила—У. 157.  
 Синтезь—П. 23.  
 Скорость движенія представленій — П.  
 40, 74.  
 Скрещиваніе рядовъ представленій —  
 У. 30.  
 Скука—У. 125.  
 Сліянiе представленій—П. 57, 67; У. 22.  
 Слухъ—У. 72.  
 Случайныя воззрѣнія—П. 67.  
 Смерть—У. 246.  
 Смѣшное—У. 100, пр.  
 Совѣсть—У. 231.  
 Соединеніе представленій—У. 22; П. 57.  
 Сознаніе—У. 16; П. 48.  
 Сонъ—У. 50, 149, 247.  
 Сопротивленіе представленій—У. 10.  
 Сплетеніе рядовъ представленій—П. 100.  
 Способности душевныя — П. введ., 10;  
 У. 2, 58, с. 59, пр., 61, 85, 144, 237.  
 Статика духа—П. 40; У. 13.  
 Статическій порогъ—П. 47; У. 19.  
 Статическій пунктъ—У., 14.  
 Степени представлiванiя, задержки,  
 противоположности —П. 39.  
 Страсть—У. 60, 113, 236.  
 Стремленіе представленій къ слiянiю—  
 П. 67.  
 Стремленіе къ представлiванiю—П. 36  
 сл., У. 11.  
 Стѣсненіе представленій—П. 39.  
 Субстанція—У. 86, 195.  
 Сужденіе—У. 80, 181.  
 Сумма задержки—П. 41 сл.; У. 14.  
 Сущность—У. 86, 150, пр. перев., 154,  
 162.  
 Темпераментъ—У. 132.  
 Тоска—У. 220.  
 Трансцендентальная свобода — У. 118,  
 пр. 2, 235, пр.  
 Трансцендентальныя понятія—У. 86 сл.  
 Тупоуміе—У. 147.  
 Углубленіе—У. 210, пр.  
 Умозаключеніе—У. 83.  
 Умопостигаемое пространство—У. 150.  
 Умъ (Verstand)—У. 78.  
 Умъ (Geist)—У. 33.  
 Упражненіе—У. 31, пр., 122.  
 Факты сознанія—П. 1, 4.  
 Фанатизмъ—У. 149, пр.  
 Фантазія—У. 207, 224.  
 Физика—У. 4.  
 Физиогномика—У. 133, пр.  
 Физиологическое давленіе—У. 50, 216, с.  
 Физиологическій отзвукъ—У. 51.  
 Физиологія—У. 5, 160.  
 Фикція—У. 150, пр.  
 Философія исторiи—У. 241 сл.  
 Философствованіе—У. 193.  
 Форма опыта—У. 63, прим. перев. въ  
 концѣ; У. 196.  
 Характеръ—У. 244.  
 Хотѣніе—У. 107, 218.  
 Цвѣтная поверхность—У. 190.  
 Цѣль воспитанія—У. 238.  
 Честолюбіе—У. 149, пр.  
 Число—У. 170 сл.  
 Чувственное удовольствіе—У. 60.  
 Чувственность—У. 56.  
 Чувство—У. 37, 95.  
 Эгоизмъ—У. 201.  
 Эстетическое пониманіе—У. 124.  
 Эстетическія сужденія—У. 34.  
 Эстетическое чувство — У. 60, 100.



## Указатель собственных именъ.

## NB. Сокращенія—тѣ же, что и выше.

- |  |   |
|--|---|
| <p>Аристотель—У. 193.</p> <p>Баумгартенъ—У. 108, пр.</p> <p>Вольфъ—У. 9, пр., 58, 60, 62.</p> <p>Гераклитъ—П. 16.</p> <p>Гомеръ—У. 103, пр.</p> <p>Горацій—У. 234, пр.</p> <p>Гофбауеръ—У. предисл., 96, пр.</p> <p>Декартъ—У. 74, пр., 193, с.</p> <p>Кантъ—У. предисл., 9, пр., 63, 78, 86, 105, 113, 118, пр. 2, 141, 179, 193, 237; П. 26, 102.</p> <p>Карусъ—У. 9.</p> <p>Краусъ—У. 145.</p> <p>Левкиппъ—П. 16.</p> <p>Лейбницъ—У. 9, пр., 75, пр., 152, 193, с.</p> <p>Локкъ—У. 9, пр., 75, пр., 96, пр.</p> | <p>Маасъ—У., предисл., 96, пр., 149.</p> <p>Наполеонъ—У. 107, 128.</p> <p>Ньютонъ—У. 92, пр.</p> <p>Пинель—У. 143.</p> <p>Пифагорейцы—У. 193; П. 16.</p> <p>Платонъ—У. 193, 198, пр.; П. 16.</p> <p>Рейль—У. 143.</p> <p>Сократъ—У. 193; П. 16.</p> <p>Спиноза—У. 81, пр.</p> <p>Тревиранусъ—У. 160, пр.</p> <p>Фихте—П. 24, 26.</p> <p>Шекспиръ—У. 92, пр., 103, пр. 2, 234, пр.</p> <p>Цицеронъ—У. 234, пр.</p> |
|--|---|

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе къ русскому переводу *Проф. А. И. Введенскаго.*

	<i>Стр.</i>
<b>О возможности и необходимости примѣнять въ психологіи математику . . . . .</b>	<b>5</b>
<b>Психологія какъ наука, вновь обоснованная на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ.</b>	
Введеніе . . . . .	27
I. О различныхъ способахъ, какими приобрѣтается общее знаніе о фактахъ сознанія (§§ 1—6) . . . . .	29
II. Объ общемъ свойствѣ всего того, что внутренно воспринимается (§§ 7—9) . . . . .	31
III. Почему мы бываемъ склонны прибѣгать въ психологіи къ помощи абстракцій? (§ 10) . . . . .	33
IV. Общее указаніе метода, чтобы пользоваться фактами сознанія, какъ принципами (§§ 11—13) . . . . .	34
V. Объ отношеніи психологіи къ общей метафизикѣ (§§ 15—16) . . . . .	37
VII. Планъ и раздѣленіе предстоящихъ изслѣдованій (§ 23) . . . . .	40

## ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

Изслѣдованіе „Я“ въ его ближайшихъ отношеніяхъ . . . . .	42
ПЕРВАЯ ГЛАВА. О философскомъ опредѣленіи понятія Я (§§ 24—26).	42
ВТОРАЯ ГЛАВА. Изложеніе заключающейся въ понятіи Я проблемы, вмѣстѣ съ первыми шагами къ ея разрѣшенію (§§ 27—29).	49
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. Подготовка математико - психологическихъ изслѣдованій (§§ 36—40) . . . . .	54

## ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Основныя черты статики духа.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. Сумма и пропорція задержки при полной противоположности (§§ 41—43) . . . . .	62
ВТОРАЯ ГЛАВА. Вычисленіе задержки при полной противоположности и первое указаніе пороговъ сознанія (§§ 44—48).	65

	<i>Стр.</i>
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. Измѣненіе предшествующаго при меньшей противоположности (§ 54). . . . .	69
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. О полныхъ соединеніяхъ представленій (§ 57).	70
ПЯТАЯ ГЛАВА. О неполныхъ соединеніяхъ (§ 63). . . . .	71
ШЕСТАЯ ГЛАВА. О слияніяхъ (§ 67) . . . . .	72

### ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

#### Основныя черты механики духа.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. О погруженіи представленій (§ 74) . . . . .	75
ВТОРАЯ ГЛАВА. О механическихъ порогахъ (§ 77). . . . .	78
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. О воспроизводимыхъ представленіяхъ, съ простѣйшей точки зрѣнія (§ 81). . . . .	79
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. Объ опосредствованномъ воспроизведеніи (§ 86). . . . .	79
ПЯТАЯ ГЛАВА. О временномъ возникновеніи представленій (§ 94).	81
ШЕСТАЯ ГЛАВА. Объ уменьшеніи и возобновленіи воспримчивости (§§ 98—99). . . . .	83
СЕДЬМАЯ ГЛАВА. Сведеніе и заостреніе воспроизводимыхъ представленій (§ 100) . . . . .	86
-----	
Что такое пространство и время? . . . . .	88

### Учебникъ психологій.

Изъ предисловія Гартенштейна къ пятому тому его изданія сочиненій Гербарта. . . . .	93
Предисловіе Гербарта къ первому изданію. . . . .	94
Введеніе (§§ 1—9). . . . .	97

### ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

#### Основанія психологій.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. О состояніяхъ представленій, когда они дѣйствуютъ какъ силы (§§ 10—12). . . . .	104
ВТОРАЯ ГЛАВА. О равновѣсіи и движеніи представленій (§§ 13—21).	106
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. О соединеніяхъ и слияніяхъ (§§ 22—32). . . . .	110
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. О представленіяхъ, какъ мѣстопребываніи душевныхъ состояній (§§ 33—38) . . . . .	118
ПЯТАЯ ГЛАВА. О взаимодѣйствіи нѣсколькихъ, неодинаково напряженныхъ, массъ представленій (§§ 39—43) . . . . .	122
ШЕСТАЯ ГЛАВА. Взглядъ на связь души съ тѣломъ (§§ 44—52).	124

## ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

## Эмпирическая психологія.

## ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

О душевныхъ способностяхъ, какъ о томъ, что имѣетъ видъ первоначально и существенно разнообразнаго въ человѣческомъ духѣ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. Обзоръ припятыхъ душевныхъ способностей (§§ 53—59) . . . . .	Стр. 127
ВТОРАЯ ГЛАВА. О пограничной линіи между низшими и высшими способностями (§§ 60—66) . . . . .	134
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. Способность представленія (§ 67) . . . . .	142
А. Внѣшнія чувства (§§ 68—73) . . . . .	143
В. Внутреннее чувство (§ 74) . . . . .	145
С. Формы ряда (§§ 75—77) . . . . .	146
D. Логическія формы (§§ 78—85) . . . . .	149
E. Трансцендентныя понятія (§§ 86—88) . . . . .	156
F. Воспроизведеніе (§§ 89—94) . . . . .	157
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. Способность чувствованія (§§ 95—98) . . . . .	160
А. О чувствахъ, обусловливаемыхъ качествомъ чувствуемаго (§§ 99—100) . . . . .	162
В. О такихъ чувствахъ, которыя зависятъ отъ расположенія духа (§ 100) . . . . .	164
С. О среднихъ и смѣшанныхъ чувствахъ (§§ 102—103) . . . . .	164
D. Объ аффектахъ (§§ 104—106) . . . . .	166
ПЯТАЯ ГЛАВА. Способность желанія (§§ 107—109) . . . . .	168
А. О низшихъ способностяхъ желанія (§§ 110—113) . . . . .	170
В. О высшихъ способностяхъ желанія (§§ 114—117) . . . . .	172
С. О свободѣ воли (§§ 118—119) . . . . .	174
ШЕСТАЯ ГЛАВА. О совмѣстномъ дѣйствіи и развитіи душевныхъ способностей (§§ 120—125) . . . . .	177

## ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

О душевныхъ состояніяхъ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. О всеобщей измѣняемости состояній (§§ 126—130) . . . . .	182
ВТОРАЯ ГЛАВА. О природныхъ задаткахъ (§§ 131—135) . . . . .	184
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. О внѣшнихъ вліяніяхъ (§§ 136—141) . . . . .	188
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. Объ аномальныхъ состояніяхъ (§§ 142—149) . . . . .	191
Заключительное замѣчаніе . . . . .	196

## ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

## Раціональная психологія.

## ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

## Метафизическія и натурфилософскія основанія.

Стр.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. О душѣ и матеріи (§§ 150—156) . . . . .	201
ВТОРАЯ ГЛАВА. О жизненныхъ силахъ (§§ 157—161). . . . .	204
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. О связи души съ тѣломъ (§§ 162—166) . . . . .	207

## ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

## Объясненія феноменовъ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. О представленіяхъ пространственнаго и временнаго (§§ 167—178). . . . .	211
Прибавленіе: О различіи рядовъ . . . . .	218
ВТОРАЯ ГЛАВА. Образованіе понятій (§§ 179—193). . . . .	220
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. О нашемъ пониманіи вещи и самихъ себя (§§ 194—204) . . . . .	228
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. О необузданной игрѣ психическаго механизма (§§ 205—227) . . . . .	239
ПЯТАЯ ГЛАВА. О самообузданіи, въ особенности о долгѣ, какъ психическомъ феноменѣ (§§ 228—239). . . . .	251
ШЕСТАЯ ГЛАВА. Психологическія разсужденія о назначеніи челоука (§§ 240—252) . . . . .	262
-----	
Алфавитный указатель: { а) понятій. . . . .	271
{ б) собственныхъ именъ. . . . .	274